ISSN 2708-1095

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

«ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Сборник научных трудов

Основан в 2017 году

Выпуск 7

В 2 частях
Часть 2

Минск
РИВШ
2023

УДК 94(47/49)«18»(082)

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 29 декабря 2022 г.)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук, проф. *И. А. Марзалюк* (пред.);
канд. ист. наук, доц. *С. Ф. Шимукович* (отв. за выпуск);
д-р ист. наук, проф. *В. А. Космач;*
д-р ист. наук, проф. *В. С. Кошелев;*
д-р ист. наук, проф. *Г. Г. Лазько;*
д-р ист. наук, проф. *С. И. Никонова* (Россия, Казань);
д-р ист. наук, проф. *И. Р. Чикалова;*
д-р ист. наук, проф. *В. И. Яковчук;*
канд. ист. наук, доц. *В. А. Сосно;*
канд. ист. наук, доц. *В. А. Теплова*

Editorial Board:

Corresponding Member of the NSA of Belarus, Doctor of History, Prof. *I. A. Marzalyuk* (chairman);
Doctorate in History, Associate Professor *S. F. Shimukovich* (rel. for the release);
Doctor of History, Prof. *V. A. Kosmach;*
Doctor of History, Prof. *V. S. Koshelev;*
Doctor of History, Prof. *G. G. Lazko;*
Doctor of History, Prof. *S. I. Nikonova* (Russia, Kazan);
Doctor of History, Prof. *I. R. Chikalova;*
Doctor of History, Prof. *V. I. Yakovchuk;*
Doctorate in History, Associate Professor *V. A. Sosno;*
Doctorate in History, Associate Professor *V. A. Teplova*

Д64 «**Долгий** XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы : исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 7 : в 2 ч. Ч. 2 / редкол. : И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2023. – 326 с.

Сборник научных трудов содержит научные статьи о разных аспектах развития Восточной Европы и современной Беларуси в период истории позднего нового и новейшего времени.

Включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии.

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей нового и новейшего времени Беларуси.

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2023

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, КОНФЛИКТЫ

УДК 93/94

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ДЕТСТВА XIX ВЕКА И ИХ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТЬ (НА МАТЕРИАЛАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Синова И. В.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье проведен анализ источников по истории детства XIX века на примере Санкт-Петербурга, которые разделены на семь основных групп. Среди них значительное место занимают письменные источники, как опубликованные (нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, статистические данные, периодические издания и др.), так и неопубликованные материалы, хранящиеся в центральных и региональном архивах. Рассмотрены также нарративы, художественная литература и визуальные (изобразительные) источники, которые демонстрируют элементы быта, досуга, одежды, увлечения, игры и пр. Проведенный в статье анализ позволяет сделать вывод о научно-познавательной ценности каждого из видов источников.

Ключевые слова: детство; исторические источники; Санкт-Петербург; делопроизводственные документы; нарративные источники; мемуары.

SOURCES ON THE HISTORY OF CHILDHOOD OF THE 19th CENTURY AND THEIR REPRESENTATIVENESS (BASED ON THE MATERIALS OF ST. PETERSBURG)

Sinova I. V.
Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

The article analyzes sources on the history of childhood of the 19th cnt. on the example of St. Petersburg, which are divided into seven main groups. Among them, a significant place is occupied by written sources: both published (normative legal acts, clerical documents, statistical data, periodicals, etc.) and unpublished materials stored in central and regional archives. The material sources are considered, first of all, visual (pictorial), which

demonstrate elements of everyday life, leisure, clothing, hobbies, games, etc. The analysis carried out in the article allows us to conclude about the scientific and cognitive value of each of the sources.

Keywords: childhood; historical sources; St. Petersburg; office documents; narrative sources; memoirs.

Система принципов и методов работы с историческими источниками сформировалась в России к середине XIX в., что в целом способствовало развитию исторической науки. И с тех пор полнота характеристик источников и их историческая критика находят свое продолжение в той или иной степени во всех научных исследованиях в области истории, постоянно обогащаясь оригинальными взглядами, методами и подходами. Одними из дискуссионных вопросов современного источниковедения являются споры о понятии исторического источника и проблема их классификации, которая является разнонаправленной и многослойной с учетом рассматриваемых вопросов и хронологического периода.

Выявление и критический анализ репрезентативных источников делает возможным реконструкцию истории детства XIX в. на примере Санкт-Петербурга с точки зрения антропологии, сословной и гендерной принадлежности, демографических характеристик, образования, воспитания, повседневной жизни и девиантного поведения. При этом классификация источников связана с дихотомией, главным критерием которой выступает сословная принадлежность детей. Источники по истории детства представителей дворянского сословия и детей трудящегося населения являются диаметрально противоположными как по их происхождению, так и по содержанию. Можно выделить семь основных групп исторических источников, относящихся к XIX в., которые традиционно делятся на письменные и вещественные.

Первая группа источников – это опубликованные законодательные и нормативные акты, которые применительно к XIX в. также носят сословный характер. Прежде всего – Свод законов Российской империи, Закон «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних», законы о юридических отношениях между родителями и детьми, усыновлению, наследованию, положению детей в обществе, наказанию малолетних и несовершеннолетних, уставы благотворительных заведений для детей, фабричное законодательство и т. д. [1–5]. Все эти законодательные акты являются базовыми для проведения любого исследования по истории детства.

Ко второй группе относятся как опубликованные, так и неопубликованные делопроизводственные документы, которые включают отчёты, инструкции, положения, справочные материалы, распоряжения, переписку, объяснительные записки, прошения, рапорты, хранящиеся в фондах разных учреждений Российского Государственного исторического архива (РГИА), Центрального Государственного исторического архива Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), Пушкинского дома (ИРЛИ РАН), Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) и т. д.

Данные материалы дают представление по вопросам экономики, образования, воспитания, повседневной жизни детей разных сословий, социальным проблемам, формам досуга, благотворительности, охране труда малолетних работников и учеников ремесленных мастерских, борьбе с эпидемиями среди детей. Отдельно следует обратить внимание на фонды РГА ВМФ. В соответствии со спецификой системы управления Российской империи командиры морских портов, в частности Кронштадта, относились к Морскому министерству и в их обязанности входило решение всех проблем, в том числе представителей разных сословий гражданского населения, включая детей, связанные со здравоохранением, борьбой с эпидемиями, образованием, благотворительностью, преступностью и другими формами девиаций и пр. Поэтому для специалистов в области социальной истории их изучение является возможностью ликвидации лакуны посредством введения в оборот новых исторических источников, связанных со спецификой решения вопросов повседневной жизни гражданского населения в военно-морских портах.

Значительную часть делопроизводственных документов составляют фонды Петроградского губернского правления (Ф. 254), Петроградской городской управы (Ф. 513), Канцелярии Петроградского градоначальника (Ф. 569), Петербургской ремесленной управы (Ф. 223), Петроградского уездного предводителя дворянства (Ф. 192), Петроградского дворянского депутатского собрания (Ф. 536), хранящиеся в ЦГИА СПб.

Для изучения истории детства представителей привилегированного сословия репрезентативный материал содержится в фондах личного происхождения, хранящихся в РГИА, в Рукописном отделе Института русской литературы Российской Академии наук (ИРЛИ РАН) – Пушкинском доме, в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Это дневниковые записи, личная и служебная переписка [6; 7].

Такой источник, как переписка, по своему содержанию заслуживает особого внимания и вызывает интерес исследователей, поскольку из нее можно извлечь фактический материал, информацию о событиях, ценностные ориентиры в обществе в целом. В частности, в фонде Совета детских приютов хранится переписка, относящаяся к середине XIX в., между Правлением Совета и благотворительными заведениями. Директор одного из приютов сообщает в письме об исполнении рекомендаций Совета в период борьбы с эпидемией холеры: «детям надеты байковые надбрюшники и теплые чулочки, бедные из них снабжены обувью, нанята нянька, кушанье приготовится скоромное» [8, л. 14]. В другом деле председательница Санкт-Петербургского Совета Детских приютов графиня Ю. Строганова предписывает детским учреждениям: «хлеб употреблять в пищу не слишком свежий, имея для сего, постоянно достаточный онаго запас, спеченного за день или за два, до раздачи» [9, л. 4–4 об.]. Эти документы отражают специфику своего времени и являются свидетельством особого взгляда на предотвращение эпидемии и организацию питания с учетом развития социума в середине XIX в.

Именно из писем как исторического источника исследователи узнают как о фактах человеколюбия, так и о жестоком обращении с детьми, в том

числе театральными антрепренерами, содержателями цирков, эксплуатировавших труд малолетних. В документах фонда Канцелярии Петроградского градоначальника (Ф. 569) ЦГИА СПб хранится разного рода переписка, в том числе в одном из писем от 1896 г. главу города из «человеколюбивых побуждений» просят обратить внимание «на безобразия, творящиеся на открытых сценах наших увеселительных садов. Сейчас мы были свидетелями как в зоологическом саду при 3-х градусах тепла и холодном ветре шла феерия "Синяя борода" при участии многочисленного балета из дам и детей. В одних трико с обнаженными руками и грудью. Они неизбежно обречены на гибельные заболевания. Не достаточно ли у нас и без того тифов и чахотки? <…>» [10, л. 2–2 об.]. В свою очередь канцелярия градоначальника не оставила без внимания данное письмо и обратилась к инспектору СПб столичного управления и попросила высказать свое заключение: «могут ли быть допускаемы к участию в цирках и других увеселительных заведениях на акробатических и иных сценических представлениях дети без вреда для их здоровья и физического развития и в отрицательном случае, с какого предельного возраста детям обоего пола могло бы быть разрешаемо участие в таковых представлениях» [10, л. 3]. В ответе губернатору из врачебного комитета говорится, что, «принимая в соображение, что в возрасте от 12 до 16 лет происходят самые важные изменения как в росте скелета, так и в развитии более важных для жизни внутренних органов; что эти физические изменения сопровождаются соответственными явлениями в духовной сфере, устанавливается темперамент и начинает определяться характер ребенка, нельзя не пожелать, чтобы дети ранее 16 лет вовсе не допускались к активному участию в акробатических представлениях на сцене» [10, л. 6–6 об.].

Эти три документа для исследователя позволяют получить, во-первых, фактический материал о формах эксплуатации детей; во-вторых, узнать о неравнодушных представителях гражданского общества, которые обращают внимание на детские проблемы; в-третьих, проследить правовую и бюрократическую систему рассмотрения подобных обращений. В этом архивном деле отсутствует информация о принятых мерах по данному конкретному письму, но регламентация использования детского труда у акробатов, в цирках и у антрепренеров происходила постепенно и на уровне постановления губернаторов [10, л. 8–8 об.].

Интерес для исследователей в области социальной истории вызывает широко распространенный в XIX в., такой источник, как прошение, которые характеризовали не только институт семьи и проблемы детей разных сословий, но и давали представление о прохождении дел в той или иной инстанции. Прошение могло носить как коллективный характер, так и индивидуальный, могло быть обращено Правлением Благотворительного общества к градоначальнику о разрешении на благотворительном вечере устроить лотерею, содержать просьбу о получении пенсии, пособия, определении детей в учебные заведения за казенный счет. Порой в них можно увидеть не только проблему, но и настоящую трагедию конкретной семьи.

В фонде Ремесленной управы ЦГИА СПб содержатся разнообразные документы о ремесленном ученичестве. В конце XIX в. широко практиковалось

отходничество подростков на обучение ремеслу из деревни или провинции в столицу, что являлось порой единственной возможной формой социальной мобильности. Данный выбор родителей далеко не всегда приводил к полноценному получению ребенком профессии, бывали случаи, когда переезд в столицу приводил и к нисходящей социальной мобильности и к попаданию в категорию маргиналов.

Среди документов фонда контракты между родителями и владельцами ремесленных мастерских на обучение, которые наряду с письмами и обращениями в Управу являются свидетельством низкой грамотности или безграмотности не только учеников ремесленных мастерских, но и их родителей, поскольку написаны, как правило, знакомыми или даже посторонними людьми, о чем сделаны специальные приписки в конце текста [11, л. 10]. Значительное место в фонде занимают жалобы на жестокую эксплуатацию в процессе обучения, неудовлетворительные условия быта, недостаточное питание и процесс их рассмотрения ремесленными цехами и Управой [12, л. 24; 13, л. 73].

К делопроизводственным документам также относятся отчеты. В частности, в отчетах СПб Совета детских приютов, благотворительных заведений, столичного мирового судьи, отдела защиты детей, попечительского комитета Дома милосердия содержится не только фактический, статистический и аналитический материал, но сведения о конкретных детях позволяют составить типологию детских проблем и причин отклоняющегося поведения [14–17].

Третья группа – труды и материалы деятельности комиссий, комитетов, совещаний и съездов. Это группа источников связана преимущественно с детьми трудящегося населения. Вопросы деятельности фабрик, заводов, ремесленных мастерских на рубеже XIX–XX вв. широко обсуждались представителями промышленности, юристами и общественностью на торгово-промышленных съездах. Выступления участников предоставляют возможность получить сведения не только об организации производства, но и о том, что связано с гигиеной труда, режимом работы, техникой безопасности, несчастными случаями с малолетними. Ряд социальных проблем общества, в том числе детские девиации рассматривались на шести съездах представителей русских исправительных заведений для малолетних, съезде по семейному воспитанию, по борьбе с пьянством, по борьбе с торгом женщин и его причинами [18–22]. Постановка проблем участниками свидетельствует о расстановке приоритетов общественности на рубеже XIX–XX вв. с точки зрения гуманистических принципов по отношению к детям и их виктимизации.

К четвертой группе относятся статистические материалы о движении населения, сведения о его численности по возрасту полу, семейному положению, происхождению, сословной и конфессиональной принадлежности. Центральным источником для получения статистических сведений о численности жителей Санкт-Петербурга по возрастам, происхождению, занятиям, жилищным условиям являются результаты первой всеобщей переписи

населения Российской империи 1897 г., а также опубликованные данные городских переписей, которые проводились в столице раз в 10 лет и являются чрезвычайно репрезентативным источником [23; 24]. Данные по жилищным условиям петербургской семьи собирались в процессе однодневных переписей в столице Статистическим отделением Городской Управы [25]. Опубликованные итоги переписей по Санкт-Петербургу, статистических ежегодников, статистики несчастных случаев в промышленности позволяют изучить демографические характеристики жителей столицы и уровень их образования, выделив малолетних детей, а также составить картину по несовершеннлетним, занятым по отраслям промышленности, случаям травматизма среди них и квалификации работников. Важное место для создания общей картины социально-экономического развития столицы являются статистические сведения по начальному образованию [26].

Пятая группа состоит из источников личного происхождения, которые включают мемуары, эпистолярный жанр, дневники, автобиографии и др. Они хоть и носят субъективный характер, но занимают важное место, и способствуют эмоциональному восприятию, отражают личные оценки и мнения о событиях, фактах, поступках и человеческих взаимоотношениях.

Если малолетние рабочие и ученики ремесленных мастерских не вели дневников как по причине недостаточной грамотности, так и из-за отсутствия времени на данный вид деятельности, ради борьбы за выживание, то для представителей дворянского сословия с детского возраста они являлись широко распространенной формой описания своей повседневной жизни и главным доверителем юношеских переживаний [27].

Аналогичная ситуация сложилась и с мемуарами. На сегодняшний день опубликовано более 100 нарративов представителей дворянского сословия и интеллигенции прямо или косвенно написавших о своем петербургском детстве, семье и учебе. Среди них мемуары А. Г. Достоевской, М. Ф. Кшесинской и др. [28; 29]. При этом нарративы рабочих о трудовой деятельности в годы малолетства и представителей купечества о своем детстве представляют несомненную ценность. Н. Самсонов рассказал о тяжелых условиях жизни в отходничестве в Петербурге, когда его в 10-летнем возрасте отдали за 6 рублей в «мальчики» к хозяину чайных магазинов [30]. Ученица столичной белошвейной мастерской М. И. Ключева в своих воспоминаниях конца XIX в., рассказывает о режиме и условиях труда, быта, отдыха, питании и досуге в период ученичества [31]. В воспоминаниях выходца из купеческого сословия Н. А. Лейкина и художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой описываются детские впечатления о взаимоотношениях с родителями, друзьями, учеба, проведение досуга [32; 33]. Материалы личного происхождения по истории детства раскрывают подробности детской жизни, которые в силу специфики источников отсутствуют в официальных документах.

Воспоминания о детстве являются специфическим историческим источником, который позволяет понять, с одной стороны, многовариантность детства в конкретных исторических условиях, для определенной социальной группы, а с другой стороны, они дают представление о том, как собственное детство осмысливается конкретным человеком.

Дневники Ф. М. Достоевского 1876 г., прежде всего сюжеты «Мальчик с ручкой», «Мальчик у Христа на елке», а также о посещении писателем СПб Земледельческой колонии – это не только блестящий литературный стиль, но и личный взгляд на детали не легкой повседневной жизни детей [34].

К шестой группе относится периодическая печать. Среди журналов особый интерес в качестве исторического источника для научной критики вызывают остросоциальные и проблемные статьи в журналах «Вестник воспитания», «Вестник Европы», «Русское богатство», «Вестник общественной гигиены и судебной и практической медицины», «Журнал Министерства юстиции», «Детская помощь», «Трудовая помощь» и др., а также газеты «Биржевые ведомости», «Петербургский листок», «Северный курьер» и др. Источниковедческий анализ публикаций в журналах и газетах особенно второй половины XIX – начала XX в. юристов, врачей, педагогов, психологов и представителей общественности позволяет определить круг актуальных проблем, которые вызывали оживленные дискуссии в прессе как постановкой проблемы, так и поиском путей ее решения, связанных с охраной труда, травматизмом и гигиеной малолетних на производстве и в ремесленных заведениях.

Седьмую группу составляют визуальные (изобразительные) источники, к которым относятся фотографии, фильмы, произведения искусства, прежде всего, живопись, графика, рисунки, позволяющие выявить элементы быта, досуга, одежды, увлечения, игры и в целом повседневной жизни. На визуальные источники ученые обратили пристальное внимание только с 1980-х годов, несмотря на то, что истоки использования фотографий и кинодокументов в социально-гуманитарных исследованиях берет начало в первой половине XX в. Именно в данный период ученые-историки выделили изобразительные источники в отдельный тип объектов исследования.

Восьмая группа источников – это художественная литература, способствующая реконструкции взаимоотношений в семье и повседневной жизни. Среди художественных произведений, которые можно рассматривать как исторический источник по истории детства роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Воспоминания пропащего человека» Н. И. Свешникова [35; 36]. Примером художественной литературы как исторического источника, отражающего социальную реальность труда подростков является и стихотворение поэта Н. А. Некрасова:

«В золотую пору малолетства
Всё живое счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелося
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим – вертим – вертим!» [37]

Каждый вид исторических источников имеет свою научно-познавательную ценность, а совокупное их использование и источниковедческая критика являются гарантией объективного восстановления целостной картины истории детства XIX века.

Список использованных источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – СПб, 1900. – Т. 17. – № 14233. – С. 357–364.

2. *Гуревич, И. Б.* Родители и дети. С приложением постановлений, действующего законодательства, определяющего взаимные отношения родителей и детей / И. Б. Гуревич. – 2-е изд. – СПб.: изд. Я. Канторовича, 1899. – 211 с.

3. Законы о детях. Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената / сост. Я. А. Канторович. – СПб.: изд. Я. А. Канторовича, 1899. – 330 с.

4. Закон от 7 августа 1845 г. «О воспрещении фабрикантам назначать в ночные работы малолетних менее 12-летнего возраста» // ПСЗ РИ (1825–1881). – Т. XX (1845). – Ч. I. № 19262.

5. Закон от 1 июня 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» // ПСЗ РИ (1881–1913). – Т. II (1882). – № 931.

6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 760. – Таганцев Н. С.

7. Отдел рукописей института русской литературы РАН (ОР ИРЛИ РАН). – Ф. 134. – Кони А.Ф.

8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). – Ф. 411. Оп. 2. Д. 32.

9. ЦГИА СПб. – Ф. 411. Оп. 2. Д. 71.

10. ЦГИА СПб. – Ф. 569. Оп. 11. Д. 1215.

11. ЦГИА СПб. – Ф. 223. О.1. Д. 3384.

12. ЦГИА СПб. – Ф. 223. Оп. 1. Д. 3335.

13. ЦГИА СПб. – Ф. 223. Оп. 1. Д. 5269.

14. Всеподданнейшие отчёты по СПб Совету детских приютов за 25 лет с 1837 по 1862. – СПб., 1862. – 159 с.

15. *Окунев, Н. А.* Особый суд по делам о малолетних. Отчет С-Петербургского столичного мирового судьи за 1910 г. / Н. А. Окунев. – СПб., 1911. – 190 с.

16. Отдел защиты детей в Санкт-Петербурге. Отчёт за 1897 г. – СПб., 1898. – 38 с.

17. Отчёт попечительского комитета Санкт-Петербургского Дома милосердия, состоящего под высоким покровительством Ея императорского высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской за 1907 г. – СПб., 1908. – 51 с.

18. Труды Высочайше разрешённого I съезда представителей русских исправительных заведений для малолетних. Издание К. В. Рукавишникова. Изд. 2-е. – М.: Типография В. Ф. Рихтер, 1887. – 176 с.

19. 2-й съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России 1895-96. XIV секция – ремесленного ученичества в мастерских. – СПб.: «Владимирская» Паровая Типо-Лит. Мордуховскаго, 1898. – 183 с.

20. Труды I съезда русских деятелей по общественному и частному призрению 8–13 марта 1910 г. – СПб., 1910. – 286 с.

21. Труды первого Съезда деятелей по вопросам суда для малолетних. – Санкт-Петербург. 1913 г. Декабрь. – СПб., 1915. – 367 с.

22. Труды I Всероссийского съезда по семейному воспитанию. СПб, 30.12.1912-06.01.1913 гг. в 2-х томах. – СПб., 1914. – 775 с.

23. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общие сведения по империи результатов разработки данных Первой Всероссийской переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. – СПб., 1905. – 564 с.

24. Санкт-Петербург по переписи 15 декабря 1890 года. [В 4 ч.] / Под ред. заслуж. проф. Ю. Э. Янсона. – Санкт-Петербург: Гор. управа по Стат. отд-нию, 1892. – 680 с.

25. Статистический ежегодник С-Петербурга. Материал по статистике СПб. Год первый. 1881. – СПб., 1882. –184 с.

26. Статистические сведения по начальному образованию в российской империи. Выпуск третий. Опыт сравнительного обозрения успехов начального народного образования в разных местностях Российской империи (с 10 графическими таблицами, в особом приложении). Редакция В. И. Фармаковского. – СПб.: Типография СПб акц. общ. печатного и писчебумажного дела «Слово», 1902. – 200 с.

27. Смольный институт. Дневники воспитанниц. – М.: ООО «ТД Алгоритм», 2017. – 213 с.

28. *Достоевская, А. Г.* Воспоминания / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. – М.: Правда, 1987. – 544 с.

29. *Кшесинская, М. Ф.* Воспоминания / М. Ф. Кшесинская; пер. с фр. Л. Папилиной. – Смоленск: Русич, 1998. – 416 с.

30. *Самсонов, В. А.* Записки кондопожанина. Очерки о людях, жизни и природе / В. А. Самсонов. – Кондопога, 1997. – 137 с.

31. *Ключева, М. И.* Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 / М. И. Ключева // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. – СПб.: Atheneum-Феникс, 1997. – Вып. 3. – С. 164–232.

32. *Лейкин, Н. А.* Мои воспоминания / Н. А. Лейкин // Петербургское купечество в XIX веке. – СПб.: «Гиперион», 2003. – С. 121–256.

33. *Остроумова-Лебедева, А. П.* Автобиографические записки / А. П. Остроумова-Лебедева; сост., автор вступ. ст. и прим. Н. Л. Приймак. – М.: Центрполиграф, 2003. – Т. 1–2. – 631 с.

34. *Достоевский, Ф. М.* Дневник писателя 1876 г. Собрание сочинений в пятнадцати томах / Ф. М. Достоевский. – СПб.: «Наука», 1994. – Т. 13. – 542 с.

35. *Достоевский, Ф. М.* Преступление и наказание. Собрание сочинений в 15-ти томах / Ф. М. Достоевский. – Л.: «Наука», 1989. – Т. 6. – 422 с.

36. *Свешников, Н. И.* Воспоминания пропащего человека / Н. И. Свешников. – М.: изд-во Новое литературное обозрение. 1996. – 319 с.

37. *Некрасов, Н. А.* Плач детей / Н. А. Некрасов // Полн. собр. стихотворений: в 3 т. – Л.: Сов. писатель, 1967. – Т. 2. – С. 152.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 94(476)

ДАВЫД-ГАРАДОЦКАЯ АРДЫНАЦЫЯ РАДЗІВІЛАЎ У 1830–1875 ГГ.

Вабішчэвіч А. М.
Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А. С. Пушкіна, Брэст, Беларусь

Артыкул прысвечаны гісторыі адной з буйных памешчыцкіх латыфундый у Заходнім Палессі – Давыд-Гарадоцкай ардынацыі Радзівілаў (не была самастойнай, існавала разам з Клецкай ардынацыяй) у 1830–1875 гг., калі яе ўзначальваў Леў Радзівіл, які стаў генерал-ад'ютантам расійскай арміі. Спачатку адміністрацыя ардынацыі правяла адчужэнне некаторых зямель у мясцовых сялян, дваран (шляхты), мяшчан, духавенства, што выклікала працяглыя канфлікты і судовыя разбіральніцтвы. Пасля адмены прыгоннага права ў Расійскай імперыі ў 1861 г. гэтыя ўзаемаадносіны сталі яшчэ больш напружанымі. У 1875 г. маёнткі Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі былі перададзены ў вотчыннае валоданне нясвіжскаму ардынату Антонію Радзівілу.

Ключавыя словы: Радзівілы; ардынацыя; Давыд-Гарадок; судовыя позвы; выкупныя плацяжы.

THE DAVID-HARADOK ORDINATION OF THE RADZIVILS IN 1830–1875

Vabishchevich A. M.
Brest State University named after A. S. Pushkin, Brest, Belarus

The article is devoted to the history of one of the large landowners' latifundia in Western Polessy – the David-Haradok ordination of the Radzivils (it was not independent, it existed together with the Kletsk ordination) in 1830–1875, when it was headed by Leo Radzivil, who became the adjutant general of the Russian army. First, the administration of the ordination expropriated some lands from local peasants, nobles, burghers, and clergy, which caused long-term conflicts and court proceedings. After the abolition of serfdom in the Russian Empire in 1861 these relations became even more tense. In 1875, the estates of the Kletsk and David-Haradok ordinations were transferred to the patrimonial possession of the Nesvizh ordinate Antony Radzivil.

Keywords: Radzivils; ordination; David-Haradok; lawsuits; redemption payments.

У замежнай і айчыннай навуцы на цяперашні час ужо ёсць нямала даследаванняў, прысвечаных гісторыі ардынацый Радзівілаў (асабліва Нясвіжскай, Алыцкай). Пакуль яшчэ слаба вывучана мінулае Давыд-Гарадоцкай ардынацыі Радзівілаў, заснаванай у 1641 г. (яна была злучана з Клецкай ардынацыяй, а стала поўнасцю самастойнай толькі ў пачатку XX ст.). Функцыянаванне памесцяў Радзівілаў на Палессі ў 1861–1914 гг. прааналізавана В. Кахновічам [1–2]. Пэўныя аспекты гісторыі Давыд-Гарадоцкай ардынацыі

ў XIX ст. закрануты ў асобных публікацыях пра Радзівілаў В. Папко, У. Каралёнка, А. Федарука і іншых беларускіх навукоўцаў.

Аднак становішча Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ў перадрэформенны час і ў пачатку парэформеннага перыяду ў Расійскай імперыі, калі клецкім ардынатам у 1830–1875 гг. быў Леў Радзівіл, не было прадметам асобнага вывучэння. У папярэдняй публікацыі намі часткова прааналізаваны агульны стан, гаспадарчая дзейнасць ардынацыі ў гэты прамежак часу ў кантэксце яе гісторыі ў XIX – пачатку XX ст. [3]. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца раскрыццё асноўных напрамкаў дзейнасці Давыд-Гарадоцкай ардынацыі, калі яе ўзначальваў згаданы Л. Радзівіл. Для гэтага пастараемся ахарактарызаваць асобу ардыната, адлюстраваць характар узаемаадносін адміністрацыі ардынацыі ў паўсядзённым жыцці з рознымі сацыяльнымі групамі, мясцовымі органамі кіравання, а таксама паказаць аб'яднанне Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі з Нясвіжскай ардынацыяй.

Пасля смерці князя Людвіка Мікалая Радзівіла ў 1830 г. наступным клецкім ардынатам стаў яго сын Леў (Леон) Радзівіл. Ён нарадзіўся 26 сакавіка (ахрышчаны 1 мая) 1808 г. у Варшаве. У 17-гадовым узросце пачаў вайсковую кар'еру ў расійскай арміі. У 1825 г. быў прызначаны юнкерам у лейб-гвардыі Гродзенскі гусарскі полк, праз год за службовую «ревность и прилежность» узведзены ў карнеты. Прымаў актыўны ўдзел у падаўленні польскага (Лістападаўскага) паўстання, за што ўзведзены ў 1831 г. у паручнікі («за отличие в сражениях») і ўзнагароджаны ў 1832 г. ордэнам Св. Уладзіміра 4-й ступені («в воздаяние ревностной службы … отличного мужества и храбрости … при штурме Варшавских укреплений») [4, s. 8–9; 5, с. 168]. А 25 чэрвеня 1832 г. быў прызначаны флігель-ад'ютантам расійскага імператара Мікалая I. У фармулярным спісе князя Л. Радзівіла ад 6 мая 1835 г. адзначана наступнае: «Из дворян Минской губерни. У него состоит в Минской и Гродненской губерниях 8000 душ крестьян. … Российской, французской и польской грамоте читать и писать умеет. Историю, географию и арифметику знает. Женат на княгине Урусовой. … Слабым в отправлении обязанностей службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал» [4, s. 11–20].

Князь прымаў удзел у падаўленні рэвалюцыі 1848–1849 гг. у Венгрыі, у Крымскай вайне. Ён выконваў розныя даручэнні расійскага імператара: у 1839 г. камандзіраваны ў Мінскую губерню для вырашэння пытання з рэкруцкім наборам, у 1842 г. накіраваны ў Перм для расследавання пажара, які здарыўся 14 верасня таго ж года, і інш. Даслужыўся да палкоўніка (1845 г.), генерал-лейтэнанта (1855 г.), генерала кавалерыі (1869 г.). Меў цэлы шэраг узнагарод: ордэн Св. Станіслава 2-й ступені (1840 і 1855 гг.); ордэн Св. Ганны 2-й ступені (1847 г.); ордэн Св. Георгія 4-й ступені (1854 г.) і інш. [4, s. 35, 37–38, 40, 46, 48, 70, 72, 74–76].

У 1833 г. князь Л. Радзівіл ажаніўся з фрэйлінай, княгіняй Соф'яй Аляксандраўнай Урусавай. У іх сям'і не было дзяцей. Шлюб не стаў шчаслівым. З-за службовай занятасці князя падоўгу жылі паасобку. Пазней яго шлюбная нявернасць была падставай для скандалаў і судовых разбіральніцтваў. Паводле ўказа Сената ад 19 верасня 1861 г. княгіня атрымала ў пажыццёвае валодан-

не маёнтак Цімкавічы з фальваркамі (Слуцкі павет). У канцы 1866 – пачатку 1867 г. пры Дзяржаўным Савеце ў Пецярбургу дзейнічала асобная следчая камісія па вырашэнні нязгоднасцей, якія ўзніклі паміж князем Л. Радзівілам і яго жонкай, дзе разглядаўся падзел маёмасці шлюбнай пары. Асобным актам 18 мая 1867 г. С. Радзівіл атрымала ад Л. Радзівіла пажыццёвае штогадовае ўтрыманне ў памеры 17 тыс. рублёў серабром [6, s. 12–17; 7, арк. 5–6 адв.]. Княгіня памерла ва ўзросце 85 гадоў 17 ліпеня 1889 г. у Парыжы, дзе і пахавана на могілках Монмартр.

Бяздзетны Л. Радзівіл перадаў усю маёмасць Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі нясвіжскаму ардынату Антонію Радзівілу ўзамен на пажыццёвую рэнту. Апошнія гады свайго жыцця праводзіў пераважна ў Парыжы, дзе і памёр 27 снежня 1884 г. Л. Радзівіл быў пахаваны ў радавым пантэоне ў касцёле Божага Цела ў Нясвіжы.

Непасрэдна кіраўніцтвам Давыд-Гарадоцкай ардынацыяй займалася яе адміністрацыя. На падставе зацверджанага 31 кастрычніка 1834 г. даклада камісіі аб памесцях Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі з іх была выдзелена чвэрць (Цецеравец, Геленова, Малая Горка, Логвінавічы, Мервіны, Вялікія Астроўчыцы, Малыя Астроўчыцы, Заельна) на пакрыццё даўгоў папярэдніх ардынатаў і перададзена ў распараджэнне Мінскай палаты грамадзянскага суда (у 1867–1883 гг. – Мінскай аб'яднанай палаты крымінальнага і грамадзянскага суда), якая на таргах здавала гэтыя памесці і фальваркі ў арэнду, а атрыманыя грошы накіроўвала на аплату тых даўгоў крэдыторам Радзівілаў і пазямельнага збору ў дзяржаўную казну.

Даклад камісіі аб Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі стымуляваў рашучыя дзеянні яе адміністрацыі. У 1838 г. у Давыд-Гарадок быў накіраваны з Мінска губернскім начальствам чыноўнік па асобых даручэннях Багдановіч «для отобрания земель, принадлежащих к Давид-Городокской ординации». Пры выкананні гэтага распараджэння некаторыя землі ў мясцовых дваран (шляхты), мяшчан, сваішчэннікаў і сялян былі забраны і перададзены Л. Радзівілу. Гэта прывяло да цэлага шэрагу канфліктаў і спрэчак, судовых разбіральніцтваў, якія не заўсёды вырашаліся на карысць ардынацыі.

Так, 12 чэрвеня 1842 г. Дзяржаўным Саветам было зацверджана заключэнне Сената ў Пецярбургу, што камісія аб Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі не разглядала дакументы на «право вотчинничества» скаржнікаў. 27 кастрычніка 1859 г. Мінская грамадзянская палата не задаволіла прэтэнзіі жыхароў вёсак Альпень і Рубель Мазырскага павета на зямельныя ўчасткі, якія адміністрацыя ардынацыі адабрала ад іх. Пасля апеляцыі Сенат 8 студзеня 1864 г. адмяніў гэтае рашэнне: скаржнікам была пакінута зямля ў поўнай уласнасці [8, арк. 11–11адв.].

Пасля адмены прыгоннага права ў 1861 г. характар узаемаадносін паміж адміністрацыяй ардынацыі і сялянамі стаў больш напружаным, асабліва ў сувязі са складваннем выкупных актаў. Акрамя таго, захаванне сервітутаў, цераспалосіцы з суседнімі шматлікімі гаспадаркамі дробнай шляхты, мяшчан, духавенства і сялян таксама ўскладнялі ўзаемаадносіны. Нярэдка на землях і ў лясах ардынацыі адбываліся патравы, самавольны выпас жывёлы, пакос лугоў, высечка лесу, браканьерства і інш.

Для праверкі выкупных плацяжоў і складання выкупных актаў былі створаны паверачныя камісіі. Напрыклад, сяляне вёскі Манькавічы Пінскага павета скардзіліся на тое, што «пахотные поля все песчаные, в озимом сеют одну рожь», на «совершенную бедность их построек, низменное расположение огородов, заливаемых в большую воду на равных с сенокосами и неимение зароботков, кроме найма на сплавы». А ўпаўнаважаны Л. Радзівіла сцвярджаў, што ў сялян былі сугліністыя ворыўныя землі, лічыў выгадным для іх «обилие сенокосов, пастбищ, расположение в одном обрубе всего крестьянского надела, близость сплавной реки Горынь, дающей крестьянам значительные зароботки, … право рыбной ловли по р. Горынь и её заливах в пределах крестьянского надела» [9, арк. 41–41адв.].

Паверачная камісія высветліла, што ў сялян вёскі Хотамель памесця Манькавічы было «дурное качество усадеб, огородов и выпуска, недостаток и неудовлетворительное качество пастбищ, неимение топлива, разбросанность и отдаленность пахотных и сенокосных угодий, подвергаемых затоплению, удаление от торговых мест и затруднительность в приискании заработков и нищенское состояние крестьянских хат» [9, арк. 5]. Таму разрад зямлі зменшылі на тры ступені – да 36 капеек за дзесяціну. Акрамя таго, гэтыя сяляне страцілі ранейшую магчымасць свабодна лавіць рыбу ў азёрах. Упаўнаважаны князя Л. Радзівіла аспрэчваў іх права на лоўлю рыбы ў азёрах, бо яны былі абкружаны памешчыцкім лесам, а таксама таму, што «в тех озерах плодятся бобры, что составляет особую доходную статью». Пасля разбіральніцтва паверачная камісія пастанавіла: «в домогательстве крестьян на право пользования рыбными ловлями в выше упомянутых озерах отказать, оставив их в распоряжении владельца» [9, арк. 2]. 29 лістапада 1865 г. сяляне в. Хотамель накіравалі ў Мінскую губернскую па сялянскіх пытаннях прысутнасць прашэнне аб ліквідацыі цераспалосіцы сваіх зямель з лесам ардынацыі, вяртанні забранага ў 1857 г. ардынацыяй іх зямельнага ўчастка, дазволе рыбалоўства [10, арк. 19–19 адв.].

16 снежня 1864 г. у Мінскую губернскую па сялянскіх пытаннях прысутнасць звярнуліся сяляне Піліп, Сямён, Фёдар і Тарас Скрабцы з вёскі Вялікія Арлы аб вяртанні ім трох валок зямлі, падараванай у 1570 г. князем Альбрэхтам Радзівілам іх продку Данііlу Барану і адабранай у 1858 г. адміністрацыяй князя Л. Радзівіла. Пасля гэтага міравы пасрэднік прадставіў сваё рашэнне разам з копіяй дароўнага дакумента Пінскаму павятоваму міравому з'езду, адкуль справу накіравалі зноў ў губернскую прысутнасць. Не атрымаўшы станоўчага рашэння, у чарговым звароце да Мінскай губернскай прысутнасці сяляне прасілі зразумець іх «жалкое и бедное положение, считающихся с 1858 года без земли и не имеющих постоянного пристанища, а питаясь с[о] своими семействами одними дневными заработками» [11, арк. 24]. У сваю чаргу Карл Бржастоўскі, галоўны ўпраўляючы памесцямі князя Л. Радзівіла, падвяргаў сумненню сапраўднасць дароўнага дакумента і лічыў неабгрунтаванай прэтэнзію скаржнікаў [11, арк. 20–21адв.]. Аднак з губернскай прысутнасці дакладвалі мінскаму губернатару Паўлу Шэлгунову, што гэтая справа не можа быць імі вырашана, таму «следует Скребцам, если пожелают,

доказывать свои права собственности на три уволоки земли в имении Великие Орлы Льва Радзивилла в общих судебных местах» [11, арк. 23].

Да 1838 г. ва ўрочышчы Сельцы ля Давыд-Гарадка ў валоданні протаіерэя Пятра Яхімовіча знаходзіўся фундушавы надзел Уваскрасенскай царквы – 11 дзесяцін ворыўнай зямлі і 6 дзесяцін сенажаці. У яго ўваходзілі «прэзенты» (падарункі) ад князя Гераніма Радзівіла 1749 г. і князя Мікалая Іосіфа Радзівіла 1760 г. Аднак у 1838 г. надзел быў адабраны і перададзены ў арэнду Вікенцію Зяновічу, арандатару радзівілаўскага фальварка Высокае. Протаіерэй П. Яхімовіч у 1838 г. распачаў судовую цяжбу супраць незаконнага адабрання гэтай зямлі, прайшоўшы ўсе інстанцыі. Указам Сената 3 красавіка 1845 г. было прадпісана зямлю, «принадлежащую к фундушу Давидгородецкой Воскресенской церкви, возвратить в первобытное владение» протаіерэю П. Яхімовічу [12, арк. 77–77 адв.]. Ужо пасля смерці П. Яхімовіча яго сын, свяшчэннік Данііл Яхімовіч, як спадчыннік той зямлі звярнуўся 15 сакавіка 1848 г. да цара Мікалая I аб спагнанні з Давыд-Гарадоцкай ардынацыі за панесеныя страты больш 2 тыс. рублёў серабром, бо яго бацька і ён «ежегодно с этой земли собирали более ста коп ржи, кроме ярового хлеба, а из сенокоса убирали сена возов пятьдесят» [13, арк. 1–2].

З 1839 г. да 1870-х гг. з перапынкамі ішлі судовыя цяжбы мяшчан Давыд-Гарадка, якія былі вызвалены ад прыгонніцкай залежнасці, з ардынацыяй за прызнанне за імі правоў уласнасці на землі. 6 ліпеня 1853 г. Мінская грамадзянская палата прадпісала мяшчанам выплаціць ардынацыі чынш за займаемыя землі. Указам Сената 2 сакавіка 1854 г. жыхарам Давыд-Гарадка было прадпісана заключыць міравую здзелку з адміністрацыяй ардынацыі адносна памеру чыншу за зямлю, аднак гэтага не адбылося. Чарговы ўказ Сената быў прыняты 12 снежня 1869 г., паводле якога скарга мяшчан Давыд-Гарадка не была задаволена і зацверджана згаданае рашэнне Мінскай грамадзянскай палаты ад 6 ліпеня 1853 г. Галоўны начальнік Паўночна-Заходняга краю павінен быў вызначыць памер чыншу, які трэба было давыд-гарадоцкім мяшчанам выплачваць князю Л. Радзівілу за займаемыя імі землі [14, арк. 1–1адв., 38–40, 60 адв.].

Напружаны характар набылі адносіны адміністрацыі ардынацыі з Фёдарам Кранікоўскім, які быў прызначаны ў чэрвені 1863 г. міравым пасрэднікам у Мазырскім павеце [15, с. 196]. 14 красавіка 1865 г. Шулякоўскі, павераны Л. Радзівіла, скардзіўся памочніку начальніка Паўночна-Заходняга краю А. Патапаву на дзеянні Кранікоўскага, які часта не задавальняў скаргі адміністрацыі Давыд-Гарадоцкай ардынацыі, што прыносіла ёй вялікія страты прыбыткаў. Адзначым найбольш значныя такія канфліктныя сітуацыі. 1) У 1859 г. для ліквідацыі цераспалосіцы была зроблена замена некаторых ворыўных зямель, сенажацяў, што былі ў карыстанні сялян Лядзецкай і Альшанскай валасцей. Пасрэднік Кранікоўскі прызнаў зробленую замену крыўднай для сялян, таму не толькі вярнуў ім абмененую зямлю, але пакінуў і тую, якая дадзена ім узамен, а таксама абавязаў ардынацыю выплаціць сялянам 3 652,5 руб., з чым не пагадзілася адміністрацыя Давыд-Гарадоцкай ардынацыі. 2) Пасрэднік Кранікоўскі на падставе паказанняў толькі ся-

лян і некаторых «вольных людзей», што мелі цяжбу з князем Л. Радзівілам і займаліся самавольнай рыбнай лоўляй, пакінуў частку азёраў у сумесным карыстанні памешчыка і сялян, а большую частку азёраў перадаў у выключнае карыстанне сялян. 3) У 1864 г. сяляне вёскі Велямічы самавольна занялі балота, «забрали сенокосы больше чем на 500 возов сена, допустили воровства, грабежей в лесах князя Радзивилла больше чем на 8000 рублей» [16, арк. 5 адв.]. Пасрэднік пакінуў балота і сабранае на ім сена ў карыстанні сялян да прыбыцця паверачнай камісіі і канчатковага вырашэння пытання. 4) За здзейсненую сялянамі той жа в. Велямічы ў канцы 1864 г. – пачатку 1865 г. значную высечку лесу (некалькі соцен дубоў і 840 сасновых дрэваў) міравы пасрэднік прызначыў ім заплаціць ардынацыі 347 руб., а за высечку 300 дубоў (паводле адміністрацыі ардынацыі, яны раслі на сялянскіх надзелах, якія размешчаліся пасярод лесу памешчыка і складалі яго ўласнаць, а таксама былі высечаны да адмены прыгоннага права) ардынацыя павінна была заплаціць сялянам 1197 руб. серабром [17, арк. 83–88].

Накал супрацьстаяння сялян з адміністрацыяй ардынацыі часткова знізіўся пры міравых пасрэдніках Уладзіміры Паліванаве і Аляксандры Мясаедаве. 29 мая 1866 г. упаўнаважаныя пяці сялянскіх грамадаў (Харомскай, Лядзецкай, Хорскай, Турскай, Рубельскай) Лядзецкай воласці Мазырскага павета заключылі міравую здзелку з Уладзіславам Свідэрскім, павераным князя Л. Радзівіла. Сяляне адмаўляліся ад ўсіх папярэдніх прэтэнзій і ўзялі абавязацельства «за каждого крестьянина, уличенного в потраве и порубке, … отвечать имуществом всего общества», а павераны князя здымаў усе позвы да гэтых сялянскіх грамадаў, ранейшыя прэтэнзіі аб высечках і патравах з умовай, каб яны не паўтараліся. Сяляне атрымалі для асабістых патрэбаў 750 альховых дрэваў [17, арк. 102–102 адв.]. На наступны дзень аналагічную міравую здзелку заключылі з сялянамі Велямiцкай грамады [17, арк. 101].

Аднак канфлікты не спыніліся. Жыхары той жа в. Велямічы (30 чалавек) напісалі 15 лютага 1867 г. мінскаму губернатару Паўлу Шэлгунову ліст са скаргай аб няправільным іх пакаранні за высечку лесу і развядзенні пчолаў у лясах ардынацыі. Скардзіліся на міравога пасрэдніка У. Паліванава, які «бывшего сельского старосту Прокопа Слуцкого засадил в холодную, некоторым угрожал отослать в острог, а всех прочих сечь розгами», а таксама самавольна, без згоды сялян прызначыў новага сельскага старасту Емельяна Ніканчука, ляснога стражніка Радзівіла, непапулярнага ў вяскоўцаў, але адданага адміністрацыі ардынацыі. Таму прасілі пакінуць па-ранейшаму ў іх валоданні лясныя ўчасткі і вадаёмы паміж імі, дазволіць бесперашкодна, як і раней, разводзіць пчол у лясах і барах, адхіліць прызначанага старасту і дазволіць самым яго выбраць, трымаць ружжы для абароны ад драпежных жывёл і г. д. [18, арк. 7а–10 адв.].

Жыхары в. Велямічы (47 чалавек) 19 снежня 1867 г. зноў напісалі скаргу мінскаму губернатару П. Шэлгунову. Сярод іншага скардзіліся, што спраўна выплачвалі аброк за зямлю і возера (штогод па 5,5 руб.), але па распараджэнні міравога пасрэдніка А. Мясаедава і валаснога праўлення ў 1867 г. ім загадалі плаціць ужо па 22 руб. – за малаўрадзівую, часткова пясчаную, нізінную

зямлю, што залівалася вадой. Адміністрацыя Давыд-Гарадоцкай ардынацыі патрабавала ўсё ж за заняцце пчалярствам плаціць «по 50 коп. за каждые пчелы» ці аддаваць палову мёду і воску. Згадалі таксама забарону на лоўлю рыбы і ўюноў («даже лесные стражники рубят наши коши и жаки, а этим причиняют нам большую обиду»), беспадстаўныя штрафы за дазволены вываз будаўнічага матэрыялу, уведзеную аплату за дровы і інш. [19, арк. 1–3].

Не атрымаўшы адказу, жыхары в. Велямічы 11 сакавіка 1868 г. зноў звярталіся да мінскага губернатара П. Шэлгунова. Яны не ведалі, які павінны плаціць аброк за зямлю – паводле інвентару (16 руб.) ці рашэння паверачнай камісіі (5,5 руб.), хаця і давялося прымусова заплаціць нядоімкі за 1866 і 1867 гг. Дамагаліся звальнення з пасадаў старшыні, пісара, сельскага старасты і іх выбараў на сходзе сялянскай грамады [19, арк. 16 адв.–17 адв., 19 адв.]. Адказ на папярэднюю скаргу сялянамі ўсё ж быў атрыманы: яе прызналі беспадстаўнай. Да канчатковага зацвярджэння выкупнога плацяжу і пераводу на выкуп яны павінны былі плаціць аброк паводле ўстаўной граматы [19, арк. 11–11адв.]. 2 жніўня 1868 г. велямiцкая сельская грамада накіравала запыт аб спагнанні з Давыд-Гарадоцкай ардынацыі на карысць сялян 186 руб. за захоп 79 вазоў сена [20]. Свае ранейшыя патрабаванні сяляне в. Велямічы (44 чалавекі) паўтарылі 10 жніўня 1868 г. у чарговай скарзе ўжо новаму мінскаму губернатару Ягору Касінаву [19, арк. 33, 35].

Як вырашыла 4 снежня 1868 г. Мінская губернская па сялянскіх пытаннях прысутнасць, за адабраную ў 1859 г. зямлю сялян Лядзецкай і Альшанскай валасцей за 4 гады карыстання ардынацыі было прадпісана заплаціць ім 3652 руб. 56 капеек [16, арк. 9–9адв.]. 12 снежня 1868 г. сяляне вёскі Альшаны Хорскай воласці Мазырскага павета ў скарзе дамагаліся вяртання ім 50 вазоў сена ці 50 руб. за забранае ардынацыяй сена з урочышча Зялёнае поле [21, арк. 4адв.–5]. Гэты канфлікт вырашыўся таксама заключэннем міравой здзелкі.

На 1 студзеня 1871 г. у Мінскай губерні былі канчаткова зацверджаны 77,9 % выкупных актаў [22, с. 164]. Былыя прыгонныя сяляне Радзівілаў яшчэ працяглы час вялі змаганне за спрэчныя землі.

На працягу 1872–1875 гг. адбывалася перадача Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ў вотчыннае валоданне нясвіжскага ардыната Антонія Радзівіла. Да Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі належала 145 памесцяў [23, арк. 17адв.]. 7 жніўня 1872 г. у палацы ў Радзівілімонтах (рэзідэнцыі ардынацыі) князь Л. Радзівіл і А. Радзівіл заключылі пагадненне, паводле якога для эканоміі і ўзаемнага дабра ўправы дзюх ардынацый і іншыя нерухомасці аб'ядноўваліся ў агульную Галоўную ўправу, якая павінна размясціцца з 1 студзеня 1873 г. у Нясвіжскім замку. У склад управы павінны былі ўвайсці: адміністратар (зарплата і ўтрыманне – разам 1700 руб. серабром), упаўнаважаны (адпаведна 1050 руб.), сакратар (адпаведна 500 руб.), па аднаму карэспандэнту ў Слуцку і Мінску (разам 350 руб.). Адна трэцяя частка выдаткаў на зарплаты, утрыманне і канцэлярскія кошты ўскладалася на А. Радзівіла, дзве трэціх – на Л. Радзівіла. Былі акрэслены функцыі службоўцаў. Адміністратару выдавалася даверанасць на кіраванне маёмасцю, упаўнаважанаму – на вядзенне юрыдычных і канцылярскіх спраў.

Ім дваім былі дадзены паўнамоцтвы падпісання кантрактаў. Для дасканалага ўпраўлення прызнавалася патрэбным прыняць канцалёра, які б адказваў за бухгалтарскую справу. Пакідаліся два касіры, асобныя для кожнага ардыната. Прызнавалася, што архівы, кнігі, управа лясоў і маёмасці не могуць быць аб'яднаны. Выдаткі на аднаўленне і ўтрыманне Нясвіжскага замка раскладваліся напалову. Палову апалу для замка трэба было паставіць з нясвіжскіх лясоў, другую – з клецкіх лясоў [6, s. 1–3; 24, арк. 1–1 адв.].

А 23 ліпеня 1874 г. быў заключаны дагавор, паводле якога Л. Радзівіл перадаў усе маёнткі Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі ў распараджэнне і кіраванне А. Радзівіла. Акрамя таго, А. Радзівіл абавязаны быў плаціць Л. Радзівілу штогод 36 тыс. руб. серабром – роўнымі долямі 4 разы па 9 тыс. руб. [6, s. 5; 7, арк. 2]. 17 (29) жніўня 1874 г. у Варшаве Л. Радзівіл падпісаў завяшчанне. Клецкая і Давыд-Гарадоцкая ардынацыя з усімі "имениями, местечками, землями, лесами и со всем тем, что к таковым имениям принадлежит по актам и укреплениям, со всею движимость, находящеюся в имениях без малейшего исключения" пераходзіла ва ўласнасць А. Радзівіла [6, s. 6–9; 7, арк. 3–4адв.]. Указам расійскага імператара Аляксандра II ад 23 студзеня 1875 г. Сенату даручана дазволіць Л. Радзівілу перадаць А. Радзівілу ўсю нерухомасць [6, s. 11]. Пасля гэтага 27 лютага 1875 г. паміж імі зноў быў падпісаны дагавор і замацаваны яго ўмовы: усе маёнткі, у т. л. уваходзячыя ў склад Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі, Л. Радзівілу "передать во владение Князя Антона Радзивилла, со всеми правами и обязательствами к ним относящимися", а ўзамен выплачваць яму, як ужо было раней дамоўлена, пажыццёва штогадовую рэнту ў 36 тыс. руб. [6, s. 18–19; 7, арк. 7–7адв.]. На А. Радзівіла таксама перайшоў ад Л. Радзівіла абавязак выплачваць пажыццёва княгіні С. Радзівіл штогод па 17 тыс. руб. серабром [6, s. 14–17]. Такім чынам, з часу заснавання асобных ардынацый Радзівілаў (1586 г.) цяпер уладанні Клецкай і Давыд-Гарадоцкай ардынацыі аб'ядналіся з Нясвіжскай ардынацыяй.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Кахновіч, В. А.* Гаспадараванне ў маёнтках Палескага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861–1914 гг.: дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.03 / В. А. Кахновіч. – Мінск, 2009. – 220 л.

2. *Кохнович, В.* Хозяйство в имениях на Полесье в 1861–1914 гг. / В. Кохнович. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2015. – 358 с.

3. *Вабішчэвіч, А. М.* Давыд-Гарадоцкая ардынацыя Радзівілаў у XIX – пачатку XX стст. / А. М. Вабішчэвіч // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2023. – № 1. – С. 5–12.

4. AGAD. – Zespół 354. Dział XI. Sygnatura 290.

5. *Елец, Ю. Л.* История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. 1824–1896: в 2 т. / Ю. Л. Елец. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1890–1897. – Т. 1. – 514 с.

6. AGAD. – Zespół 354. Dział XI. Sygnatura 305.

7. НГАБ. – Ф. 694. Воп. 4. Спр. 2831.

8. НГАБ. – Ф. 147. Воп. 3. Спр. 12148.
9. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 2. Спр. 825.
10. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 2. Спр. 758.
11. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 283.
12. НГАБ. – Ф. 163. Воп. 1. Спр. 1556.
13. НГАБ. – Ф. 163. Воп. 1. Спр. 4897.
14. НГАБ. – Ф. 147. Воп. 3. Спр. 6221.
15. Памятная книжка Минской губернии на 1865 год. – Минск: Губерн. тип., 1864. – 291 с.
16. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 511.
17. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 352.
18. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 935.
19. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 1098.
20. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 1169.
21. НГАБ. – Ф. 242. Воп. 1. Спр. 1310.
22. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2011. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII– пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
23. НГАБ. – Ф. 147. Воп. 3. Спр. 17360.
24. НГАБ. – Ф. 694. Воп. 4. Спр. 2832.

(Дата паступлення: 16.05.2023).

УДК 314.93:331.526(476-25)«1897»

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЗАНЯТОГО САМОДЕЯТЕЛЬНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1897 Г.)

Алексашина Г. В.
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

В статье проанализирована численность городского занятого самодеятельного населения на примере Минской губернии на основании материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Определены сферы занятости и виды деятельности занятого самодеятельного населения в городах Минской губернии, рассмотрен его состав по гендеру и родному языку. Проведен сравнительный анализ численности и состава городского занятого самодеятельного населения Минской, Виленской, Витебской, Гродненской и Могилевской губерний.

Ключевые слова: города; Беларусь; самодеятельное население; Перепись 1897 г.; сфера занятости; численность и состав населения.

THE NUMBER AND COMPOSITION OF THE EMPLOYED AMATEUR POPULATION IN THE CITIES OF THE MINSK PROVINCE AT THE END OF THE 19th CENTURY (BASED ON THE 1897 CENSUS)

Alexashina G. V.
Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article analyzes the number of urban employed amateur population on the example of the Minsk province based on the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. The spheres of employment and types of activities of the employed amateur population in the cities of the Minsk province are determined, its composition by gender and native language is considered. A comparative analysis of the number and composition of the urban employed amateur population of Minsk, Vilna, Vitebsk, Grodno and Mogilev provinces was carried out.

Keywords: cities; Belarus; amateur population; 1897 Census; sphere of employment; number and composition of the population.

На 90-е гг. XIX в. пришелся бурный экономический подъем белорусских губерний Российской империи, характеризовавшийся существенным ростом промышленного производства, активизацией торговли и финансово-кредитных операций и т. д. Возросла экономическая роль городов. Центрами фабрично-заводской промышленности стали губернские и ряд уездных городов (Минск, Пинск, Борисов, Бобруйск).

Города являлись многофункциональными центрами. В них размещались государственные учреждения, медицинские и учебные заведения. В городах находились отделения банков Российской империи и другие кредитные учреждения, осуществлялись основные торговые операции. Своими коммерческими возможностями города притягивали многочисленных купцов и иных торговцев не только из белорусских губерний, но и других регионов империи и из-за ее пределов. Многие города (Минск, Брест, Гомель, Пинск, Орша) становились значимыми транспортными узлами Беларуси. Продолжала развиваться почтово-телеграфная, появилась телефонная связь. Значительные изменения произошли в городском коммунальном хозяйстве: появился водопровод, конка, трамвай, электростанции, модернизировались скотобойни. Минская губерния располагалась в центре белорусских земель. Этот и западный регион развивались более быстрыми темпами, здесь в конце XIX в. отмечались более высокие темпы урбанизации [1, с. 61].

Целью данного исследования является анализ численности и состава занятого самодеятельного населения в городах Минской губернии.

В отечественной историографии вопросы численности и состава занятого самодеятельного населения в городах белорусских губерний не получили должного освещения, что актуализирует данное исследование.

Под занятым самодеятельным (или экономически активным) населением понимается население, занятое в производстве товаров и услуг. Из анализа были исключены лица, живущие на ренту, отбывающие наказание, а также лица неопределенных занятий и не указавшие занятие.

В работе использовались данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., которые позволяют детально рассмотреть численность и состав занятого самодеятельного населения в городах белорусских губерний, выделить основные сферы занятости и виды деятельности горожан. Ценным для нашего исследования является раздел XXI Переписи 1897 г., где сведения о населении распределены по группам занятий. На основе этих данных были выделены следующие сферы занятости и виды деятельности: 1) государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности (в том числе городская администрация, суд, полиция, общественные и сословные органы управления, вооруженные силы); 2) транспорт и связь (в том числе почта, телеграф, железная дорога, водные пути сообщения, иные средства передвижения); 3) промышленность и строительство; 4) сельское и лесное хозяйство; 5) торговля, гостиницы, предприятия общественного питания; 6) финансы и кредит; 7) образование; 8) медицинское обслуживание; 9) иные услуги (в том числе, частная прислуга, пр.).

Всего в Минской губернии в 1897 г. насчитывалось 84584 горожан, занятых разными видами деятельности [Приложение, Таблица 1]. По нашим подсчетам они составляли 37,6 % всего городского и 88,5 % экономически активного населения городов губернии [2, с. 152–157].

Наибольшая численность занятого самодеятельного населения отмечалась в Минске (37 285 чел.), второе место занимал Бобруйск (13 972), тре-

тье – Пинск (9462). Наименьшее число занятых насчитывалось в Докшицах (917 чел.).

Самыми значимыми по численности и удельному весу занятого населения сферами были промышленность и строительство (25 195 чел., 29,8 %); иные услуги (17 683 чел., 20,9 %) и, особенно, прислуга (16 506 чел., 19,5 %); государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности (16 963 чел., 20,1 %), в этой сфере значительную группу составляли военные (17,4 %); торговля, гостиницы и предприятия общепита (12 663 чел., 15 %) (Приложение, таблицы 1, 2).

Удельный вес занятого населения в сфере транспорта и связи составил 6,3 %, сельского и лесного хозяйства – 4,0 %, образования – 2,7 %, медицинского обслуживания – 1,0 %. Наименьшие по удельному весу группы – работники в общественных и сословных органах управления, на водных путях сообщения, в финансово-кредитной сфере (по 0,3 %).

По отдельным городам удельный вес занятого населения распределен в том же порядке. На первом месте по числу и удельному весу занятого самодеятельного населения – промышленное производство и строительство, на втором – иные услуги, на третьем – управление, на четвертом – торговля. Существенных различий между губернским и уездными городами не отмечалось. Исключение составили Несвиж, Бобруйск и Борисов, где весомо были представлены военные. Следует также отметить, что в ряде уездных городов – Пинске, Мозыре, Слуцке – занятые в промышленности и строительстве группы составили более трети всех работников в этих городах. Около трети самодеятельного населения в Докшицах, Речице и Игумене также были заняты в этой сфере.

Анализируя структуру сфер занятости и видов деятельности занятого самодеятельного населения по городам губернии, отметим, что более 2/5 занятого самодеятельного населения в городах губернии приходилась на Минск (44,08 %) (Приложение, таблица 3). Исключение составили только работники водных путей сообщения, в силу отсутствия в городе крупных водных артерий. Наибольший удельный вес занятых этим видом деятельности отмечался в Пинске (66,2 %), где находился единственный на территории Беларуси судостроительный завод.

На втором месте по доле занятых – Бобруйск (16,52 %), на третьем – Пинск (11,19 %). Наименьшие по удельному весу группы занятых приходились на Игумен и Докшицы (1,55 и 1,08 %, соответственно).

В гендерном составе занятого самодеятельного населения доминировали мужчины (74,2 %) (Приложение, таблица 4). Особенно велик их удельный вес был в таких сферах, как государственное и местное управление и вооруженные силы (99,7 %), транспорт и связь (96,8 %), финансово-кредитная (96,8 %), сельское и лесное хозяйство (89,3 %). Женщины составляли чуть больше четверти всех занятых и были представлены весомо только в сфере «Иные услуги», а, именно, прислуга (64,7 %). Женщины составляли почти треть работников торговли и предприятий общественного питания, четверть занятых врачебно-санитарной деятельностью, чуть более пятой части занятых

в промышленном производстве и строительстве, около пятой части работников образования. Существенных отличий по отдельным городам губернии не отмечалось.

Перепись 1897 г. содержит сведения о том, какой язык признавался родным лицами, занятыми разными видами деятельности, что дает возможность определить примерный национальный состав занятого самодеятельного населения городов губернии. При обработке данных были выделены такие языки, как белорусский, русский, еврейский и польский, встречающиеся чаще других. Данные по остальным языковым группам сведены в группу «Другие».

Более половины занятого населения городов губернии составляли лица с родным еврейским языком (50,2 %) (Приложение, таблица 5). Более четверти занятых – русскоязычные. Доля работников, назвавших родным белорусский язык, составила 12,4 %, польский – 7,4 %.

Распределение языковых групп по сферам занятости отличается от общих показателей. В сфере государственного и местного управления русскоязычное население составляло 62,3 %. Оно также весомо было представлено на почте и телеграфе (72,4 %), железной дороге (56,7 %). Однако на водных и других видах транспорта преобладали евреи (79,9 и 74,8 % соответственно). Около пятой части занятых на почте и телеграфе, а также на железной дороге были белорусы.

Подавляющее большинство занятых в промышленном производстве – евреи (75,5 %). Удельный вес остальных языковых групп – до 10 %.

Евреи также преобладали в таких видах деятельности, как торговля, гостиницы, предприятия общественного питания, финансово-кредитная, учебно-воспитательная (Перепись, скорее всего, зафиксировала большое число меламедов – учителей в хедерах – начальных еврейских школах). Около двух пятых работников сферы медицинского обслуживания и прислуги также составляли евреи. Четвертую часть работников, занятых в качестве прислуги, составляли русские, пятую часть – белорусы. Среди занятых сельским и лесным хозяйством удельный вес белорусов – 50,3 %, примерно по одной пятой в этой сфере приходится на русских и евреев.

Материалы Переписи позволяют получить более детальное представление о составе городского занятого населения Минской губернии в промышленном производстве и строительстве (Приложение, таблица 6). Две пятых (40,6 %) самодеятельного населения городов губернии были заняты производством одежды, 12,6 % – в деревообработке, чуть более десятой части – в строительных и ремонтных работах, 10,4 % в металлообработке. Более 10 % составила суммарная доля занятых в обработке волокнистых веществ и животных продуктов и производстве продуктов питания. Таким образом, значительная часть городских работников в промышленном производстве, шила одежду, была занята в строительстве и деревообработке.

Для получения более полного представления о территориальном размещении занятого самодеятельного населения белорусского региона, проведем сравнительный анализ с другими губерниями. В таблице 7 представлена

структура сфер занятости и видов деятельности самодеятельного населения в городах пяти белорусский губерний. В целом городское занятое самодеятельное население белорусского региона распределялось следующим образом: более четверти (25,2 %) приходилось на города Гродненской губернии, более пятой части (21,1 %) – Виленской, примерно по одной пятой – Минской и Витебской губерний. Наименьший удельный вес занятых отмечался в городах Могилевской губернии (12,4 %). То есть, характерной чертой локализации занятого самодеятельного населения белорусского региона было примерно равномерное распределение по трем губерниям – Виленской, Витебской, Минской. На них приходилось примерно по одной пятой всего занятого самодеятельного населения городов белорусских губерний. Четверть занятых размещалась в городах Гродненской губернии. Немногим более десятой части занятых приходилось на города Могилевской губернии.

В сфере управления почти треть занятого населения городов белорусских губерний приходилось на Гродненскую губернию. Четверть занятых (25,4 %) в сфере транспорта и связи наблюдалась в городах Витебской губернии. Более четверти работников промышленного производства и строительства (27,3 %), сельского и лесного хозяйства (27,0 %), финансово-кредитных учреждений (26,8 %), более пятой части занятых в сфере торговли и предприятий общественного питания (22,9 %) отмечались в городах Гродненской губернии.

Более одной четвертой занятых финансово-кредитной деятельностью (28,6 %), прислуги (25,9 %), 24,7 % работников сферы медицинского обслуживания приходилось на города Виленской губернии. В сфере образования более четверти всех занятых этой сферы (25,7 %) наблюдалась в городах Минской губернии.

Таким образом, занятое самодеятельное население в городах Минской губернии составляло более трети всего городского населения и подавляющее большинство экономически активного населения городов. Характерной чертой его состава была концентрация в промышленном производстве и строительстве, торговле и в качестве прислуги. Суммарная доля занятых этими видами деятельности составляла более половины всех занятых в городах губернии. Около пятой части составляли служащие в сфере государственного и местного управления, включая военнослужащих.

В гендерном составе занятого самодеятельного населения подавляющее большинство составляли мужчины. Присутствие женщин отмечается почти во всех видах деятельности, но наиболее весомо они были представлены среди прислуги, а также в торговле и предприятиях общественного питания, медицинском обслуживании, промышленном производстве и образовании.

В национальном составе занятого самодеятельного населения доминировали евреи. Однако в сферах государственного и местного управления, транспорта и связи (за исключением водных путей сообщения) преобладало русскоязычное и белорусскоязычное население, что объяснимо национальной политикой Российской империи.

Список использованных источников

1. *Шыбека, З. В.* Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) / З. В. Шыбека. – Мінск: ЭўроФорум, 1997. – 292 с.

2. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 22: Минская губерния. – 1904. – 243 с.

3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 4, тетр. 3: Виленская губерния. – 1904. – 179 с.

4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 5, тетр. 3: Витебская губерния. – 1903. – 281 с.

5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 11: Гродненская губерния. – 1904. – 319 с.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: в 80 кн. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Изд. Центр. стат. комитета М-ва внутр. дел, 1899–1905. – Кн. 23: Могилевская губерния. – 1903. – 375 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Численность и состав занятого самодеятельного населения в городах Минской губернии в связи со сферой занятости и видом деятельности, 1897, чел.

Сфера занятости	Вид деятельности	Город											
		Минск	**Бобруйск**	**Борисов**	**Докшицы**	**Игумен**	**Мозырь**	**Новогрудок**	**Пинск**	**Речица**	**Слуцк**	**Несвиж**	**Всего**
Государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности	Администрация, суд, полиция	1034	186	124	13	77	90	80	146	87	118	26	1981
	Общественные и сословные органы управления	119	31	17	3	18	18	20	28	8	17	9	288
	Вооруженные силы	5693	5065	2293	1	32	41	41	50	41	39	1398	14694
	Всего	**6846**	**5282**	**2434**	**17**	**127**	**149**	**141**	**224**	**136**	**174**	**1433**	**16963**
Транспорт и связь	Почта и телеграф	327	45	18	6	12	13	10	46	17	11	10	515
	Железная дорога	1724	148	100	-	-	4	-	254	24	5	1	2260
	Водные пути сообщения	4	31	7	-	-	42	-	188	12	-	-	284
	Иные средства передвижения	865	363	133	24	41	86	47	338	166	139	44	2246
	Всего	**2920**	**587**	**258**	**30**	**53**	**145**	**57**	**826**	**219**	**155**	**55**	**5305**

Окончание таблицы 1

Сфера занятости	Вид деятельности	Город											
		Минск	**Бобруйск**	**Борисов**	**Докшицы**	**Игумен**	**Мозырь**	**Новогрудок**	**Пинск**	**Речица**	**Слуцк**	**Несвиж**	**Всего**
Промышленность и строительство	Промышленное производство и строительство	10758	2961	1896	287	396	1009	639	4328	780	1465	676	25195
Сельское и лесное хозяйство	Сельское х-во, лесоводство и лесные промыслы	724	530	375	103	153	161	263	286	301	223	295	3414
Торговля, гостиницы, предприятия общ. питания	Торговля, гостиницы, предприятия общ. питания	5341	2002	759	270	234	520	428	1472	455	839	343	12663
Финансы и кредит	Финансово-кредитная	145	24	6	1	-	8	5	45	5	6	3	248
Образование	Учебная и воспитательная	1013	320	83	26	41	79	68	289	78	207	68	2272
Мед. обслужи-вание	Врачебно-санитарная	395	123	37	7	17	32	38	87	23	57	25	841
Иные услуги	Прислуга	8446	2048	828	165	275	513	531	1802	465	913	520	16506
	Прочее	697	95	33	11	11	42	36	103	37	79	33	1177
	Всего	**9143**	**2143**	**861**	**176**	**286**	**555**	**567**	**1905**	**502**	**992**	**553**	**17683**
Итого		**37285**	**13972**	**6709**	**917**	**1307**	**2658**	**2206**	**9462**	**2499**	**4118**	**3451**	**84584**

Составлено по источнику [2, с. 152–157].

Таблица 2

Состав занятого самодеятельного населения в городах Минской губернии в связи со сферой занятости и видом деятельности, 1897, %

Сфера занятости	Вид деятельности	Город											
		Минск	Бобруйск	Борисов	Докшицы	Игумен	Мозырь	Новогрудок	Пинск	Речица	Слуцк	Несвиж	Всего
Государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности	Администрация, суд, полиция	2,8	1,3	1,8	1,4	5,9	3,4	3,6	1,5	3,5	2,9	0,8	2,3
	Общественные и сословные органы	0,3	0,2	0,3	0,3	1,4	0,7	0,9	0,3	0,3	0,4	0,3	0,3
	Вооруженные силы	15,3	36,3	34,2	0,1	2,4	1,5	1,9	0,5	1,6	0,9	40,5	17,4
	Всего	**18,4**	**37,8**	**36,2**	**1,7**	**9,7**	**5,6**	**6,4**	**2,4**	**5,4**	**4,2**	**41,5**	**20,1**
Транспорт и связь	Почта и телеграф	0,9	0,3	0,3	0,7	0,9	0,5	0,5	0,5	0,7	0,3	0,3	0,6
	Железная дорога	4,6	1,1	1,5	–	–	0,2	–	2,7	1,0	0,1	0,03	2,7
	Водные пути сообщения	0,01	0,2	0,1	–	–	1,6	–	2,0	0,5	–	–	0,3
	Иные средства передвижения	2,3	2,6	2,0	2,6	3,1	3,2	2,1	3,6	6,6	3,4	1,3	2,7
	Всего	**7,8**	**4,2**	**3,8**	**3,3**	**4,1**	**5,5**	**2,6**	**8,7**	**8,8**	**3,8**	**1,6**	**6,3**
Промышленность и строительство	Промышленное производство и строительство	28,9	21,2	28,3	31,3	30,3	37,6	29,0	45,7	31,2	35,6	19,6	29,8

Окончание таблицы 2

Сфера занятости	Вид деятельности	Город											
		Минск	Бобруйск	Борисов	Докшицы	Игумен	Мозырь	Новогрудок	Пинск	Речица	Слуцк	Несвиж	Всего
Сельское и лесное хозяйство	Сельское х-во, лесоводство и лесные промыслы	1,9	3,8	5,6	11,2	11,7	6,1	11,9	3,0	12,0	5,4	8,5	4,0
Торговля, гостиницы, предприятия общ. питания	Торговля, гостиницы, предприятия общ. питания	14,3	14,3	11,3	29,4	17,9	19,6	19,4	15,6	18,2	20,4	9,9	15,0
Финансы и кредит	Финансово-кредитная	0,4	0,2	0,1	0,1	0,0	0,3	0,2	0,5	0,2	0,1	0,1	0,3
Образование	Учебная и воспитательная	2,7	2,3	1,2	2,8	3,1	3,0	3,1	3,1	3,1	5,0	2,0	2,7
Медицинское обслуживание	Врачебно-санитарная	1,1	0,9	0,6	0,8	1,3	1,2	1,7	0,9	0,9	1,4	0,7	1,0
Иные услуги	Прислуга	22,7	14,7	12,3	18,0	21,0	19,4	24,1	19,0	18,6	22,2	15,1	19,5
	Прочее	1,9	0,7	0,5	1,2	0,8	1,6	1,6	1,1	1,5	1,9	1,0	1,4
	Всего	**24,5**	**15,3**	**12,8**	**19,2**	**21,9**	**20,9**	**25,7**	**20,1**	**20,1**	**24,1**	**16,0**	**20,9**
Итого		**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**

Составлено по источнику [2, с. 152–157].

Таблица 3

Структура сфер занятости и видов деятельности по городам Минской губернии, 1897, %

Сфера занятости	Вид деятельности	Город											
		Минск	Бобруйск	Борисов	Докшицы	Игумен	Мозырь	Новогрудок	Пинск	Речица	Слуцк	Несвиж	Всего
Государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности	Администрация, суд, полиция	52,20	9,39	6,26	0,66	3,89	4,54	4,04	7,37	4,39	5,96	1,31	100,00
	Общественные и сословные органы	41,32	10,76	5,90	1,04	6,25	6,25	6,94	9,72	2,78	5,90	3,13	100,00
	Вооруженные силы	38,74	34,47	15,61	0,01	0,22	0,28	0,28	0,34	0,28	0,27	9,51	100,00
	Всего	**40,36**	**31,14**	**14,35**	**0,10**	**0,75**	**0,88**	**0,83**	**1,32**	**0,80**	**1,03**	**8,45**	**100,00**
Транспорт и связь	Почта и телеграф	63,50	8,74	3,50	1,17	2,33	2,52	1,94	8,93	3,30	2,14	1,94	100,00
	Железная дорога	76,28	6,55	4,42	–	–	0,18	0,00	11,24	1,06	0,22	0,04	100,00
	Водные пути сообщения	1,41	10,92	2,46	–	–	14,79	0,00	66,20	4,23	–	–	100,00
	Иные средства передвижения	38,51	16,16	5,92	1,07	1,83	3,83	2,09	15,05	7,39	6,19	1,96	100,00
	Всего	**55,04**	**11,07**	**4,86**	**0,57**	**1,00**	**2,73**	**1,07**	**15,57**	**4,13**	**2,92**	**1,04**	**100,00**
Пром-ть и строительство	Промышленное производство и строительство	42,70	11,75	7,53	1,14	1,57	4,00	2,54	17,18	3,10	5,81	2,68	100,00

Окончание таблицы 3

Сфера занятости	Вид деятельности	Город											
		Минск	**Бобруйск**	**Борисов**	**Докшицы**	**Игумен**	**Мозырь**	**Новогрудок**	**Пинск**	**Речица**	**Слуцк**	**Несвиж**	**Всего**
Сельское и лесное хозяйство	Сельское х-во, лесоводство и лесные промыслы	21,21	15,52	10,98	3,02	4,48	4,72	7,70	8,38	8,82	6,53	8,64	100,00
Торговля, гостиницы, пред. общ. питания	Торговля, гостиницы, предприятия общест. питания	42,18	15,81	5,99	2,13	1,85	4,11	3,38	11,62	3,59	6,63	2,71	100,00
Финансы и кредит	Финансово-кредитная	58,47	9,68	2,42	0,40	0,00	3,23	2,02	18,15	2,02	2,42	1,21	100,00
Образование	Учебная и воспитательная	44,59	14,08	3,65	1,14	1,80	3,48	2,99	12,72	3,43	9,11	2,99	100,00
Мед. обслуживание	Врачебно-санитарная	46,97	14,63	4,40	0,83	2,02	3,80	4,52	10,34	2,73	6,78	2,97	100,00
Иные услуги	Прислуга	51,17	12,41	5,02	1,00	1,67	3,11	3,22	10,92	2,82	5,53	3,15	100,00
	Прочее	59,22	8,07	2,80	0,93	0,93	3,57	3,06	8,75	3,14	6,71	2,80	100,00
	Всего	**51,71**	**12,12**	**4,87**	**1,00**	**1,62**	**3,14**	**3,21**	**10,77**	**2,84**	**5,61**	**3,13**	**100,00**
Итого		**44,08**	**16,52**	**7,93**	**1,08**	**1,55**	**3,14**	**2,61**	**11,19**	**2,95**	**4,87**	**4,08**	**100,00**

Составлено по источнику [2, с. 152–157].

Таблица 4

Состав занятого самодеятельного населения городов Минской губернии по полу, сферам занятости и видам деятельности в связи с соотношением мужчин и женщин,1897 г., %

Сфера занятости	Вид деятельности или место службы	Пол	Город											
			Минск	Бобруйск	Борисов	Докшицы	Игумен	Мозырь	Новогрудок	Пинск	Речица	Слуцк	Несвиж	Всего
Государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности	Администрация, суд, полиция	Муж.	96,3	100,0	100,0	100,0	98,7	100,0	100,0	99,3	100,0	99,2	100,	97,9
		Жен.	3,7	–	–	–	1,3	–	–	0,7	–	0,8	–	2,1
	Общественные и сословные органы	Муж.	98,3	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	99,3
		Жен.	1,7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,7
	Вооруженные силы	Муж.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
		Жен.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	Всего	**Муж.**	**99,4**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**99,2**	**100,0**	**100,0**	**99,6**	**100,0**	**99,4**	**100,0**	**99,7**
		Жен.	**0,6**	**–**	**–**	**–**	**0,8**	**–**	**–**	**0,4**	**–**	**0,6**	**–**	**0,3**
Транспорт и связь	Почта и телеграф	Муж.	93,9	93,3	94,4	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	94,1	100,0	100,0	95,1
		Жен.	6,1	6,7	5,6	–	–	–	–	–	5,9	–	–	4,9
	Железная дорога	Муж.	95,2	99,3	99,0	–	–	100,0	–	83,1	95,8	100,0	100,0	94,3
		Жен.	4,8	0,7	1,0	–	–	–	–	16,9	4,2	–	–	5,7
	Водные пути сообщения	Муж.	100,0	96,8	100,0	–	–	100,0	–	99,5	100,0	–	–	99,3
		Жен.	–	3,2	–	–	–	–	–	0,5	–	–	–	0,7

Продолжение таблицы 4

Сфера занятости	Вид деятельности или место службы	Пол	Город											
			Минск	**Бобруйск**	**Борисов**	**Докшицы**	**Игумен**	**Мозырь**	**Новогрудок**	**Пинск**	**Речица**	**Слуцк**	**Несвиж**	**Всего**
Транспорт и связь	Иные средства передвижения	Муж.	99,5	98,6	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	99,4	99,4	99,3	100,0	99,4
		Жен.	0,5	1,4	–	–	–	–	–	0,6	0,6	0,7	–	0,6
	Всего	**Муж.**	**96,3**	**98,3**	**99,2**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**94,4**	**98,6**	**99,4**	**100,0**	**96,8**
		Жен.	**3,7**	**1,7**	**0,8**	**–**	**–**	**–**	**–**	**5,6**	**1,4**	**0,6**	**–**	**3,2**
Промышленность и строительство	Промышленное производство и строительство	Муж.	76,8	79,5	71,2	89,5	86,6	68,9	86,7	82,9	89,5	78,9	78,0	78,5
		Жен.	23,2	20,5	28,8	10,5	13,4	31,1	13,1	17,1	10,5	21,1	22,0	21,5
Сельское и лесное хозяйство	С/х, лес-во и лес. промыслы	Муж.	88,1	92,1	91,5	80,6	88,9	92,5	83,3	93,4	91,4	87,0	86,4	89,3
		Жен.	11,9	7,9	8,5	19,4	11,1	7,5	16,7	6,6	8,6	13,0	13,6	10,7
Торговля, гостиницы, предпр. общ. пит.	Торговля, гостиницы, пред. общ. пит.	Муж.	61,7	70,3	70,9	79,6	67,1	76,5	70,1	74,4	82,9	63,8	64,7	67,4
		Жен.	38,3	29,7	29,1	20,4	32,9	23,5	29,2	25,6	17,1	36,2	35,3	32,6
Финансы и кредит	Финансово-кредитная	Муж.	96,6	95,8	100,0	100,0	–	100,0	100,0	95,6	100,0	100,0	100,0	96,8
		Жен.	3,4	4,2	–	–	–	–	–	4,4	–	–	–	3,2
Образование	Учебная и воспитательная	Муж.	74,5	83,1	89,2	100,0	87,8	87,3	83,8	88,6	87,2	88,9	88,2	81,5
		Жен.	25,5	16,9	10,8	–	12,2	12,7	16,2	11,4	12,8	11,1	11,8	18,5

Окончание таблицы 4

Сфера занятости	Вид деятельности или место службы	Пол	Город											
			Минск	**Бобруйск**	**Борисов**	**Докшицы**	**Игумен**	**Мозырь**	**Новогрудок**	**Пинск**	**Речица**	**Слуцк**	**Несвиж**	**Всего**
Медицинское обслуживание	Врачебно-санитарная	Муж.	69,6	83,7	81,1	85,7	70,6	71,9	81,6	82,8	78,3	82,5	80,0	75,7
		Жен.	30,4	16,3	18,9	14,3	29,4	28,1	18,4	17,2	21,7	17,5	20,0	24,3
Иные услуги	Прислуга	Муж.	35,3	37,3	39,6	30,3	33,5	30,2	30,9	34,6	40,0	30,6	39,0	35,3
		Жен.	64,7	62,7	60,4	69,7	66,5	69,8	69,1	65,4	60,0	69,4	61,0	64,7
	Прочее	Муж.	63,8	66,3	72,7	100,0	90,9	67,5	97,2	74,8	73,0	83,5	69,7	68,2
		Жен.	36,2	33,7	27,3	-	9,1	32,5	2,8	25,2	27,0	16,5	30,3	31,8
	Всего	**Муж.**	**37,3**	**40,2**	**40,9**	**34,7**	**35,7**	**34,2**	**35,1**	**36,7**	**42,4**	**34,8**	**40,9**	**37,5**
		Жен.	**62,7**	**59,8**	**59,1**	**65,3**	**64,3**	**65,8**	**64,9**	**63,3**	**57,6**	**65,2**	**59,1**	**62,5**
Итого		Муж.	70,8	81,1	80,2	74,2	73,8	68,7	70,9	74,2	80,3	68,0	81,2	74,2
		Жен.	29,2	18,9	19,8	24,1	26,2	31,3	29,1	25,8	19,7	32,0	18,8	25,8

Составлено по источнику [2, с. 152–157].

Таблица 5

Состав занятого самодеятельного населения в городах Минской губернии по сферам занятости, виду деятельности и родному языку, 1897 г., %

Сфера занятости	Вид деятельности	Язык					
		Белорусский	Русский	Еврейский	Польский	Другие	Всего
Государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности	Администрация, суд, полиция	24,1	61,8	0,6	8,6	4,9	100,0
	Общественные и сословные органы	21,2	36,5	17,4	21,5	3,5	100,0
	Вооруженные силы	9,2	62,9	6,7	4,5	16,7	100,0
	Всего	**11,1**	**62,3**	**6,2**	**5,3**	**15,1**	**100,0**
Транспорт и связь	Почта и телеграф	18,1	72,4	0,8	4,5	4,3	100,0
	Железная дорога	17,5	56,7	2,5	19,6	3,7	100,0
	Водные пути сообщения	4,6	11,3	79,9	1,4	2,8	100,0
	Иные средства передвижения	10,9	9,3	74,8	4,5	0,5	100,0
	Всего	**14,0**	**35,7**	**37,1**	**10,8**	**2,3**	**100,0**
Промышленность и строительство	Промышленное производство и строительство	7,3	9,9	75,5	6,4	0,9	100,0
Сельское и лесное хозяйство	Сельское хозяйство, лесоводство и лесные промыслы	50,3	18,7	18,6	7,4	5,0	100,0
Торговля, гостиницы, предпр. общ. пит.	Торговля, гостиницы, предприятия общест. питания	4,3	5,9	85,7	3,4	0,7	100,0

Окончание таблицы 5

Сфера занятости	Вид деятельности	Язык					
		Белорусский	**Русский**	**Еврейский**	**Польский**	**Другие**	**Всего**
Финансы и кредит	Финансово-кредитная	4,0	13,7	70,6	10,9	0,8	100,0
Образование	Учебная и воспитательная	5,1	20,4	65,1	5,5	3,8	100,0
Мед.обслуживание	Врачебно-санитарная	9,5	33,5	40,1	13,9	3,0	100,0
Иные услуги	Прислуга	20,7	25,0	39,7	12,5	2,1	100,0
	Прочее	13,0	34,4	35,6	11,6	5,4	100,0
	Всего	**20,2**	**25,6**	**39,4**	**12,5**	**2,3**	**100,0**
Итого		12,4	25,6	50,2	7,4	4,4	100,0

Составлено по источнику [2, с. 166–169].

Таблица 6

Состав занятого самодеятельного населения в городах Минской губернии по видам производства в промышленном производстве и строительстве, 1897 г.

Занятое самодеятельное население	Вид производства														
	Добывающее	Обработка волокнистых в-в, животных продуктов	Деревообработка	Металлообработка	Обработка мин.в-в и производство керамики	Химическое	Винокурение и пр-во проч. напитков	Производство продуктов питания	Табачное	Полиграфическое	Ювелирное	Изготовление одежды	Строительное и ремонтное	Прочее	Итого
Человек	48	1247	3183	2631	375	1000	383	1476	288	848	200	10226	2754	536	25195
%	0,2	5,0	12,6	10,4	1,5	4,0	1,5	5,9	1,1	3,4	0,8	40,6	10,9	2,1	100,0

Составлено по источнику [2, с. 152].

Таблица 7

Структура сфер занятости и видов деятельности по городам и губерниям, 1897, %

Сфера занятости	Вид деятельности	Губернии					
		Виленская	Витебская	Гроднен-ская	Минская	Могилев-ская	Всего
Государственное и местное управление и обеспечение военной безопасности	Администрация, суд, полиция	22,2	19,9	19,2	21,5	17,3	100,0
	Общественные и сословные органы	18,6	26,3	16,8	23,2	15,2	100,0
	Вооруженные силы	**20,6**	**21,0**	**32,6**	**17,9**	**8,0**	**100,0**
	Всего	**20,7**	**21,0**	**31,0**	**18,3**	**9,0**	**100,0**
Транспорт и связь	Почта и телеграф	23,0	16,5	23,3	24,7	12,5	100,0
	Железная дорога	19,0	29,8	15,7	24,8	10,8	100,0
	Водные пути сообщения	5,7	25,1	8,6	40,6	20,0	100,0
	Иные средства передвижения	19,9	23,3	20,1	23,7	13,0	100,0
	Всего	**19,4**	**25,4**	**18,1**	**24,8**	**12,3**	**100,0**
Промышленность и строительство	Промышленное производство и строительство	20,3	19,3	27,3	21,0	12,1	100,0
Сельское и лесное хозяйство	Сельское хозяйство, лесоводство и лесные промыслы	13,0	16,6	27,0	20,6	22,8	100,0

Окончание таблицы 7

Сфера занятости	Вид деятельности	Губернии					
		Виленская	**Витебская**	**Гроднен-ская**	**Минская**	**Могилев-ская**	**Всего**
Торговля, гостиницы, предприятия общ. питания	Торговля, гостиницы, предприятия общест. питания	19,3	21,6	22,9	21,6	14,6	100,0
Финансы и кредит	Финансово-кредитная	28,6	13,4	26,8	21,1	10,2	100,0
Образование	Учебная и воспитательная	19,0	18,4	21,3	25,7	15,6	100,0
Мед. обслуживание	Врачебно-санитарная	24,7	17,6	22,2	21,9	13,6	100,0
Иные услуги	Прислуга	25,9	20,6	19,0	22,0	12,6	100,0
	Прочее	27,0	18,3	18,0	21,8	14,9	100,0
	Всего	**26,0**	**20,4**	**18,9**	**22,0**	**12,7**	**100,0**
Итого		21,1	20,4	25,2	20,9	12,4	100,0

Составлено по источнику [2, с. 152; 3, с. 106; 4, с. 164; 5, с. 194; 6, с. 172].

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 94(476)+94(100)«1914/1917»

ДЗЯРЖАЎНАЯ ПАЛІТЫКА І ДАБРАЧЫННАЯ ДАПАМОГА Ў АРГАНІЗАЦЫІ НАВУЧАННЯ ДЗЯЦЕЙ БЕЖАНЦАЎ І МАБІЛІЗАВАНЫХ НА ВАЕННУЮ СЛУЖБУ ЧЫНОЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ГУБЕРНЯЎ (ЖНІВЕНЬ 1914 – САКАВІК 1917 Г.)

Бодрыкаў Я. А.
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле даследуецца ўзаемадзеянне дзяржаўнай палітыкі і дабрачыннай дапамогі ў арганізацыі навучання дзяцей бежанцаў і мабілізаваных на ваенную службу чыноў на тэрыторыі беларускіх губерняў падчас Першай сусветнай вайны (жнівень 1914 – сакавік 1917 г.). Звяртаецца ўвага на ролю заканадаўчых актаў, якія акрэслівалі аказанне дапамогі дзецям мабілізаваных ніжніх чыноў і бежанцаў. Робіцца выснова, што мясцовыя органы ўлады не маглі самастойна забяспечыць патрэбы дзяцей азначаных катэгорый насельніцтва ў арганізацыі адукацыйнага працэсу, таму вымушаны былі частку сваіх паўнамоцтваў у гэтай сферы дэлегаваць дабрачынным арганізацыям і прадстаўнікам праваслаўнай царквы. У пытанні арганізацыі навучання для дзяцей мабілізаваных і бежанцаў улады прытрымліваліся розных падыходаў.

Ключавыя словы: дзеці; адукацыя; бежанцы; мабілізаваныя чыны; дабрачынныя арганізацыі; сацыяльная дапамога.

STATE POLICY AND CHARITABLE ASSISTANCE IN THE ORGANIZATION OF EDUCATION FOR CHILDREN OF REFUGEES AND RANKS MOBILIZED FOR MILITARY SERVICE IN THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES (AUGUST 1914 – MARCH 1917)

Bodrykau Y. A.
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article examines the interaction of state policy and charitable aid in the process of organizing the education of refugee children and ranks mobilized for military service on the territory of Belarusian provinces during the First World War (August 1914 – March 1917). The research draws attention to the role of the legislative acts, which defined the provision of assistance to children of mobilized lower ranks and refugees. It is concluded that the local state authorities could not independently provide for the needs of children of certain categories of the population in the organization of the educational process, so they had to delegate part of their powers in this area to charitable organizations and representatives of the Orthodox Church. In the issue of organizing education for children of mobilized and refugees, the authorities followed different approaches.

Keywords: children; education; refugees; mobilized ranks; charitable organizations; social assistance

Уступленне Расійскай імперыі ў Першую сусветную вайну ў 1914 г. адзначылася правядзеннем масавай мабілізацыі мужчынскага насельніцтва на вайсковую службу. Падчас Першай сусветнай вайны з тэрыторыі пяці беларускіх губерняў было мабілізавана каля 923,2 тыс. мужчын. Масавая мабілізацыя негатыўна ўплывала на эканамічны стан сем'яў і гаспадарак, з якіх мужчын забіралі ў войска і дзяржаўнае апалчэнне. Да сярэдзіны 1917 г. каля траціны сялянскіх гаспадарак на неакупаванай частцы беларускіх губерняў засталіся без мужчын-гаспадароў. Гэтыя фактары адмоўна ўплывалі не толькі на дабрабыт мясцовага насельніцтва, але і на здольнасць сем'яў аддаць дзяцей на навучанне ці працягнуць навучанне ў адпаведных установах. Ва ўмовах, калі на працягу вайны цэны на многія тавары і паслугі імкліва ўзрасталі, а дзяржава не забяспечвала ўсіх дзяцей бясплатнай пачатковай адукацыяй, для многіх сем'яў мабілізаваных чыноў самастойна адправіць дзяцей на навучанне было проста немагчыма.

Яшчэ больш складаныя ўмовы для арганізацыі адукацыйнага працэсу існавалі ў бежанскім асяроддзі. У сярэдзіне 1915 г. праз тэрыторыю беларускіх губерняў прайшло больш мільёна бежанцаў, частка з якіх засталася ў Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губернях. Многія бежанцы не мелі сродкаў на харчаванне і новую вопратку, асабліва ў першыя месяцы пасля добраахвотнай ці прымусовай эвакуацыі са сталага месца жыхарства. Ва ўмовах фактычнага выжывання і абсалютнай няпэўнасці пытанне навучання дзяцей для многіх сем'яў бежанцаў увогуле не разглядалася. Варта адзначыць, што не гледзячы на неспрыяльныя эканамічныя і сацыяльныя абставіны і важнасць аказання дапамогі ўсім пацярпелым ад вайны слаям насельніцтва, падыходы ўладаў да пытання аб аказанні дапамогі ў арганізацыі навучальнага працэсу для дзяцей мабілізаваных вайскоўцаў і бежанцаў мелі істотныя адрозненні.

Азначаная ў тэме артыкула праблематыка ў айчыннай і замежнай гістарыяграфіі даследавана недастаткова. Комплексных работ па азначанаму пытанню фактычна не існуе, аднак у некаторых даследаваннях, прысвечаных асобна арганізацыі дапамогі сем'ям мабілізаваных ці сем'ям бежанцаў, адзначаюцца намаганні ўладаў ці дабрачынных арганізацый у адукацыйнай сферы для асобных груп грамадства, пацярпелых ад вайны. Пытанне арганізацыі дапамогі сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння ў адукацыйнай сферы закрануў у сваёй дысертацыі расійскі даследчык А.Д. Грудзіна [1]. Аднак у дададзеным даследаванні беларускія губерні не вылучаюцца ў асобны рэгіён і разглядаюцца ў кантэксце ўсёй Расійскай імперыі. Дапамозе сем'ям мабілізаваных падчас Першай сусветнай вайны ў Магілёўскай губерні прысвечаны артыкул беларускага гісторыка В. В. Васіленкі і расійскай даследчыцы Ю. М. Усцінавай [2]. Сярод іншага, у артыкуле разглядаюцца мерапрыемствы магілёўскіх уладаў і арганізацый у адукацыйнай сферы. Не гледзячы на больш інтэнсіўнае вывучэнне праблем бежанства часоў Першай сусветнай

вайны ў гістарыяграфіі постсавецкіх еўрапейскіх краін і Польшчы ў апошнія дзесяцігоддзі, асаблівасці арганізацыі адукацыйнага працэсу сярод дзяцей-бежанцаў даследаваны ў недастатковай ступені. Гэта тычыцца не толькі тэрыторыі беларускіх губерняў, але і ўсёй Расійскай імперыі. Сярод прац па гісторыі вайны і бежанства праблема адукацыі дзяцей-бежанцаў закранаецца ў даследаваннях У. В. Ляхоўскага [3], В. Р. Карнялюка [4], С. Ф. Лапановіча [5] і М. В. Цубы [6].

Заканадаўчай асновай для арганізацыі дапамогі сем'ям мабілізаваных вайскоўцаў і бежанцаў у Расійскай імперыі сталі прававыя акты ад 25 чэрвеня (8 ліпеня) 1912 г. і 30 жніўня (12 верасня) 1915 г. адпаведна. Варта адзначыць, што ўжо па датах прыняцця законаў можна бачыць адрозненні ў перадваенных планах ваенна-палітычнага кіраўніцтва Расійскай імперыі адносна аказання дапамогі розным групам пацярпелага насельніцтва ў выпадку пачатку вайны. Улічваючы вопыт руска-японскай вайны 1904–1905 гг. і напружаную абстаноўку ў Еўропе, улады Расійскай імперыі ў 1912 г. заканадаўча аформілі пэўныя сацыяльна-эканамічныя гарантыі сем'ям мабілізаваных у выпадку вайны ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння. Верагоднасць узнікнення маштабнага бежанскага руху да 1914 г. уладамі не разглядалася, таму адпаведны закон аб правах бежанцаў з'явіўся толькі ў жніўні 1915 г., калі ва ўмовах паспяховага наступу арміі варожых дзяржаў імкліва адбывалася добраахвотна-прымусовая эвакуацыя мільёнаў жыхароў заходніх губерняў Расійскай імперыі [4, с. 76–78].

Законам ад 25 чэрвеня 1912 г. дапамога сем'ям мабілізаваных з боку дзяржавы прадугледжвалася ў якасці грашовага эквіваленту харчовага пайка. Для іх выплат у гарадах і сельскай мясцовасці з пачаткам мабілізацыі 1914 г. стваралася сетка папячыцельстваў, якія павінны былі зрабіць улік усіх сем'яў мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння і ў адпаведнасці з законам выплачваць ім «пайковыя» грошы. Дадатковыя грашовыя выплаты ў якасці пенсіі ад дзяржаўнай казны жонка і законныя дзеці мабілізаванага маглі атрымаць толькі ў выпадку смерці самога мабілізаванага або страты ім працаздольнасці. Аднак, патрэбы сем'яў мабілізаваных салдат і апалчэнцаў часта не абмяжоўваліся адным харчаваннем, што разумелі прадстаўнікі мясцовых уладаў і органаў самакіравання. Асабліва востра гэтая праблема паўставала ў гарадской мясцовасці, у шматдзетных бедных сем'ях і сем'ях з пазашлюбнымі дзецьмі. Апошнія, згодна заканадаўству, не маглі разлічваць на выплату дзяржаўных «пайковых» грошаў [1, с. 30–32].

Найбольшую дапамогу ў арганізацыі навучальнага працэсу для дзяцей мабілізаваных вайскоўцаў аказвалі мясцовыя і агульнарасійскія дабрачынныя арганізацыі. Сярод іх у першую чаргу варта вылучыць арганізацыі пад патранажам членаў царскай сям'і – Елізавецінскі і Аляксееўскі камітэты. Камітэт вялікай княгіні Елізаветы Фёдараўны (больш вядомы як «Елізавецінскі камітэт») быў створаны ў 1914 г. для аказання дадатковай дапамогі сем'ям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння. Елізавецінскі камітэт аказваў грашовую дапамогу на розныя патрэбы тым сем'ям, якім не хапала або ўвогуле не прызначалася дзяржаўных выплат на харчаванне.

Філіялы камітэта дзейнічалі ў многіх рэгіёнах Расійскай імперыі, у тым ліку на тэрыторыі беларускіх губерняў. Елізавецінскі камітэт быў галоўнай арганізацыяй у сферы сацыяльнай дапамогі сем'ям мабілізаваных і адной з галоўных дабрачынных арганізацый у Расійскай імперыі, таму ў склад яго губернскіх і павятовых аддзяленняў нярэдка ўваходзілі прадстаўнікі мясцовых уладаў, арыстакратыі і заможных колаў насельніцтва. Так, напрыклад, у пасяджэннях Мінскага губернскага аддзялення Елізавецінскага камітэта прымалі ўдзел такія ўплывовыя дзеячы як мінскі губернатар А. Ф. Гірс і епіскап мінскі і тураўскі Феафан [7, арк. 2].

Адным з найважнейшых накірункаў дзейнасці мясцовых аддзяленняў Елізавецінскага камітэта стала фінансаванне дабрачынных адукацыйных праектаў іншых арганізацый, якія аказвалі дапамогу сем'ям мабілізаваных вайскоўцаў. Так, мінскае аддзяленне Елізавецінскага камітэта ў 1914 г. асігнавала мясцоваму Дабрачыннаму таварыству імя Гасударыні Імператрыцы Аляксандры Фёдараўны 5000 руб. на ўладкаванне новага прытулку для дзяцей забітых вайскоўцаў [8, арк. 3 адв.]. Аказваў камітэт і адрасную дапамогу сем'ям вайскоўцаў, якія не маглі расплаціцца за навучанне дзяцей. Так, напрыклад, віцебскае аддзяленне Елізавецінскага камітэта цалкам пагасіла гадавую запазычанасць за навучанне сына унтэр-афіцэра Лабунца ў Камерцыйным вучылішчы, бо ў яго сям'і не хапала сродкаў [9, арк. 266].

Аляксееўскі камітэт быў створаны яшчэ ў перыяд руска-японскай вайны 1904–1905 гг. і займаўся апекаваннем дзяцей вайскоўцаў, якія загінулі на вайне. З пачаткам Першай сусветнай вайны камітэт аказваў дапамогу таксама і дзецям тых вайскоўцаў, якія гублялі сваю працаздольнасць. Дапамога аказвалася ўсім дзецям-сіротам, бацькі якіх загінулі на вайне ці не маглі працаваць пасля вяртання з вайны, аднак адрознівалася ў памеры ў залежнасці ад населенага пункту, дзе пражывала сям'я. Дадатковую грашовую дапамогу на вопратку і навучальныя прыналежнасці маглі атрымаць дзеці, якія вучыліся ў школах [1, с. 138–139]. Такім чынам, дзейнасць Елізавецінскага і Аляксееўскага камітэтаў ў дапамозе арганізацыі навучальнага працэсу для дзяцей мабілізаваных насіла ў асноўным фінансава-спонсарскі характар. Пры гэтым, існавалі і мясцовыя дабрачынныя арганізацыі, якія пры нязначнасці сваіх фінансавых магчымасцяў імкнуліся спрыяць пашырэнню адукацыі сярод дзяцей вайскоўцаў. Так, напрыклад, Магілёўскі грамадскі камітэт па аказанні дапамогі асобам, прызваным на дзейсную ваенную службу і іх сем'ям ужо ў лістападзе 1914 г. арганізаваў у горадзе спецыяльную пачатковую школу для дзяцей мабілізаваных, якім не хапіла месцаў у звычайных школах. На навучанне былі прынятыя 124 дзіцяці, якія за кошт камітэта забяспечваліся падручнікамі і кнігамі, школьнымі прыналежнасцямі і сняданкамі. Найбольш бедным сем'ям камітэт аказваў дадатковую грашовую дапамогу [2, с. 28].

Праваслаўная царква таксама імкнулася аказаць дапамогу дзецям мабілізаваных ніжніх чыноў і ратнікаў апалчэння, асабліва калі іх сем'і апынуліся ў складаных умовах. Адной з пашыраных на тэрыторыі беларускіх губерняў форм дапамогі стала арганізацыя прытулкаў і навучальных устаноў

для дзяцей мабілізаваных і дзяцей-сірот (у тым ліку з сем'яў салдат, якія загінулі на вайне). Так у Мінску такія арганізацыі пачалі з'яўляцца ўжо ў 1914 г. [8, арк. 7]. Стварэнне і дзейнасць прытулкаў і навучальных школ пад патранажам праваслаўнай царквы фінансавалася за сродкі мясцовых мітраполій, ахвяраванні і дапамогу ад органаў улады. Аднак, ва ўмовах вайны і недахопу фінансавых сродкаў, дзяржава не заўсёды магла аказаць дапамогу дабрачынным праектам у неабходным памеры. Так восенню 1914 г. епіскап Феафан звярнуўся да ўладаў Мінскай губерні з просьбай аб фінансавай дапамозе ў памеры 3000 руб. на ўладкаванне пры Мінскім жаночым манастыры прытулку для дзяўчынак, бацькі якіх былі мабілізаваныя ў войска. У выніку, пры ўсёй актуальнасці пытання, епіскап Феафан атрымаў толькі 500 руб. на стварэнне і дзейнасць прытулку [7, арк. 5 адв.].

Акрамя самастойнай дзейнасці, праваслаўная царква супрацоўнічала з дабрачыннымі арганізацыямі па пытаннях дапамогі дзецям мабілізаваных вайскоўцаў. Найбольш актыўнае супрацоўніцтва адбывалася з Елізавецінскім камітэтам, кіраўніцтва якога ў жніўні 1915 г. выдала цыркуляр № 35000. Згодна дакументу, арганізацыя выступіла з намерам аб стварэнні пры праваслаўных манастырах сеткі ясляў і школ-інтэрнатаў з рамесным навучаннем для дзяцей мабілізаваных. Рэалізацыя гэтай ініцыятывы планавалася ва ўсіх рэгіёнах Расійскай імперыі, дзе адбываліся мабілізацыі ў войска і пераважала праваслаўнае насельніцтва. Аднак, у шэрагу губерняў мясцовыя царкоўныя ўлады не вельмі актыўна падтрымалі ініцыятыву, а ў некаторых мясцовасцях фактычна ігнаравалі яе. Так у Віцебскай губерні працэс стварэння школ і прытулкаў пры манастырах адбываўся вельмі марудна. На працягу другой паловы 1915 – першай паловы 1916 гг. губернатар М. П. Галахаў некалькі разоў звяртаўся да епіскапа полацкага і віцебскага Кірыёна з просьбай аб адкрыцці прытулкаў пры праваслаўных манастырах, аднак звароты прадстаўніка свецкіх уладаў заставаліся без адказу. Па стану на сакавік 1916 г. епіскап так і не адказаў губернатару, а пытанне аб адкрыцці прытулкаў і школ перадаў у полацкую духоўную кансісторыю [10, арк. 1–9].

Варта адзначыць, што ў адрозненні ад бежанцаў, сярод сем'яў мабілізаваных не назіралася такой моцнай кансалідацыі па нацыянальнай прыкмеце, за выключэннем яўрэяў. Нярэдкім была практыка стварэння асобных яўрэйскіх ясляў для дзяцей мабілізаваных яўрэяў, якія ўтрымліваліся за кошт дзяржаўнай дапамогі і ахвяраванняў мясцовых жыхароў. Так, напрыклад, у пачатку 1915 г. у Барысаве быў створаны дзённы прытулак «Яслі» для дзяцей мабілізаваных у войска яўрэяў. Такая ўстанова прымала дзяцей, пакуль іх маці ішлі на працу ці займаліся хатнімі справамі, а ўвечары вучні вярталіся да сваіх сем'яў [11, арк. 3].

Такім чынам, дапамога ў арганізацыі навучання для дзяцей мабілізаваных вайскоўцаў з юрыдычнага пункту гледжання не з'яўлялася абавязкам дзяржавы, аднак мясцовыя органы ўлады і органы самакіравання, праваслаўная царква і розныя дабрачынныя арганізацыі па меры сваіх фінансавых і арганізацыйных магчымасцяў імкнуліся аказаць такую дапамогу. Вельмі часта грашовая дапамога на навучальныя патрэбы насіла разавы харак-

тар, а колькасць месцаў у адпаведных навучальных установах для дзяцей мабілізаваных была невялікай. Пры гэтым наяўная статыстыка не дае магчымасць назваць дакладную лічбу навучальных устаноў на тэрыторыі беларускіх губерняў для дзяцей мабілізаваных і непасрэдна колькасць навучэнцаў у такіх установах. У некаторых выпадках можна адзначыць фактычнае нежаданне прадстаўнікоў свецкіх і рэлігійных структур у аказанні азначанай дапамогі, аднак такія выпадкі з'яўляліся хутчэй выключэннем.

Прававое становішча бежанцаў было замацавана ў заканадаўстве Расійскай імперыі толькі ў жніўні 1915 г., праз год пасля пачатку Першай сусветнай вайны. Згодна закону ад 30 жніўня (12 верасня) 1915 г. улады і грамадскія ўстановы Расійскай імперыі павінны былі забяспечыць «матэрыяльныя і духоўныя патрэбы» бежанцаў [12, с. 3–6]. Сярод іншага, пад гэтым разумелася і права бежанцаў на ўладкаванне ў школы і на курсы. У сакавіку 1916 г. былі прынятыя «Кіруючыя правілы па ўладкаванні бежанцаў», якія ўдакладнялі палажэнні закона ад 30 жніўня 1915 г. Згодна новаму дакументу, дзеці бежанцаў атрымлівалі права на бясплатны прыём на навучанне ў пачатковыя школы [13, с. 123].

Аднак, магчымасці трапіць у навучальныя ўстановы ў дзяцей бежанцаў на тэрыторыі беларускіх губерняў былі істотна абмежаваныя. Справа ў тым, што з сярэдзіны 1915 г. баявыя дзеянні адбываліся на тэрыторыі Віленскай і Гродзенскай губерняў. Разам з адступленнем расійскай арміі з прыфрантавых раёнаў адбывалася эвакуацыя навучальных устаноў. Па падліках У. В. Ляхоўскага, з тэрыторыі беларускіх губерняў за перыяд Першай сусветнай вайны было вывезена як мінімум 234 навучальных установы [3, с. 40].

Варта адзначыць і тое, што мясцовыя ўлады не заўсёды выконвалі свае абавязкі адносна забеспячэння адукацыйнага працэсу для дзяцей бежанцаў. Так, напрыклад, на тэрыторыі Горацкага, Мсціслаўскага і Чавускага паветаў Магілёўскай губерні прытулкі і навучальныя заняткі для дзяцей бежанцаў былі даступныя толькі ў тым выпадку, калі іх бацькі-бежанцы паступалі на сельскагаспадарчыя працы ў сваёй мясцовасці [14, арк. 80–80 адв.]. Такім чынам улады імкнуліся вырашыць праблему недахопу працоўных рук у сельскай мясцовасці. Аднак, гэта выклікала і фактычнае парушэнне правоў бежанцаў на забеспячэнне сваіх «духоўных патрэб», якія, згодна заканадаўству, для бежанцаў павінны былі забяспечвацца без дадатковых умоў.

Як і ў выпадку з сацыяльнай дапамогай сем'ям мабілізаваных, для дапамогі бежанцам таксама ствараліся дабрачынныя арганізацыі рэгіянальнага і агульнадзяржаўнага ўзроўню. Найбольш буйныя з такіх арганізацый – Таццянінскі камітэт і Поўначдапамога, якія актыўна дзейнічалі на тэрыторыі беларускіх губерняў і аказвалі ў тым ліку і адрасную грашовую дапамогу бежанцам [5, с. 177–179]. Аднак, дадзеная дапамога рэдка выдавалася на адукацыйныя патрэбы, што цалкам адпавядала патрэбам большасці бежанцаў, якія ў першую чаргу клапаціліся аб атрыманні харчавання, вопраткі і часовага месца жыхарства. Падобныя тэндэнцыі маюць і храналагічнае пацвярджэнне. Найбольш актуальным пытанне ўладкавання дзяцей у навучальныя ўстановы ў бежанскім асяроддзі становіцца з 1916 г.,

у той час як у папярэднія месяцы сярод большасці бежанцаў пераважаюць больш надзённыя для выжывання патрэбы. Гэта тычылася ў першую чаргу прадстаўнікоў сялянскага саслоўя, якія істотна пераважалі сярод бежанцаў.

Варта адзначыць, што значную ролю ў распаўсюджванні адукацыі сярод бежанцаў адыгрывалі нацыянальныя дабрачынныя арганізацыі, у першую чаргу польскіх і яўрэйскіх бежанцаў. Яўрэйскія арганізацыі імкнуліся аказаць дапамогу не толькі дзецям яўрэяў-бежанцаў, але і стварыць дадатковыя працоўныя месцы для яўрэйскіх настаўнікаў, якія з-за вайны і эвакуацыі пазбаўляліся працы ў заходніх губернях Расійскай імперыі. Толькі ў адным Мінску ў гады Першай сусветнай вайны існавала 6 прытулкавых школ для яўрэяў, у якіх маглі навучацца як мясцовыя дзеці, так і бежанцы [3, с. 47].

Польскія бежанскія арганізацыі ў дадзеным выпадку займаліся не толькі дабрачыннай, але і палітычнай дзейнасцю, актыўна пашыраючы свой уплыў на каталіцкае насельніцтва беларускіх губерняў праз адукацыйныя і культурныя праекты. Не гледзячы на забароны з боку ўладаў, польскія навучальныя ўстановы для бежанцаў прымалі не толькі саміх бежанцаў, але і дзяцей мясцовых жыхароў каталіцкага веравызнання. Да Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. польскімі дабрачыннымі арганізацыямі было створана больш за 300 навучальна-выхаваўчых устаноў для дзяцей польскіх бежанцаў, сярод якіх былі прытулкі, пачатковыя і сярэднія школы. Акрамя таго, на тэрыторыі Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губерняў дзейнічалі літоўскія і латышскія дабрачынныя арганізацыі, якія стварылі некалькі пачатковых і сярэдніх школ для сваіх суайчыннікаў-бежанцаў [3, с. 46–47].

Арганізацыяй дапамогі ў адукацыйнай сферы займалася і Беларускае таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны, заснаванае ў 1915 г. Арганізацыя аказвала дапамогу пераважна бежанцам, аднак, у адрозненні ад многіх іншых дабрачынных арганізацый, мела вельмі абмежаванае фінансаванне з боку дзяржаўных устаноў і агульнарасійскіх праўрадавых арганізацый. Недахоп грашовых сродкаў адмоўна ўплываў на магчымасці стварэння новых беларускіх навучальных устаноў. Баявыя дзеянні лета – восені 1915 г. прывялі да таго, што аддзелы таварыства апынуліся па розныя бакі ад лініі фронту. На неакупаванай тэрыторыі беларускіх губерняў найбольш буйны і актыўны з аддзелаў Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны размяшчаўся ў Мінску, дзе і было адкрыта некалькі дзіцячых прытулкаў для дзяцей бежанцаў з беларускай мовай навучання. Акрамя таго, прадстаўнікі таварыства ладзілі культурна-адукацыйныя мерапрыемствы для мясцовых жыхароў і бежанцаў-беларусаў [6, с. 21–30]. Аднак, у параўнанні з яўрэйскімі і польскімі дабрачыннымі арганізацыямі, Беларускае таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны мела вельмі сціплыя фінансавыя і арганізацыйныя магчымасці, што істотна звужала яе і без таго нешматлікую сацыяльную базу [3, с. 45–46].

Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. прывяла да істотнага перафарміравання сістэмы сацыяльнай дапамогі ў Расійскай імперыі. Ужо вясной 1917 г. былі ліквідаваныя дабрачынныя арганізацыі пад патранажам прадстаўнікоў царскай сям'і, якія аказвалі дапамогу бежанцам і сем'ям мабілізаваных,

у тым ліку Елізавецінскі, Аляксееўскі і Таццянінскі камітэты. Паступова абмяжоўваліся правы царквы ў адукацыйнай сферы. Разам з тым, бежанцы і сем'і мабілізаваных атрымлівалі больш шырокія правы і сацыяльныя гарантыі ад уладаў, аднак у дзяржавы ўжо не было фінансавых магчымасцей забяспечыць іх рэалізацыю.

У заключэнні трэба адзначыць, што дзяржаўныя органы ўлады ў арганізацыі навучальнага працэсу для дзяцей мабілізаваных вайскоўцаў і бежанцаў кіраваліся рознымі падыходамі. Для дзяцей мабілізаваных аказанне дапамогі ў сферы адукацыі было не абавязковым, аднак у дадзеным выпадку дзяржаўныя органы імкнуліся ўзаемадзейнічаць з дабрачыннымі арганізацыямі і дэлегаваць частку сваіх функцый, каб аказаць фінансавую падтрымку для тых, хто знаходзіўся ў цяжкім матэрыяльным стане. Істотную ролю ў гэтым адыгрывалі дабрачынныя арганізацыі пад патранажам прадстаўнікоў царскай сям'і – Елізавецінскі і Аляксееўскі камітэты. Падтрымка сем'яў мабілізаваных у дадзеным выпадку адбывалася пераважна ў грашовай форме на разавай аснове. Акрамя таго, дапамогу аказвала і праваслаўная царква, пад кіраўніцтвам якой была створана сетка навучальных устаноў пры манастырах. У адрозненні ад сем'яў мабілізаваных, дзеці бежанцаў на падставе заканадаўчых актаў 1915 і 1916 гг. атрымалі права на бясплатнае навучанне ў пачатковых школах. Аднак, у некаторых выпадках прадстаўнікі мясцовых уладаў на тэрыторыі беларускіх губерняў уводзілі патрабаванне аб абавязковым працаўладкаванні для бежанцаў на сельскагаспадарчыя працы, каб арганізаваць для іх дзяцей навучальны працэс. Вырашэнне адукацыйнага пытання для бежанцаў на тэрыторыі беларускіх губерняў ускладнялася масавай эвакуацыяй навучальных устаноў. У больш спрыяльных умовах знаходзіліся польскія і яўрэйскія бежанцы, бо дабрачынныя арганізацыі прадстаўнікоў гэтых народаў стварылі сеткі навучальных устаноў для сваіх суайчыннікаў-бежанцаў, у якіх можна было атрымаць навучанне на роднай мове.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Грудина, А. Д.* Государственная помощь семьям нижних чинов российской армии в годы Первой мировой войны: диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук: специальность 07.00.02 Отечественная история / А. Д. Грудина. – Брянск, 2019. – 242 с.

2. *Василенко В. В.* Система мероприятий по оказанию помощи семьям призванных на войну в Могилевской губернии Минского военного округа в 1914–1915 гг. / В. В. Василенко, Ю. Н. Устинова // Вестник Брянского государственного университета. – 2020. – № 1. – С. 24–31.

3. *Ляхоўскі, У. В.* Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.) / У. В. Ляхоўскі. – Вільня [Вільнюс]: Інстытут беларусістыкі: Беласток, Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 340 с.

4. *Карнялюк, В. Р.* Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной: манаграфія / В. Р. Карнялюк. – Гродна: ГрДУ, 2019. – 329 с., [1] л. карт.

5. *Лапановіч, С. Ф.* Бежанства і эвакуацыя на тэрыторыі Беларусі ў гады Першай сусветнай і Вялікай Айчыннай войнаў / С. Ф. Лапановіч. – Мінск: Акадэмія МУС, 2020. – 425 с.

6. *Цуба, М. В.* Нацыянальна-культурная і дабрачынная дзейнасць Беларускага таварыства дапамогі пацярпелым ад вайны (1915–1917 гг.) / М. В. Цуба // Вестник Полесского государственного университета: научно-практический журнал / учредитель УО «Полесский государственный университет». – 2012. – № 2. – С. 21–30.

7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Фонд 80. Воп. 1. Спр. 1.

8. НГАБ. – Ф. 64. Воп. 1. Спр. 3.

9. НГАБ. – Ф. 2665. Воп. 1. Спр. 17.

10. НГАБ. – Ф. 2665. Воп. 1. Спр. 4.

11. НГАБ. – Ф. 64. Воп. 1. Спр. 1.

12. Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 1. – Петроград, 1916. – XII, 103 с.

13. Законы и распоряжения о беженцах. Вып. 2 : (По 1 апреля 1916 г.). – Петроград, 1916. – XIV, 147 с.

14. НГАБ. – Ф. 2289. Воп. 1. Спр. 3.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 658.8(091)«18/19»(476)

ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Сидорова С. О.
Белорусский государственный университет физической культуры, Минск, Беларусь

В данной статье проведен анализ деятельности почтово-телеграфных сберегательных касс на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. Рассмотрены вопросы организации сберегательных касс при почтово-телеграфных учреждениях, механизмы принятия и выдачи вкладов населения. Дана характеристика системы поощрения почтово-телеграфных чиновников, привлеченных к операциям в сберегательных кассах. Выявлены преимущества и недостатки почтово-телеграфных сберегательных касс. На основе широкого круга источников проанализирован процесс создания, особенности деятельности, проблемы и достижения в работе почтово-телеграфных сберегательных касс, их роль и место в почтовой и финансовой сферах страны.

Ключевые слова: почта; телеграф; сберегательные кассы; почтово-телеграфные сберегательные кассы; белорусские губернии; Российская империя.

POSTAL AND TELEGRAPH SAVINGS BANKS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Sidorova S. O.
Belarusian State University of Physical Culture, Minsk, Belarus

This article analyzes the activities of postal and telegraph savings banks on the territory of Belarus in the late 19th – early 20th century. The issues of organization of savings banks at postal and telegraph institutions, mechanisms for accepting and issuing deposits of the population are considered. Incentive systems for postal and telegraph officials involved in operations in savings banks. The advantages and disadvantages of postal and telegraph savings banks are characterized. Based on a wide range of sources, the process of creation, features of activity, problems and achievements in the work of postal and telegraph savings banks, their role and place in the postal and financial spheres of the country are analyzed.

Keywords: post office; telegraph; savings banks; postal and telegraph savings banks; Belarusian provinces; Russian Empire.

Во второй половине XIX – начале XX в. учреждения связи развивались достаточно динамично, происходил рост количества почтово-телеграфных контор и отделений, расширялся ассортимент их услуг. Совершенствованию деятельности почтово-телеграфного ведомства поспособствовало использо-

вание новых транспортных средств – железнодорожного и автомобильного. Распространение учреждений связи наложило существенный отпечаток на характер социально-экономических процессов в белорусских губерниях. В частности, доступность и открытость почтово-телеграфных учреждений местному населению правительство Российской империи решило использовать в финансовой сфере. Особое значение в этом деле получили почтово-телеграфные сберегательные кассы.

Вопрос создания и деятельности почтово-телеграфных сберегательных касс в Российской империи и странах Европы нашел отражение в дореволюционной работе исследователя И. И. Бока. Также история развития почтово-телеграфных сберегательных касс представлена рядом статей дореволюционных периодических изданий почтово-телеграфного ведомства: «Почтово-телеграфный журнал», «Почтово-телеграфный вестник» и «Почтово-телеграфное эхо». Однако проблема развития почтово-телеграфных сберегательных касс на территории Беларуси в конце XIX – начале XX в. в современной историографии малоисследована и рассматривается в общем контексте, что обуславливает актуальность данной темы.

С целью сохранения сбережений населения и возможности получить по ним доход правительство Российской империи еще в 1841 г. учреждает сберегательные кассы, которые находятся в ведении Опекунских советов. В 1863 г. сберегательные кассы переходят под контроль Государственного Банка, а с 1864 г. принято решении об открытии сберегательных касс при конторах и отделениях Государственного банка, независимо от ходатайств городских обществ, как это было принято ранее. Благодаря данному решению, кассы открывались во всех городах, где располагались конторы и отделения Государственного банка.

Согласно утвержденному мнению Государственного совета от 21 февраля 1884 г. открываются сберегательные кассы при губернских и уездных казначействах, а также в окрестностях столицы и особо важных торгово-промышленных пунктах; принимаются меры для ознакомления населения с правилами приема сбережений. Таким образом, сберегательные учреждения были сосредоточены почти исключительно в городских населенных пунктах, что порождало массу неудобств в получении данных услуг жителям сельской местности. Для привлечения к деятельности сберегательных касс крестьян-земледельцев Государственный Совет принял решение открывать кассы при почтово-телеграфных учреждениях, которые к тому времени являлись наиболее распространенными государственными учреждениями.

26 июня 1889 г. принято «Положение о почтово-телеграфных сберегательных кассах», дублировавших статьи Устава сберегательных касс. Государственный банк по соглашению с Главным управлением почт и телеграфов вводил сберегательные операции при всех местных учреждениях почтово-телеграфного ведомства, однако контроль за деятельностью новых касс возлагался на сберегательные кассы при конторах и отделениях Государственного банка и при казначействах, которые получили наименование «центральных касс» [5, с. 41; 12, с. V–VI].

Почтово-телеграфные сберегательные кассы становились посредниками между вкладчиками и сберегательными кассами Государственного банка. Порядок работы почтово-телеграфных сберегательных касс излагался в Инструкции № 13 «По операциям почтово-телеграфных сберегательных касс», принятой 20 марта 1891 г. [6, с. 109].

В связи с тем, что почтово-телеграфные сберегательные кассы предназначались прежде всего для сельского населения, которое, по мнению правительства, не располагало большими суммами денег, было признано целесообразным, в том числе с точки зрения безопасности, ограничить сумму ежедневного взноса, отмечаемого самостоятельно почтово-телеграфной кассой наклейкой в книжке сберегательных марок, десятью рублями. Согласно правилам, вклады в почтово-телеграфные кассы принимали за один раз от 25 коп. до 1000 руб. Однако вклады более 10 руб. отсылались вместе с книжками для отметки в кассы Государственного банка, а вкладчикам выдавалась предварительная расписка. Спустя пару дней сберегательные книжки снова возвращались в почтово-телеграфные сберегательные кассы для выдачи вкладчикам. Пересылка вкладов осуществлялась бесплатно, без уплаты гербового сбора [4, с. 355–357].

Относительно механизма выдачи средств предусматривалось, что после заявления о снятии денег со счета вкладчиком почтово-телеграфная сберегательная касса выписывает соответствующую сумму из Центральной кассы Министерства финансов, и только после определенного промежутка времени она выдавалась на руки вкладчику.

В связи с тем, что большинство единоличных вкладов превышало 10 руб., вкладчики испытывали значительные неудобства, так как при каждом взносе им приходилось по два раза являться в почтово-телеграфное учреждение: для взноса и для получения книжки. С целью повышения эффективности работы почтово-телеграфных сберегательных касс согласно новому Уставу сберегательных касс от 1 июня 1894 г. принято решение принимаемую сумму вклада от одного клиента увеличить с 10 руб. до 50 руб. Эта мера значительно повлияла на рост суммы вкладов. Так, сумма вкладов во второй половине 1894 г. выросла почти в 3,5 раза, по сравнению с данными второй половины 1893 г. (в 1893 г. сумма составляла 951 361 руб., а в 1894 г. – 3 226 288 руб.) [18, с. 92].

Помимо прочего необходимость отсылки сберегательных книжек для отметки в центральные кассы в некоторой мере снизило нагрузку на почтово-телеграфных чиновников.

На сделанные взносы вкладчику насчитывалось по 4 % годовых или по 4 коп. на каждый рубль, начиная с первого числа последующего за взносом месяца. Однако в 1894 г. размер процента по вкладам был понижен до 3,6 % в год для более удобного применения для вычисления процентов суммы доходов вкладчиков, так как он соответствовал числу дней в календарном году [11, с. 1].

Согласно правилам, если по счету вкладчика капитала и процентов нарастала 1000 руб., то рост процентов на всю сумму прекращался и вклад считал-

ся оставленным в сберегательной кассе Государственного банка на хранении, без дальнейшего приращения. Прием вкладов от общественных организаций и юридических лиц в почтово-телеграфных кассах не допускался. [17, с. 551].

Несмотря на определенные ограничения и новизну, почтово-телеграфные сберегательные кассы быстро завевали популярность среди населения. Рост позитивной тенденции закрепила Инструкция от 1 января 1896 г., упрощавшая делопроизводство касс и устанавливающая максимальную сумму вклада, которая обозначалась наклейкой непосредственно в почтово-телеграфной сберегательной кассе, в размере 1000 руб. Это нововведение благоприятно отразилось на развитии деятельности касс и число операций по приему вкладов за 1900–1909 гг. увеличились почти вдвое.

Относительно порядка выдачи вкладов, то с 1 сентября 1899 г. устанавливалась выдача по требованию клиента части вклада в размере не более 25 руб. по одной сберегательной книжке непосредственно в почтово-телеграфной сберегательной кассе (без предварительной связи с центральной кассой). Для этих целей из общей суммы вкладов, которые поступали в кассу, представлялось право из принятых взносов оставлять до 100 руб., в 1910 г. разрешалось для выдачи вкладов временно заимствовать деньги из сумм почтовой переводной операции.

Так как в почтово-телеграфных кассах накапливались и хранились значительные суммы средств, государство усиливало меры безопасности в отношении охраны касс и сохранения неприкосновенности денег. В 1897 г. все почтово-телеграфные сберегательные кассы получили секретный циркуляр с указанием не допускать в кассах накопление значительных сумм денег, которые как можно чаще необходимо передавать в центральные кассы Государственного банка [19, с. 914].

Результаты нового порядка выдачи вкладов не замедлили сказаться на увеличении количества операций почтово-телеграфных сберегательных касс по выдаче вкладов. И уже во второй половине 1900 г. отдельным почтово-телеграфным сберегательным кассам в 21 городе Российской империи, в том числе в Вильно и Минске, предоставлялось право непосредственной выдачи части вкладов до 100 руб. с одной сберегательной книжки.

С 1 июля 1898 г. почтово-телеграфные сберегательные кассы европейской части Российской империи, в частности белорусских губерний, начали принимать вклады от юридических лиц. Предельный размер вкладов составлял 3000 руб., а проценты на сумму до 1000 руб. начислялись в размере 3,6 %, на сумму от 1000 до 3000 руб. – 2,4 %. Исключения из этого правила составляли вклады церквей и монастырей, на которые на сумму более 1000 руб. насчитывался 1 % на всю сумму вклада [19, с. 919].

Для облегчения накопления мелких сбережений вводились особые сберегательные марки мелких номиналов в 5 и 10 коп., которые наклеивались на специальные бланки – «сберегательные карточки»; кассам было разрешено принимать их вместо денег. Однако данный способ накопления не получил большого распространения.

С 1 января 1902 г. работу почтово-телеграфных сберегательных касс регламентировал циркуляр Главного управление почт и телеграфов. Он объ-

единил и систематизировал все правила делопроизводства касс, в том числе вкладчикам разрешено было переводить свои вклады в другие сберегательные кассы, устанавливался прием дополнительных взносов по сберегательным книжкам, выданным другой кассой.

Тем не менее первые годы XX в. стали крайне неблагоприятными для успешного развития почтово-телеграфных сберегательных касс. Так, в 1904 г. вследствие военного времени и его экономических последствий, поступление вкладов в сберегательные кассы значительно уменьшилось, превысив сумму взносов 1903 г. всего на 1,7 млн руб., в то время как в предыдущие годы поступление составляло 7–10 и даже 14 млн руб. [15, с. 121]. В свою очередь, 1905 г. характеризовался самым интенсивным изъятием сбережений из касс, что во многом было связано с неблагоприятными последствиями начавшейся русско-японской войны и распространением анонимных листовок «о немедленном изъятии своих вкладов» из касс Государственного банка, которые активно распространялись в белорусских губерниях. Правительство Российской империи приложило немало усилий для того, чтобы избежать паники среди населения: в местной периодической печати публиковали объявления о неуклонном исполнении финансовыми учреждениями своих обязательств, а вклады выдавали всем желающим. Во многом благодаря этим мерам удалось сохранить стабильность в работе почтово-телеграфных сберегательных касс.

Также для предотвращения грабежей и насильственного вымогательства злоумышленниками денег пришлось временно закрыть значительное количество касс: в 1907 г. временно закрылось 231 касса, а в 1908 г. – 190. И только к 1909 г. работа во временно закрытых сберегательных кассах была восстановлена [18, с. 300].

На начало XX в. почтово-телеграфными сберегательными кассами были накоплены значительные суммы средств. Накопленные почтово-телеграфными сберегательными кассами средства активно использовались государством. В частности, деньги вкладывались в 5 % банковские билеты, выпускавшиеся для выкупных операций, использовались для выдачи кредитов, в том числе земельного кредита, а также для финансирования железнодорожного строительства и прокладки телефонных линий [19, с. 921].

Открытие почтово-телеграфных сберегательных касс не потребовало от почтово-телеграфного ведомства значительных расходов, так как делопроизводство по сберегательным операциям в небольших почтово-телеграфных учреждениях возлагалось на уже существовавший личный состав служащих и лишь в более крупных учреждениях для этих операций необходимо было добавить в штат особых чиновников. Предпочтение при выборе отдавалось образованным служащим, порядочным, не имеющим вредных привычек [7, л. 72].

Финансовые операции при учреждениях связи привели к необходимости переподготовки служащих [9, л. 5]. Это было важно не только для корректного обслуживания клиентов, но и для предотвращения возможных махинаций со сберегательными книжками.

Согласно «Правилам о вознаграждении чинов управлений почтово-телеграфных округов и столичных почтамтов за исполнение обязанностей по государственным сберегательным кассам при почтово-телеграфных учреждениях» служащим управлений почтово-телеграфных округов (далее – ПТО) назначалось особое вознаграждение, в зависимости от количества состоящих в ПТО сберегательных касс и размера их оборотов. В свою очередь, за выполнение сберегательных операций в почтово-телеграфных сберегательных кассах, приписанных к центральным кассам Государственного банка, назначалось вознаграждение, начисляемое для каждой почтово-телеграфной кассы в отдельности в зависимости от ее денежного оборота. Помимо этого, чиновник получал по 10 коп. за каждую новую открытую сберегательную книжку, за каждые 100 руб. полученных вкладов и за каждую сберегательную книжку, которая обслуживалась не менее одного года. Почтово-телеграфным чиновникам запрещалось разглашать прибыль своего учреждения, чтобы избежать возможного ограбления [8, с. 501–502; 14, с. 364].

Показатели количества касс на территории Беларуси также постоянно росли, опережая своими темпами рост почтово-телеграфных учреждений. За четыре года с момента их открытия количество сберегательных касс в Виленском почтово-телеграфном округе выросло почти в два раза, в Гродненском – в 1,6, а в Минском и Смоленском (с входившей в его состав Витебской губернией) – в 1,1 раза. Первое место по числу касс в Российской империи по итогам 1897 г. занимал Виленский почтово-телеграфный округ – 175 касс, а сумма вкладов почтово-телеграфных сберегательных касс составляла 1 443 972 руб. в год.

Накануне 1914 г. на территории Беларуси действовало 325 почтово-телеграфных сберегательных кассы [13, с. 10–11].

С 1896 по 1913 г. в Виленском почтово-телеграфном округе доход почтово-телеграфных сберегательных касс вырос в 2,7 раза, в Гродненском – в 2,3, в Минском и Смоленском (в который входила Витебская губерния) – в 1,8 раза. Эти показатели были выше средних по почтово-телеграфным округам Российской империи, что говорит о достаточно благополучном развитии касс, функционирующих на территории белорусских губерний [1, с. 730–731; 2, с. 458–459; 3, с. 528–529].

Степень размещения почтово-телеграфных сберегательных касс была достаточно высокой, например, в Минском почтово-телеграфном округе в 1893 г. процентное соотношение касс к числу почтово-телеграфных учреждений – 86 %. Однако в Виленском и Гродненском почтово-телеграфных округах этот показатель один из самых низких – 60 и 65 % соответственно [10, л. 19]. Объяснялось это тем, что в данных округах действовали коммерческие учреждения западноевропейского образца, которые были наиболее привлекательными для вкладчиков [16, л. 23].

Таким образом, почтово-телеграфные учреждения сыграли важную роль в развитии сберегательного дела Российской империи и стали своеобразным инструментом для обеспечения сохранности и приумножения денежных сбережений граждан, в первую очередь, сельского населения. Кассы за сравнительно короткий период времени завоевали популярность среди населения,

что подтверждает быстрый рост вкладов и скорость распространения касс. Помимо этого, они предоставили возможность государству пользоваться сэкономленными средствами для финансирования наиболее важных экономических проектов. Почтово-телеграфные округа, в которые входили белорусские губернии, занимали первые места в Российской империи по количеству касс, а показатели дохода были выше среднеимперских показателей. Востребованность услуг почтово-телеграфных сберегательных касс свидетельствует о росте социально-экономической активности местного населения белорусских губерний в конце XIX – начале XX в.

Список использованных источников

1. Ведомость об оборотах почтово-телеграфных сберегательных касс за 1913 год // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1914. – № 43. – С. 730–731.

2. Ведомость оборотам почтово-телеграфных сберегательных касс. С 1 января 1895 года по 1 января 1896 года // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1896. – № 28. – С. 458–459.

3. Ведомость о численности и оборотах почтово-телеграфных сберегательных касс за 1908 год (за исключением четырех самостоятельных касс в Баку, Ростова-Д., С.-Петербурге и Харбине) // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1909. – № 35. – С. 528–529.

4. Временные правила о почтово-телеграфных сберегательных кассах: мнение Гос. Совета, высочайше утв. 26 июня 1889 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: в 33 т. – СПб., 1891. – Т. 9: 1889. – С. 355–357.

5. Двадцатипятилетние почтово-сберегательных касс // Почтовотелеграф. журн. Отд. неофиц. – 1915. – Январь-февраль. – С. 41–58.

6. Инструкция по операциям почтово-сберегательных касс №13 от 20 марта 1891 г. // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1891. – № 7. – С. 109–114.

7. Об изменении личного состава и разрядов учреждений Виленского почтово-телеграфного округа (1897–1899) // РГИА. – Ф. 1289. Оп. 3. Д. 794.

8. Об изменении действующих норм исчисления вознаграждения за операции почтово-телеграфных сберегательных касс: циркуляр Начальника Гл. Упр. почт и телеграфов, 29 июля 1914 года, № 43 // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1914. – № 32. – С. 501–502.

9. Об образовании почтового-телеграфных сберегательных касс в Минском почтово-телеграфном округе (12 февраля 1890 – 8 апреля 1898 гг.) // РГИА. – Ф. 1289. Оп. 2. Д. 2.

10. Об открытии почтово-телеграфных сберегательных касс в Гродненском почтово-телеграфном округе // РГИА. – Ф. 1289. Оп. 2. Д. 1872.

11. От начальника Смоленского почтово-телеграфного округа // Витеб. губерн. ведомости. – 1894. – № 57. – С. 1.

12. Почтово-телеграфная статистика за 1889 год: с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год / Гл. упр. почт и телеграфов. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1891. – VIII, 31 с.

13. Почтово-телеграфная статистика за 1897 год: с кратким обзором деятельности почтово-телеграфного ведомства за тот же год / Гл. упр. почт и телеграфов. – СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1898. – [8], XIV, 41 с.

14. Правила о вознаграждении за исполнение обязанностей по Государственным сберегательным кассам // Почтово-телеграф. журн. Отд. офиц. – 1911. – № 38. – С. 364–367.

15. *Соколов, Н. И.* Почта и телеграф в XIX столетии / Н. И. Соколов, Н. Е. Славинский // Министерство внутренних дел: исторический очерк, 1802–1902 / сост. Н. Е. Славинский. – СПб., 1901. – Прил. 2-е. – С. 1–248, VIII.

16. Список участников почтово-телеграфной государственной сберегательной кассы за 1908–1910 (м. Коссово Слонимского уезда Гродненской губернии) // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1140. Оп. 1. Д. 1.

17. *Шевченко, П.* Почтовые сберегательные кассы / П. Шевченко // Сб. распоряжений по Гл. упр. почт и телеграфов. – 1887. – № 17. – С. 547–554.

18. Юбилей почтовых сберегательных касс // Почтово-телеграф. журн. Отд. неофиц. – 1912. – Январь. – С. 92–93.

19. *Яворский, Н. Д.* Почтово-телеграфные сберегательные кассы в России за 20-летний период существование (1889–1909 гг.) / Н. Д. Яворский // Почтовотелеграф. журн. Отд. неофиц. – 1912. – Декабрь. – С. 907–921.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК [94([476+474.5]-21)+343.711([476+474.5]-21)(091)]«18»

КРАДЗЯЖЫ Ў ГАРАДСКОЙ ПРАСТОРЫ БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯЎ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX СТ.

Сакольчык А. Э.
Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

У артыкуле праводзіцца аналіз аднаго з самых масавых відаў крымінальных злачынстваў супраць уласнасці ў гарадах беларуска-літоўскіх губерняў другой паловы XIX ст. – крадзяжоў. Разгледжаны найбольш распаўсюджаныя формы крадзяжоў у гарадскім соцыуме вылучанага перыяду і іх суб'ектна-аб'ектныя рысы. Ахарактарызавана спецыфіка адзначаных процізаконных дзеянняў, здзейсненых індывідуальнымі злодзеямі і арганізаванымі групамі прафесійных злачынцаў. Таксама засяроджана ўвага на спецыфіцы працы мясцовай паліцэйскай службы пры вядзенні вышуковай дзейнасці і следчага разбіральніцтва.

Ключавыя словы: крадзеж; прыватная уласнасць; аб'ект крадзяжу; месца крадзяжу; спосаб абкрадання; прафесійнае злачынства; рэцыдыў; «самовольный забор»; прававая культура; паліцыя.

THEFTS IN THE URBAN SPACE OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES OF THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

Sakolchyk A. E.
Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article analyzes one of the most widespread types of criminal offenses against property in the cities of the Belarusian-Lithuanian provinces of the second half of the 19th century – thefts. The most common forms of embezzlement in the urban society of the selected period and their subject-object features are considered. The specifics of the noted illegal actions committed by individual thieves and organized groups of professional criminals are characterized. Attention is also focused on the specifics of the work of the local police service in conducting investigative activities and investigative proceedings.

Keywords: theft; private property; object of theft; place of theft; method of theft; professional crime; recidivism; «unauthorized fence»; legal culture; police.

Самым масавым і тыповым правапарушэннем у беларуска-літоўскіх губернях другой паловы XIX – пачатку XX ст., як і ва ўсёй Расійскай імперыі, быў крадзеж. Згодна з падлікамі статыстычных звестак па 44 губернях Расійскай імперыі за перыяд 1860–1867 гг. сучаснага расійскага навукоўца С. А. Елісеева значную долю, звыш 60 % ад ліку ўсіх дэліктаў, займалі маёмасныя злачынствы (рабаванні, разбоі, крадзяжы), дзе 80 % з іх належала крадзяжам. У сваю чаргу, дарэвалюцыйны даследчык Я. М. Тарноўскі падкрэсліваў іх колькас-

ную перавагу і ў 1874–1894 гг. – прыкладна 2/3 усіх здзейсненых злачынстваў [1, с. 38]. Для тагачасных крадзяжоў характэрна прасторавая палярызацыя на гарадскія і сельскія з адпаведнымі спецыфічнымі рысамі і якасцямі.

Горад са сваёй прасторай і інфраструктурай валодаў значна шырэйшым патэнцыялам разнастайных месцаў і аб'ектаў, прывабліваючых і спакусаючых да процізаконнага дзеяння. Канешне, мадэрнізацыйныя працэсы 1860-х гг. парадзілі актыўную міграцыю і шмат сялян пасяліліся ў гарадах і буйных мястэчках, дзе не абыйшлося без учыненых імі злачынстваў супраць маёмасці. Тут больш адчувалася матэрыяльная асіметрыя грамадства. Недахоп месцаў для працаўладкавання прымушалі шукаць іншыя спосабы для выжывання. Аналіз архіўных дакументаў паказвае, што ў тагачасных крадзяжах у гарадскім асяроддзі паўстала частковая прафесіяналізацыя і спецыялізацыя. Гэта выклікалі аб'ектыўныя ўмовы знешняга жыцця горада: матэрыяльна-тэхнічная база, сацыяльнае акружэнне, лепшы паліцэйскі нагляд. Таму злодзеі пачалі практыкавацца ў адным з відаў крадзяжу – з кішэняў [2], кватэраў [3], крамаў [4], на базарах [5]. Улюбённае месца таксама былі шынкі [6]. Не абыходзілі сваёй увагай і дзяржаўныя ўстановы (дамы дваранскіх сходаў, прытулкі, чыгуначныя вартавыя будкі) [7]. Зразумела, найбольшай папулярнасцю карысталіся месцы, дзе дакладна можно было штосьці ўзяць: гандлёвыя кропкі (крамы, базарныя плошчы), піцейныя ўстановы і месцы адпачынку (шынкі, кафейні, лазні). Тут працавалі як адзіночкі, так і групы злодзеяў.

Спосабы абкрадання існавалі розныя: ад узлому замкоў ці падбору да іх ключоў, да выбівання шкла ў вокнах, падкопу, разлому сцяны або даху. Такія злодзеі адмысловым майстэрствам не адрозніваліся, паколькі дзейнічалі часцяком груба, дзесьці прымітыўна, нават пры сбыце тавару. Так, мяшчане Рагачоўскага павету Янкель Каплан і Быхаўскага Залман Кай узламалі ў 1896 г. замкі варот у свіране Санкт-Пецярбургскай кампаніі «Надежда» ў Барысаве і вынеслі мануфактурнага тавару на 500 руб. Прынеслі яго знаёмай гандлярцы барысаўскай мяшчанцы Меры Салаўёвай і прасілі распрадаць, калі тая адмовілася, то ўгаварывалі проста захаваць, бо «он у них в таком месте, что может легко найти полиция» [8, арк. 5]. А селянін в. Туркаў Парафіянаўскай воласці Вілейскага павета 22-гадовы Сямён Ляхновіч у 1888 г. на базарнай плошчы ў Докшыцах адарваў пад падстрэшкам 2 дошкі і праз гарышча пракраўся ўнутр сумежных мясцовых крамаў і ўсё вынесенае апрануў на сябе. Ураднік і гарадавы затрымалі яго спячым у хляве з цялятамі адного з докшыцкіх жыхароў у 2 новых каленкоравых кальсонах, 2 нанкавых пінжаках, з чырвоным шалікам на шыі і ў 2 парах чорных ваўняных шкарпэтак, у кішэні з пакрадзеным кашальком утрымальніка крамы [4, арк. 3–5]. Праз узлом дашчаной сцяны ў 1865 г. у Мінску на Ніжнім рынку абакралі крамы Юдэля Нейфаха, Элі Каплана, Вульфа Гурвіча і Малкі Перальманавай. Вынеслі галантарэйны і чырвоны тавар (тканіны), 10 мяхоў солі, цукру, гарбаты, разынкаў, фігаў, спратрэбілася і яўрэйская малітоўная кніга [9, арк. 258]. Таксама ерадыякан Пінскага Богаяўленскага манастыра Мадэст Віслянскі і паслушнік Васіль Курлыкоў у 1884 г. у Пінску з крамы купца Абеля Розэнта-

ля па сродкам пралома каменнай сцяны, якая адмяжоўвала манастыр ад крамы, укралі чырвонага тавару на 2 тыс. руб. [10, арк. 3–4]. З большым спрытам абакралі на суму 1024 руб. у 1892 г. магазін мінскага залатых спраў майстра Моўшы Ізгура з дапамогай падабранага ключа да замка [11, арк. 2].

У прыватнаўласніцкіх кватэрах і дамах неабходна было разлічваць на пэўную інтуіцыю, поспех у плане ведання аб наяўнасці магчымай дабычы. Каб пазбегнуць значнай долі рызыкі, калі не былі ўпэўнены, будучыя злодзеі стараліся папярэдне пабываць у доме і агледзецца. Што яскрава бачна са справы аб крадзяжы ў Пінску ў Шмуйлы Фельдмана ў 1863 г. куфра з грашыма праз вынутае акно. Адразу пад падазрэнне папалі дваранін Фёдар Лазіцкі, мешчанін Міхаіл Юшкевіч і адстаўны радавы Васіль Лебядзеўскі на той падстве, бо «они троем в одной компании тоскались и днем и ночью, неоднократно замечены в воровстве» [12, арк. 24]. А некалькі сведак чулі іх размову наступнага зместу: «Пойдем пообворуем Шмуйлу Фельдмана. Как? Вырвем окно и вынемем сундучек с деньгами. Может сундучек не пройдет через окно? Пройдет, я уже смерял его» [12, арк. 27].

У бандах злодзеяў для гэтага існавалі спецыяльныя наводчыкі. Так, па словах аднаго з членаў банды Лейбы Хейфеца (ён жа Фёдар Іваноў), якая дзейнічала ў ваколіцах Мінскай губерні, аднойчы калі яны заехалі ў Мінск да жонкі знаёмага арыштанта Якера Лея, тая паведаміла, што на Татарскай вуліцы памёр святар, пакінуўшы ўдаве 1 тыс. руб. У Слуцку сустрэлі Гірша Эпштэйна. Ён распавёў пра ўдаву страпчага Захарчанкава, пражывала адна з наяўнасцю грошай да 16 тыс. руб. [13, арк. 2].

Пэўнага ўмення і хітрасці патрабавала дзейнасць злодзеяў на базарах, кірмашах, іншых месцах скаплення людзей. Яны кралі з кішэняў, торбаў, вазоў, прылаўкаў [14, 15, 16]. Тут назіраецца значная колькасць дзяцей. Большасць з іх у сваіх паказаннях сведчыла аб вымушаным жыцці за міластыню, беднасці бацькоў, сіроцтве. Як і паказаў яўрэўскі хлопчык Хаім Цевель, абвінавачаны ў крадзяжы грошай са скрыні ў мяшчанак, гандлючых на мясных радах у Мінску: «пошел на рынок, просил хлеба у торгующих, встретил неизвестного мальчика, меньшего ростом, тот сказал не проси, а укради» [14, арк. 25]. У выніку гэта станавілася іх формай і вобразам жыцця. Напрыклад, у 13-гадовай мінскай мяшчанкі Юзэфы Мінкевіч па сукупнасці ўжо мелася тры судзімасці, калі яна ў 1894 г. скрала з незачыненнай кухні ў доме Муравіцкага ў іх кухаркі сялянкі Наталлі Агуты тканіны на сукенку на 2 руб.[17].

Практываліся непаўнагадовыя ў крадяжы валізкаў з задняй часткі конных экіпажаў. Аб чым запэўнівае заява дворніка Дваранскага гатэля Івана Адуцкевіча. Так, у іх пастаяльца Юлія Блюмберга, выехаўшага да вячэрняга цягніка на Віленскі вакзал, на Захар'еўскай вуліцы з воза сцягнуў невядомы хлопчык сакваяж з рознымі дробнымі рэчамі [18, арк. 1]. Праўда, іх узровень майстэрства жадаў лепшага.

А вось сапраўднымі майстрамі сваёй справы былі члены навагрудскай шайкі кішэннікаў. Пра іх у дакуменце зафіксавана: «члены шайки, в последние годы существовали исключительно кражами, производя главным образом таковые на Новогрудской базарной площади в базарные дни, для чего

они обыкновенно появлялись на базаре все вместе или партиями, шныряли между возами. Стаскивали, что попало и передавали так быстро из рук в руки другим членам шайки, что не представлялось никакой возможности задержать их с похищенным, производители искусственно давку и метание между съехавшимися на базар крестьянами и в это время вытаскивали у них из карманов деньги, передавая также похищенное из рук в руки своим товарищам» [19, арк. 4].

Адназначна, месцы адпачынку і піцейныя ўстановы сваім прызначэннем аб'ектыўна стваралі магчымасці для частых крадзяжоў. Напраклад, барысаўскі страпчы распрануўся ў лазні Барысаўскай інваліднай каманды, а яго рэчы з лёгкасцю пакраў адзін з салдатаў [20]. У кафейні Эстэр Манцэльсавай на Захар'еўскай вуліцы ў Мінску заўсёды было мнагалюдна, крадзяжы здараліся часта, таму службовец Аляксандар Кунцэвіч без пакутаў сумлення заявіў у 1869 г. аб прапажы ў кафейні ў яго 75 руб. Але следства ўстанавіла несапраўднасць заявы, бо насамрэч не меў чым заплаціць за гульню ў більярд і замоўленныя напоі [21, арк. 11]. У шынках кралі пераважна ў гасцей, але і гаспадарская ўласнасць станавілася не раз аб'ектамі крадзяжоў [22; 23].

Крадзяжы ў гарадской прасторы ўражваюць сваёй нестандартнасцю і разнастайнасцю аб'ектаў. Выяўлены справы аб крадзяжы салаўя, галубоў, гончых сабак, дамскага ровара з Мінскага таварыства аматараў спорту, швейнай машынкі, кнігі, парасона, кветак з Мінскага архірэйскага сада, подушкі і нават ложка [24, 25, 26, арк. 12 адв., 27–34]. А справы аб крадзяжы парыка, трох кос і малявальных інструментаў па выніках следчага працэсу былі аднесены да правапарушэння пад назвай «самовольный забор» [35; 36]. І гэта адсылае да пытання аб узроўні прававой культуры, разумення прыватнай уласнасці і стаўлення да яе. Адбывалася так, што чалавек прыходзіў да іншага і забіраў патаемна або адкрыта яго рэчы за нейкі доўг, хаця рэчы маглі каштаваць і даражэй. І такія здарэнні не з'яўляліся адзінкавымі.

Хадавы тавар таксама была папера. Судовыя следчыя ўжо не здзіўляліся справам аб крадзяжы з архіва суда газет «Сенатских ведомостей», або з архіва паштовай канторы справаводчых кніг, з павятовай па воінскай павіннасці прысутнасці ўрадавах газет [37–39]. Паперу вельмі хутка куплялі гандляры для ўпакоўкі тавару і пераплётчыкі. Крыху ў замяшанне паліцэйскіх і следчага паставіла справа аб крадзяжы дазвольнай малітвы (кладуць у труну памерламу) з Архіва духоўнай праваслаўнай кансісторыі ў 1867 г. Праз выбітае шкло ўкралі 3365 бланкаў на 202 руб. За час следства бланкі (выява адного з іх утрымліваецца ў якасці дадатку ў архіўнай справе) паліцэйскія служачыя знаходзілі то ў прадаўцоў, то ў пераплётчыкаў. Іх перапрадавалі адзін аднаму. Аказалася, дваранка Антаніна Ждановіч шла з Ляхаўкі на Ніжны рынак і збоку на пустэчы ўбачыла клумак, перавязаны ніткамі. Зразумела, што папера вялікіх памераў, не разварочвала і прадала ў першую бліжэйшую краму за 1 руб. 20 кап. Віноўных не знайшлі, паперу выкарыстоўвалі як простую, на выявы святых на ёй не звярталі ўвагі, прымалі за нейкія малюнкі [40]. Сапраўды, краліся не заўсёды каштоўнасці, а тое, што ў гаспадарцы спатрэбіцца і лёгка купіцца. Крадзеныя рэчы прадаваліся вельмі танна. І тут

жаданне лёгкай матэрыяльнай выгады спрацоўвала з двух бакоў. А даволі прымітыўны ўзровень гандлёвых побытавых адносінаў і распаўсюджанасць з'явы перакупкі (перапродажу/абмену) станоўча садзейнічалі росквіту бытавых крадзяжоў у штодзённым жыцці горада.

Зразумела, з'ўленне новых дабротаў, ускладненне матэрыяльна-тэхнічных прадметаў параджала на іх запыт з боку злодзеяў. Пранікненне ў беларуска-літоўскі рэгіён у 1860-х гг. новай рэальнасці XIX ст. у выглядзе чыгункі, зрабіла яе асабліва прывабнай лакацыяй для розных прадстаўнікоў крымінальнага свету. Ды і сама чыгунка стала папулярным аб'ектам крадзяжоў. Чыгуначныя вакзалы, склады, самі палотна (шпалы), майстэрні, таварныя і пасажырскія вагоны, вагоны-крамы, каравульныя будкі заўсёды з'ўяляліся так сказаць рыбнымі месцамі для процізаконных дзеянняў. Асабліва сталі цікавіць злодзеяў валізкі і сакваяжы, сумкі і кошыкі з любым начыннем (побытавыя рэчы, адзенне, аптэчны тавар і інш.) [41].

Асобную катэгорыю складалі крадзяжы ў час пажару. Тут вылучаюцца два шляхі. Першы, калі гаспадары ратавалі свае рэчы і выносілі іх на вуліцу, а несумленныя людзі іх забіралі [42, арк. 13]. У Мінску ў крадзяжы падчас пажару крамы Сонкіна на Ніжнім рынку абвінавачваліся нават самі служачыя пажарнай каманды [43]. Другі шлях – наўмысны падпал, каб адцягнуць увагу і абакрасці больш значную маёмасць. Так, у 1862 г. вілейскія мяшчане раскольнікі Мінка Іваноў з сынам Анцыпам і пляменнікам Афонькам Савельевым падпалілі гумно двараніна Сцяпана Фалькоўскага ў засценку Кажухоўка ля Барысава. Пакуль сям'я тушыла агонь яны абакралі дом [44, арк. 21].

Бывала крадзяжы здзяйсняліся не для продажу набытага, а для вяртання гаспадару за пэўную плату. Такі спецыфічны бізнэс. Напрыклад, у жыхара Пінска Мітрафана Малярава абакралі кватэру ў 1894 г. Знеслі верхняга адзення на 220 руб. Ён прасіў сваіх сяброў дапамагчы ў пошуках. Адзін з іх западозрыў дваранiна Віленскай губерні Станіслава Эйсманта, які пагадзіўся за 40 руб. знайсці і вярнуць рэчы. У справе запісаны паказанні аднаго з сяброў Малярава Осіпа Касцевіча: «Эйсымонт повез его к больнице к еврейскому кладбищу и в углу за последним домом был сарай, за сараем они перелезли забор и в кустах нашли вещи. Когда они подъезжали к месту, Эйсымонт подбросил зажжённую спичку вверх и стал кашлять. Костевич испугался, что так зовет товарищей, пригрозил ему револьвером, то тот ответил: "будь спокоен, все будет хорошо". Около кустов он увидел расходящихся в стороны 3 или 4 людей. Там он уплатил 40 руб. Эйсымонт сказал: "смотри, чтоб было тихо, а то не будет житья тебе". Свидетель удостоверил, что Эйсымонту все было известно, все обстоятельства и даже момент и способ кражи» [45, арк. 5]. Схема простая – крадуцца рэчы, пасля вяртаюцца за плату некалькі меншую іх сапраўднага кошту. У выніку пацярпелы не распачынае судовую справу, а злодзей мае наяўны прыбытак. Так, і купец Невах Шапіра, калі з яго крамы ў Мінску ў 1885 г. скралі 12 пудоў гарбаты на 800 руб., пачаў яе сам шукаць і адразу звярнуўся да вядомага ў горадзе злодзея Еўрухіма Рабіновіча. Той пагадзіўся вярнуць з уплатай яму 30 кап. за пуд [46].

Спакушаліся злодзеі часта на ўласнасць замежных падданых [47]. Праўда, яны самі маглі знаходзіцца на адваротным баку медаля і абвінавачвацца мясцовымі судамі ў крадзяжах. Барысаўскага краўца немца Якаба Давіда Коха вінавацілі ў крадзяжы ваўняных шалікаў у штабс-капітана Слонскага. Але Коху ўдалося даказаць неправамернасць падазрэння [48, арк. 4]. Па нормам заканадаўчай практыкі Расійскай імперыі замежнікаў звычайна высылалі беззваротна на Радзіму. Калі краіна не прызнавала падсуднага сваім падданым, то ссылалі на жыццё ў аддаленыя губерні Расійскай імперыі пад нагляд паліцыі [49].

Вырашыўшы пашырыць поле крымінальнай дзейнасці, некаторыя вопытныя злодзеі пераходзілі на больш складаныя формы крыміналу. Былыя асуджаныя за крадзяжы селянін Канстанцін Грушэўскі, пазбаўлены ўсіх правоў Мікалай Курчанок, адстаўны салдат Франц Барановіч сталі весці свой промысел у Мінску. Яны выбіралі ахвяру з вазом, прасіліся падвесці, запрашалі зайсці ў шынок, падпайвалі і ўжо ў дарозе скідвалі гаспадара з возу, забіраючы сабе і рэчы, і каня. Такія сведчанні даў селянін Рыгор Адамовіч. Падобны почырк крымінальнага ўчынку знайшоў следчы і ў справе Ягора Скуратовіча, які яшчэ ў шынку пасля выпітага кубка піва адчуў сябе дрэнна [50, арк. 3–6]. У прынцыпе, рэцыдыў з'яўляўся больш правілам, чым выключэннем у функцыянаванні крымінальнага свету.

Вядома ж, крадзяжы паралельна суіснавалі ў звязцы з іншымі відамі крымінальных дзей, нярэдка з гульнёй у карты. У 1881 г. чыноўніку асобых даручэнняў пры Віцебскім губернатары неабходна было праверыць данос на рэжацкіх мяшчан Краўзэ, Гаўрылу Іванова, Фаму Волкава, сына адстаўнога губернскага сакратара Іосіфа Зарэцкага, двараніна Людвіга Тульінскага, селяніна Дынабургскага павета Дагдзенскай воласці Сцяпана Багданава і салдацкага сына Фенагена Іванова. У даносе паведамлялася: «составили шайку с целью производить воровство и обыгрывать в карты приезжающих в Режицу. С этой целью они заманивают в известные им харчевни. Главный притон поименованных лиц бывает: в трактирных заведениях и харчевнях, содержимых Ицкою Гурвичем, Мейер Вейсманом, Лейбой Малиофоном и в гостинице "Рига" Мины Михайлова» [51, арк. 2]. Яны ж практыкаваліся ў разбіцці шыбаў, прасоўванні рук і заборы рэчаў (пераважна гадзіннікаў) са сталоў побач стаячых ля вокнаў. Здараліся і забойствы ў час крадзяжу, часам непрадбачлівыя [52].

Для раскрыцця правапарушэнняў паліцыі неабходна было прымяняць і свае прафесійныя здольнасці, і давяраць інтуіцыі. Пры расследаванні крадзяжу ў Доме дваранскага сходу ў Мінску ў 1890 г. гарадавы Браніслаў Пятроўскі, перапрануўся ў партыкулярнае адзенне, зрабіў п'яны выгляд і лёг за краты, каб падслухаць размовы падазроных [53, арк. 3–7]. Хтосьці прадугледжваў і адпраўляў панятога агародамі, а сам ішоў вуліцай. Першы мог убачыць, як выносяць рэчы ці пачуць выклікаючыя падазрэнне пры прыбліжэнні служачага да пэўнага дому для вобыску дзіўныя крыкі гаспадароў тыпу: «Куда вы? Человек идет» [54, арк. 2].

Камусьці дапамагаў сляпы выпадак. У 1881 г. ураднік Маладзецкі, праходзячы па адной з вуліц Мінска, пачуў гутарку ідучых наперадзе яго яўрэяў, аб тым, што хеўра злодзеяў адпраўляецца ў Сеніцкую воласць. Маладзецкі неадкладна папрасіў зладзіць варту ў Сеніцкай карчме мясцовага ўрадніка Манюкевіча. Злодзеяў злавілі, бо ён удала разлічыў пункт карчмы, праз якую вялі ўсе дарогі таго напрамку [55].

Былі ў паліцыі і спецыяльна нанятыя «сыщики» з месцічаў. Яны сачылі за прыбыццём недобранадзейных асобаў, перадавалі чуткі, разведвалі месцы схронаў і г. д. [56, арк. 21]. Вока простага абывацеля таксама не дрэмла. Жыхары лёгка заўважалі нядобрае, нават, што чалавек жыве несуразмерна свайму паходжанню. У дакладной запісцы на былога веліжскага дзяншчыка Нікіфара Матвеева знаходзім: «живет несообразно своему званию, обладает вещами не годными для жизни простолюдина: на поминках и при закладке строимого им дома для простых гостей его соседей стол был накрываем серебряными приборами при отличном столовом белье и подавались отличные вина <…> по показаниям привозит подобные вещи раз в год в сундуках из Петербурга. Говорит, его прежний господин подарил ему это богатство <…> но сомнительно, ведь ежегодно увеличиваются привозимые им богатства» [57, арк. 340].

Хаця і на саміх паліцэйскіх служачых шматразова прыходзілі данасы аб перавышэнні паўнамоцтваў і іх сувязі, супрацоўніцтве з прадстаўнікамі крымінальнага свету: «по городу нашему (Дынабург. – *А. С.*) шляются по улицам в среде дня шайки воров <…> полицмейстер (Куньпев. – *А. С.*) получает в их крадеже большую часть нежели они сами <…> сами карманщики пьют чай постоянно с частным приставом Федоровым, <…> если ловят их за руки, то полицмейстер засадит его пред всем в пожарный двор и через задний двор он его тотчас освобождает <…> воруют и грабят публично пред всем и продают все воровства полицейским на улице <…> ремесленники кидают свои занятия и соединяются с их шайками, потому что они видят, что для них суду нет, то они считают это за лучшие промыслы» [57, арк. 480].

Уцякалі ў беларуска-літоўскія губерні і злодзеі з іншых рэгіёнаў. Так, у 1866 г. тут шукалі купецкага вучня Фердынанда Рэса з Рыгі. Ён учыніў у мясцовага купца Крэгера крадзяжы на 150 тыс. руб. Меліся падставы меркаваць, што на новым месцы прабывання «злодзей-гастралёр» праявіць сябе адпаведна. Да паліцэйскага рапарта акрамя апісання знешніх прыкметаў Рэса прыкладваўся нават яго фотаздымак [58].

У крадзяжах нельга здымаць з увагі просты чалавечы фактар, нейкую нядбайнасць, даверлівасць, наіўнасць, п'яны стан і стан афекту. Гаспадары маглі ўзяць па дабраце душы падвезці незнаёмага чалавека і пакінуць яго з рэчамі на возе або ў пакоі заезнага дому. Чым і скарыстаўся вучань Мазырскай гімназіі Гірш Галухін. У 1867 г. ён ехаў з рамізнікам і мазырскім мешчанінам Ёселям Фішманан з Мінска. Прыбыўшы ў Бабруйск, усе спыніліся ў заезным доме яўрэя Кацнэльсана. Адкуль Фішман з таварышам адправіліся ў лазню. Вучня пакінулі аднаго ў пакоі. Вярнуліся, убачылі пустую валізку [59, арк. 104]. Здавалася, гаспадар на хвіліначку пакідаў рэчы каля дзвярэй нейкай

установы, яны ж раптоўна знікалі. Што і здарылася з мінскім мешчанінам Янкелем Шпунтам. У яго скралі ручныя санкі з галантарэйным таварам на суму да 600 руб. Ён пакінуў іх на вуліцы каля карчмы Давіда Іцэхоўскага са сваім работнікам Хонанам Гальпераным, а той зайшоў пагрэцца ў карчму [60, арк. 3–4]. А вось як патлумачыў свой крадзеж мяхоў збожжа селянін Вікенцій Пятрашка ў 1885 г. на станцыі Ратамка Лібава-Роменскай чыгункі: «был уволен за провоз безбилетных пассажиров и с досады стал сильно пить и 27 января будучи сильно пьян подошел к стоявшему поезду 116, оторвал пломбу, влез в оный и выбросил 4 мешка» [61, арк. 6 адв.].

У прынцыпе, у выяўленых дакументах з судовымі разбіральніцтвамі аб крадзяжах заўважаны ўсе катэгорыі насельніцтва: дваране [62], прадстаўнікі духавенства і члены іх сем'яў [63; 64], салдаты [65–67], мяшчане [68–70], сяляне [71]. Асабліва крытычнае стаўленне і недавер ў гэтых справах быў да старааброднікаў [72].

Зразумела, для кагосьці крадзеж станавіўся вымушаным спосабам выжывання, а для кагосьці мэтанакіраваным вобразам жыцця. Складсці сацыяльны партрэт гарадскога злодзея даволі складана. Іх кантынгент вылучаецца даволі стракатай сацыяльнай картай, як і само гарадское насельніцтва з даволі размытымі саслоўнымі межамі ў сувязі з рэформамі 1860-х гг. Кожны від падобнага злачынства быў абумоўлены сваімі пабуджальнымі матывамі. Іх здзяйсненне залежала ад спецыфікі мікраасяроддзя і жыццёвых абставінаў, у якіх знаходзіўся злачынец, яго індывідуальных псіхічных асаблівасцяў. А ў сваёй сукупнасці ўсё гэта стварала праекцыю ўзроўню дабрабыту і стабільнасці тагачаснага грамадства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Елисеев, С. А.* Общие черты имущественной преступности в царской России / С. А. Елисеев // Вестник ТГПУ. Сер.: Гуманитарные науки (Юриспруденция). – 2006. – Выпуск 11 (62). – С. 37–40.

2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 881.

3. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 4653.

4. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 2912.

5. НГАБ. – Ф. 155. Воп. 1. Спр. 816.

6. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 48.

7. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 5121; 11574.

8. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 9827.

9. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 1156.

10. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 4266.

11. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 6382.

12. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 1017.

13. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 888.

14. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 7171.

15. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 2109.

16. НГАБ. – Ф. 531. Воп. 2. Спр. 1894.
17. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 8420.
18. НГАБ. – Ф. 210. Воп. 1. Спр. 461.
19. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 359.
20. НГАБ. – Ф. 155. Воп. 1. Спр. 1585.
21. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 7036.
22. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 3950.
23. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 7060.
24. НГАБ. – Ф. 155. Воп. 1. Спр. 2877.
25. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 7001.
26. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 2741.
27. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 9299.
28. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 31101.
29. НГАБ. – Ф. 210. Воп. 1. Спр. 133.
30. НГАБ. – Ф. 210. Воп. 1. Спр. 313.
31. НГАБ. – Ф. 210. Воп. 1. Спр. 573.
32. НГАБ. – Ф. 211. Воп. 1. Спр. 285.
33. НГАБ. – Ф. 211. Воп. 1. Спр. 438.
34. НГАБ. – Ф. 1595. Воп. 7. Спр. 47.
35. НГАБ. – Ф. 221. Воп. 1. Спр. 84.
36. НГАБ. – Ф. 534. Воп. 5. Спр. 2190.
37. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 7167.
38. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 165.
39. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 2. Спр. 13884.
40. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 1334.
41. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 6663; 12562; 12622;15136, 15166.
42. НГАБ. – Ф. 163. Воп. 1. Спр. 2583.
43. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 13104.
44. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 852.
45. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 8813.
46. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 1529.
47. НГАБ. – Ф. 2500. Воп. 2. Спр. 465.
48. НГАБ. – Ф. 155. Воп. 1. Спр. 1394.
49. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 2. Спр. 9415; 10164.
50. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 223.
51. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 34158.
52. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 32371.
53. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 5508.
54. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 16367.
55. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 2. Спр. 8046.
56. НГАБ. – Ф. 145. Воп. 2. Спр. 1282.
57. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 34954.
58. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 32758.
59. НГАБ. – Ф. 150. Воп. 1. Спр. 2999.
60. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 1530.

61. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 856.
62. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 3905; 5190; 13334.
63. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 2. Спр. 7589; 7596.
64. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 2. Спр. 13629.
65. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 4926.
66. НГАБ. – Ф. 171. Воп. 1. Спр. 3395.
67. НГАБ. – Ф. 534. Воп. 5. Спр. 1185; 2203.
68. НГАБ. – Ф. 155. Воп. 1. Спр. 2882.
69. НГАБ. – Ф. 171. Воп. 1. Спр. 5089.
70. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 7176.
71. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 2. Спр. 4879; 16588.
72. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 2. Спр. 368; 32249; 32357.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК [94+343.622–053.3(091)](476–89)“17/18”

ЗАБОЙСТВА НОВАНАРОДЖАНЫХ НЕМАЎЛЯТ У БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯХ У КАНЦЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ.: ПРАВАВЫЯ АСПЕКТЫ

Анофранка Н. В.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

Артыкул прысвечаны распаўсюджанай у канцы XVIII – першай палове XIX ст. сацыяльна-негатыўнай з’яве – забойству нованароджаных немаўлят. Аўтар зрабіў спробу паказаць змяненне стаўлення да гэтага віда злачынстваў з боку грамадства і дзяржаўных інстытутаў Расійскай імперыі. Былі разгледжаны асобныя артыкулы прававых кодэксаў, якія дзейнічалі на беларуска-літоўскіх землях пасля іх далучэння да Расійскай імперыі, а таксама нормы агульнаімперскага заканадаўства.

Ключавыя словы: Беларуска-літоўскія губерні; Расійская імперыя; Статут Вялікага княства Літоўскага (1588); Саборнае ўлажэнне (1649); расійскае заканадаўства; нованароджаныя; незаконнанароджаныя; злачынцы; забойства; пакаранне.

THE MURDERING OF NEWBORN BABIES IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES AT THE END OF THE 18th – THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY: LEGAL ASPECTS

Anofranka N. V.

Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article is devoted to a socially negative phenomenon common at the end of the 18th – the first half of the 19th century – the murdering of newborn babies. The author made an attempt to show the change in attitude towards this type of crime on the part of society and state institutions of the Russian Empire. Separate articles of the legal codes that were in force on the Belarusian-Lithuanian lands after their accession to the Russian Empire, as well as the norms of the general imperial legislation, were examined.

Keywords: Belarusian-Lithuanian provinces; Russian Empire; Statute of the Grand Duchy of Lithuania (1588); Cathedral Code of 1649; Russian legislation; newborns; illegitimate children; criminals; murder; punishment.

У канцы XVIII – першай палове XIX ст. забойства нованароджаных немаўлят з’яўлялася сур’ёзнай сацыяльнай праблемай як для грамадства беларуска-літоўскіх губерняў, так і для Расійскай імперыі цалкам. Як сведчаць архіўныя фонды судовых інстанцый, такія злачынствы былі распаўсюджаны

на працягу ўсяго перыяду і здзяйсняліся прадстаўніцамі амаль ўсіх саслоўяў за выключэннем духоўнага. У той жа час падыходы і стаўленне з боку грамадства і дзяржавы да інфантыцыду, а таксама да тых, хто здзяйсняў такія злачынствы, на працягу першай паловы XIX ст. змянялася, што адлюстравалася ў прававых крыніцах.

Пасля трох падзелаў Рэчы Паспалітай і далучэння беларуска-літоўскіх зямель да Расійскай імперыі судовыя інстанцыі на гэтай тэрыторыі пры разглядзе спраў аб дзетазабойстве пэўны час абапіраліся на нормы «Статута Вялікага княства Літоўскага 1588 г.» (Статутнае права) [1, арк. 24 адв.]. У той жа час у судовую практыку пачалі ўводзіцца нормы звода законаў Рускага царства «Соборное уложения 1649 г.» (Саборнае права) [2, арк. 33 адв.]. Параўнанне зместу артыкулаў аб роднасных забойствах паказала, што ў абодвух кодэксах яны былі сугучныя і адлюстроўвалі дух эпохі, калі былі складзены.

У прававых крыніцах у першую чаргу разглядалася забойства бацькоў дзецьмі. У Статуце ў раздзеле XI артыкуле 7 гаварылася: «Устанавливаем, когда бы сын или дочь своего отца или мать умышленно, в каком исступлении, убили или каким-нибудь образом родителя своего лишили жизни, тогда таковой сын или дочь, который был причиной смерти своих родителей, не только смертной казнью должен быть наказан, но и часть или всё имение и имущество теряет в пользу своих братьев, сестер или родственников своих, в том преступлении не виновных. А он таким наказанием смертью позорной должен быть наказан: по рынку водя, клещами тело рвать, а после, посадив в кожаный мешок, к нему собаку, петуха, ужа, кошку, мешок зашить и, где поглубже, в воде утопить. Таким же способом и сообщники его, которых он оговорит или на них по суду доказано будет, должны быть казнены» [3, с. 281]. Палажэнне, якое ўтрымлівалася ў «Саборным улажэнні» ў XXII артыкуле 1 па сэнсе было такім жа, але па форме больш лаканічным: «Будет который сын или дочь учинить отцу своему или матери смертное убийство, казнить смертью же безо всякой пощады» [4, с. 153].

Палажэнні аб забойствах бацькамі сваіх дзяцей у абодвух кодэксах таксама былі падобныя. Так, у Статуце пра забойства бацькамі дзяцей гаварылася ў тым жа 7 артыкуле XI раздзеле: «А если бы случилось родителям своё дитя убить не случайно и не за вину, но умышленно, тогда таковой отец или мать должны быть за то наказаны годом и шестью неделями заключения в замке нашем в башне, а отсидев год и шесть недель, должны еще на году четырёхкратно при церкви, при костеле, какого вероисповедания христианского будет, приносить покаяния и исповедоваться в явном грехе своём перед всеми людьми христианского собрания. А по такому делу суд замковый обязан расследовать и при дознании виновных по вышеописанному наказывать» [3, с. 281]. Паводле главы XXII артыкула 3 «Саборнага ўлажэння» палажэнне аб забойстве бацькамі дзяцей было сфармулявана наступным чынам: «А будет отец или мать сына или дочь убьёт до смерти, и их за то посадят в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходить им в церковь Божую объявлять тот свой грех людям вслух. А смертью за сына или дочь не казнить» [4, с. 154].

У Статуце асобнага артыкула, прысвечанага забойству пазашлюбнага нованароджанага немаўляці, не было. Аднак у раздзеле XI у 60-м артыкуле быў зроблены акцэнт на разбэшчаным жыцці жанчыны і спробах пазбавіцца ад вынікаў такога жыцця: «Устанавливаем, что если бы какая женщина, не будучи в супружестве и ведя непорядочный и распутный образ жизни, забеременела, а потом из-за боязни наказания лишилась того плода и его умертвила, или при помощи кого другого, и сама на том преступлении была бы поймана, или с тем, кто это будет делать, или были бы изобличены какими либо достоверными точными, значительными и явными доказательствами, таковые как тот подрядился это сделать и та, которая плод на погубу дала, должны быть сами наказаны смертью...» [3, с. 439]. Толькі ў 32-м артыкуле таго ж раздзела асобна гаварылася пра забойства незаконнанароджанага сына (любога ўзросту): «Кто бы убил незаконнорожденного, таковой от смертной казни свободен быть должен. Однако же, если бы была жива мать этого незаконнорожденного, то ей будет позволено изыскивать головщину. А головщина за такового сына, если бы даже прижила его с неизвестно каким знатным человеком, не должна быть выплачена более, только как за человека простого звания» [3, с. 345]. Такім чынам, Статут не адрозніваў забойствы пазашлюбнага немаўляці ці дзіцяці, народжанага ў шлюбе. Пакаранне за такае злачынства было менш жорсткім, чым за здзейснены аборт.

У адрозненні ад Статутнага права «Саборнае ўлажэнне» ўтрымлівалася палажэнне пра забойства пазашлюбных дзяцей. У 26 артыкуле XXII главы гаварылася: «А будет которая жена начнет жить блудно и скверно, и в блуде приживет с ним детей, и тех детей сама или иной кто по ее велению погубит, а сыщется про то допрямо, и таких беззаконных жен, и кто по ее велению детей таких погубит, казнить смертью без всякой пощады, чтобы на то смотря, иные такого беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялись» [4, с. 156]. Такім чынам, гэта палажэнне ў першую чаргу было накіравана на застрашэнне жанчын і прадухіленне незаконных сэксуальных сувязяў.

Істотным фактарам, які паўплываў на судовую практыку, была адмена ў Расійскай імперыі сенацкім указам ад 7 мая 1744 г. смяротнага пакарання. Замест гэтага ўводзілася цялеснае пакаранне (збіццё хлыстом, вырыванне ноздраў, кляйменне твараў) і высылка на катаржную працу. Забарона на здзяйсненне смяротнага пакарання была распаўсюджана на ўсёй тэрыторыі, далучанай да Расійскай імперыі ў выніку першага і другога падзелаў Рэчы Паспалітай. На беларуска-літоўскіх землях імператарскім указам ад 30 кастрычніка 1794 г. былі канчаткова забаронены «пытки и смертная казнь в Литве» [5, с. 576, № 17264]. Такім чынам, пры прымяненні норм Статутнага права пры разглядзе крымінальных спраў, суды ў беларуска-літоўскіх губернях смяротнае пакаранне замянялі цялесным пакараннем і высылкай на катаржную працу.

З улікам усіх акалічнасцей у пачатку XIX ст. судовыя інстанцыі, якія існавалі ў беларуска-літоўскіх губернях, як і вышэйшыя судовыя інстанцыі Расійскай імперыі, не мелі адзінага падыходу да забойства нованароджаных немаўлят. Былі адзінкавыя выпадкі, калі суд на падставе Статута ВКЛ

кваліфікаваў такое забойства, як выгнанне плода, і прысуджаў у якасці пакарання замест смяротнага пакарання – збіццё хлыстом і высылку на катаржную працу ў Нерчынск [1, арк. 24 адв.]. У рэдкіх выпадках, калі судовая справа патрапляла на рэвізію ў Сенат, забойства немаўляці разглядалася як паўнавартаснае забойства іншага чалавека. У выніку жанчына-злачынца пазбаўлялася правоў стану, атрымала цялеснае пакаранне і была выслана на катаржную працу ў Нерчынск [6, арк. 48; 7, с. 735, № 18140]. Аднак часцей у выпадках забойстваў нованароджаных немаўлят судовыя інстанцыі беларуска-літоўскіх губерняў кваліфікавалі гэтыя злачынствы як забойствы ўласных дзяцей. А пры вынясенні прысудаў аддавалі перавагу нормам Статута ВКЛ, дзе пакаранне за забойства ўласных дзяцей было больш суровым – тэрмін турэмнага зняволення, у адрозненні ад Саборнага права, складаў не адзін год, а год і шэсць тыдняў [8, арк. 15; 9, арк. 20 адв.; 10, арк. 15].

Верагодна ў першыя дзесяцігоддзі XIX ст. у Расійскай імперыі праблема забойства нованароджаных немаўлят непакоіла ўладу і грамадства. Гэта заклапочанасць знайшла адлюстраванне ў юрыдычнай думцы. У 1813 г. у Сенацкай тыпаграфіі быў надрукаваны «Проект уголовного уложения Российской империи». У ім значная ўвага была нададзена прычынам смерці немаўлят і пакаранням за гэта. Прадугледжваўся шэраг артыкулаў за забойства немаўля па неасцярожнасці: «§ 362. Буде кто из родителей при наказании ослушного из детей нанесет такое увечье, что наказанный умрет от того, то такового подвергать церковному покаянию и заточению в монастырь от одного до двух лет; § 372 Запрещается как матерям и кормилицам, так и другим спать в одной постели с младенцами до двухлетнего их возраста; § 373 Ежели мать, поступая вопреки сему запрещению, во время сна задавит младенца, то наказывать виновную церковным покаянием, также лишением свободы на три месяца; § 374 Ежели же учинит сие кормилица или другая посторонняя женщина с чужим младенцем, то таковых наказывать, как неумышленных смертоубийц, а когда обличены будут, что имели на то злой умысел, то подвергать наказанию наравне с умышленными смертоубийцами» [11, с. 135, 137].

Асобны раздзел у Праекце быў прысвечаны наўмысным забойствам нованароджаных – «Об убийстве младенцев». Асноўным быў 381 артыкул, у якім гаварылася: «Ежели мать, утаив беременность свою, родит в скрытном месте и умертвит младенца, то она наказывается лишением свободы и чести по §§ 38 до 40, по мере вины, купно с церковным покаянием» [11, с. 138]. Пакаранне па гэтым артыкуле прадугледжвала розную колькасць удараў бізуном і высылку на пасяленне (вечнае або на тэрмін ад 10 гадоў) у Сібір [11, с. 65]. У наступным 382 артыкуле гаварылася: «Но если мать не насильственно умертвила рожденного таким образом младенца, а смерть его была последствием неосторожности или небрежения ее при родах, то подвергается лишению свободы или телесному наказанию по § 59 и 65»[11, с. 138]. Па гэтым артыкуле пакаранне для прадстаўніц прывілеяванага саслоўя прадугледжвала турэмнае зняволенне ад 2 да 5 гадоў. Прасталюдзіны атрымлівалі не больш за 10 удараў бізуном і змяшчэнні ў працоўныя дамы. Такое ж пакаранне прадугледжвалася, калі жанчына была вінаватая па 383 артыкуле:

«Когда доказано будет, что таковой младенец и родился мертвым, то мать за утайку беременности и родов подвергается тому же наказанию, но в меньшей мере» [11, с. 65–67].

Таксама ў Праекце ўтрымліваліся палажэнні, якія датычыліся саўдзельнікаў у забойстве новонароджанных. Так, у 384 артыкуле гаварылася: «Кто с умыслом участвовал или помощь оказал к совершению умышленного смертоубийства младенца, наказывается по § 38». На думку аўтараў Праекта, саўдзельнікам мог быць мужчына, таму пакаранне прадугледжвала разжалаванне без пазбаўлення дваранства і прызначэнне жыхарства ў аддаленых частках імперыі. Для тых, хто не меў дваранства і чыноў, прадугледжвалася цялеснае пакаранне бізуном і адсылка на вечнае пасяленне ў Сібір без кляймення. Аналагічнае пакаранне было прадугледжана і для бацькі, калі ён дапамагаў здзейсніць ці прыхоўваў забойства тайна народжанага немаўля (артыкул 385). Наступны 386 артыкул датычыўся іншых людзей, якія таксама прыхоўвалі забойства [11, с. 65, 68–69]. За гэта прадугледжваліся розныя пакаранні (залежалі ад саслоўнай прыналежнасці і ступені ўцягнутасці ў злачынства) – пакаранне бізунамі і высылку на вечнае пасялення, турэмнае заключэнне на 5–10 гадоў, змяшчэнне ў працоўны дом і г. д. [11, с. 138].

«Проект уголовного уложения Российской империи 1813 г.» не быў рэалізаваны. Аднак унікальнасць гэтага законапраекта была ў тым, што ні ранейшыя прававыя дакументы, ні наступныя не надавалі такой увагі злачынствам супраць новонароджаных. Таксама адметнасцю было тое, што ў фармулёўках артыкулаў аб забойстве немаўлят адсутнічала градацыя на законна і незаконнанароджаных дзяцей.

У пачатку 30-х гг. XIX ст. у Расійскай імперыі адбылася кадыфікацыя заканадаўства. Імператарскім маніфестам ад 31 студзеня 1833 г. «Свод законов Российской империи» у 16 тамах быў абвешчаны дзеючай крыніцай права. У «Своде законов уголовных» (Т. XV) утрымліваўся раздзел «О смертоубийстве», артыкулы якога адлюстроўвалі погляды расійскага ўраду на гэты від злачынстваў і ў тым ліку на забойствы дзяцей. Так, артыкул 330 наступным чынам даваў вызначэнне, што такое забойства: «Насильственная смерть причиненная другому, нанесением ран, ушиба или отравлением, почитается смертоубийством». Пакаранне за забойства было вельмі лаканічна сфармулявана ў 332 артыкуле: «Главный виновник умышленного смертоубийства подлежит лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и катаржной работе» [12, с. 117]. Расійскія заканадацелі вылучылі асаблівыя віды забойстваў, якія пералічваліся ў 341 артыкуле: «Убийство родственное, под сим разумеется: а) убийство отца или матери, б) чадоубийство; в) детоубийство, т. е. убийство детей в утробе матери, г) братоубийство, д) убийство мужем жены и обратно, е) убийство прочих родственников без точного определения степени родства. Убийства начальниками подчиненных и обратно. Убийство господ слугами и обратно. Убийство лиц при отправлении ими должностей» [12, с. 119]. У наступным 342 артыкуле адзначалася, што гэтыя асаблівыя віды

забойстваў патрапляюць пад тыя ж меры пакарання, якія прысуджаюцца за смертазабойства ўвогуле [12, с. 119–120].

У новым заканадаўстве таксама ўтрымлівалася палажэнне, якое датычылася імкнення жанчын пазбавіцца ад непажаданых дзяцей. Так, у артыкуле 343 да адмысловых забойстваў былі аднесены спробы пазбавіцца плода і аборты: «Умышленное во чреве умерщвление и изгнание плода, и причинение смерти от непозволительного лечения шарлатанами и другими лицами, не имеющими на то права» [12, с. 120]. Таксама адзначаліся выпадкі забойства немаўлят пасля нараджэння, аднак яны датычыліся дзейнасці павівальных бабак. У артыкуле 345 гаварылася, што ў выпадку наўмыснага ўмярцвення немаўля, нават калі ён нарадзіўся выradкам, павівальная бабка атрымлівала пакаранне бізуном і катаржнай працай [12, с. 120]. Паводле 346 артыкула: «Повивальная бабка не должна ни по чьей просьбе приступать к поспешествованию прежде временного от беременности разрешения, а повинна о таковом беззаконном намерении доносить куда следует, под опасением наказания по всей строгости законов» [12, с. 120].

Такім чынам, у «Своде законов уголовных» (1833 г.) адбылося адступленне ад патрыярхальных традыцый расійскага грамадства. Па-першае, былі ўраўнаваныя ў адказнасці і пакаранні забойствы дзецьмі бацькоў і бацькамі дзяцей. Па-другое, гэтыя роднасныя забойствы афіцыйна ўраўноўваліся з усімі астатнімі забойствамі ў адказнасці. Такім чынам, пакаранне за забойства нованароджаных немаўлят (законных або незаконных), у параўнанні з палажэннямі Статутнага або Саборнага права, істотна павялічвалася.

Верагодна, змены ў заканадаўстве ў адносінах да роднасных забойстваў выклікала пэўнае непаразуменне ў грамадстве і пытанні з боку судовых устаноў. Бо ўраду Расійскай імперыі прыйшлося даць некаторыя тлумачэнні. Так, 4 чэрвеня 1836 г. было апублікавана дадатковае тлумачэнне пад назвай «О наказании за особенные виды смертоубийства». Дзяржаўны савет параўнаў нормы Саборнага ўлажэння (артыкул 3 XXII главы), 89 пункт пра дзетазабойства «новоуказной статьи» ад 22 студзеня 1669 г. і 342 артыкула «Свода законов уголовных» (Т. XV) і даў наступнае тлумачэнне: «Если Уложение по духу тогдашнего времени очевидно снисходило в сем случае к лицу родителей, определяя им за чадоубийство только задержание на год в тюрьме и в церковном покаянии: то в следующих, хотя частных законах, а равно в сообразных с оным решениях подобных дел, где чадоубийству присуждались всегда к тому же наказанию, какое положено за смертоубийство вообще – без сомнения применимо было в основании, что чадоубийство, как преступления противное природе человека, крайне редко может встречаться в состоянии законного брака, но что против того в следствии непозволительных связей обоими между полами, и в следствии разврата нравов общественных, побуждение к оному в различных случаях могут быть весьма сильны; почему приговор, определяющий задержание на год и церковное покаяние, был бы явно недостаточным прощением сему злу» [13, с. 654, № 9262]. Такім чынам, на думку Дзяржсавета, забойства дзяцей, народжаных у законным шлюбе, было з'явай выключнай. Пакаранне ж паводле 342 артыкула «Свода

законов уголовных» (Т. XV) датычылася менавіта забойц незаконнанароджаных. На думку заканадаўцаў, гэтыя суровыя меры павінны былі стрымліваць насельніцтва Расійскай імперыі ад амаральных паводзін і пазашлюбных інтымных сувязей.

У 1845 г. стаўленне дзяржавы і грамадства да дзетазабойстваў, у прыватнасці да забойства нованароджаных, знайшло адлюстраванне ў першым крымінальным кодэксе Расійскай імперыі «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» [14] і ў такім выглядзе перайшлі ў «Свод законов уголовных» 1857 г. [15]. Паводле «Уложения» 1845 г., забойства бацькоў зноў было вылучана ў асобны 1920 артыкул. Пакаранне за гэтае злачынства было больш суровым, чым за іншыя забойствы: «За умышленное убийство отца или матери, виновные подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в рудник без срока, а будет они по закону не изъяты от наказаний телесных, к наказанию плетьми через палачей в мере, определенной статьёй 21 Уложения для первой степени наказания сего рода с наложением плетей. По прибытии их в место каторжной работы, они ни в каком случае и ни по какой причине не переводятся, увольняются от работы не иначе, как за совершенной дряхлостью, и даже тогда не освобождаются от содержания в остроге» [14, с. 739; 15, с. 501].

Іншыя наўмысныя забойствы караліся ў адпаведнасці з артыкулам 1921: «Лишение всех прав состояния и ссылки в каторжную работу в рудниках без срока, а будет по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми через палача в мере определённой статьею 21 Уложения для первой степени наказаний сего рода, с наложением клейм» [14, с. 739; 15, с. 501]. Такому пакаранню падвяргаліся ўсе пералічаныя ў артыкуле 1922: «Виновные в убийстве предумышленном: жены своей или мужа, сына своего или дочери, родных деда или бабки, внука или внучки и вообще одного из родственников восходящей или нисходящей прямой линии, в каковой бы то не было степени; или родного брата, или родной сестры, родного дяди ли тетки; или начальника, или господина, или члена семейства господина, вместе с ним живущих, или хозяина, или мастера, у которого убийца находилась в услужении, работе или учении, или человека, коему убийца был должен воспитанием своим или содержанием» [14, с. 739; 15, с. 501].

Аднак, той жа 1922 артыкул «Уложения» асобна агаворваў пакаранне, і магчымае яго змягчэнне для жанчын, якія забілі незаконнанароджанае дзіця: «Наказание смягчается тремя степенями в случае, когда убийство незаконнорожденных сына или дочери совершено матерью от стыда или страха, при самом рождении младенца, если однако ж при сем не будет доказано, что она уже была прежде виновата в том же преступлении. Когда ж детоубийство сего рода было не предумышленное, виновная в оном женщина, особенно если она не замужем и разрешилась от бремени в первый раз, подвергается только: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленных или менее отдаленных местах Сибири, а будет она по закону не изъята от наказаний телесных, и наказанию плетьми через палачей в мере определенной статьёй 22 сего Уложения для первой или второй степени наказания сего рода

смотря по обстоятельствам более или менее увеличивающим вину ее» [14, с. 741–742; 15, с. 501].

«Уложение» ўтрымлівала яшчэ два артыкулы, якія датычыліся нованароджаных. Так, у артыкуле 1931 гаварылася: «Женщина, которая от стыда или страха хоть и не умертвит незаконнорожденного своего младенца, но оставит его без помощи и младенец от того лишится жизни, приговаривается за это к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ей прав и преимуществ и к ссылке на житьё в губернии Томскую или Тобольскую, с заключением на время от одного года до двух лет, или будет она по закону не изъята от наказаний телесных, к наказанию розгами в мере определённой статьёю 35 сего Уложения для четвёртой степени наказания сего рода и отдаче в рабочий дом на время от трёх до шести лет, на основании постановления статьи 85 сего Уложения. Если будет доказано, что младенец родился мёртвым и мать волнуемая стыдом или страхом, только скрыла его тело, вместо того, чтобы объявить о сем как следовало, то за сие она подвергается лишь: заключению в тюрьму на время от шести месяцев до одного год, смотря по обстоятельствам, более или менее увеличивающим или уменьшающим вину ее» [14, с. 746; 15, с. 504].

Артыкул 1940 датычыўся забойства немаўлят, якія нарадзіліся з істотнымі фізічнымі адхіленнямі. У ім гаварылася: «Кто в случае, когда какой либо женщиной будет рожден младенец чудовищного вида или же не имеющий человеческого образа, <…> лишит сего урода жизни, тот за сие по невежеству или суеверию посягательству на жизнь существа рожденного от человека и следовательно имеющего человеческую душу, приговаривается к лишению всех прав состояния и высылке на жительство в губернию Томскую или Тобольскую <...> и к наказанию розгами в мере определенной статьёй 35 для пятой степени наказания сего рода и к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на время от 2 лет. Сверх того, если он христианин, то предаётся церковному покаянию по усмотрению духовного начальства» [14, с. 752; 15, с. 508].

Стваральнікі «Уложение о наказаниях» 1845 г. з аднаго боку пайшлі на сустрач патрыярхальным настроям і запытам расійскага грамадства, вярнуліся да старой практыкі і вылучылі забойства бацькоў у асобную катэгорыю злачынстваў. З іншага боку, у пытаннях забойства або замаха на забойства нованароджаных немаўлят, палажэнні былі больш гуманныя, чым палажэнні Звода законаў 1833 г. Кардынальнай зменай было тое, што пакаранне за забойства незаконнанароджанага немаўляці пры пэўных умовах змяншалася. А судовыя інстанцыі павінны былі пры вынясенні прысудаў улічваць псіхалагічны стан жанчыны-забойцы і яе раскаянне. Таксама ў кодэксе знайшлі адлюстраванне такія дзеянні, як пакіданне немаўля без дапамогі, нараджэнне мёртвага дзіця і патаемнае яго пахаванне.

Такім чынам, на працягу канца XVIII – першай палве XIX ст. у беларуска-літоўскіх губернях заканадаўства ў адносінах роднасных забойстваў, у прыватнасці ў адносінах забойстваў нованароджаных немаўлят, некалькі разоў змянялася. Так, з моманту далучэння беларуска-літоўскіх зямель

да Расійскай імперыі і да пачатку 30-х гг. XIX ст. суды пры разглядзе спраў пра дзетазабойствы абапіраліся на мадэрнізаваныя праз адмену смяротнага пакарання, палажэнні Статута ВКЛ (1588 г.) або на Саборнае ўлажэнне (1649 г.). Як сведчылі дакументы судаводства, адназначнага стаўлення да такога віда злачынстваў у судовых інстанцый не было. Аднак у большасці выпадкаў стаўленне было цярпімым, пра што сведчаць прысуды – год або год і шэсць тыдняў турэмнага зняволення і духоўнае пакаянне.

Такое лагоднае пакаранне непакоіла грамадства і ўрадавыя колы Расійскай імперыі. Пра гэта сведчыць «Проект уложения о наказаниях» (1813 г.). У ім шэраг артыкулаў быў прысвечаны забойству нованароджаных, у тым ліку значна больш суровым было пакаранне за такое злачынства. Аднак гэты законапраект практычнай рэалізацыі не атрымаў.

Пра тое, што і ў грамадстве, і ва ўладных колах стаўленне да забойства дзяцей стала больш нецярплівае, сведчаць адпаведныя артыкулы «Свода законов уголовных» (1833 г.). За такія злачынствы было ўведзена такое ж суровае пакаранне, як і за іншыя забойствы. Гэта выклікала незадавальненне з боку патрыярхальнай часткі расійскага грамадства, бо ў 1836 г. расійскаму ўраду прыйшлося тлумачыць сваю логіку. А менавіта тое, што ў законных шлюбах забойствы нованароджаных не здараюцца, таму новы закон накіраваны супраць тых, хто вядзе блуднае жыццё і імкнецца пазбавіцца ад пазашлюбных немаўлят.

Падчас судовых працэсаў стаўленне да жанчын, якія забілі сваіх нованароджаных дзяцей, не было адназначным. Ужо праз 12 гадоў падыходы да праблемы забойства нованароджаных зноў змяніліся. Гэта знайшло адлюстраванне ва «Уложении о наказаниях» (1845 г.). Гэтым крымінальным кодэксам прадугледжвалася змягчэнне пакарання за забойста незаконнанароджаных дзяцей, калі гэта было ўчынена ўпершыню і з-за сораму або немагчымасці дзіця пракарміць. Менавіта «сорам» і «адсутнасць сродкаў на пракорм» былі асноўнымі прычынамі забойств, якія агучваліся ў судах. Фактычна прызнавалася, што прычына такіх злачынстваў з боку жанчын палягае ў сацыяльнай сферы. За наступныя 12 гадоў грамадская і прававая думка ў дачыненні да забойстваў нованароджаных не змянілася, гэтыя палажэнні былі паўтораны ў «Своде законов Российской империи» 1857 г.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 76. Воп. 2. Спр. 167.

2. НГАБ. – Ф. 76. Воп. 2. Спр. 108.

3. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведкі. Каментары. / Бел СЭ; рэдкал І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш]. – Мінск, 1989. – 573 с.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 1. – 1029 с.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. 23. – 969 с.

6. НГАБ. – Ф. 76. Воп. 2. Спр. 291.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 24. – 869 с.

8. НГАБ. – Ф. 76. Воп. 2. Спр. 26.

9. НГАБ. – Ф. 76. Воп. 2. Спр. 209.

10. НГАБ. – Ф. 76. Воп. 2. Спр. 210.

11. *Безверхов, А. Г.* Проект уголовного уложения Российской империи 1813 года. / А. Г. Безверхов. – Самара: Типография «Самарский университет», 2013. – 192 с.

12. Свод законов Российской империи, [повелением Государя императора Николая Первого составленный]: издания 1833 года – Санкт-Петербург: в типография 2-го отделения Собственной его императорской канцелярии, 1833. – Т. 15. – Свод законов уголовных. – 1833. – 457 с.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. – Т. 11. – Ч. 1. – 895 с.

14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. – 592 с

15. Свод законов Российской империи, [повелением Государя императора Николая Первого составленный]: издания 1857 года – Санкт-Петербург: в типография 2-го отделения Собственной его императорской канцелярии, 1857. – Т. 15: Законы уголовные. – 602 с.

(Дата паступлення: 23.05.2023).

УДК [94-058.12+347.64](476-89)«18»

ДЗЕЙНАСЦЬ ДВАРАНСКАЙ АПЕКІ Ў БЕЛАРУСКА-ЛІТОЎСКІХ ГУБЕРНЯХ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX СТ. (НА ПРЫКЛАДЗЕ МАЛАЛЕТНІХ СІРОТ ЛУСКІНЫХ)

Кімбар К. Р.
Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаецца дзейнасць Дваранскай апекі ў беларуска-літоўскіх губернях у першай палове XIX ст. на прыкладзе гісторыі малалетніх дваран Іосіфа і Вікенція Лускіных Віцебскага павета. Аўтар аналізуе асноўныя напрамкі работы апекуна дзяцей-сірот Лускіных Юстына Быкоўскага. Таксама засяроджана ўвага на механізмах дзейнасці Дваранскай апекі Віцебскага павета ў вырашэнні крызіснай сітуацыі ў маёнтках Лускіных пасля буры ў чэрвені 1836 г.

Ключавыя словы: беларуска-літоўскія губерні; заканадаўства; дваранства; апека; дваранскія апекі; сіроты.

THE ACTIVITIES OF THE NOBLE GUARDIANSHIP IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN GOVERNORATES IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE JUVENILE ORPHANS OF THE LUSKIN FAMILY)

Kimbar K. R.
Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article examines the activities of the Noble Guardianship in the Belarusian-Lithuanian governorates in the first half of the 19th century on the example of the story of juvenille noblemen Joseph and Vincent Luskin of Vitebsk district. The author analyzes the main areas of work of the guardian of Luskin orphans, Justin Bykovsky. Attention is also focused on the mechanisms of activity of the Noble Guardianship of Vitebsk County in solving the crisis situation in the Luskin estates after the storm in June 1836.

Keywords: Belarusian-Lithuanian governorates; legislation; nobles; guardianship; noble guardianships; orphans.

У Расійскай імперыі апека над дзецьмі-сіротамі мела ў асноўным саслоўны характар. Для дзяцей дваран, якія засталіся без бацькоў, дзейнічаў адмысловы орган – Дваранская апека, якая была заснавана ў 1775 г. заканадаўчым актам «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». Паводле заканадаўства Дваранская апека засноўвалася ў паветах Расійскай імперыі пры павятовых судах. Старшынёй у ёй быў павятовы прадвадзіцель

дваранства, а акрамя яго, у склад інстанцыі павінны былі ўвайсці павятовы суддзя і дваранскія засядацелі суда [1, с. 781]. Дваранскія апекі, акрамя клопату над дваранскімі дзецьмі-сіротамі, займаліся справамі ўдоў, бралі пад апеку маёнткі звар'яцелых дваран або тых, якія не маглі выплаціць даўгі ці вымушаныя былі закладаць маёмасць. Пасля далучэння беларуска-літоўскіх зямель у склад Расійскай імперыі пасля трох падзелаў Рэчы Паспалітай сістэма апекавання над дваранскім саслоўем была распаўсюджана і на новадалучаныя тэрыторыі. У папярэдні перыяд апека над шляхецкімі дзецьмі-сіротамі ў беларуска-літоўскіх паветах ажыццяўлялася паводле норм Статута ВКЛ 1588 г. Закон вызначаў катэгорыі асоб, якія могуць быць апекунамі (часцей за ўсё ім станавіўся старэйшы паўналетні брат), а пытанні, звязаныя з апекай, рэгуляваў земскі суд [2, с. 224–232].

Корпус крыніц, які датычыцца дзейнасці і функцыянавання Дваранскай апекі ў паветах беларуска-літоўскіх губерняў, дастаткова аб'ёмны і разнастайны. Адным са змястоўных відаў дакументаў з'яўляюцца журналы пасяджэнняў Дваранскай апекі. Журналы пасяджэнняў належалі да ўнутранай справаводчай дакументацыі, вяліся пагадова і ўтрымлівалі пераказ пытанняў кожнай нарады і яе вынікі. Журналы дазваляюць выявіць механізмы дзейнасці Дваранскай апекі як інстанцыі: у іх пералічаны прысутныя на пасяджэннях члены Апекі, паказаны дачыненні з іншымі дзяржаўнымі органамі, а таксама рашэнні, якія прымаліся па пытаннях і зваротах. У той жа час, такога кшталту дакументы адлюстроўваюць паўсядзённае жыццё сірот у першай палове XIX ст., спрыяюць разгляду сіроцтва як сацыяльнай з'явы.

У ходзе даследавання быў разгледжаны журнал Віцебскай Дваранскай апекі (займалася справамі Віцебскага павета і г. Віцебска) за 1836 г. У ім праз шэраг пасяджэнняў пад пільную ўвагу гэтай інстанцыі трапляюць малалетнія сіроты дваране Лускіны Віцебскага павета, іх апякун Юстын Быкоўскі, а таксама тыя як штодзённыя, так і спецыфічныя праблемы, якія ім давялося вырашаць.

Хлопчыкі-падлеткі, 14-гадовы Іосіф і 13-гадовы Вікенцій, на пачатак 1836 г. засталіся круглымі сіротамі. Вядома, што іх бацькам быў штабс-ротмістр Станіслаў Лускін. Калі здарылася яго смерць, у дакументах не ўзгадваецца, але вядомая дата складання яго тэстамента – 7 сакавіка 1833 г. [3, арк. 143]. Імя маці дзяцей у дакументах не называецца. Аднак можна меркаваць, што яна памерла пазней за свайго мужа, бо ў 1836 г. апякун паведамляў, што пры яго ўдзеле была прададзена маёмасць, якая засталася пасля смерці маці [3, арк. 5 адв.]. Паводле заканадаўства: «Дворянская опека по назначении опекуна, или опекунов, предписывает им, чтобы при Секретаре Уездного Суда и двух посторонних дворянских дворянских свидетелях сделать обстоятельную опись всему наследству <…>» [4, с. 248]. Гэта працвярджалася практыкай: вопісам маёмасці і яе продажам апякун займаўся ў бліжэйшы час пасля ўступлення ў свае абавязкі.

Па заканадаўству прадугледжвалася прызначэнне пераважна некалькіх апекуноў: «Дворянская Опека власть имеет избирать опекунов к имению и к особе малолетнего» [4, с. 247]. Аднак, паводле Журнала, апекуном дзя-

цей быў прызначаны адзін чалавек – Юстын Быкоўскі, памешчык Суражскага павета, ганаровы папячыцель Віцебскай гімназіі. Адносна таго, чаму да сірот Лускіных быў прызначаны толькі адзін апякун, можна меркаваць, што колькасць іх маёмасці, памер маёнткаў быў невялікі, таму Дваранская апека палічыла мэтазгодным прызначэнне на гэтае месца толькі аднаго чалавека; або іншыя апекуны ўсё ж меліся, але не былі пазначаны ў асобна ўзятай крыніцы.

Юстын Быкоўскі не з'яўляўся сваяком Іосіфа і Вікенція Лускіных, пры гэтым хлопчыкі мелі родных. Так, у дакументах справаводства Віцебскай дваранскай апекі за 1836 г. узгадваюцца дзед хлопчыкаў па матчынай лініі Фелікс Дамброўскі і іх дзядзька губернскі сакратар Дамброўскі. Хаця звестак няшмат, але можна меркаваць пра магчымыя прычыны прызначэння на апякунскую пасаду менавіта Быкоўскага. Маглі быць абставіны, якія заміналі сваякам дзяцей стаць іх паўнавартаснымі апекунамі. Так, дзед Фелікс Дамброўскі жыў на момант прызначэння апекі ў Санкт-Пецярбургу і, верагодна, праз сталы ўзрост і аддаленае месцажыхарства не мог займацца справамі маёнткаў, якія знаходзіліся ў Віцебскай губерні.

Пра дзядзьку сірот Лускіных вядома тое, што ён быў арандатарам аднаго з іх маёнткаў (Асінаўка Віцебскага павета). Так, Віцебскае губернскае праўленне 21 снежня 1836 г. паведамляла ў Віцебскую дваранскую апеку пра тое, што генерал-губернатар разгледзеў сярод іншага прашэнне губернскага рэгістратара Льва Люзкі. Ён скардзіўся на арандатара маёнтка Лускіных губернскага сакратара Дамброўскага за «самоуправно отобранные земли, принадлежащие просителю, и причиненное разорение» [3, арк. 356 адв.]. Хутчэй за ўсё, Дамброўскі сам меў патрэбу ў грошах, не валодаў уласным маёнткам, жыў сціпла, быў уцягнуты ў зямельныя спрэчкі. Такім чынам, ён не падыходзіў на ролю апекуна, які можа даць належнае забеспячэнне двум дваранскім хлопчыкам. Магчыма, ён з'яўляўся апекуном дзяцей раней, але потым адмовіўся ці быў пазбаўлены гэтага абавязка.

Што датычылася Юстына Быкоўскага, нельга сказаць, што ён быў для сям'і Лускіных зусім чужым чалавекам. Хутчэй за ўсё, як і ў іншых падобных выпадках, тыя, хто ўяўляецца «пабочнай асобай», насамрэч маглі быць звязаны з сям'ёй сірот або іх памерлымі бацькамі сяброўскімі і іншымі сувязямі, і часам гэта пацвярджаецца дадзенымі архіўнай крыніцы [5, с. 196]. З дакументаў невядома, якім чынам быў прызначаны да апякунства Юстын Быкоўскі. Але пры гэтым яго асоба адпавядае ідэальнаму вобразу апекуна, апісанаму ў заканадаўстве Расійскай імперыі. Так, Дваранская апека адпаведнага павета ў выпадку сіроцтва дзяцей мусіла даведацца, хто прызначаны да апякунства паводле духоўнага завяшчання бацькоў, а калі гэта не было запісана, мела права прызначыць апекуна з асоб, якія ў сваю чаргу былі: «добродетельными качествами своими, честностью и незазорным поведением более подают надежды к призрению малолетнего в здравии, благородном воспитании и пристойном содержании, и от которых отеческого попечения к малолетнему ожидать непременно можно» [4, с. 247–248].

Разглядаючы дзейнасць Юстына Быкоўскага ў якасці апекуна, варта вылучыць тры напрамкі яго дзейнасці: папячыцельства над падлеткамі

асабіста; кіраванне іх маёмасцю; справаздачнасць перад Дваранскай апекай. Так, у 1835 г. ён уладкаваў Іосіфа і Вікенція Лускіных у Санкт-Пецярбургскую гімназію на поўны пансіён. Акрамя таго, ён даручыў нагляд за імі іх роднаму дзеду Феліксу Дамброўскаму, які пражываў у Пецярбургу, і вылучыў яму на выдаткі забеспячэння сірот 200 рублёў у год, «дабы смотреть за их здоровьем, вежливостью и прилежанием» [3, арк. 5]. Перадаўшы клопат па непасрэдным забеспячэнні дзяцей і іх выхаванні ў гімназіі дзеду, Быкоўскі засяродзіўся на кіраванні справамі ў маёнтках, якія належалі малалетнім Лускіным.

У паведамленнях, якія датычацца справы малалетніх Лускіных, прыгадваюцца разнастайныя штодзённыя дзеянні апекуна ў іх маёнтках. Гэта і кантроль за своечасовай выплатай падаткаў (пры гэтым эканомія маёнткаў уносіць грошы замест самых збяднелых сялян), і вырашэнне пытанняў карыстання зямлёй іншымі асобамі. Як паведамляў Быкоўскі ў Дваранскую апеку 13 мая 1836 г., пакойны бацька малалетніх штабс-ротмістр Станіслаў Лускін у сваім тэстаменце пакінуў права па карыстанні пэўнай зямлёй у вёсцы Малым Мілаве Якаву Фалевічу (саслоўе якога не называецца). Станіслаў Лускін, паводле апекуна, «<…> желая оказать память заслугам его, оставил пользоваться тем же преимуществом <Фолевичу с супругой>». Калі ж памерла і жонка Фалевіча, і спадкаемцаў знайсці не атрымалася, Быкоўскі «счел обязанностью поручить ту землю местному в имении управлению и пригласить Витебского уездного землемера Туровича» [3, арк. 143–143 адв.].

Юстын Быкоўскі меў рэгулярную сувязь з Дваранскай апекай. Ён адсылаў туды данясенні, паведамленні, даваў справаздачы. Напрыклад, у пачатку 1836 г. года ён даў справаздачу за мінулы 1835 г. і на працягу наступных двух месяцаў дасылаў дакументы і распіскі ў дадатак да яе. Так, у Дваранскай апецы 25 лютага 1836 г. заслухалі ўказ Віцебскай Палаты грамадзянскага суда пра апякунскія справаздачы. Віцебская палата запатрабавала даслаць дакументы, якіх не хапала. У тэксце ўказа адзначалася: «<…> кроме опекуна малолетних Крешевских, Лускинов, Янушковских <…> никто из опекунов не предоставил узаконенных отчетностей» [3, арк. 70]. Гэта пацвярджае адказны падыход Юстына Быкоўскага да справаздачнасці і яго педантычнасць у фінансавых пытаннях.

Сярод спраў, якія выносіліся на абмеркаванне Віцебскай дваранскай апекі, найбольшы інтарэс выклікаюць гісторыі прыродных катаклізмаў у маёнтках малалетніх Лускіных як прыклады ўзаемадачыненняў апекуна з Дваранскай апекай у нестандартнай сітуацыі і спосабаў вырашэння праблемы абодвума бакамі. Так, 7 красавіка 1836 г. у Віцебскай дваранскай апецы слухалі данясенне апекуна малалетніх Іосіфа і Вікенція Лускіных памешчыка Юстына Быкоўскага. У ім гаварылася, што «по случаю морозобития» ў мінулым 1835 г. нельга дастаць аўсу добрай якасці для засеву яравых палёў як сялянскіх, так і фальваркавых, «а таковому цена за четверть 11 руб. 25 коп.». Дваранская апека, выслухаўшы данясенне, загадала паведаміць Юстыну Быкоўскаму, што ў іх установы няма спісу тых асоб, якія маюць хлебныя запасы. Далей гаварылася: «Опекун, старающийся за благом малолетних, заблаговременно о сем думать был обязан, яко всякое по опекунскому его управлению упущение» [3,

арк. 100 адв.]. Напрыканцы гэтай «вымовы» дадавалася – «Чтобы впредь подобными не утруждал вопросами опеку» [3, арк. 100 адв.].

Нягледзячы на папярэднюю адмову ў дапамозе, Юстын Быкоўскі звярнуўся ў Дваранскую апеку праз два месяцы – і зноў з нагоды прыроднага катаклізму. Упершыню пра тое, што па маёнтках, якія належаць малалетнім Лускіным, прайшлося стыхійнае бедства, апякун Быкоўскі паведаміў у Дваранскую апеку 21 чэрвеня 1836 г. Ён пісаў: «В 13 день сего месяца бурею с сильным дождем и градом <изломаны> большой сосновый бор, лес <…> частью из корнев извернут, а в большем количестве изломан. В господском доме сорванные крыша, окошки выбиты, складной сарай упал. Управительский дом развален, овин разрушен, луга избиты градом <…>» [3, арк. 202 адв.]. Паводле паведамлення Быкоўскага, бура закранула тры маёнткі – Старое Сяло, Дуброўск і Асінаўку. Паводле апекуна: «В фольварке Осиновке крыша дома сорвана, окошки выбиты, овин низвернут, экипажный сарай и скотный дом вовсе разрушены» [3, арк. 202 адв.], былі пабіты градам палі і ставы, а ў сялянскіх палях «в 25 домах выбиты хлеба четвертей ржи 152, овса 102, ячменя 18, бобов 2 <…> 3 гороху… 4 гречихи, 18 картофеля <…> огородные овощи <…> капуста и бураки с землею почти помешаны» [3, арк. 202 адв – 203]. Агульную суму страт, нанесеных градам, апякун ацаніў у 50 000 рублёў і прасіў Апеку прыняць захады «к изысканию возможных средств» [3, арк. 203–203 адв.]. З улікам таго, што тыповы маёнтак сярэднепамеснага двараніна па Расійскай імперыі ў цэлым у першай палове XIX ст. даваў гадавы даход ад 400 да 800 рублёў срэбрам [6, с. 87], 50 тысяч рублёў, відавочна, былі непад'емнай сумай для гаспадаркі Лускіных і іх трох маёнткаў.

У сувязі з гэтым паведамленнем далейшыя дзеянні Дваранскай апекі ў пэўнай ступені паказваюць яе функцыі і паўнамоцтвы ў вырашэнні пытанняў, звязаных з апякунскімі маёнткамі. У выніку Апека пастанавіла перадаць змест паведамлення Быкоўскага Віцебскаму прадвадзіцелю дваранства, які павінен быў агледзець маёнткі і спраўдзіць маштаб страт, пра што «предоставить куда следует» (у адпаведную інстанцыю) і вылучыць апекуну дапамогу («пособие») на аднаўленне [3, арк. 203 адв.].

У ліпені 1836 г. у Апецы заслухалі засядацеля Віцебскага павятовага суда Свіршчэўскага, які адначасова быў членам Віцебскай дваранскай апекі. Ён зрабіў паведамленне «о бытности его в имение Старом Селе, Дубровске и Осиновке» і аглядзе «причиненного бурею 13 июня градобитии, которое с донесения опекуна г. Быковского оказалось верным». Такім чынам, за месяц, які прайшоў з моманту стыхійнага бедства, Дваранская апека пераканалася ў сапраўднасці праблемы, але ўсё яшчэ не зрабіла захадаў да яе вырашэння. Так, было загадана «настоящее отношение иметь в виду при разрешении обстоятельств» [3, арк. 231 адв.]. Такім чынам, марудная праца ўстановы, яе залежнасць у значных рашэннях ад іншых органаў – Віцебскага павятовага суда, Віцебскага губернскага праўлення – не дазвалялі прасунуцца далей у аднаўленні маёнткаў, якія панеслі страты ад граду і буры.

26 ліпеня 1836 г. у Апеку звярнуўся ўжо арандатар аднаго з маёнткаў Лускіных Старое Сяло памешчык Сцяпан Грынеўскі. Ён паведамляў «о при-

чиненных случившегося в 13 день июня бурею <…> потерях», пра тое, што «лишился совершенно озимого и ярового хлеба», і прасіў, каб прадаставілі яму спосаб і магчымасць «осеменить будущие посевы». Дваранская апека на гэты раз абмежавалася толькі рашэннем паведаміць пра скаргі і просьбы Грынеўскага апекуну [3, арк. 246 адв.].

Нарэшце, праз тры месяцы пасля буры, 10 верасня 1836 г., Юстын Быкоўскі зноў звярнуўся ў Дваранскую апеку і аб'явіў: «Не предвидит никаких средств обсеменить поля озимым и яровым хлебом, а также прокормить крестьян для будущего урожая без значительного для малолетних убытка, равной меры и нищеты арендатора» [3, арк. 281]. Ён «просит милости правительства», каб атрымаць грашовую дапамогу на аднаўленне маёнткаў. Адказ Дваранскай апекі на гэта быў зноў адмоўны: «Не видно, чтобы на случай подобнаго злоучастия экономия фундуша малолетних Лускинов обязана была какое ни есть делать пострадавшим облегчение, то Дворянская опека как не есть властна из состояния малолетних делать никаких пожертвований на всякое облегчение участи г.г. арендаторов» [3, арк. 281–281 адв.].

Аднак страты, нанесеныя бурай, былі настолькі цяжкія, што ў справу ўмяшаліся нават самі малалетнія сіроты. Яны 20 кастрычніка 1836 г. адправілі ў Дваранскую апеку ліст, у якім гаварылася: «<…> хотя они <Лускины> еще несовершенных лет, однако могут судить, что есть их благосостоянием и понимать, кто истинно занимается их делами, и всегда чувствуют в полной мере совершенную благодарность как опекуну, почетному попечителю здешней гимназии и кавалеру г. Быковскому, так равно родному дяде губернскому секретарю г. Домбровскому, который, имея в аренде их фольварок прозываемый Осиновка, договоренные деньги акуратно вносил опекуну, но теперь, потерпев бурею и градом 13-го июня совершенный упадок в урожае и прочем, обязанностию считают объявить сей опеке <о желании просить> опекуна, дабы для дяди арендных девять сот семьдесят рублей ассигнациями за фольварок Осиновку не требовал до совершеннолетия их, а напротив сделал бы все возможные ему пособия» [3, арк. 311].

На гэты ліст ад сірот Лускіных Апека адказала адмовай, падкрэсліўшы неправамоцнасць малалетніх Іосіфа і Вікенція вырашаць самастойна фінансавыя і маёмасныя пытанні ва ўласных маёнтках. Дваранская апека заявіла, што сіротамі рухае «власть их желания, хотя она и мела похвальное преднамерение. <…> До достижения совершеннолетия не могут сами собою <…> имением и имуществом распоряжаться <…> опека не вправе к ущербу их подтверждать настоящего их желания. <…> И потому чтобы впредь г.г. Лускины до полного своего возраста не входили с подобными бумагами, ибо на оные и впредь будет отказано» [3, арк. 311 адв.]. Такім чынам, у дадзеным выпадку Дваранская апека кіравалася законам 1785 г., па якім вызначаўся ўзрост паўналецця – 17 гадоў. Менавіта ў гэтым узросце можна было ўступаць у кіраванне маёнткам, але раней за 21 год забаранялася прадаваць яго або закладаць без згоды папячыцеляў [7, с. 502]. А 14-гадовы ж узрост старэйшага брата Іосіфа Лускіна даваў яму паводле закона толькі права самому прасіць пра прызначэнне або адхіленне канкрэтнага апекуна [8, с. 41–42]. Пра тое, што менавіта Іосіф быў ініцыятарам

звароту ў Дваранскую апеку і тым, каго ўстанова лічыла правамоцным да звароту, можа сведчыць, што вышэйзгаданы адказ быў перададзены дырэктарам Санкт-Пецярбургскай гімназіі менавіта Іосіфу Лускіну [3, арк. 344 адв.]. На жаль, Журнал пасяджэнняў не ўтрымлівае інфармацыю, ці змог апякун або яго падапечныя атрымаць кампенсацыю ад Дваранскай апекі ці іншых губернскіх інстанцый і устаноў.

Такім чынам, Журналы пасяджэнняў Дваранскай апекі з'яўляюцца адной з ключавых крыніц па гісторыі функцыянавання дадзенай установы і апекавання над сацыяльна неабароненымі прадстаўнікамі дваранскага саслоўя ў першай палове XIX ст. Дваранская апека Віцебскага павета ў першай палове XIX ст, як паказваюць дакументы, была ўцягнутая ў разнастайныя пытанні вакол дваранскіх дзяцей-сірот у Віцебскім павеце і Віцебску. У дзейнасці Дваранскай апекі, згодна з заканадаўствам, вылучаюцца такія механізмы, як прызначэнне апекуноў, кантроль за вопісам маёмасці памерлых, адказы на звароты і запыты з перанакіраваннем пытанняў у іншыя інстанцыі, разгляд і зацвярджэнне апякунскіх справаздач.

Асноўную адказнасць за выхаванне дзяцей і кіраванне іх спадчынай неслі апекуны. У адпаведнасці з законам апекуны маглі быць абраныя бацькамі ў тэстаменце або прызначаныя Апекай. Прапісаныя заканадаўствам Расійскай імперыі нормы ў дачыненні да апекуноў часам разыходзіліся з практыкай. Так, апекунамі станавіліся пераважна сваякі дзяцей-сірот, але праз пэўныя абставіны іх прызначалі з пабочных асоб, нягледзячы на наяўнасць сваякоў. У дзейнасці апекуна прасочваюцца тры накірункі: клопат пра належнае забеспячэнне і выхаванне дзяцей, кіраванне іх маёмасцю і справаздачнасць перад Дваранскай апекай.

У крызісных сітуацыях, якія ўзнікалі ў маёнтках малалетніх сірот, апякун мог звяртацца ў Дваранскую апеку не толькі са справаздачнымі звесткамі, але і з просьбамі атрымаць кампенсацыю ці дапамогу для аднаўлення страт. Аднак кампетэнцый установы (і, верагодна, фінансавых сродкаў) не хапала на вырашэнне ўсіх праблем і пытанняў, якія ўзнікалі ў апякунскіх маёнтках, і разгляд такіх спраў, зваротаў зацягваўся.

Дзеці-сіроты не мелі заканадаўчага права кіраваць сваёй маёмасцю да 17-гадовага ўзросту, але на практыцы спробы паўплываць з іх боку былі. Яны маглі звяртацца са сваімі прапановамі ў Дваранскую апеку, і, верагодна, мелі ўяўленне пра становішча спраў у сваёй гаспадарцы і пра дзейнасць апекуна.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Свод законов Российской империи [повелением Государя императора Николая Первого составленный]: издания 1857 года. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. – Т. 2. – Ч.1. Общее губернское учреждение. – 1857. – 1474 с.

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. Сав. Энцыкл.; Рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.: іл.

3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 2549. Воп. 1. Спр. 8.

4. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое.: [С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. XX. – 1041 с.

5. *Аксёнова, М. Д.* Работа Дворянской уездной опеки Московского уезда в первой половине XIX века / М. Д. Аксёнова // Чертковский исторический сборник / Государственная публичная историческая библиотека России. – М.: ГПИБ России, 2019. – Вып. 2: Российская империя во времени и пространстве / ответственный редактор Сазанов А. В.; редакционная коллегия: М. Д. Афанасьев [и др.]. – 2019. – С. 187–201.

6. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.): в 2 т. / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. – Т. 1. – 548 с.

7. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: [С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. XXII. – 1174 с.

8. Свод законов Российской империи [повелением Государя императора Николая Первого составленный]: издания 1857 года. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1857. – Т. 10. – Ч. 1. Законы гражданские. – 1857. – 491 с.

(Дата паступлення: 15.06.2023).

УДК 94:332.21(438)+(450+571)(476)»17/19»

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ «ПОЛЬСКОГО» И «РУССКОГО» ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Хотеев А. С.
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Статья посвящена рассмотрению национального аспекта политики самодержавия в сфере землевладения в белорусско-литовских губерниях. Показывается динамика укрепления «русского» и ограничения «польского» землевладения и эволюция правовых норм в отношении национального происхождения собственников. Обосновывается, что, несмотря на вековые усилия, правительству не удалось добиться решительного социально-экономического перевеса «русского» землевладения над «польским». При этом землевладение белорусских крестьян, образовавшееся в результате реформы 1861 г., причислялось к «русскому». Делается вывод, что в целом политика отличалась непоследовательностью и колебаниями государственного курса.

Ключевые слова: белорусско-литовские губернии; «долгий век»; национальная политика; русское и польское землевладение.

SOCIAL AND ECONOMIC CONFRONTATION OF «POLISH» AND «RUSSIAN» LANDOWNERSHIP IN BELORUSSIAN PROVINCES IN THE LATE 18th – EARLY 20th CENTURY

Khoteev A. S.
Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article is dedicated to the research of national aspect of monarchy's policy in the field of landownership in the Belorussian-Lithuanian provinces. The dynamic of strengthening of «Russian» and restriction of «Polish» ownership and the evolution of the legal rules regarding the national origin of owners is shown. It is proved that in spite of age-old efforts the government wasn`t able to reach the decisive advantage of «Russian» ownership over the «Polish». In doing so the ownership of Belorussian peasants formed as a result of the reform in 1861 was classified as «Russian». In the conclusion it must be said that policy in the whole distinguished for its inconsistency and fluctuation of the course of government.

Keywords: Belorussian-Lithuanian provinces; «Long century»; national policy; Russian and Polish landownership.

Значение социально-экономических факторов в объяснении политической истории невозможно переоценить. То же относится и к прояснению вопросов этнической и национально-государственной истории. В настоящей

статье речь пойдет об одной из проблем интеграции белорусско-литовских губерний как национальной окраины Российской империи. Включение земель бывшего Великого княжества Литовского в результате разделов Речи Посполитой поставило перед императрицей Екатериной II задачу обеспечения лояльности жителей новоприобретенных территорий. В монаршем Наказе генерал-губернаторам Псковской и Могилевской губерний от 28 мая 1772 г. отмечалось, что в основу управления должен быть положен такой порядок, чтобы новые подданные «сами причину имели почитать отторжение свое от анархии Польской за первый шаг к их благоденствию» [1, с. 26]. Тут же говорилось, что главной целью нового порядка будет сохранение в провинциях тишины и спокойствия, защита безопасности личной и имущественной, прекращение религиозной дискриминации, непременным условием чего называлось принесение присяги. Однако, как показывает дальнейший ход событий, лояльность местных жителей, особенно дворян-шляхты, не раз подвергалась колебаниям во время восстания под руководством Т. Костюшко в 1794 г., вступления наполеоновских войск в 1812 г., последующих восстаний 1831–1832 гг. и 1863–1864 гг. Как известно, главной целью этих общественно-политических движений было восстановление Речи Посполитой в ее бывших границах. Обозначившийся таким образом «польский вопрос» привел самодержавие к переосмыслению принципов управления присоединенными белорусско-литовскими и украинскими землями. Если поначалу тишину и спокойствие здесь должно было обеспечить сохранение сословных прав местного дворянства, то с течением времени в правящих кругах сформировалось убеждение, что необходимо проводить не просто определенную сословную, но национальную политику, направленную на увеличение в западных губерниях этнически русского (в терминологии того времени также «великорусского») элемента и ослабление польского. В связи с этим особенной заботой правительства стало старание об увеличении здесь русского и сокращении польского землевладения.

Данный аспект внутренней политики уже привлекал внимание исследователей. На первом этапе этому во многом способствовали публицисты, поскольку это была острая проблема текущей жизни. Так, в московском журнале «Русское обозрение» в 1894 г. была напечатана в трех номерах статья отставного виленского чиновника и литератора А. П. Владимирова, который на основании устно полученных сведений и по материалам из газет показал разные махинации, связанные с продажей земли в Виленской губернии, и ратовал за защиту крестьян от злоупотреблений чиновников и перекупщиков [2]. Первый шаг к научному изучению проблемы польского и русского землевладения сделал проф. Санкт-Петербургской духовной академии П. Н. Жукович, опубликовавший специальную статью в журнале «Христианское чтение» [3]. Здесь автор на основании напечатанных статистических сведений и материалов Архива Виленского генерал-губернаторства проанализировал государственную политику в сфере распределения земель с 1772 г. до 1870-х гг. и пришел к выводу, что правительство первоначально не ставило своей целью ограничение польского землевладения,

а приняло решительные меры в этом отношении только в связи с восстанием 1863–1864 гг. К рассмотрению того же вопроса с правовой точки зрения в специальной работе, изданной в 1899 г., обратился петербургский адвокат, поляк Б. Ольшамовский (1848–1920), который постарался обосновать, что ограничение польского и насаждение русского землевладения не оправдывают себя ни с юридической, ни с экономической точки зрения [4]. Книга Б. Ольшамовского вышла в том же году, когда правительством были сделаны послабления для покупки земли людьми «польского происхождения». Историко-правовые аспекты ограничительного законодательства в Северо-Западном крае обстоятельно были рассмотрены в книге члена Житомирского окружного суда С. Г. Громачевского [5]. Этот труд предназначался автором к практическому использованию, почему в нем помимо исторических справок были помещены и сами законы с пояснительными примечаниями. В 1905 г. в историко-публицистической статье к проблеме обратился автор из журнала «Русский вестник» под псевдонимом «Виленец» [6]. Как выясняется из собственного перечня трудов виленского историка А. И. Миловидова, высланного библиографу С. А. Венгерову, автором был именно он [7, л. 5–8]. В данной статье полемического характера А. И. Миловидов критически оценивает успехи по распространению русского землевладения и показывает, что польское землевладение по-прежнему остается главной экономической силой в западных губерниях. Своеобразным итогом дореволюционной историографии по обозначенной теме стали статьи П. Н. Жуковича по сословной истории присоединенных губерний во время императрицы Екатерины II и императора Павла I, в которых историк, в частности, обобщил данные о дворянском землевладении, извлеченные им из государственных архивов в Санкт-Петербурге [8; 9].

Значение всех этих работ дореволюционных авторов заключалось в том, что они обозначили проблему интеграции белорусско-литовских губерний в общеимперскую государственную систему с точки зрения национальной политики. Была показана цель этой политики (укрепление лояльности населения) и меняющиеся способы ее достижения (от гарантии имущественных прав местной шляхты до водворения в крае «русского элемента»). Для иллюстрации отдельных положений были использованы количественные данные и привлечен широкий круг законодательных источников. Необходимо также учесть, что в условиях продолжающегося русско-польского этнокультурного противостояния на публикации оказала влияние общественно-политическая ситуация в крае.

В советской историографии изучение национального аспекта землевладения в белорусско-литовских губерниях не получило заметного развития. Данный сюжет стал рассматриваться либо в контексте эволюции феодальных отношений, либо в связи с репрессиями правительства против повстанцев-революционеров. Положительной стороной в изучении вопроса была конкретизация количественных данных о польском и русском землевладении. Для первой половины XIX в. примерные подсчеты соотношения польских и русских помещиков, основываясь на фамилиях дворян, произвел П. Г. Коз-

ловский [10, с. 118]. То же в отношении площади землевладения в 1860–1890-хх гг., основываясь на официальной статистике, проделал В. П. Панютич [11, с. 49–59]. Авторы сконцентрировали свое внимание на недостатках проводимой политики, не вдаваясь в анализ ее причин и периодических колебаний в контексте русско-польского противостояния.

В современной историографии проблема национальной интеграции окраин Российской империи получила свое развитие в работах российских историков, в частности, А. И. Миллера [12], Л. Е. Горизонтова [13], М. Д. Долбилова [14], литовского исследователя Д. Сталюнаса [15]. В белорусской историографии сохраняется тенденция рассматривать ограничительные действия правительства в сфере землевладения только в контексте репрессивной политики Российской империи без анализа ее национальной составляющей, примером чего может послужить работа гродненского историка А. Р. Радюка [16].

В целом необходимо сказать, что проблема интеграции дворянского общества белорусско-литовских губерний в российское дворянское сословие очень многогранная, требующая изучения различных аспектов (политических, экономических, социальных, конфессиональных и этнокультурных), составляющая актуальную задачу отечественной исторической науки. В связи с этим хотелось бы рассмотреть национальный аспект социально-экономической политики самодержавия на белорусских землях. Объяснение динамики этой политики и составляет предмет настоящей статьи.

В первую очередь, следует заметить, что экономический контроль над богатствами страны обеспечивает доминирование в сфере общественной. Собственность на землю была главным экономическим преимуществом дворянского сословия в рассматриваемый период по всей Российской империи и, соответственно, в белорусско-литовских губерниях. Можно согласиться со словами виленского историка и публициста А. И. Миловидова (1864–1935): «Земледелие и землевладение являются здесь важнейшими двигателями местной жизни – не только экономической, но и культурной: поэтому фактическим хозяином страны […] всегда был, есть и будет тот, в чьих руках будет больше поместных владений» [6, с. 216].

Далее необходимо констатировать, что термины «лицо польского происхождения» и «лицо русское» появились не сразу и их понимание со временем эволюционировало. Сначала после Первого раздела в среде местного дворянства законодатель не проводил такого различия. Имело только значение, принес ли землевладелец присягу или нет. Соответственно, могло употребляться определение дворян-шляхты по регионально-административному названию, например, «белорусские дворяне» (шляхта Могилевского и Полоцкого наместничеств) в указах о создании Белорусской шляхетской хоругви (1 марта 1784 г.) [17, с. 59–60], о выборах среди «белорусских дворян» (19 ноября 1792 г.) [18, с. 368–369], в пункте о наблюдении за прибывшими из Польши «природными литовскими дворянами», т. е. уроженцами Великого княжества Литовского (30 октября 1794 г.) [18, с. 577–578]. Однако наиболее употребительными были термины «дворяне», «шляхта» в сословном значении без указания на национальность как в указе о дворянских собраниях

(16 марта 1784 г.) [17, с. 80–82] или в запрете сдачи имений «белорусских владельцев» в аренду иностранцам без принесения ими верноподданнической присяги (16 июня 1782 г.) [19, с. 582]. Впрочем, в Указе от 3 мая 1795 г. об отдаче помещикам секвестрованных имений за участие их владельцев в восстании Т. Костюшко для Минской губернии различаются помещики-поляки, сохранившие верность императрице, и помещики-поляки, отвергнувшие присягу, речь, по-видимому, идет о поляках в национальном значении [18, с. 695–696]. Вообще принцип распределения конфискованных имений виделся императрицей Екатериной II в предписании минскому губернатору 19 апреля 1794 г. так: «Отобранные имения от изменников раздаваемы будут верным сынам отечества, чем и заслуги их будут награждены», при этом правительница отметила тут же, что «черный народ, обитающий в областях наших, а паче нам единоверный, поляков-господ своих ненавидит» [3, с. 314]. Однако общий курс сословной политики не предусматривал тогда замены господ над крестьянами.

Раздача имений доверенным лицам за заслуги на практике осуществлялась без учета этнического происхождения или конфессиональной принадлежности. В результате разделов в казну отошли имения бывшего короля Речи Посполитой. Эти владения наряду с конфискованными в 1795 г. землями у повстанцев отдавались российским помещикам. По подсчетам П. Н. Жуковича, в восточной Белоруссии за все время правления императрицы Екатерины II имения получили более 155 российских помещиков, среди которых были высшие государственные сановники Г. А. Потемкин, Н. П. Румянцев, З. Г. Чернышев, А. М. Голицын [8, с. 92]. Новые землевладельцы составили 9 % от общей численности всех помещиков, но при этом у них оказалось 32 % всех крестьян [8, с. 91]. В Минской губернии, образованной по результатам Второго раздела появились 65 российских помещиков, у которых во владении было 4,9 % крестьян [8, с. 146, 150]. В литовских губерниях, созданных после Третьего раздела, имения получили еще 5 лиц с 5,2 % всех крестьян [8, 149–150]. Однако при этих пожалованиях национальность помещиков играла мало значения. Земли получали, например, серб С. Г. Зорич, молдавские дворяне Агирий и Палладий, французский принц Карл (Николай) Нассау-Зиген [8, 93]. В знак благоволения императрицы пожалования давались польскому аристократу кн. А. Чарторыйскому [8, с. 90]. В 1795–1796 гг. 2/3 секвестрованных имений были возвращены владельцам, среди которых Любомирские, Ходкевичи, Замойские [8, с. 137–138]. Контроль за имениями бывшим владельцам-полякам возвращал также император Павел I [3, с. 319–320]. Наряду с этим одаренные землями российские помещики зачастую продавали свои имения в Белоруссии, считая их использование невыгодным. Так, продали обширные поместья полководцы А. В. Суворов и П. А. Румянцев [3, с. 322]. Императорские пожалования государственных земель, заселенных крестьянами, были прекращены императором Александром I, что на время приостановило процесс раздачи имений дворянам из центральных российских губерний. В итоге разделов Речи Посполитой более-менее влиятельное и устойчивое русское землевладение создалось только в Могилевской и Ви-

тебской губерниях. Однако это нельзя считать результатом целенаправленной национальной политики, но скорее побочным эффектом сословных пожалований за заслуги со времен императрицы Екатерины II [3, с. 320].

Восстание 1831–1832 гг. внесло существенные коррективы в понимание правительством проблемы лояльности помещиков белорусско-литовских губерний и снова обострило вопрос об их «польскости». 16 сентября 1831 г. в Петербурге был учрежден особый Комитет Западных губерний из доверенных лиц императора Николая I, целью которого было привести земли «от Польши присоединенные» к нерушимому соединению с Россией [20, с. 75]. В связи с восстанием в казну было конфисковано 315 имений у частных лиц и 182 монастырских имения, [3, с. 332, примеч. 1]. На конфискованных помещичьих землях проживали до 177 тыс. крепостных мужского пола [20, с. 121]. Решая, каким образом можно распорядиться этими средствами, члены Комитета обратили внимание, что немалая часть имений будет возвращена прежним владельцам через наследование, а некоторая часть будет пущена с торгов за долги. Оставшаяся часть, даже если ее распределить между назначенными в западных губерниях русскими чиновниками, не приведет к эффективному водворению в крае русского землевладения. Министр финансов Е. Ф. Канкрин высказался в том смысле, что 250 новых русских помещиков, получившие имения до 400 душ, будут рассеяны в 8 губерниях среди 80 уездов, проживать будут не на своих землях, а по месту службы, почему существенного влияния на местную жизнь оказывать не смогут [20, с. 122–123]. Было решено прежде распределения имений начать с рассмотрения статуса конфискованных земель, поскольку далеко не все их них могли быть сразу обращены в раздачу (например, находились в залоге). К правительству обращались бывшие участники восстания с выражениями раскаяния и просьбами возвращения своих владений. Пока шло обсуждение мер по «обрусению края», дело затягивалось. В частности, вставал вопрос о разграничении помещичьих имений и казенных земель, поскольку уездные землемеры были местными уроженцами, их подозревали в помощи помещикам, предлагалось даже заменить их командированными русскими [20, с. 177]. По итогам обсуждения в Комитете, в мае 1832 г. императором было утверждено Положение об отдаче конфискованных имений с числом крепостных не более 300 в западных губерниях российским дворянам в 100-летнее арендное или потомственное владение без права раздробления владений между наследниками (майорат) [20, с. 204–207].

Еще одним средством к умножению русского землевладения была сдача в 12-летнюю аренду казенных имений русским чиновникам с уступкой 10 % части дохода. Если по истечении срока имение оказывалось благоустроенным и было приведено в лучшее состояние, то аренда продлялась на новый срок с уступкой уже 30 % части дохода [3, с. 334].

Обе эти меры при всей их кажущейся привлекательности наталкивались, однако, на немалые трудности и не производили ожидаемого эффекта, более того, наносили финансовые убытки от того, что казенные имения долго оставались без управителей. Как заметил по этому поводу министр финансов

в 1833 г., местные уроженцы неблагонадежны, а чиновники из великорусских губерний не знают ни языка, ни условий хозяйствования и узаконений, так что «желающих почти нет» [20, с. 447–448].

С другой стороны, в правительственных сферах обсуждался вопрос о выселении из западных губерний значительной части неблагонадежной в политическом отношении шляхты. Предполагалось начать это дело с Подольской губернии, для которой был установлен первоначально план вывезти в области Кавказа за счет казны 5 тыс. семей. Однако на деле эта мера оказалась трудновыполнимой. Шляхта-однодворцы, способные вести собственное хозяйство были практически не замешаны в восстании, а его сторонники оказались людьми неоседлыми, не готовыми к домоводству. Соответственно, они бы только пополнили на Кавказе контингент бродяг и неспокойных людей. Вообще, желающих переселиться объявилось в 1833 г. в Подольской губернии только 23 семьи (95 человек), кем и решено было в данном случае ограничиться [20, с. 395–399]. Осуществлять такую меру в отношении других западных губерний далее не решились в виду ее бесполезности.

Так дело обстояло с помещиками и вообще со шляхтой. Однако на вид была поставлена и другая возможность укрепления русского землевладения через переселение крестьян. В 1833–1836 гг. в Комитете Западных губерний обсуждался способ перевода крестьян из центральных губерний России в казенные имения Виленской, Гродненской, Минской губернии и Белостокской области. Для этого были определены земли общей площадью в 77,2 тыс. десятин для 9,6 тыс. человек. Но когда было принято решение о реализации данной меры, оказалось, что вакантных земель было только 2,9 тыс. десятин для 360 душ (остальные находились в аренде у помещиков и местных крестьян), поэтому переселение могло совершиться не иначе как постепенно [20, с. 604–607; 21, с. 55–57]. Для привлечения русских поселенцев предполагалось дать им участок в 8 десятин на одну ревизскую душу, 5-летнюю льготу по выплате налогов, земских повинностей и рекрутчины, 10-летнее освобождение от военного постоя, списать все недоимки в государственных податях, отпускать безденежно строевой лес и выдавать взаймы зерно для посева. На практике дело остановилось на переселении нескольких десятков семей, поскольку участки для заведения хозяйства были невелики и рассеяны на большом пространстве, новые поселенцы оказывались между обывателями, чуждыми по вероисповеданию и обычаям, и не могли по своей малочисленности распространять образ мыслей, свойственный коренным русским. Более того, возникла опасность из-за нехватки православных церквей, что они еще утратят чистоту веры и свою народность. В 1838 г. было решено перевод русских крестьян остановить и производить его только если в определенном селении откроется возможность разместить не менее 200 человек и устроить для них церковь [21, с. 236]. Таким образом, мера с водворением крестьян из внутренних губерний показала свою несостоятельность.

Изучение ситуации с казенными имениями (сроками аренды, границами владений, нормами повинностей и прочими условиями) в 1830-х гг. способствовало подготовке люстрационной реформы министра государственных

имуществ графа П. Д. Киселева. Последний предлагал также в 1840 г. привлекать в города западных губерний для распространения торговли и промышленности купцов и мещан из великорусских областей с предоставлением им различных льгот, например, освобождения на 50 лет от гильдейских повинностей, податей и рекрутчины [21, с. 437–440].

Как видим, после восстания 1831–1832 гг. в высших правительственных сферах обсуждались разносторонние планы по укреплению русского присутствия в западных губерниях, которые предусматривали увеличение помещичьего землевладения, переселение крестьян, купцов и мещан из центральной России. В этот период в обозначение «польские» и «русские помещики» стал вкладываться национальный смысл. В Комитете Западных губерний были отклонены как несбыточные проекты радикального характера: выселение всех дворян «польского происхождения» в великорусские губернии, замена всех учительских мест «природными русскими», подготовка католического духовенства только в Петербурге и др. [21, с. 208]. Однако и результаты реализованных мер были весьма скромными. В середине XIX в. выросли только имения крупных помещиков из России с числом крестьян свыше 100 душ. В Могилевской губернии доля русских землевладельцев достигла 14,7 % (против 9 % в конце XVIII в.), в то же время в белорусских уездах Виленской губернии она составила всего 1,8 %. В целом же, в 50-е гг. удельное количество русских помещиков в Могилевской, Минской, Виленской и Витебской губерниях среди всех крупных владельцев (1992 человека) было 142, или 7,1 % [10, с. 118]. Следует признать, что спустя полвека после раздач императрицы Екатерины II значительного роста русской поземельной собственности не произошло, экономическая сила по-прежнему оставалась в руках помещиков «польского происхождения».

Польское восстание 1863–1864 гг., перекинувшееся на белорусско-литовские земли, в очередной раз обострило проблему лояльности жителей западных губерний Российской империи. Однако в обстоятельствах проведения крестьянской реформы 1861 г. правительство убедилось в том, что сельские обыватели составляют здесь самую надежную социальную опору российской власти. По мнению П. Н. Жуковича, именно отмена крепостного права обусловила «падение польской материальной силы, столько веков давившей здешнее в преобладающей массе русское крестьянство» [3, с. 530]. Показательно, что у автора крестьянское землевладение отождествляется с национально-русским, соответственно, его не столько нужно было насаждать переселениями, сколько освобождать от подчиненного состояния, обусловленного существованием крепостного права. Действительно, чтобы устранить экономическую зависимость крестьян от помещиков, 1 марта 1863 г. был издан указ о прекращении всех крестьянских отработок в пользу бывших хозяев, выкупные платежи снижались на 20 % и платились крестьянами только государству, а последнее переводило их помещикам, выполняя роль посредника [22, с. 196–198]. В освобождении крестьян от «пагубного влияния панов» видел свою цель генерал-губернатор М. Н. Мурвьев, который заложил систему «обрусения» Северо-Западного края [3, с. 533–535].

Как известно, по итогам крестьянской реформы в руках помещиков оставалось по-прежнему более половины всей обрабатываемой земли (54 %), а поселянам отошла примерно только третья часть (35 %) [23, с. 268]. Следовательно, помещики являлись наиболее влиятельной в экономическом отношении социальной группой. Среди них преобладали неблагонадежные для самодержавия дворяне «польского происхождения», а лояльных русских было меньшинство. Так, согласно данным П. Н. Жуковича, в Виленской губернии русских помещиков было 144 (3,8 % от общего числа помещиков) и владели они 146 897 десятинами (9,2 %), в Гродненской губернии соответственно – 30 (2,6 %) и 55 266 десятин (6,1 %), в Минской губернии – 507 (15,6 %) и 104 4081 десятин (34 %), а всего в трех этих губерниях русских помещиков было 987 (6,8 %) с 1 516 338 десятинами (21,6 %) [3, с. 535, примеч. 2]. В Могилевской и Витебской губерниях это соотношение было более благоприятно для русских помещиков, но и здесь они также составляли меньшую часть. Поэтому правительство продолжило политику укрепления в белорусско-литовских губерниях русского землевладения среди дворян, более решительно чем прежде стесняя «польское» землевладение.

В 1864–1869 гг. вышел целый ряд законов, дающих льготы русским чиновникам и поселенцам при приобретении ими поместий в западных губерниях [24]. Среди них обращают на себя Положение от 5 марта 1864 г. «О льготах, преимуществах и денежных ссудах, предоставляемых при покупке имений в западных губерниях» и «Инструкция о продаже казенных земель лицам русского происхождения» от 23 июля 1865 г. [24, с. 10–16, 32–37]. В документах говорится, что право на льготное приобретение земли дается всем уроженцам империи кроме лиц «польского происхождения» и евреев. Льгота заключалась в том, что при покупке разрешалось вносить не менее 1/5 стоимости имения, а на выплату остальной суммы выдавалась ссуда на 37 лет из специально созданного для этого фонда. Купленные таким образом земли запрещалось затем продавать, дарить и передавать по завещанию лицам «польского происхождения». Для продажи предназначались имения, конфискованные у участников восстания. Имения, на которые был наложен секвестр, также должны были в течение двух лет быть выставлены на продажу. Правительство планировало создать неотчуждаемый лицам «польского происхождения» земельный фонд.

Для содействия распространению русского землевладения в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской губерниях 10 августа 1866 г. был утвержден Устав Товарищества приобретателей имений в Западных губерниях [25, с. 993–1001]. Правительство выдало Товариществу начальную сумму в 5 млн руб. для ссуд на покупку имений. Ссуда давалась лицам «русского происхождения» на 49 лет под залог приобретаемого имения. В Вильне и Киеве были открыты ссудные кассы под наблюдением генерал-губернаторов, а заведование делами Товарищества принадлежало центральному правлению под контролем министра государственных имуществ. Сообщая об организации Товарищества могилевскому гражданскому губернатору, виленский генерал-губернатор К. П. фон Ка-

уфман требовал, чтобы на местах тщательно проверяли составляемые акты, не являются ли покупатели «лицами польского происхождения» [26, с. 228]. Однако Товарищество просуществовало недолго: оно было закрыто 9 июня 1867 г., поскольку в его основной фонд не поступало достаточных средств из-за медленной продажи казенных имений. Капитал Товарищества все для той же цели поддержки русского землевладения был передан Обществу взаимного кредита до 1890 г., а затем отошел Дворянскому земельному банку [5, с. 5–6].

Вместе с развитием поощрительных законов для русских дворян во второй половине 1860-х встал вопрос и об определении понятия «польское происхождение». В первую очередь, было сделано пояснение, что под «лицами польского происхождения» понимаются только помещики, а не крестьяне. Во-вторую очередь, было определено, что здесь «нужно понимать не вообще католиков, а только поляков и тех западных уроженцев, которые усвоили себе польскую национальность». Далее, оговаривалось, что принятие таким лицом православной веры не дает право на изъятие из запрещения приобретать имения иначе как по завещанию [5, с. 32–33]. Из этого правила по личному распоряжению императора были сделаны исключения для нескольких поляков, показавших «верную службу» [4, с. 46–49].

Кроме поощрения дворянского землевладения, действовали меры и по развитию крестьянского. Поселянам в 1865–1866 гг. было даровано освобождение от налогов и от рекрутской повинности на три года [24, с. 24, 27, 69]. Конфискованные земли в количестве от 20 до 50 десятин предлагались русским учителям народных школ и писарям, участки от 50 до 300 десятин – чиновникам [5, с. 7].

До конца 1860-х продолжалось переселение крестьян, но оно скоро было приостановлено из-за малого числа желающих. По имеющимся данным, в Минской губернии поселилось всего 28 семей, а в Гродненской – 47. Все они разместились поодиночке, вопреки рекомендациям М. Н. Муравьева селить их компактно друг с другом [3, с. 539–540]. Немного успешнее шла льготная продажа конфискованных имений. К 1873 г. в Северо-Западном крае появились 492 русских землевладельца, среди которых большинство составили чиновники губернского, городского и уездного управления (281), в меньшей степени покупали отставные военные (12) и народные учителя (22) [3, с. 545]. В Виленской, Гродненской и Минской губерниях в тот же период с 1866 по 1873 г. еще 446 русских чиновников купили определенные правительством к обязательной продаже конфискованные и секвестрованные имения по заниженным ценам [11, с. 54]. Все эти операции перевели в руки новых русских владельцев в 1870-е гг. приблизительно 670 тыс. десятин земли [3, с. 547]. Затем процесс распространения русского землевладения замедлился.

В 1884 г. были изданы новые ограничительные законы против лиц «польского происхождения». Им запрещалось сдавать в залог или аренду земли, расположенные вне городов и местечек [4, с. 53–56].

Все отмеченные узаконения привели к заметному росту русского землевладения и сокращению польского. Так, по приблизительным подсчетам Б. Ольшамовского, польское землевладение сократилось на 1/3, а русское уве-

личилось в 2 раза [4, с. 111]. По уточненным данным В. П. Панютича, в белорусских губерниях польское землевладение сократилось к 1893 г. с 7,5 млн десятин до 4,1 (в 1,8 раза), в долевом измерении с 78,4 в 1864 г. до 42,4 %, а «русское» выросло с 2,1 млн до 5,5 десятин (в 2,6 раза), или с 21,6 до 57,6 % [11, с. 57]. Однако автор не сделал пояснения, что в губернской статистике в число «русских» владельцев включались вообще все неполяки (то есть и белорусы). В частности, в Могилевской губернии польское землевладение с 1,5 млн десятин уменьшилось до 0,7 млн (в 2 раза), в долевом отношении с 66 до 33 %, а непольское увеличилось с 0,7 млн десятин до 1,48 млн (в 2 раза), или с 33,6 до 66,8 %. При этом члены статистического комитета в число непольских землевладельцев включили белорусских крестьян (в 1894 г. их было 21 081 с 880 041 десятиной, или 39,6 % всей земли) в то же время русских землевладельцев было 2306 с 509 268 десятинами, или 22,9 % [27, с. 49]. В Минской губернии в 1893 г. «русских и на правах русского происхождения» землевладельцев (то есть, опять же с учетом белорусских крестьян) было 4626 с 2,3 млн десятин (51,5 % от общей площади) против 3505 лиц польского происхождения с 2,2 млн десятин (48,5 %) [28, с. 40]. В Виленской губернии «русских поселенцев» на казенных землях числилось в 1892 г. 1828 семей с 20 707 десятинами земли (1,4 % от всей площади) [29, с. 130]. С учетом такой официальной статистики необходимо иметь в виду, что под «русским» землевладением нередко понимались и земельные участки всех православных крестьян (то есть русских и белорусов), а также существовала неравномерность распределения русской земельной собственности в белорусских губерниях с востока (где ее было больше) на запад.

Кроме того, следует обратить внимание, что само поощрение русского землевладения имело характер условный. В сенатском указе от 23 декабря 1865 г. приводились слова императора Александра II, что запрещение лицам «польского происхождения» приобретать имения должно действовать «до окончательного устройства Западного Края посредством достаточного усиления в оном числа русских землевладельцев» [24, с. 45]. Оставался открытым вопрос, в какой мере и когда это усиление будет считаться достаточным. Так, 4 марта 1899 г. вышел закон, отменяющий некоторые ограничения на покупку польскими шляхтичами, лично занимающимися сельским хозяйством, имений до 60 десятин [6, с. 222]. Вследствие этого началось дробление крупных имений с переходом их в собственность польско-шляхетских фамилий. Приобретение имений лицами «русского происхождения» также не всегда вело к действительному росту русского землевладения. С 1870-х гг. появилось немало дельцов как среди местного чиновничества, так и из приезжих покупателей, которые пользовались льготами (скидками) по приобретению земель, но затем дробили их и продавали по рыночной цене крестьянам, зарабатывая на спекуляции. В конторах по покупке имений также действовали подставные агенты, представлявшие интересы якобы русских покупателей, но поддерживавших завышенную рыночную цену на землю. Польские помещики также покупали участки через подставных «русских лиц», стараясь обходить ограничительные законы. Даже завершение сделки по покупке зем-

ли не гарантировало новым русским хозяевам овладение ею, поскольку за многие имениями числились долгие судебные тяжбы. По этому поводу бытовала поговорка: «Купил имения – купил и процесс» [2, с. 749–763]. Помещики «польского происхождения» составляли сплоченную социальную группу и старались не упускать из своих рук экономическое доминирование в белорусско-литовских губерниях.

Вообще, статистика на конец XIX – начало XX в. показывала новый рост польского землевладения. Так, в Минской губернии к 1899 г. «русских и на правах русского происхождения» землевладельцев (православных и старообрядцев) было 9640, польских (католиков) – 4546, но при этом земли у первых было 2 млн десятин, а у вторых – 2,2 млн десятин [30, с. 106]. За пять лет (в сравнении с данными за 1893 г.) в Минской губернии количество непольских землевладельцев увеличилось почти в два раза, но количество земли при этом уменьшилось. Подсчеты, приводимые А. И. Миловидовым для 1901 и 1903 гг. по материалам трех губерний Виленского генерал-губернаторства, также демонстрируют преобладание земли у владельцев «польского происхождения»: в 1901 г. – 12 918 человек, 11 281 имений, 3,3 млн десятин против 4 тыс. лиц «непольского происхождения» с 4183 имениями и 1,4 млн десятинами; в 1903 г. – 20 855 человек, 20 348 имений, 2,9 млн десятин против 4729 человек с 4926 имениями и 1,4 млн десятинами [6, с. 222]. Преобладание «поляков» по числу землевладельцев в 4 раза, а по площади участков – в 2,3 раза. Таким образом, можно говорить, что политика по водворению русского землевладения после восстания 1863–1864 гг. не привела к его решительному перевесу.

Предпринятое рассмотрение национальных аспектов сословной политики самодержавия в белорусско-литовских губерниях в сфере землевладения в конце XVIII – начале XX в. позволяет сделать следующие выводы.

1. Несмотря на наличие исследовательского интереса к этой проблеме, остается немало невыясненных вопросов. Рассмотрение динамики перехода конфискованных частных, а также казенных земель в руки помещиков «русского происхождения» показывает, что за каждой волной льготной раздачи со стороны государства следовала постепенное частичное возвращение утраченной собственности местными дворянами. Количественные данные требуют дальнейшего уточнения с учетом периодических колебаний самой правительственной политики.

2. Следует принять вывод П. Н. Жуковича, что при императрице Екатерине II раздачи имений не преследовали цель насаждения национально-русского землевладения, но были способом увеличения в присоединенных губерниях лояльных дворян без учета их происхождения. Сам вопрос о национальной принадлежности землевладельцев встал при императоре Николае I после восстания 1831–1832 гг. Тогда были заложены главные принципы земельной политики: лояльность была прочно привязана к национальной принадлежности, которая определялась по конфессиональному признаку (католик-поляк, православный-русский); для увеличения русского присутствия поощрение шло за счет конфискованных у повстанцев имений и зе-

мельного фонда казны; приоритет отдавался росту дворянского землевладения, но делались первые шаги к поощрению крестьянского переселения из центральной России. При императоре Александре II ограничение польского землевладения и водворение русского получило вид правовой системы. После очередного восстания правительство не ограничилось конфискациями, а прямо запретило рост польского землевладения, стимулируя переход земельной собственности в руки владельцев «русского происхождения». При этом установился взгляд на землевладение вышедших из крепостной зависимости белорусских крестьян как на владение «русское». Ограничения не коснулись крестьян католической веры, поскольку они в целом сохранили лояльность самодержавию. В целом можно говорить о непоследовательности и колебаниях правительственной политики.

3. Комплекс осуществляемых правительством мер по увеличению русского и сокращению польского землевладения привел к неоднозначным результатам. Во второй половине XIX в. число владельцев «русских и на правах русского происхождения» заметно выросло (не в последнюю очередь благодаря реформе 1861 г.), однако это не привело к преодолению экономического превосходства польских землевладельцев. Количество русских переселенцев росло медленно, несмотря на все поощрительные меры правительства. Сказывалось плохое знакомство с местными узаконениями и условиями, языком и культурой. Приезжие русские чиновники предпочитали использовать полученные на льготных условиях земли для быстрого обогащения, развились такие злоупотребления как спекуляция и взяточничество (проблема, поднятая публицистами того времени, в частности, А. П. Владимировым и А. И. Миловидовым). Вместе с тем польское общество сплотилось и старалось сохранять свое влияние в земельной сфере через подставных лиц «русского происхождения». Поэтому данные официальной статистики о росте «русского» землевладения не вполне показывают действительное увеличение его материальной силы. Таким образом, изучение национального аспекта земельной политики самодержавия и реакции на нее в белорусско-литовских губерниях сохраняет свою актуальность при объяснении динамики имевших здесь место социально-экономических процессов.

Список использованных источников

1. Белоруссия в эпоху феодализма: документы и материалы / ред.: В. В. Чепко, В. Н. Жигалов. – Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1961. – Т. 3. – 625 с.

2. *Владимиров, А. П.* О русском землевладении в Северо-Западном крае / А. П. Владимиров // Русское обозрение. – 1894. – № 7 – С. 217–241; № 8 – С. 748–767; № 9 – С. 171–192.

3. *Жукович, П. Н.* О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. 1895. – № 3–4. – С. 312–336; № 5–6. – С. 527–552.

4. *Ольшамовский, Б.* Права по землевладению в Западном крае / Б. Ольшамовский. – СПб.: Типо-литография Ю. А. Мансфельдт, 1899. – 140 с.

5. *Громачевский, С. Г.* Ограничительные законы по землевладению в Западном крае, с историческим обзором их, законодательными мотивами и разъяснениями / С. Г. Громачевский. – СПб.: издание Юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1904. – 173 с.

6. Виленец [Миловидов, А. И.] Русское землевладение в Северо-Западном крае // Русский вестник. – 1905. – Т. 297. – № 5. – С. 215–231.

7. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН СПб. – Ф. 377. Оп. 7. Д. 2397. Письмо А. И. Миловидова С. А. Венгерову 27 января 1906 г.

8. *Жукович, П. Н.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал министерства народного просвещения. – 1915. – № 1. – С. 76–109; № 2. – С. 257–321; № 5. – С. 130–178.

9. *Жукович, П. Н.* Западная Россия в царствование императора Павла I / П. Н. Жукович // Журнал министерства народного просвещения. – 1916. – № 6. – С. 183–226.

10. *Козловский, П. Г.* Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. / П. Г. Козловский. – Минск: Наука и техника, 1982. – 206 с.

11. *Панютич, В. П.* К вопросу о поземельной политике царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / В. П. Панютич // Из истории крестьянства Белоруссии: сборник статей. – Минск: Наука и техника, 1978. – 186 с.

12. *Миллер, А. И.* Центр и окраина: метаморфозы проблемы в XVIII–XXI вв. Отношение власти и общественного мнения в России к Украине и Белоруссии / А. И. Миллер // Центр и региональные идентичности в России / под ред. В. Гельмана и Т. Хопфа. – СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2003. – С. 29–46.

13. На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотнесения / ред. Л. Е. Горизонтов. – М.: Институт славяноведения РАН, 2004. – 256 с.

14. *Долбилов, М. Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 999 с.

15. *Staliunas, D.* Making Russians. Meaning and practice of russification in Lithuania and Belarus / D. Staliunas. – Amsterdam-New York, 2007.

16. *Радзюк, А. Р.* Пад скіпетрам Расейскай імперыі: рэпрэсіўная палітыка царызму на землях Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. / А. Р. Радзюк. – Гародня [Гродна]: Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт: Кракаў, Беларускае таварыства ў Кракаве, 2017. – 195 с.

17. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Собрание первое (1649–1825 гг.). Т. 22. – СПб., 1830. – 1168 с.

18. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Собрание первое (1649–1825 гг.). Т. 23. – СПб., 1830. – 969 с.

19. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. Собрание первое (1649–1825 гг.). Т. 21. – СПб., 1830. – 1083 с.

20. Журналы Комитета западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева, И. Н. Вибе, Б. П. Миловидов, Д. Н. Шилов. – Т. 1: 1831–1835 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 848 с.

21. Журналы Комитета западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева [и др.]. – Т. 2: 1836–1840 гг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. – 800 с.

22. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Собрание второе (1825–1881). Т. 38. Отд. 1. – СПб., 1866. – 940 с.

23. История Белорусской ССР: в 2 т. / ред. В. Н. Перцев. – Минск: АН БССР, 1954. – Т. 1. – 503 с.

24. Сборник правительственных распоряжений по водворению русских землевладельцев в Северо-Западном крае. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1885. – 310 с.

25. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. Собрание второе (1825–1881). Т. 41. Ч. 1. – СПб., 1868. – 1079 с.

26. Паўстанне 1863–1864 гадоў у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях: дакументы і матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі / уклад. Д. Ч. Матвейчык; рэдкал.: У. І. Адамушка. – Мінск: А. М. Вараксін, 2014. – 544 с.

27. Обзор Могилевской губернии за 1894 г. – Могилев, 1895. – 221 с.

28. Памятная книжка Минской губернии на 1894 г. – Минск: Губернская типография, 1893. – 490 с.

29. Памятная книжка Виленской губернии на 1893 г. – Вильна, 1892. – 436, 167 с.

30. Памятная книжка Минской губернии на 1900 г. – Минск: Губернская типография, 1899. – 529 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 353.2(476)(09)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОСНОВА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ

Середа А. С.
Средняя школа №3 г. Жабинка, Беларусь

Статья посвящена экономической основе деятельности мировых посредников. Рассмотрены проблемы материального обеспечения и его эволюции относительно эволюции института. Выявлены факторы, влиявшие на эволюцию материального базиса.

Ключевые слова: материальный базис; институт мировых посредников; эволюция; Крестьянская реформа.

THE ECONOMIC BASIS OF THE ACTIVITY OF THE INSTITUTE OF SOCIAL MEDIATORS

Sereda A. S.
State Educational Institution Secondary school № 3 in Zhabinka, Belarus

The article is devoted to the economic basis of the activities of social mediators. The problems of material support and its evolution in relation to the evolution of the institute are considered. The factors influencing the evolution of the material basis are revealed.

Keywords: material basis; institute of world mediators; evolution; Peasant reform.

Для осуществления отмены крепостного права в 1861 г. правительство Российской империи пошло на создание отдельного ведомства – института Мировых посредников. Мировые посредники, осуществляя Крестьянскую реформу, исполняли широкий набор мероприятий, связанных с поземельными отношениями между помещиками и крестьянами. Функционирование сотрудников требовало материального обеспечения.

Целью статьи является изучение экономической основы (материального базиса), лежавшего в основе деятельности института мировых посредников. Задачи – выявление материального базиса мировых посредников, изучение его эволюции, выявление причин, повлиявших на эволюцию экономического фундамента института.

Проблема оплаты труда чиновничьего аппарата существует со времён возникновения первых государств. Упрощая, условно возможно выделить две разные, но оказывающие влияние друг на друга экономические модели. Первая модель заключается в том, что служащий функционирует за счёт ресурсов, получаемых, в основном, от собственных владений или имущества, не получает регулярной оплаты труда от государства, пользуется большим набором привилегий и значительной внутренней автономией в управлении. Классическим примером является феодал, служащий монарху. Вторая модель заключается в следующем – профессиональный служащий с огра-

ниченной автономией, с урезанным набором экономических и социальных привилегий, исполняет обязанности на основе инструкций, получая гарантированную оплату своего труда. Классическим примером является чиновник-бюрократ.

Реалии Российской империи середины XIX столетия представляли из себя картину, в которой всё большее распространение получала вторая модель, а фоне широких, устоявшихся традиций феодального правления.

Российский исследователь Н. П. Ерошкин, изучавший структуру государственного аппарата империи, указывал, что бюрократия первой половины XIX в. имела невысокий уровень управленческой специализации [1]. Обычно, занимая пост, помещик-дворянин как бы переносил на вверенное ему учреждение порядки своих имений, где всё конкретное управление возлагалось на вотчинную администрацию: управляющих, бургомистров, старост; за самим помещиком сохранялось лишь общее руководство [81]. Ф. Ф. Вигель, один из наиболее наблюдательных русских мемуаристов, красочно описал данную ситуацию: «Можно ли было ожидать от графика или князька, наследника 20, 30 или 50 тысяч душ, чтобы он охотно в звании канцелярского служителя подчинил себя засаленному повытчику и по его приказанию переписывал бумаги? Все эти баричи числились только по департаментам, а главное начальство само способствовало их повышению» [2].

Проблема ухудшалась низким социальным статусом и низким жалованьем большей части чиновников. А. Л. Боровков, секретарь следственной комиссии по делу декабристов, так описывал данное положение: «…большая, несравненно большая часть бедствует, нуждаясь даже в пропитании, будучи обременена притом работой до упаду. Состояние приказных достойно сострадания: за тридцать или сорок рублей ассигнациями в год они обречены работать с утра до вечера! Надобно видеть в губерниях несчастное положение этих людей, чтобы принять в судьбе их живое участие» [3, с. 72].

Реалии белорусских губерний не отличались от общеимперских. С. Орлицкий в мемуарах, описывая повседневность Могилёвской и Витебской губерний, указывал, что чиновники – «коронные служаки» [4, с. 97], не пользовались уважением и воспринимались помещиками как существа «особого рода», которых пускать «в гостиную было не всегда удобно» [4, с. 97]. Чиновники «смешно одевались», заискивали и унижались перед хозяевами. Они «садились на краешек стула, обжигались из почтения горячим чаем» [4, с. 96]. В свою очередь, чиновники смотрели на «сибаритствующих выхоленных дворян-помещиков, как на некую высшую расу» [4, с. 97]. Сам Орлицкий нелицеприятно отзывался о чиновничестве, состоявших из «плутоватых, неотесанных людишек, семинарских выкидышей подьяческого типа, перебивавшихся по пословице: с корочки на корочку из кулька в рогожку, бравших открыто взятки» [4, с. 97]. Мемуарист справедливо отметил, что без взяток мелкому чиновнику «прожить было немыслимо при восьми и двенадцати рублевых окладах жалованья в месяц» [4, с. 97].

Сумма жалованья объективно не соответствовала объёму выполняемой работы, что, естественно, сказывалось на её качестве.

Начав после Крымской войны разработку Крестьянской реформы, правительство параллельно с 1857 г. приступило к осуществлению высокозатратного проекта по созданию масштабной железнодорожной системы [5, с. 93]. Дефицит бюджета после Крымской войны, инфляция, неразвитость первых акционерных обществ, влияние разыгравшегося в 1857 г. крупного мирового финансового кризиса – всё это привело к тому, что «в исходе 1858 года и в начале 1859 года обнаружились все признаки банковского кризиса [6, с. 87]. В феврале 1859 г., Александр II приказал начать работу над Крестьянской реформой, а на 1 июля 1859 г. банки империи, согласно докладу министра финансов, имели в наличии только 23 млн руб., в то время как 365 млн руб. могли быть «востребованы во всякое время» [5, с. 96]. Развитие и урегулирование кризиса шло параллельно с разработкой планов по отмене крепостного права. Профессор экономики Н. Х. Бунге, глава Государственного банка Е. И. Ламанский, финансист и экономист Ю. А. фон Гагемейстер, будущий министр финансов М. Х. Рейтерн и директор хозяйственного департамента министерства внутренних дел Н. А. Милютин были разработчиками крестьянской реформы и одновременно боролись с последствиями финансового кризиса [5, с. 97].

Оба проекта требовали больших денег. Очевидно, преодоление финансового кризиса и строительство железных дорог были реализованы за счёт аграрной реформы.

Порядок комплектования и структура института подробно отображены в Высочайше утверждённом Положении о Губернских и Уездных по крестьянским делам Учреждениях от 19 февраля 1861 г. [34, с. 202–218]. На должность претендовали кандидаты, соответствующие следующим критериям: местные потомственные дворяне, владевшие не менее 500 десятинами земли, или 150 десятинами земли после «окончания курса наук в учебных заведениях» [7, с. 202–203]. В случае отсутствия кадров, на должность претендовали личные дворяне, владеющие землёй в двойном количестве [7, с. 203]. При отсутствии собственности должность могли занимать мужья и совершеннолетние сыновья, если жёны первых и родители вторых владеют положенным количеством земли [7, с. 203]. Эти же условия распространялись на кандидатов в мировые посредники – людей, готовых исполнять, в случае необходимости, обязанности посредников. Звание посредника могло быть соединено с другими должностями [7, с. 203]. Это давало право назначать дворян, состоявших как на гражданской, так и на военной службе, (получавших жалованье) предоставляя им длительный отпуск, либо отставку. Примером может являться мировой посредник 6-го участка Минского уезда надворный советник, служащий Министерства внутренних дел граф Эмерик фон Гуттен Чапский [8, с. 172].

Мировым посредникам предоставлялось 1500 руб. в год в безотчётное пользование «на содержание канцелярии, наём рассыльных и другие издержки по отправлению должности» [7, с. 204]. Это не было жалованьем, однако изучение источников позволят говорить о том, что выделяемая сумма часто воспринималась именно как жалованье.

Организовывая институт, власти столкнулись с проблемами при комплектовании. Дворяне часто отказывались занимать должность и «мировых посредников в некоторых уездах совсем неоткуда брать» [9, с. 20]. 22 марта 1861 г. последовал циркуляр Министерства внутренних дел, в котором, отмечая трудности, выражалось желание, чтобы Уездные дворянские собрания вносили в списки кандидатов всех, без исключения, дворян-помещиков, удовлетворяющих условиям, а также их ближайших родственников [10, с. 490]. 14 апреля 1861 г. царь лично повелел губернаторам утверждать на должности лиц «без соблюдения формальностей, которые установлены законом для утверждения в других должностях» [11, с. 625]. А вскоре, 6 мая 1861 г. император разрешил допускать дворян как к постоянному, так и ко временному исполнению должности до утверждения Сенатом [12, с. 729]. Сбор документов упрощался [11, с. 625]. Таким образом, нежелание дворян занимать должность привело к оперативному пересмотру требований. Было принято решение об отказе от высокого имущественного ценза.

Белорусские земли были способны мобилизовать дополнительные кадры. Анализ памятных книжек – официального провинциального справочного издания империи, подтверждает это. Так в Виленской губернии, насчитывавшей в 1862 г. 35 мировых посредников, 6 человек были коллежскими регистраторами, которые, согласно начальным условиям, не могли занимать должность [13, сс. 101, 113, 118, 126, 130]. В Могилёвской губернии из 34-х посредников таковыми являлись 4 человека – 1 прапорщик и 3 коллежских регистратора [14, сс. 161, 197]. В Гродненской губернии из 39 посредников 5 были коллежскими регистраторами, а 6 вообще не имели никаких чинов. 11 посредников, 28 % от состава института в губернии, не отвечали изначальным критериям отбора [15, сс. 20–24; 27–31]. Локальное исследование на примере Слонимского уезда Гродненской губернии дало следующие результаты. Обнаружилось, что в 1861 г., должность занимали люди, носившие фамилии Зварович, Корчиц, Плавский, Твардовский, Тарасевич [16, с. 94]. Так, судя по источникам, в уезде числилось двое помещиков с фамилией Зварович – Франц Зварович (имея всего 6 десятин земли) и Иван Зварович (имел 20 десятин) [17, л. 11]. Под фамилией Корчиц значились 4 человека: Юрий Корчиц (32 десятины) [17, л. 4], Сильверий Корчиц (30 ½ десятины), Рафаил Корчиц (16 десятин) [17, л. 6], Викентий Корчиц (8 десятин) [17, л. 4]. Фамилии Плавский имеют три помещика: Константин Плавский (10 десятин), Франц Плавский (7 десятин) [17, л. 13] и Михаил Плавский – (2 десятины) [17, л. 2] – все вышеназванные помещики не владели ни одним крестьянином. Анализ памятной книжки Гродненской губернии за 1862 г. дал следующие результаты: в списках посредников *не было выявлено ни одного из вышеназванных лиц* [15, с. 29–30]. Источники взаимно противоречат друг другу, предоставляя взаимоисключающие данные. Восстановить подлинную информацию о людях, занимавших должность, и о сроках, на которых они находились, проблематично, поскольку памятные книжки не отображали динамику смены лиц на должностях в течение года.

В начале 1863 г. в Царстве Польском началось восстание. Назначенный виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьёв, занялся реорганизацией института. После событий 1863–1864 гг. требовалось широкое обновление состава института. Выход был найден в замещении местных мировых посредников «благонадёжными чиновниками из русских уроженцев»[18, л. 30]. Отбор проходили чиновники и офицеры, не имевшие в крае земельной собственности и родственных связей. Так как большинство из них не имело никакого другого дохода, кроме жалованья – оно было увеличено на 500 руб. – для улучшения материального положения, и материальной независимости от местных помещиков [19, с. 874]. Исследователи А. П. Житко и С. А. Толмачёва утверждают, что на всех направленных чиновников распространялись правила, согласно которым они приравнивались к служащим отдалённых губерний России [20, с. 43]. С 1 января 1875 г. правительство стало осуществлять доплаты в 500 руб. посредникам из внутренних губерний, приобрёвшим в Северо-Западном крае земельную собственность [21, с. 24].

Важным пунктом деятельности института стало участие в проведении рекрутских наборов. Мировой посредник получал доплату в размере 150 руб. за участие в рекрутских наборах [22, с. 307–308].

Смена сотрудников была завершена в конце 1864 г. Вместе с тем отмечалась высокая текучесть кадров.

Большой проблемой, оказывавшей влияние на работу ведомства, стала системная культурно-экономическая проблема – коррупция. Мировой опыт показывает, что высокая оплата труда чиновников, хотя не гарантирует, но все-таки способствует улучшению работы бюрократического аппарата, в то время как тяжелое материальное положение провоцирует развитие коррупции и другие нежелательные для общества корыстные варианты поведения как управленцев, так и управляемых [23, с. 208]. И. Л. Солоне́вич, известный публицист, мыслитель и общественный деятель, родившийся в 1891 г. в Гродненской губернии и выросший в среде чиновничества и хорошо её (чиновничью среду) знавший, свидетельствовал: «Она брала взятки – так было принято. Но взятка не была вымогательством, она была чем-то средним между гонораром и подаянием. Она разумелась сама собой. Чиновник, который отказывался брать взятки, подвергался изгнанию из своей собственной среды: он нарушал некую неписанную конституцию, он колебал самые устои материального существования бюрократии. Но такому же изгнанию подвергался и чиновник, который своё право на взятку пытался интерпретировать как право на вымогательство. Взятка, я бы сказал, была добродушной» [24, с. 174–175].

Учитывая повышенное материальное содержание сотрудников, необходимо утверждать, что в белорусских землях были созданы условия, препятствовавшие распространению широкого уровня коррупции среди членов института. В то же время исследователь С. М. Токть, ссылаясь на воспоминания этнографа Адама Богдановича, утверждает о распространённых фактах коррупции среди мировых посредников и сельской администрации:

«…отлично знали все крестьяне от старого до малого: кто сколько кому даёт и берёт, через кого и по какой причине» [25, с. 79].

В начале реализации Крестьянской реформы правительство, попутно осуществляя масштабное железнодорожное строительство, создало институт мировых посредников, материальной основой которого стал, по сути, феодальный базис. В самом начале реформы данная экономическая основа не оправдала себя, что привело к очень быстрой её корректировке – наметилась тенденция не к набору землевладельцев, а в наборе служащих, которые, однако, должны были действовать на основе феодального базиса. Имущественный и образовательный ценз, декларировавшийся ранее, больше не играл роли. Набранные на этой основе служащие, в большинстве своём, провалили реализацию реформы, что было выявлено правительственной ревизией. Это обстоятельство, а также фактор восстания 1863–1864 гг., заставили правительство принять, в основном, много черт капиталистического материального базиса, при сохранении феодальных черт. Фактор коррупции играл немалую роль в работе института и, несмотря на эволюцию экономической основы, не был преодолён.

Список использованных источников

1. *Ерошкин, Н. П.* Российское самодержавие [Электронный ресурс] / Н. П. Ерошкин // Русская Императорская Армия. – 2004–2020. – Режим доступа: http://regiment.ru/Lib/A/52/1.htm. – Дата доступа: 01.06.2019.

2. *Вигель, Ф. Ф.* Записки [Электронный ресурс] / Ф. Ф. Вигель // Lib.ru: «Классика» / ред. проекта В. Г. Есаулов. – 2004–2020. – Режим доступа: http://az.lib.ru/w/wigelx_f_f/text_1856_zapiski.shtml. – Дата доступа: 02.02. 2019.

3. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П. А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.

4. *Орлицкий (Окрейц), С. С.* Далекие годы. Автобиографическая хроника // С. С. Орлицкий. – СПб.: Типография Главного управления уделов, 1899.

5. *Хок, С.* Банковский кризис, крестьянская реформа и выкупная операция в России. 1857–1861 / С. Хок // Великие реформы в России. 1856–1874 / редкол. Л. Г. Захарова [и др.]. – Москва, 1992 – С. 90–105.

6. *Таль, А. фон.* Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского (1840–1890 гг.) / А. фон Таль // Русская старина. – 1915. – № 3. – С. 73–87.

7. Высочайше утверждённое Положение о Губернских и Уездных по крестьянским делам Учреждениях: [от 19 февраля 1861 г., № 36660] // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – Собр. 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 36, отд. 1. – С. 202–217.

8. Памятная книжка Минской губернии на 1861 год. – Минск: Типография Губернского правления, 1861. – 56 с.

9. *Рыбков, А. Г.* Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 года: на материалах Саратовской губернии / А. Г. Рыбков, М. М. Зинина. – Балаково: Балаковский институт экономики и бизнеса, 2010. – 171 с.

10. Циркуляр Министра Внутренних Дел Начальникам губерний, с Высочайшего разрешения. О порядке избрания Мировых Посредников: [от 22 марта 1861 г., № 36770] // Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. – Собрание 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 36, отд. 1. – С. 490–491.

11. Высочайше утверждённое положение Главного комитета об устройстве сельского состояния. О порядке утверждения в должности Мировых Посредников: [от 14 апреля 1861 г., № 36864] // Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. – Собр. 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 36, отд. 1. – С. 625.

12. Высочайше утверждённое положение Главного комитета об устройстве сельского состояния. О допущении Мировых Посредников к временному исправлению должности, до утверждения правительствующим Сенатом: [от 6 мая 1861 г., № 36979] // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – Собр. 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 36, отд. 1. – С. 729.

13. Памятная книжка Виленской губернии на 1862 г. – Вильно: Типография А. Г. Сыркина, 1862 г.

14. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1862 г. – Могилёв: Типография Губернского правления, 1863 г. – 369 с.

15. Памятная книжка Гродненской губернии на 1862 г. – Гродно: Типография Гродненского Губ. правления / Составлена в Гродненском статистическом комитете, 1862 г.

16. *Середа, А. С.* Земельная собственность дворянства как фактор осуществления крестьянской реформы на примере Гродненской губернии / А. С. Середа // Материалы XIII Респ. науч. конф. молодых учёных и аспирантов, Минск, 25 нояб. 2016 г. – Минск: РИВШ. – С. 92–97.

17. Слонимский уездный съезд мировых посредников. Ведомость о количестве земли у землевладельцев // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 994. Оп. 1. Д. 3.

18. Дело о службе мировых посредников Борисовского уезда // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 242. Оп. 1. Д. 143.

19. Высочайше утверждённое положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния. Об увеличении содержания Мировым Посредникам в губерниях Западного края, назначаемых не из местных дворян-помещиков: [от 7 августа 1863 г., № 39935] // Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. – Собр. 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1863. – Т. 38, отд. 1. – С. 874

20. *Жытко, А. П.* Палітыка самадзяржаўя ў адносінах да інстытута міравых пасрэднікаў у Беларусі (1861–1904) / А. П. Жытко, С. А. Талмачова // Весці нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2013. – № 1. – С. 41–46.

21. Высочайше утверждённое положение Главного Комитета об устройстве сельского состояния. О добавочном содержании Мировым Посредникам, вызванным из внутренних в Северо-Западные и Белорусские губернии и приобревшим

там земельную собственность: [от 4 января 1875 г., № 54252] // Полное собрание законов Российской империи. В 55 т. – Собр. 2-е. – СПб.: [б. и.],1875. – Т. 50, отд. 1. – С. 24.

22. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета, объявленное Виленскому, Ковенскому, Гродненскому и Минскому Генерал-Губернатору и Главному Начальнику Витебской и Могилёвской губерний Министром Внутренних Дел. О выдаче пособий Мировым Посредникам северо-западного края на разъезды их на время предстоящего в 1867 году рекрутского набора: [от 28 ноября 1866 г., № 43910] // Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – Собр. 2-е. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1866. – Т. 41, отд. 2. – С. 306–307.

23. *Миронов, Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. / Б. Н. Миронов. – 2-е изд. – СПб.: Д. Буланин, 2018, испр. – Т. 1. – 896 с.

24. *Солоневич, И.* Великая фальшивка февраля / И. Солоневич. – Москва: Алгоритм: БСК, 2007. – 302, [1] с.

25. *Токць, С. М.* Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2016. – 328 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 908

ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ГОРОДЕ ВЯЗЬМА СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX В.

Иванов А. М.
Смоленский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Смоленск, Россия

Автор рассматривает историю становления и появления религиозных сооружений еврейского населения в городе Вязьме Смоленской области. Исследование проведено на базе архивных источников хранящихся в Государственном архиве Смоленской области (далее ГАСО), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Делается вывод о том, что история культовых сооружений еврейского населения в городе Вязьма еще содержит белые пятна. Сбережение и изучение ее необходимо, это помогает обогащать историю многонациональной и многоконфессиональной страны.

Ключевые слова: вероисповедание; еврейская община; иудеи; кладбища; синагога; черта оседлости.

THE JEWISH POPULATION IN THE CITY OF VYAZMA, SMOLENSK REGION AT THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES

Ivanov A. M.
Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Smolensk, Russia

The author examines the history of the formation and appearance of religious buildings of the Jewish population in the city of Vyazma, Smolensk region. The study was conducted on the basis of archival sources stored in the State Archives of the Smolensk Region (hereinafter referred to as the State Archives of the Smolensk Region), many of which are being introduced into scientific circulation for the first time. It is concluded that the history of religious buildings of the Jewish population in the city of Vyazma still contains white spots. Saving and studying it is necessary, it helps to enrich the history of a multinational and multi-confessional country.

Keywords: religion; Jewish community; Jews; cemeteries; synagogue; Pale of Settlement.

К началу XX в. город Вязьма являлась многонациональным и многоконфессиональным населенным пунктом, поэтому неудивительно, что на ее территории помимо православных храмов имелись религиозные сооружения иных конфессий. Здания синагоги на сегодняшний день не сохранились, как и многие иные святыни города.

В основе законодательной базы проживания лиц иудейского вероисповедания в Российской империи лежало «Высочайшее утвержденное положение о евреях» от 13 апреля 1835 г. В соответствии с данным документом еврейское население было ограничено в возможности расселения, была введена «черта оседлости», за пределами которой евреям было запрещено селиться. Восточная часть Смоленской губернии, в том числе и город Вязьма, находились вне этой черты [2].

Первые официально зарегистрированные и легально проживающие евреи в Вязьме появились во второй половине XIX века. В 1860–1870-х годах с промежутком в несколько лет были изданы указы, разрешающие селиться вне черты оседлости сначала евреям-ремесленникам, а затем купцам и отставным солдатам, отслужившим срок по рекрутскому уставу. Именно к этому периоду можно отнести формирование еврейской общины в Вязьме.

В 1858 г. на территории Смоленской губернии проживало официально 154 иудея. Но уже в 1860 г. количество иудеев достигло 519 человек [9, с. 19]. В Вязьме по данным на 1859 г. проживало 47 евреев, 22 мужчины и 25 женщин, а в уезде 1 иудей мужчина [12, с. 51]. По статистическим сведениям за 1863 г. в Вязьме лиц еврейского вероисповедания – 65, соответственно мужчин – 23, женщин – 42 [10, с. 20].

Следует иметь в виду то, что российское законодательство разрешало евреям, имевшим университетские степени проживать за пределами «черты оседлости». Такое же право предоставлялось демобилизованным солдатам и их потомкам, после из смерти, акушеркам, фармацевтам, дантистам и их помощникам, а также некоторым категориям ремесленников [2]. К концу XIX в. именно их этих категорий формировалась еврейская диаспора в Вязьме [1, с. 116–117]. По данным переписи 1897 г. в Российской империи, на территории Смоленской губернии проживало 11 144 иудея [11, с. 82-83], из них – 504 в Вязьме, и 42 в уезде [8, с. 32]. Как показывают данные Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в Вязьме проживало 504 человека, исповедующих иудаизм, включая 4 караимов [5].

Достаточно высокая численность иудеев в Вязьме и Вяземском уезде вызвала необходимость в строительстве культового сооружения в регионе. Существует версия, что синагога была построена в XVIII в. на месте питейного заведения и находилась в д. 9 по ул. Кирова около Зуевского (Кировского) моста [7, с. 73]. Предположительно она располагалась в доме Батенина, который сдавал свой дом для свершения религиозных обрядов. Другая версия говорит, что синагога находилась на Корьей площади, справа от Фроловского моста [6, с. 76]. Она была закрыта сразу после Октябрьской революции 1917 г.

Выписка из устава Еврейского религиозного общества г. Вязьмы дает перечисление предметов культа данного общества на 1924 г. В него входило: синагога (ул. Набережная реки Вязьма, д. 2); баня для совершения омовения (ул. Глинная, д. 3); еврейское кладбище, за чертой города за Московской заставой [4, л. 93] (находилось оно в районе железнодорожной станции Новоторжская, которое частично и очень плохо сохранилось и сегодня).

Стоит отметить, что в Вязьме имелось ещё одно еврейское кладбище, которое было уничтожено. Оно находилось в районе нынешней Парковой улицы и примыкало к Воскресенскому храму и Воскресенскому православному кладбищу. Сейчас на этом месте стоит жилой микрорайон. Можно предположить, что это кладбище появилось в период Первой мировой войны, когда евреев выселяли из приграничных районов и временно разрешили проживание во внутренних губерниях Российской Империи. Последовавшая Февральская революция и отмена черты привели к миграции еврейского населения, что способствовало увеличению численности евреев в Вязьме. Гражданская война, голод и болезни стали причиной высокой смертности. В связи с этим, вероятно, возникла необходимость в отведении места под новые захоронения.

После Октябрьской революции 1917 г. экономическое состояние еврейской общины и содержание синагоги осуществлялось за счет еврейского населения города Вязьмы, об этом свидетельствует обращение уполномоченного еврейской общины Шлидмана Мордуха к председателю Вяземского Уилсполкома в 1924 г. Среди прочего в нем говорится о том, что в помещении, которое занимает Вяземская еврейская община (второй этаж каменного флигеля по набережной реки Вязьмы, дом № 2), производится необходимый ремонт и «все содержится в порядке». Все расходы лежат на бедных кустарях, «т. к. богатых почти вовсе нет, и более состоятельные не нуждаются в духовной пище» [4, л. 15].

24 декабря 1926 г. была составлена опись имущества еврейской религиозной общины, и все означенное имущество было передано в бессрочное пользование общине, а 3 января 1927 г. продлен договор с общиной [4, л. 25–26].

3 октября 1929 г. на заседании Президиума Вяземского городского Совета X-го созыва слушали вопрос об эксплуатации помещения, занимаемого еврейской общиной. В итоге постановили: «ввиду того, что помещение общины занято в муниципализированном доме, где проживают жильцы Горкомхоза, и то, что община никакого ремонта занимаемому помещению не производит, т.об. оно постепенно разрушается и в настоящее время является опасным для жильцов, предложить Горкомхозу в 3-х дневный срок изъять из пользования общины данные помещения» [3, л. 83]. А на заседании 21 октября 1929 г. постановили помещение, бывшее в использование еврейской молельни, отремонтировать и передать под пионер-клуб, на эти цели Горкомхоз должен был ранее выделить 2000 рублей [3, л. 95].

Дальнейшую судьбу иудейского населения и синагоги пока обнаружить не удалось, но можно сделать предположение, что в Великую Отечественную войну его постигла участь всего еврейского населения. На территории Вязьмы были расположены концентрационные лагеря, и после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков были обнаружены захоронения жителей города, среди которых наверняка были и евреи.

В современной Вязьме следы еврейских захоронений можно обнаружить и сейчас, так, старое еврейское кладбище находится на окраине города, в частном секторе, на улице Зелёная. Участок представляет собой небольшой

прямоугольник приблизительно 100 на 120 метров, по периметру которого вырыты дренажные канавы. Сохранилось несколько столбов от забора, который когда-то ограждал кладбище. На данный момент кладбище полностью разорено, заросло, тропинки, которыми часто пользуются местные жители, проходят по могильным холмам, большая часть надгробных камней отсутствует, оставшиеся повалены, надписи сбиты, таблички свинчены. Где же находятся памятники с большинства еврейских могил? По словам местных краеведов, кирпичные надгробия были разобраны местными жителями и пошли на печки и фундаменты домов, каменные же перешлифованы и стоят неподалеку на русском кладбище. Последний раз кладбище было осмотрено в 2015 г., состояние его плачевное [13, с. 490].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что история культовых сооружений еврейского населения в городе Вязьма еще содержит белые пятна и пробелы. Сбережение и изучение ее необходимо, это помогает обогащать историю многонациональной и многоконфессиональной страны.

Список использованных источников

1. Власть. 2010. № 15 (868) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1356455. – Дата доступа: 14.02.2023.

2. Памятные книжки Смоленской губернии на 1861 г. – Смоленск: Типография губернского правления, 1861.

3. Список населенных мест Смоленской губернии по сведениям 1859 г. – Т. XL. Смоленская губерния. – СПб., 1868.

4. Памятные книжки Смоленской губернии на 1864 и 1865 гг. – Смоленск: Губернская типография, 1865.

5. *Ананьев, Д. Е.* Семья Кромьеш в истории города Вязьмы с середины XIX – до 30-х гг. XX вв. / Д. Е. Ананьев // История семьи в истории России. Материалы краеведческой конференции: сборник статей. – Москва, 2010. – С. 116–117.

6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. – СПб., 1897–1905.

7. Обзоры Смоленской губернии за 1911–1913 гг. – Смоленск: Губернская типография. – 1914.

8. Генеалогический форум «Еврейские корни» – Режим доступа: http://forum.j-roots.info/viewtopic.php?f=28&t=136&start=60 – Дата доступа: 14.02.2023.

9. *Иванов, А. М.* Религиозные святыни города Вязьмы: прошлое, настоящее, будущее. Справочник / А. М. Иванов. – Смоленск, 2010. – 110 с.

10. *Гурская, Н. Г.* Прогулки по старой Вязьме / Н. Г. Гурская – Смоленск, 2009. – 151 с.

11. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. 739. Оп. 1. Св. 28. Д. 269. Л. 93. Подлинник.

12. ГАСО. – Ф. 3. Оп. 2. Д. 72. Л. 26. Л. 83. Подлинник.

13. *Хэрмэнс-Чернышова, Е.* Вяземское еврейской кладбище // Вяземская мозаика, книга третья / Е. Хэрмэнс-Чернышова. – Вязьма, 2016. – С. 489–506.

(Дата поступления: 20.02.2023).

УДК 392/393(=161.3)(091)»18/19»+316.343:63-051(476)(091)»18/19»

МАЁМАСНАЯ ІЕРАРХІЯ СЯЛЯНСТВА БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ. ПРАЗ ПРЫЗМУ ТРАДЫЦЫЙНАЙ СЯМЕЙНАЙ АБРАДНАСЦІ І ВЯСКОВАГА ПОБЫТУ

Маскевіч Г. І.
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле разгледаецца ўплыў маёмаснай іерархіі сялянства Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. на выкананне асобных элементаў традыцыйнай сямейнай абраднасці (вясельныя, пахавальна-памінальныя рытуалы). Звяртаецца ўвага на тэрытарыяльна-рэгіянальныя асаблівасці маёмаснага становішча вяскоўцаў у Беларусі. Прыведзены прыклады залежнасці паўсядзённага жыцця і гаспадарчага побыту ад маёмаснага становішча селяніна.

Ключавыя словы: сялянства; сямейная абраднасць; сацыяльная іерархія; маёмасная няроўнасць; заможныя сяляне; сераднякі; беднота; вяселле; хрэсьбіны; пахавальная абраднасць.

THE PROPERTY HIERARCHY OF THE PEASANTRY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY THROUGH THE PRISM OF TRADITIONAL FAMILY RITUALS AND VILLAGE LIFE

Maskevich A. I.
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article examines the influence of the property hierarchy of the peasantry of Belarus in the second half of the 19th – early 20th century on the conduct of certain elements of traditional family rituals (wedding, funeral and memorial rituals). Attention is drawn to the territorial and regional peculiarities of the property status of villagers in Belarus. Examples of the dependence of everyday life and economic life on the property status of the peasant are given.

Keywords: peasantry; family rites; social hierarchy; property inequality; wealthy peasants; middle peasants; poor; wedding; christening; funeral rites.

Колькасць сялянства Беларусі ў канцы XIX ст. дасягала амаль 5 млн чалавек, што складала каля 76,4 % насельніцтва. Саслоўе гэта не было аднародным. Асабліва яскрава ўнутрысаслоўная разнароднасць сялянства праявілася пасля адмены прыгоннага права. Адным з найважнейшых падмуркаў сацыяльнай стратыфікацыі з'яўлялася маёмасная няроўнасць. У 1877 г. заможныя сяляне (мелі больш 20 дзесяцін зямлі) складалі 10,4 % сялянства Беларусі, сераднякі (15–20 дзесяцін зямлі) – 27,7 %, беднота (менш за 15 дзесяцін зямлі

і беззямельныя) – 61,9 %. Адрозненні паміж імі былі адлюстраваны не толькі ў лічбах і афіцыйнай статыстыцы, але праяўляліся ў паўсядзённым вясковым жыцці, сялянскім побыце, традыцыйных звычаях і абрадах.

Маёмасная разнароднасць гаспадароў адлюстроўвалася ў правядзенні традыцыйных для сялянскай культуры рытуалаў. Пры захаванні агульнай духоўнай спадчыны продкаў і выкананні традыцыйных дзеянняў, у сялянскай абраднасці другой паловы XIX ст. паступова выяўлялася фарміраванне новых сацыяльных стасункаў. Такія тэндэнцыі былі заўважны ў цыкле вясельнай абраднасці. М. В. Доўнар-Запольскі пісаў, што «на заключение брака оказывает немалое влияние достаток родителей… В особенности это сильно отражается на бедных семействах» [1]. Заможныя маглі прэтэндаваць на выбар партнёра з іншых вёсак. Для бедных дзяўчат і «ў сваім кутку хапала мужыкоў» [1, с. 110]. Для сям'і жаніха было важна, каб дзяўчына не толькі была добрай работніцай, не мела дрэннай славы, вылучалася добрым станам староўя і знешнім выглядам, але яшчэ і была з такой сям'і, якая адпавядала б сям'і жаніха па прыбытку. Дзяўчыны з заможных сем'яў рэдка бралі шлюб з хлопцамі ніжэйшага маёмаснага стану [2, с. 118]. Разам з тым, беднякі-хлопцы нярэдка імкнуліся пайсці ў прыймы да больш заможных дзяўчат. Прымакамі часцей за ўсё станавіліся выхадцы з бедных шматдзетных сем'яў, адстаўныя салдаты, бабылі.

Даследчыкі сямейнай абраднсці беларусаў адзначалі, што заключэнню шлюбу надавалася вельмі значная ўвага з боку дзяржавы і царквы. Грамадскасць і улады былі зацікаўлены ў найхутчэйшым стварэнні сем'яў хлопцамі і дзяўчатамі шлюбнага ўзросту, бо бачылі ў сям'і сродак "змяншэння парокаў і захавання правоў". На бацькоў, чые дзеці не бралі шлюб да 20-25-гадовага ўзросту, маглі нават накладацца штрафы. Іх памеры залежалі ад маёмаснага стану гаспадароў. Так, штраф з сярэдняга дома складаў 25 руб., з багатага – 50 руб., бедных жа проста «каралі, як палічыць начальства» [3, с. 222].

Важнымі ўдзельнікамі вясельнай абраднасці з'яўляліся сваты. Запрашэнне ў сваты для сялян выступала адлюстраваннем грамадскай павагі і аўтарытэту. У той жа час выкананне абавязкаў сватоў патрабавала ад іх наяўнасці пэўных матэрыяльных магчымасцяў і выдаткаў. Сватам мог стаць хросны бацька жаніха ці нявесты, альбо «кто-либо из соседей побогаче и поважнее» [4, с. 133]. Немалаважную ролю адгрывалі сваты ў таргаванні пасага, памер і від якога таксама залежалі ад маёмаснага стану сям'і нявесты. Традыцыйна, пасаг складаўся з трох частак: адзенне, абутак і іншыя рэчы (так званы "кухар"), хатняя жывёла для вядзення гаспадаркі і ўрэшце грошы. Менавіта толькі заможныя сем'і маглі дазволіць сабе даць грашовы пасаг, у іншых ён з'яўляўся толькі нязначным дадаткам да рэчаў і жывёлы [3, с. 228].

Уплываў маёмасны стан сялянскай сям'і і на прыгатаванне такога важнага атрыбуту вяселля, як каравай. Бяднейшыя сяляне выпякалі караваі з жытняй мукі, а багацейшыя – з пшанічнай. Жыта, прызначанае для прыгатавання каравая, «заможнейшыя сяляне адвявалі, бяднейшыя – малолі зерне з "пушком" і абрадавае цеста выпякалі з мукі, напалову змешанай з мякінай»

[5, с. 8]; колькасць караваяў таксама залежала ад заможнасці і магла складаць ад аднаго да пятнадцаці.

Правядзенне асобных рытуалаў пахавальна-памінальнай абраднасці ў беларускай вёсцы на працягу другой паловы XIX ст. усё больш спазнавала на сабе ўплыў мадэрнізацыйных працэсаў. У заможных гаспадароў з'яўляліся магчымсці, якія былі недасягальныя для беднякоў. Аднолькава праводзіць сваіх блізкіх у апошні шлях мелі магчымасць не ўсе вяскоўцы. Так, запрасіць святара ў дом да нябошчыка маглі прадстаўнікі сем'яў з прыбыткам, які быў дадстатковым для аплаты такога «хатняга» адпявання [6, с. 281]. Здараліся зусім выключныя выпадкі, калі з-за беднасці сяляне нават не выконвалі неабходных традыцыйных царкоўных мерапрыемстваў. Так, жыхар адной з беларускіх вёсак прасіў даць дазвол пахаваць памерлую жонку адразу, не чакаючы трох дзён, бо ён «очень бедный, и нет денег на водку, а "на сухое" никто не захочет с покойницей ночь сидеть» [7, арк. 501]. Бядняцкае становішча не дазваляла ні губляць працоўны час, знаходзячыся каля нябожчыка, ні арганізоўваць памінкі, ні аплачваць ці частаваць тых, хто мог аказаць дапамогу.

Матэрыяльны дастатак сялянскай сям'і можна было вызначыць па знешнім суправаджэнні памерлага ў апошні шлях. Паводле ўстаноўленых звычаяў, беднякі пакрывалі нябожчыкаў белым палатном, наміткаю ці іншымі белымі тканінамі, клалі ў труну лапці. Больш забяспечаныя сяляне прыносілі з царквы спецыяльныя парчовыя пакрывалы, клалі замест лапцёў чаравікі, якія можна было набыць у крамах ці кірмашах [8, с. 650; 9, с. 348].

Маёмасная няроўнасць праяўлялася і ў святкаванні сялянамі каляндарных свят. У хатах заможных гаспадароў значна часцей і шырэй, чым у беднякоў, адзначаліся многія святы каляндарнай абраднасці. Напрыклад, у сем'ях з прыбыткам на некалькі дзён зацягвалася памінальнае застолле на дзяды; не забывалі абавязкова адзначаць Мікольшчыну – свята ў гонар св. Мікалая, чаго ў беднякоў не было [9, с. 563] і інш.

У паўсядзённым сялянскім жыцці на працягу другой паловы XIX ст. таксама з'яўлался ўсё больш і больш праяў неаднароднага маёмаснага становішча. Разам з тым, па назіраннях даследчыкаў на працягу парэформеннага перыяду адбывался агульнае паляпшэнне якасці сялянскага жыцця і штодзённага побыту [10, с. I; 11, с. 16–17]. Этнографы адзначалі, што яшчэ ў 1870-х гг. у асобных рэгіёнах Беларусі ў сялянскіх гаспадарках не было коней, для апрацоўкі зямлі і перавозкі грузаў выкарыстоўваліся валы, а ў асобных выпадках нават каровы. Бліжэй да канца XIX ст. назіраліся станоўчыя змены ў сялянскім паўсядзённым жыцці – валы выцясняліся канямі, хаты былі светлыя, з падлогамі, уводзіліся новыя земляробчыя прылады і г. д. [12, с. 16–17]. У той жа час, усё больш рабіўся заўважным разрыў паміж рознымі маёмаснымі пластамі сялянства.

З развіццём мадэрнізацыі для заможных сялян адкрываліся магчымасці, якіх сярэдняку дасягнуць было значна складаней. Статус заможнасці абавязкова павінен быў пацвярджацца вонкава: знешні выгляд, памеры, унутранае абсталяванне хаты, колькасць і якасць гаспадарчых пабудоў, асаблівасці

паўсядзённага, святочнага жыцця і побыту, знешні выгляд гаспадара і яго сямейства, якасць гатуемых страў і інш. Так, заможныя гаспадары спажывалі выключна «чысты» хлеб, які быў больш якасны і дарагі [10, с. 4]. Сераднякі ж гатавалі хлеб некалькі лепшай якасці, чым беднякі: спажыўцы «градовага» хлеба ці «градоўкі» ўжо не маглі лічыцца беднякамі. А вось харчаванне мякінным хлебам было выключнай «прырэгатывай» бедных сялян, а для багатых лічылася абразай. Выкарыстанне жытняй, аўсянай, ячменнай, грачышнай ці пшанічнай мукі было прыкметай дастатку, а вось стравы з гарохавай ці бабовай мукі з'яўляліся на сталах толькі беднякоў [5, с. 8].

Значныя адрозненні назіраліся ва ўнутраным абсталяванні жылых памяшканняў, выкарыстанні прадметаў хатняга ўжытку. Выключнай раскошай для большай часткі сялян лічыліся «сяннік» (адмысловы матрас) і сапраўдная коўдра, наяўнасць якіх была сведчаннем заможнасці гаспадароў [10, с. 143–144]. Заможныя сяляне выкарыстоўвалі ў побыце элементы гарадской культуры, апраналіся ў фабрычнае адзенне і абутак; жанчыны спраўлялі сабе чорныя ці рудыя чаравікі, у той час як звычайныя сялянкі мелі аднолькавы абутак з мужчынамі, шылі вопратку з даматканага палатна [10, с. 126].

Сераднякі мелі лепшае абсталяванне хат, больш якасную вопратку, чым беднякі, аднак новаўвядзенняў, модных элементаў побыту, характэрных для заможных (самавар, брычкі, чаравікі), сераднякі не выкарыстоўвалі [5].

Сяляне з сярэднім дастаткам і беднякі не будавалі прызбу, як у заможных сялян, а замест яе ставілі клець. Аднак хаты сераднякоў звычайна падзяляліся на два пакоі, што лічылася ў сялян прыкметай пэўнага дастатку [12, с. 22]. У цэлым па ўнутраным убранні, як сведчыць Е. Раманаў, хаты бедных сялян і сераднякоў былі вельмі падобныя, і толькі ў заможных гаспадароў меліся некаторыя адрозненні і змены [13, с. 90].

Сераднякі, як і менш прыбытковыя гаспадары, не мелі спецыяльных адрынаў для хлеба, а падчас збору ўраджаю раскладвалі збожжа на таку. Праўда, у сераднякоў заўсёды быў свой ток, а вось малазямельныя сяляне нярэдка будавалі адзін на некалькі гаспадарак [5, с. 255, 270].

У становішчы заможных гаспадарак існавалі свае рэгіянальныя асаблівасці. На заможнасць уплывалі прыродна-геаграфічныя ўмовы, у выніку чаго заможнікі ў адных мясцовасцях былі больш заможнымі, чым у іншых, адпаведна і беднякі. На тэрыторыі Беларусі гэта таксама праяўлялася ў знешнім побыце сялянскіх гаспадарак. Так, назіраліся яскравыя адрозненні ў агульным стане вёсак паўночна-заходняй і паўднёвай частак Мінскай губерні. У першым рэгіёне хаты сялян будаваліся больш акуратна; стрэхі былі дабротныя, пакрытыя якаснай саломай. Пабудовы другога рэгіёна вылучаліся сваёй неахайнасцю, дрэннымі стрэхамі, агульным дрэнным выглядам. Даследчыкі адзначалі, што такія размежаванні часткова былі вынікам неаднародных прыродных умоў. Заўважалася, што Беларусь – краіна «надзвычай рознахарактарная», што праяўлялася ў знешнім выглядзе, побыце, культуры насельніцтва розных рэгіёнаў [14,

с. 2]. У бязлесай паўночна-заходняй частцы сяляне больш акуратна адносіліся да будаўніцтва, таму што матэрыял ім прыходзілася набываць за вялікія грошы і прывозіць здалёк. Для сялян паўднёвага рэгіёну з-за неўрадлівасці глеб салома ішла на ўгнаенні, таму для стрэх яе амаль не выкарыстоўвалі [15, с. 667–668].

Пасля адмены прыгоннага права і з развіццём мадэрнізацыйных пацэсаў у сялян з'явіліся магчымасці надаць адметнасці свайму побытаваму і рытуальнаму жыццю, карыстаючыся маёмасным становішчам. Заможнасць прыносіла ў традыцыйную культуру селяніна новыя рысы, якія вылучалі багатыя сем'і з агульнай масы сялянства. Культура середнякоў, якія не дасягнулі ўзроўню заможнасці, спазнала менш трансфармацый і была больш блізкай да беднякоў. У стварэнні асаблівай сістэмы традыцый і побыту середнякоў не існавала неабходнасці, іх сацыяльна-псіхалагічныя адрозненні ад малазямельнага сялянства былі нязначныя. Сацыякультурныя асаблівасці, характэрныя для заможных сялян, былі далёкімі ад середнякоў, бо фарміраваліся пераважна на аснове эканамічных магчымасцей, больш высокіх даходаў заможных сялян, узроўню якіх середнякі не дасягалі. Абрадавае і паўсядзённае жыццё бяднейшага сялянства зведала менш трансфармацый і працягвала заставацца асновай сялянскай традыцыйнасці.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Довнар-Запольский, М. В.* Очерки семейного обычного права крестьян Минской губернии / М. В. Довнар-Запольский // Этнографическое обозрение. – 1897. – № 1. – С. 81–133.

2. *Никифоровский, Н. Я.* Белорусские песни "частушки" / Н. Я. Никифоровский. – Вильно: тип. Штаба Вилен. воен. округа, 1911. – 166 с.

3. Беларусы. Т. 5: Сям'я / В. К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – 376 с.

4. *Носович, И. И.* Сборник белорусских пословиц / И. И. Носович // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – СПб.: тип. Импер. Акад. наук, 1874. – Т. XII. – № 2. – С. 1–232.

5. *Никифоровский, Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: губерн. типо-литогр., 1897. – 307 с.

6. *Киркор, А. К.* Народная жизнь / А. К. Киркор // Живая старина. – СПб., 1899. – Вып. 2. – С. 181–213.

7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 52 497. Сведения о ценах на хлеб в Витебской губернии. О крестьянах, нуждающихся в продовольствии и обсеменении полей.

8. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельско-хозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях: в 3 кн. / А. С. Дембовецкий; сост. по прогр. и под ред. А. С. Дембовецкого. – Могилев-на-Днепре: тип. губерн. правл., 1882–1884. – Кн. 2. – 1884. – 1000 с.

9. *Шейн, П. В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П. В. Шейн. – СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1890. – Т. I. – Ч. 2: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. – 708 с.

10. *Никифоровский, Н. Я.* Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности (этнографические данные) / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: губерн. тип., 1895. – 553 с.

11. *Романов, Е. Р.* Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Киев: тип. С. В. Кульженко, 1885. – Вып. 1, 2: Песни, пословицы, загадки. – 469 с.

12. Материалы по этнографии Гродненской губернии / под ред. Е. Р. Романова. – Вильно: тип. "Русский почин", 1911. – Вып. 1. – 396 с.

13. Записки Северо-Западного отделения Русского Географического общества. – Вильно: тип. А. Г. Сыркина, 1911. – Кн. 2. – 428 с.

14. *Янчук, Н. А.* По Минской губернии: заметки их поездки в 1886 г. / Н. А. Янчук. – М.: тип. А. Левенсон, 1889. – 29, 130 с.

15. *Зеленский, И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба / И. Зеленский. – СПб.: воен. тип., 1864. – Ч. 2: Минская губерния. – 701 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 94:355.48»1914/1918»(476)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ИНОСТРАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рындин С. Н.
Национальный исторический архив Беларуси, Минск, Беларусь

Первая мировая война оказывала ощутимое воздействие на жизнь белорусских губерний Российской империи. В результате мобилизации военнослужащих резко сократилось количество работников. Спрос на рабочую силу в городе и на селе многократно возрос. В таких условиях приток иностранной рабочей силы был значим для экономики. В статье рассматриваются трудовая занятость и условия жизни иностранных рабочих, пребывавших на территории белорусских губерний в период Первой мировой войны. Указывается, что значительная часть иностранных рабочих в этот период состояла из германских и австро-венгерских военнопленных. Изучается создание рабочих рот, дружин, батальонов из военнопленных и применение их труда на фронте и в экономике прифронтовых губерний, исследуется реализация центральными и местными властями норм международных конвенций об условиях содержания военнопленных. В статье также освещается пребывание в белорусских губерниях крупной партии вольнонаемных рабочих из Китая. В статье используются материалы фондов Национального исторического архива Беларуси в г. Минске, Российского государственного военно-исторического архива и Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: Первая мировая война; белорусские губернии; иностранные рабочие; военнопленные; китайцы.

THE USE OF FOREIGN LABOR ON THE TERRITORRY OF BELARUS DURING THE WORLD WAR I

Ryndin S. N.
National Historical Archive of Belarus, Minsk, Belarus

The World War I had a sensitive impact on the life of the Belarusian provinces of the Russian Empire. As a result of the mobilization of military personnel, the number of employees has sharply decreased. The demand for labor in the city and in the countryside has increased many times. In such conditions, the influx of foreign labor was significant for the economy. The article examines the employment and living conditions of foreign workers who stayed in the territory of the Belarusian provinces during the World War I. It is indicated that a significant part of the foreign workers during this period consisted of German and Austro-Hungarian prisoners of war. The author studies the formation of working companies, squads, battalions of prisoners of war and the use of their labor at the front and in the economy of frontline provinces, examines the implementation by central and

local authorities of the norms of international conventions on the conditions of detention of prisoners of war. The article also highlights the staying of a large party of freelance workers from China in the Belarusian provinces. The article uses materials from the collections of the National Historical Archives of Belarus in Minsk, the Russian State Military Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: World War I; Belarusian provinces; foreign workers; prisoners of war; chinese.

В минувшем десятилетии человечество отметило столетние юбилеи начала и конца Первой мировой войны, затронувшей и белорусские земли. В ходе войны с Германией и ее союзниками в Российскую империю хлынул поток иностранных военнопленных. С одной стороны, интересы государственной безопасности требовали их изоляции до окончания войны. Но с другой, экономика Российской империи и белорусских губерний, в частности, была ослаблена мобилизацией мужского населения и нуждалась в значительных трудовых ресурсах. Это вынудило российское государство прибегнуть к труду военнопленных, а также вольнонаемных иностранных рабочих.

В целом, историография военного плена Первой мировой войны обширна, но белорусские губернии почти не затрагивает. Первым положение иностранных военнопленных в Беларуси стал изучать А. Л. Самович [1–2]. Аналогичные исследования ведутся и в других государствах на постсоветском пространстве. Украинские историки занимаются украинскими губерниями, россияне изучают положение военнопленных в Поволжье, Сибири, на Урале, в Средней Азии, на Дальнем Востоке [3–11]. В совокупности эти исследования постепенно и, в основном, независимо друг от друга формируют общую картину жизни иностранных военнопленных в Российской империи в годы Первой мировой войны. В данной статье рассматривается положение иностранных рабочих, как из военнопленных, так и вольнонаемных, в белорусских губерниях.

Свет на прибытие в белорусские губернии первых трудовых партий из военнопленных проливают документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Первые эшелоны с рабочими приехали в г. Волковыск 29 мая 1915 г. [12, л. 90].

Рабочие команды из военнопленных были задействованы на территории Минской, Витебской, Могилевской, Гродненской губерний, а также в Вилейском уезде Виленской губернии. Их направляли на строительные, общественные, полевые работы. Значительное количество австро-венгерских военнопленных прибывало в Минскую губернию на заготовку сена для российского Юго-Западного фронта, развернутого на территории современной Украины. В Гродненской губернии, по архивным данным, многотысячный контингент иностранных военнопленных участвовал в работах по укреплению Брест-Литовской и Гродненской крепостей. В Брест-Литовском крепостном районе в июне–июле 1915 г. было занято до 8 000 иностранных военнопленных, в Гродненском – свыше 10 000 [13, л. 142–142 об.; 14, л. 111]. Большинство

состояло из австро-венгерских подданных славянского происхождения. Согласно сохранившимся данным, их труд использовался на строительстве и укреплении оборонительных позиций, а также на лесозаготовке. Их дальнейшая судьба после вывода вглубь России неизвестна.

В западные губернии присылались только пленные солдаты-славяне (призванные в ряды австро-венгерской и германской армий чехи, словаки, поляки и т. д.). «Вражеские» военнослужащие из немцев, венгров и турок считались враждебным элементом и в прифронтовые белорусские губернии не допускались. Военные власти опасались их бегства за линию фронта. Российская империя позиционировала себя в качестве освободительницы угнетенного славянства и поэтому демонстрировала к пленным славянам благожелательное отношение. Для них предусматривался ряд льгот.

Иностранные славяне, доставленные в западные губернии, были организованы по армейскому образцу. Их сводили во взводы, роты, батальоны, дружины. Во главе этих соединений ставили российских офицеров и приписывали к той или иной армии фронта. Пленные фельдфебели и унтер-офицеры могли управлять взводами. Захваченных в плен офицеров к работам не привлекали.

Контингент пленных солдат предназначался для нужд фронта. Они работали в распоряжении как непосредственно армии, так и гражданских предприятий, выполнявших военные заказы. Например, в Витебской губернии в районе села Марковщина был развернут крупный лагерь военнопленных (в настоящее время – это район в юго-западной части г. Витебска). Необходимо отметить, что факт существования в этом районе лагеря военнопленных времен Первой мировой войны в настоящее время практически неизвестен. В сентябре 1915 г. там было сосредоточено более 2 тысяч человек [15, л. 1001]. Они восполняли острую нехватку рабочих рук на многих промышленных предприятиях Витебщины.

Материалы РГВИА позволяют осветить такой вопрос, как общая численность военнопленных в белорусских губерниях. В районе Западного фронта к 31 октября 1916 г. насчитывалось 42 282 чел. Для сравнения: в Прибалтике, в районе Северного фронта, было сосредоточено более 126 тыс. рабочих из военнопленных. Наибольшее их количество было на территории украинских губерний в районе Юго-Западного фронта – свыше 360 тыс. чел. [16, л. 61–65].

Первостепенную роль для адаптации пленных играли условия содержания. В российском «Положении о военнопленных» от 7 октября 1914 г. было записано: «С военнопленными, как законными защитниками своего отечества, надлежит обращаться человеколюбиво» [17, с. 3812].

Законодательство требовало от предприятий, использующих труд «неприятельских» солдат, снабжать их одеждой, обувью, бельем. Устанавливался такой же продовольственный паек, как у нижних чинов российской армии. Например, в 1915–1916 гг. власти г. Могилева закупали у местных торговцев ровно столько продовольствия, чтобы оно распределялось среди пленных таким образом: в день на одного человека около 1 кг хлеба, 100 г

крупы, 100 г мяса и рыбы (за исключением постных дней) [18, л. 99 об.–102]. Тысячи рублей расходовались на покупку обмундирования и рабочего инвентаря.

Законодательство также предписывало предприятиям платить пленным зарплату. Но при этом предусматривались вычеты: треть (затем четверть) в особый фонд, а также часть на покрытие расходов предприятия на содержание пленных.

Выявленные документы позволяют утверждать, что условия жизни и труда военнопленных Марковщинского лагеря были удовлетворительными. Лагерное начальство воспринимало этих людей, прежде всего, как рабочих, а не заключенных, и в меру своих возможностей старалось обеспечить их всем необходимым для продуктивной работы на фоне острого дефицита рабочей силы. Многое зависело и от личных качеств начальников. Например, в документах многократно отмечается штабс-капитан Сафонов, один из командиров в Марковщинском лагере, многое сделавший для улучшения быта военнопленных.

Гражданское население не воспринимало военнопленных негативно. Во-первых, в виду того, что в прифронтовых губерниях работали военнопленные славянского происхождения. Во-вторых, они были преимущественно выходцами из крестьянской среды, хорошо знакомыми с полевыми работами.

Однако по материалам белорусских и российских архивов, у властей регулярно возникали проблемы с материальным снабжением военнопленных в полном объеме. Впрочем, эти явления были следствием ухудшения экономической ситуации. Военнопленные страдали от тех же недостатков в снабжении, что и солдаты российской армии.

Труд иностранных военнопленных применялся в Беларуси и после прихода к власти большевиков. Но сведения о них на территории Беларуси после октября 1917 г. фрагментарны. Известно, что некоторые из них были освобождены наступавшими австро-германскими войсками и эвакуированы на запад.

Рассматривая общероссийский фон, следует отметить, что военнопленных в России было очень много – примерно 2,5 млн Нормы международного права в отношении военнопленных в целом сохраняли свое регулятивное значение. Однако к 1918 г., к заключению Брестского мира, примерно 400 тыс. из них умерло [19, s. 75]. Наибольшее количество смертей приходится на зимы 1914–1916 гг., когда в лагерях военнопленных вспыхивали эпидемии, которым местные власти не смогли эффективно противодействовать. Из-за непредвиденно большого наплыва пленных власти центральных и восточных губерний не могли снабдить их всем необходимым, в том числе своевременным лечением. Многочисленные нарушения международных норм были ситуативными, т. е. объяснялись такими факторами, как невозможность предоставить огромному количеству военнопленных надлежащие условия, злоупотребления и/или бездействие со стороны местных чиновников, экономическая необходимость массового привлечения военнопленных (только нижних чинов) к труду, который в ряде мест мог быть очень тяжелым (например, на Мурманской железной дороге).

Но наряду с этим в более выгодном положении находились пленные офицеры, а из солдатской среды – представители «дружественных» национальностей. В связи с этим примечательно, что в период Гражданской войны в России пленные солдаты из славянских народов не испытывали сочувствия к большевикам. А военнопленные немецкой, австрийской и венгерской национальностей, считавшиеся при прежних режимах «неблагонадежными элементами» и не имевшие послаблений, были более восприимчивы к пропаганде большевиков.

Таким образом, выявленные документы позволяют утверждать, что в белорусских губерниях условия жизни и труда военнопленных были удовлетворительными, т. е. близкими к бытовым условиям солдат российской армии. Но в целом по Российской империи ситуация была более неоднозначной, изменчивой в зависимости от времени и места. Многое зависело от личных качеств руководителей на местах, большое значение имела и удаленность от центров государственного управления (например, в губернском городе Могилеве, в котором располагалась Ставка Верховного главнокомандующего, провести инспекцию размещенных там 150 военнопленных было значительно легче по сравнению с какой-либо местностью в Сибири или на Дальнем Востоке).

В число иностранных рабочих входили не только пленные. Среди них была и партия вольнонаемных из Китая. В довоенное время российские власти не поощряли трудовую эмиграцию из азиатских стран. Но в годы Первой мировой войны ситуация кардинально изменилась. В Россию на заработки приезжают десятки тысяч китайцев [20, с. 68–69].

В белорусские губернии ввоз крупных трудовых партий из Китая для нужд армии начинается в мае 1916 г. Подробная информация об их размещении, питании и работах содержится в рапортах начальников губернских жандармских управлений. По договору военных властей с китайской вербовочной фирмой китайцы прибыли в Витебскую, Могилевскую и Минскую губернии. Они занимались заготовкой дров для армии. Каждому рабочему полагались зарплата в зависимости от выработки и паек (на 1 человека в день – около 1,5 кг пшеничной муки, 300 г картофеля или капусты, 75 г растительного масла, 100 г крупы, 25 г сахара). При этом китайцы жили строго казарменным порядком. В августе 1916 г. была утверждена временная инструкция для стражников. Она устанавливала круглосуточный надзор за рабочими. Караул из казаков следил за тем, чтобы китайцы не общались с посторонними, не ходили без дела, не занимались воровством, не покидали расположение бараков в ночное время. Азартные игры были запрещены. Нарушители подлежали аресту до 3 дней в карцере. В случае беспорядков, разрешалось применять нагайки и палки, если не помогали уговоры [21, л. 2, 77–78].

21 сентября 1916 г. в Минском уезде произошло трагическое событие. Сотни китайских рабочих, работавших на лесопильном заводе графа Е. Э. Чапского, поднялись на бунт, казаки применили силу, убив троих и ранив 42 человека. Уполномоченный от китайской фирмы обосновал беспорядки тяжелым материальным положением его соотечественников: жилые по-

мещения сырые, залитые водой, теплой одежды нет, при выдаче продуктов обвешивают, а в некоторые дни не выдают их и вовсе. Стража обращается с ними сурово. Например, заставляет таскать продукты со складов на себе, при том, что до жилых бараков 3–4 версты. Телег не дают, при возмущении бьют нагайками [21, л. 85–85 об].

Согласно материалам РГВИА, к концу марта 1917 г. на Западном фронте трудились 6228 лиц китайской национальности [22, л. 85–85 об.]. В июле 1917 г. ввоз китайских рабочих в Россию был прекращен. Начинается их массовый отъезд на родину [20, с. 71].

Таким образом, мобилизация экономики в период Первой мировой войны вызвала прилив иностранной рабочей силы в белорусские губернии. Это были как вольнонаемные работники, так и военнопленные. Архивные источники показали, что местные военные и гражданские власти соблюдали международное и внутреннее право о военнопленных. Имевшие место недостатки в материальном снабжении были проявлением не преднамеренно плохого обращения, а ухудшения состояния экономики, из-за чего страдали все слои населения. Китайские рабочие по своим условиям жизни, даже будучи вольнонаемными, практически не отличались от военнопленных. Это провоцировало конфликты и способствовало росту напряженности во всех губерниях, где работали китайцы. Как видно, в годы Первой мировой войны остро встает проблема регулирования положения трудовых мигрантов.

После подписания Брестского мира на территории белорусских губерний в 1918 г. бывшие враждующие стороны стали обмениваться пленными. Но репатриация проходила с большими сложностями и затянулась на годы. Существенным препятствием было расстройство транспорта, а также военные действия Гражданской войны и войны между РСФСР и Польской Республикой.

Официальная репатриация военнопленных продолжалась до 1925 г. В этом году НКВД СССР объявил об окончании репатриации беженцев и военнопленных. С этого времени их въезд в страну и выезд из страны могли осуществляться только в общем порядке, установленном для въезжающих на территорию СССР или покидающих ее [5, с. 403]. Но на основании сохранившихся данных можно утверждать, что с 1918 по 1925 г. на родину смогло вернуться большинство военнопленных и перемещенных гражданских лиц. Эвакуационные учреждения в меру своих возможностей оказывали репатриантам жилищную, продовольственную, медицинскую помощь, спасая многих из них от гибели. Но до́ма этих людей ожидали новые беды: часто свои дома они обнаруживали разрушенными, не могли найти кров и работу, сталкивались с равнодушием местных властей к их судьбе.

Из-за Гражданской войны и упадка транспортной системы десятки тысяч китайских граждан так и не смогли вернуться домой. Во время всесоюзной переписи 1926 г. в СССР были учтены 100 697 человек китайской национальности [20, с. 121]. Но в последующие годы их количество стремительно сокращалось. Китайцы проживали также в БССР, принимали участие в хозяйственной жизни республики. В 1928 г. в д. Марковичи Витебской об-

ласти был открыт китайский национальный колхоз [23, с. 1]. Таким образом, Первая мировая война способствовала образованию на белорусской земле китайской диаспоры. Но после окончания Второй мировой войны китайцев в СССР фактически не осталось. Судьба большинства из них остается невыясненной. В послевоенное время въезд китайских граждан в БССР происходит уже в рамках контактов с Китайской Народной Республикой.

Список использованных источников

1. *Самович, А. Л.* Военнопленные XIX – начала XX вв. в западном регионе России / А. Л. Самович. – М.: Военный ун-т, 2011. – 258 с.

2. *Самович, А. Л.* Работать, чтобы выжить : трудовое использование иностранных военнопленных в 1914–1918 гг. на территории Беларуси / А. Л. Самович // Беларуская думка. – 2008. – № 11. – С. 36–41.

3. *Каплін, Д. С.* Проблема використання праці військовополонених у важкій промисловості України в умовах Першої світової війни 1914–1917 рр. / Д. С. Каплін // Гілея: науковий вісник. – 2009. – Вип. 2. – С. 18–30.

4. *Тарасов, А. В.* Військовополонені центральних держав на підприємствах півдня України (1914–1917): характеристика національного складу / А. В. Тарасов // Військово-історичний меридиан. Електронний науковий фаховий журнал. – № 3 (21). – 2018. – С. 46–55.

5. *Белова, И. Б.* Вынужденные мигранты: Беженцы и военнопленные Первой мировой войны. 1914–1925 гг. (по материалам центральных губерний Европейской России): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / И. Б. Белова. – Брянск, 2014. – 461 с.

6. *Ниманов, Б. И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных в 1914–1917 гг. в Поволжье: автореф. дисс. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Б. И. Ниманов; Росс. ун-т дружбы народов. – М., 2009. – 24 с.

7. *Талапин, А. Н.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Западной Сибири (июль 1914–май 1918 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Талапин; Омский гос. ун-т им Ф. М. Достоевского. – Омск, 2005. – 27 с.

8. *Шлейхер, И. И.* Пленные стран Четверного союза в Сибири: некоторые вопросы транспортировки и содержания в лагерях / И. И. Шлейхер // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. – Вып. 6. – Саратов, 2005. – С. 78–90.

9. *Идрисова, Э. С.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Э. С. Идрисова; Оренбург. гос. пед. ун-т. – Оренбург, 2008. – 24 с.

10. *Мендикулова, Г. М.* Архивные документы о европейских военнопленных Первой мировой войны в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства / Г. М. Мендикулова, Е. А. Надежук // Вестник архивиста. – 2018. – № 4. – С. 996–1008.

11. *Бондаренко, Е. Ю.* Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России: 1914–1956 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. Ю. Бондаренко; Дальневосточный гос. ун-т. – Владивосток, 2004. – 45 с.

12. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 544.

13. РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 545.

14. РГВИА. – Ф. 13129. Оп. 1. Д. 929.

15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2533. Оп. 1. Д. 7.

16. РГВИА. – Ф. 2003. Оп. 2. Д. 549.

17. Положение о военнопленных: положение Совета Министров России от 7 окт. 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – Петроград. – 1914. – № 281. – Ст. 2568.

18. НИАБ. – Ф. 2099. Оп. 1. Д. 361.

19. *Wurzer, G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmachte in Russland im Ersten Weltkrieg / G. Wurzer. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. – 626 S.

20. *Ларин, А. Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк / А. Г. Ларин. – Москва: Муравей, 2003. – 223 с.

21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 110. Оп. 1. Д. 363.

22. РГВИА. – Ф. 2005. Оп. 1. Д. 53.

23. *Васільеў, Р.* Шырыць масавы паход калгаснай вескі / Р. Васільеў // Віцебскі пралетарый. – 1934. – № 64. – С. 1.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 339.172(476)(091)»19»

ВИТЕБСКАЯ ТОВАРНАЯ БИРЖА В 1920-Е ГОДЫ

Полетаева Н. И.
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

Анализируется опыт функционирования товарной биржи в Витебске, история возникновения, состав участников, динамика товарооборота, структура обращавшихся на бирже товаров, процесс ликвидации биржи в конце 1920-х годов.

Ключевые слова: Белорусская ССР; новая экономическая политика; Витебская биржа; товарооборот; товарная группа.

VITEBSK COMMODITY EXCHANGE IN THE 1920s

Poletaeva N. I.
Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

The article analyzes the experience of the functioning of the commodity exchange in Vitebsk, the history of its origin, the composition of participants, the dynamics of trade turnover, the structure of goods traded on the exchange, the process of liquidation of the exchange in the late 1920s.

Keywords: Byelorussian SSR; new economic policy; Vitebsk Commodity Exchange; commodity turnover; commodity group.

Одним из хорошо известных экономических институтов являются биржи. Появившись в XV в. в западноевропейских странах, они давно стали там привычным инструментом регулирования спроса и предложения. Для Республики Беларусь – это становление достаточно нового учреждения. Белорусская универсальная товарная биржа была образована по решению Совета Министров Республики Беларусь 30 декабря 2003 г., первые торги (лесопродукцией, что очень символично и соответствует исторически традиционным товарным группам), состоялись 2 июня 2005 г.

Вместе с тем история экономики нашей страны свидетельствует о том, что биржи весьма успешно функционировали здесь как на рубеже XIX–XX вв., так и в годы новой экономической политики. Одним из центров биржевой торговли был Витебск. Впервые в этом городе товарная биржа была образована в 1912 г. по инициативе местного купечества. Устав биржи был утвержден 22 мая 1912 г.

Место было выбрано не случайно, именно этот город был важным центром экспорта льна. В 1901–1913 гг. на белорусские земли приходилось 10,4 % всего вывоза льноволокна России [1, с. 188]. Предприниматели скупали лен в северных регионах Беларуси и за ее пределами, группировали в партии, затем заключали экспортные сделки.

Из 104 человек, составивших биржевое общество, 80 являлись витебскими, псковскими, смоленскими, санкт-петербургскими купцами. Первым председателем биржевого комитета стал витебский купец первой гильдии Д. А. Финкельштейн [2, л. 44, 65 об., 67–73; 3, л. 23]. В 1914 г. на этом посту его сменил помещик А. Т. Буйницкий, но должности заместителя и семи членов биржевого комитета остались за витебскими купцами. Число членов биржи достигло 220 человек, из них все, за исключением 27 предпринимателей, были купцами [4, л. 18–21]. На VIII Всероссийском съезде представителей биржевой торговли и сельского хозяйства в 1914 г. Витебский биржевой комитет представляли купцы И. В. Вишняк, М. А. Колбановский и Д. А. Финкельштейн [4, л. 26]. Биржевая торговля отвечала интересам купечества, поэтому они стремились занять здесь ведущие позиции, и это им вполне удавалось.

В годы войн и революций начала XX в. на территории Беларуси биржи не действовали. Но с введением НЭПа в 1921 г., когда советская власть в своей экономической политике использовала многие наработанные до 1917 г. формы, наполняя их своим содержанием, по мере восстановления торгового оборота возникла потребность в биржевых институтах.

Правовая основа для начала работы бирж на всей территории СССР была заложена постановлением Совета труда и обороны (далее – СТО) от 23 августа 1922 г. «О товарных биржах». В нем подчеркивалось, что эти институты должны выявлять отношение спроса и предложения, упорядочивать товарообмен и связанные с ним товарные и торговые операции. Биржи подчинялись комиссиям по внутренней торговле и Экономическим совещаниям (ЭКОСО. Биржи были обязаны регистрировать все сделки, которые там осуществлялись [5, л. 6–6 об.].

1 сентября 1922 г. было принято постановление СТО «О регистрации внебиржевых сделок государственных предприятий и учреждений». В нем определялось, что все госпредприятия и учреждения должны регистрировать свои внебиржевые торговые сделки, как между собой, так и с кооперативными и частными предприятиями и лицами по покупке и продаже товаров и по натуральному их обмену. Сделки регистрировались не позднее, чем на третий день после их заключения особым бюро, выделяемым из состава биржевого комитета [5, л. 12]. Эти решения были призваны обеспечить государственный контроль над оптовой торговлей и дать общее представление о ее размерах.

В 1923 г. в СССР работали уже 73, в 1926 г. – 118 товарных бирж [6, с. 190]. В Белорусской ССР в годы нэпа функционировали четыре биржи – в Минске, Могилеве, Витебске и Гомеле, но первой из названных в апреле 1922 г. была открыта именно Витебская товарная биржа (далее – ВТБ). Однако начальный этап ее работы не был результативным. За три месяца были совершены всего две сделки. Специально комиссия выяснила, что торговцы при заключении сделок привыкли обходиться без биржи, госорганы и кооперативные учреждения не были заинтересованы в ее работе [7, с. 67]. В итоге ее деятельность была приостановлена. Поневоле вспоминается та часть указа Петра I от 1705 года, в котором по случаю открытия биржи в Петербурге было записано: «…приневолить купцов идти на биржу». Видно, что такой нажим потребовался и через 200 лет.

«Второе открытие» 20 ноября 1922 г. стало более удачным [8, л. 105], биржа совершенствовала свою структуру, привлекала участников. Устав биржи, составленный на основе типового документа, содержал ряд разделов. Общие положения определяли цели и задачи биржи, ее подчиненность, регламент работы. Были включены разделы о членах биржи, о лицах, посещающих биржевые собрания, об общих собраниях членов биржи, биржевом комитете, президиуме биржевого комитета, ревизионной комиссии, средствах биржи, биржевых маклерах, арбитражной комиссии, вспомогательных учреждениях и сотрудниках, закрытии биржи и порядке ликвидации ее дел и имущества. Вступительный взнос составлял 5 руб., а членский – 12 руб. в год [9, л. 278].

Постепенно интерес к ВТБ рос, о чем свидетельствует увеличение числа участников биржевой торговли (таблица 1).

Таблица 1

Рост числа участников биржевой торговли Витебской товарной биржи, октябрь 1924 – апрель 1926 г.

Участники	1 октября 1924 г.		1 октября 1925 г.		1 апреля 1926 г.	
	Число	%	Число	%	Число	%
Государственные органы	36	66,7	36	48,0	38	34,9
Кооперативные учреждения	6	11,1	9	12,0	6	5,5
Частные предприниматели	12	22,2	30	40,0	65	59,6
Итого	54	100,0	75	100,0	109	100,0

Источник [9, л. 276].

Витебская биржа оказалась самой многочисленной по числу вовлеченных в нее организаций, учреждений и частных лиц. Для сравнения: в 1926 г. на Минской бирже было зарегистрировано 94 участника, Могилевской – 26, Гомельской – 49. Соотношение между участниками – государственными органами, кооперативными учреждениями и частными предпринимателями менялось: доля госорганов и кооперации сокращалась, за 1924–1926 гг. соответственно с 66,7 до 34,9 % и с 11,1 до 5,5 %, тогда как доля частных предпринимателей росла – с 22,2 % в 1924 г. до 59,6 % в 1926 г.

Государственные учреждения были участниками оптовой торговли, потому что законодательство обязывало их в ней участвовать, но и сами они были заинтересованы в присутствии на бирже. Кооперативные организации в БССР не отличалась большими объемами товарооборота, поэтому на бирже были в основном представлены наиболее крупные из них. Рост участия предпринимателей в биржевой торговле (в 5,4 раза) объясняется тем, что некоторые возможности для них открывала создаваемая секция частной торговли.

Общий оборот биржи состоял из биржевого и внебиржевого оборотов. Сделки, заключаемые на бирже, регистрировались в обязательном порядке. Также регистрировались внебиржевые сделки, заключенные между частными лицами и организациями, если следовала просьба одной из сторон; оптовые сделки на покупку и продажу товаров из складов и магазинов государственных органов, если они превышали установленный биржевым комитетом и утвержденный ЭКОСО минимум; сделки трестов и других госорганов с объединениями, членами которых они состояли; сделки по экспорту и импорту; сделки, совершенные с публичных торгов; сделки потребительской кооперации; договоры на поставку товаров; сделки, заключенные госорганами в уездах.

Таблица 2

Динамика торгового оборота Витебской товарной биржи, декабрь 1922 – март 1926 гг.

Период (по полугодиям)	О б о р о т (тыс. руб.)					
	Биржевой		Внебиржевой		Общий	
	Сумма	Рост, %	Сумма	Рост, %	Сумма	Рост, %
1-е 22/23	584	100	40	100	624	100
2-е 22/23	1880	322	731	1827	2612	419
1-е 23/24	2402	411	2583	6457	4985	798
2-е 23/24	2934	502	3418	8545	6353	1018
1-е 24/25	4207	720	6993	17482	11201	1795
2-е 24/25	5496	940	7006	17515	12503	2003
1-е 25/26	4264	730	7625	19062	11890	1905

Источник [9, л. 282].

Общий оборот ВТБ (таблица 2) за три с половиной года вырос в 19 раз, особенно интенсивно – с 1924/1925 г., когда в основном было восстановлено народное хозяйство БССР, началось оживление экономики, и стал расти спрос, прежде всего на потребительские товары. Объемы внебиржевого оборота всегда превышали объемы биржевого, в отдельные периоды даже более чем в полтора раза. Соответственно и темпы роста внебиржевого оборота были выше. Биржевой оборот за 1922/1923 – первое полугодие 1925/1926 гг. вырос более чем в 7 раз, а внебиржевой – чуть более, чем в 19 раз. Средний размер внебиржевой сделки всегда был ниже, чем биржевой. Это объяснимо тем, что многие мелкие внебиржевые сделки ускользали из поля зрения биржи и не регистрировались.

Приведем данные об удельном весе биржевого и внебиржевого оборота в общих оборотах биржи (%) (таблица 3).

Удельный вес биржевого торга в общих оборотах ВТБ постепенно уменьшался, а в первом полугодии 1925/1926 гг. преобладающим типом сделок были внебиржевые.

Таблица 3

Изменение удельного веса биржевого и внебиржевого оборота в общих оборотах Витебской товарной биржи, 1922/1923 – первое полугодие 1925/1926 гг.

Период (по полугодиям)	Сумма (тыс. руб.)	Биржевой, %	Внебиржевой, %
1-е 1922/1923 г.	624	93,5	6,5
1-е 1923/1924 г.	4985	48,1	51,9
1-е 1924/1925 г.	11201	37,5	62,5
1-е 1925/1926 г.	11890	35,8	64,2

Источник [9, л. 283].

Таблица 4

Участие контрагентов в биржевых оборотах Витебской биржи, 1922/1923 – первое полугодие 1925/1926 гг., %

Период (по полугодию)	Биржевой оборот по покупке			Биржевой оборот по продаже		
	Госорганы	Кооперация	Частные лица	Госорганы	Кооперация	Частные лица
1-е 1922/1923 г.	61,8	15,4	22,8	84,1	33,5	12,4
2-е 1922/1923 г.	–	–	–	–	–	–
1-е 1923/1924 г.	48,0	43,0	9,0	83,0	10,0	7,0
2-е 1923/1924 г.	–	–	–	–	–	–
1-е 1924/1925 г.	47,3	50,1	2,6	75,9	21,9	2,2
2-е 1924/1925 г.	34,1	55,8	10,1	88,4	6,8	4,8
1-е 1925/1926 г.	36,1	56,1	7,8	81,9	10,0	8,1

Источник[9, л. 283].

Данные свидетельствуют, что наблюдалось уменьшение удельного веса госорганов за счет увеличения роли кооперации. Для сравнения: на Минской бирже шел прямо противоположный процесс увеличения доли госорганов в биржевых оборотах за счет кооперации, что было связано со стягиванием в Минск центральных представительств синдикатов и трестов, которые были проводниками оптового торга. Соответственно, на Витебской бирже шел отток этих участников. Удельный вес частных лиц был мал и имел ярко выраженную тенденцию к сокращению.

Таблица 5

Участие контрагентов во внебиржевых оборотах Витебской биржи, 1922/1923 – первое полугодие 1925/1926 гг., %

Период (по полугодию)	Внебиржевой оборот по покупке			Внебиржевой оборот по продаже		
	Госорганы	Кооперация	Частные лица	Госорганы	Кооперация	Частные лица
1-е 1922/1923	–	–	–	–	–	–
2-е 1922/1923	44,4	15,6	40,0	89,6	1,7	8,7
1-е 1923/1924	–	–	–	–	–	–
2-е 1923/1924	50,0	34,0	16,0	80,0	8,0	12,0
1-е 1924/1925	54,6	36,6	8,8	68,6	17,8	13,6
2-е 1924/1925	49,8	29,4	20,8	76,2	7,1	16,7
1-е 1925/1926	48,9	37,9	13,2	78,4	10,1	11,5

Источник [9, л. 283].

Очевидно, что роль госорганов и кооперации во внебиржевых оборотах по сравнению с биржевыми уменьшалась. Причина этого явления заключалась в том, что оптовая торговля, сосредоточенная главным образом в руках госорганов, проходила через биржевой торг. Этот процесс сопровождался увеличением роли частной торговли, которая преимущественно концентрировалась в мелкооптовом торге.

Что касается межбиржевого оборота, то примерно до 1925 г. ВТБ не поддерживала никаких торговых связей с другими биржами СССР. Лишь с 1925 г. они стали развиваться, причем именно по ВТБ был самый интенсивный

оборот по сравнению с другими биржами БССР – он вырос за 1925–1926 гг. в 11 раз (с 31945 руб. до 371675 руб.). 17 % операций приходилось на покупку сельхозпродуктов, остальные 83 % делились примерно поровну между операциями по продаже и покупке промышленных товаров и продаже сельхозпродуктов [9, л. 287]. Основными контрагентами ВТБ по межбиржевой торговле являлись биржи Украинской ССР и центральных губерний России.

Таблица 6

Распределение оборотов Витебской товарной биржи по группам товаров, 1924/1925 г. – первое полугодие 1925/1926 г., %

Группа товаров	1-е полугодие 1924/1925 г.	2-е полугодие 1924/1925 г.	1-е полугодие 1925/1926 г.
Хлебофураж	9,7	8,5	15,4
Прочие продукты питания	3,3	2,2	3,4
Сырье	22,3	9,2	8,0
Бакалейно-колониальные	16,3	18,6	14,4
Текстильные	20,0	20,0	16,3
Металлы	8,0	16,2	13,6
Москательно-химические	0,2	0,4	5,0
Топливо	2,6	2,3	3,
Лесные материалы	2,0	6,3	5,7
Прочие строительные	0,1	0,7	0,7
Силикатные	–	–	0,5
Кожтовары	3,6	6,2	8,0
Писчебумажные и канцелярские	–	–	0,6
Прочие	12,9	9,4	4,7
Итого	100,0	100,0	100,0

Источник [9, л. 290].

Невысокая доля в оборотах ВТБ продуктов сельхозпроизводства объяснялась тем, что потребность БССР в них во многом удовлетворялась продукцией местного производства. Подавляющая часть оборота приходилась на промышленные товары и металлы. Такая направленность товарооборота обусловила постепенное снижение роли биржевого посредничества. По мере свертывания нэпа и расширения сферы применения административных рычагов снабжение промтоварами стало проходить в плановом порядке, по заранее установленным ценам, условиям расчетов и торговым наценкам, которые определялись государственными нормами. В условиях товарного де-

фицита при невозможности его полного удовлетворения биржа с 1925/1926 г. постепенно стала терять свое влияние.

Выявление спроса и предложения происходило в форме предоставления торгующими организациями устных и письменных заявок, а реализация шла посредством публикации в бюллетенях и через устную информацию маклеров. Однако процент реализованных заявок был небольшим (21 % по спросу и 17 % по предложению), что объясняется негибкостью маклерского аппарата [9, л. 292]. Поэтому торгующие организации, не имея возможности ждать с реализацией предоставляемых маклериату заявок, старались найти контрагентов сами.

В целом потенциал для развития Витебской товарной биржи имелся. Но сфера действия рыночных инструментов сужалась. В 1926 г. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (далее – НК РКИ) БССР провел обследование всех бирж республики, в том числе Витебской, но выводы были неутешительными. 5 июня 1926 г. на совещании при экономической инспекции НК РКИ БССР было предложено заменить ВТБ одним уполномоченным по регистрации сделок, подчиненным Минской бирже.

В ответ на это биржевой комитет ВТБ, в отличие от других бирж БССР, развернул масштабную компанию по сохранению структуры. Председатель биржевого комитета Страд и заместитель председателя – Фиш еще 16 июня 1926 г. обратились к Наркому по внутренней и внешней торговле БССР И. А. Адамайтису и подчеркнули «абсолютно неправильную постановку вопроса» и просили «предпринять все необходимые шаги по сохранению в Витебске товарной биржи».

Приводились весомые аргументы в пользу ее сохранения, среди них, к примеру, были такие:

1. Экономическое значение Витебского округа в экономике БССР настолько значительно, что замена Витебской биржи одним уполномоченным по механической регистрации сделок коренным образом противоречит самому смыслу существования товарных бирж, предусматривающему нахождение последних исключительно в месте расположения самих торгующих организаций – членов биржи.

2. В Витебске расположено около 30 государственных организаций и представительств. Имеется целый ряд крупных кооперативных организаций.

3. Продукция промышленности округа составляет в среднем 27 % всей промышленной продукции БССР. Крупнейшие промпредприятия Витебска – Льнопрядильное объединение, Метпром, Цеткомб, чулочная и махорочная фабрики проводят значительную часть своих сделок через ВТБ.

4. Географическое расположение Витебска таково, что к нему экономически тяготеют ряд районов, входивших в бывшую Витебскую губернию – Велижский и Невельский уезды Псковской губернии, Полоцкий, Оршанский округа. Большинство торгующих организаций указанных районов снабжаются товарами из Витебска.

5. Обороты ВТБ превосходят обороты целого ряда губернских бирж Союза. В первом квартале 1926 г. среднемесячный оборот составил по Там-

бовской бирже – 1037 тыс. руб., Рыбинской – 1230 тыс., Томской – 1333 тыс., Костромской 1501 тыс., Псковской – 1539 тыс., Ульяновской – 1715 тыс., Рязанской – 2088 тыс., Брянской – 2122,2 тыс., а Витебской – 2151 тыс.

6. В числе 39 бирж, намеченных Наркомторгом СССР к ликвидации по всему Союзу, ВТБ не значится. Согласно постановления Наркомторга СССР, в БССР должна быть ликвидирована только Могилевская биржа [10, л. 7–10].

Однако эти аргументы не были учтены, и уже 5 июля 1926 г. ЭКОСО БССР принял решение о ликвидации всех бирж БССР [10, л. 21]. Тем не менее попытки отстоять биржу продолжились. Был организован ряд прошений от лица разных организаций в ее защиту. 10 июля 1926 г. в Совет съездов биржевой торговли в Москву от имени Витебского союза потребительских товариществ «Витпотребсоюз» было направлено обращение. В нем подчеркивалось: «…Товарная биржа в Витебске была организована по инициативе кооперативных кругов и за время своего существования доказала свою жизненность и необходимость. …Биржа всегда оказывала влияние на торгующие организации своей авторитетностью, которую она завоевала среди торгующих, прививая принципы коммерческой солидарности… Благодаря существованию биржи… мы всегда имели возможность быть в курсе состояния как хлебного рынка, так и рынка промтоваров. Межбиржевая связь, которую мы использовали довольно часто, представляла нам известные выгоды при совершении наших операций, особенно принимая во внимание ограниченность разветвления представительств Белкоопсоюза и невыгодность посылки представителя на места» [10, л. 11].

В ВСНХ СССР 12 июля 1926 г. было отправлено письмо от Витебской областной конторы Металлосиндиката: «… В моменты нехватки тех или иных товаров, помогая нам путем межбиржевых сделок доставать нужный товар для удовлетворения спроса потребителей района нашего обслуживания. Считаем, что ликвидация биржи нанесет вред Витебским государственно–торговым организациям» [10, л. 13].

Аналогичное письмо в тот же день было направлено в Совет съездов биржевой торговли в Москву от Витебского центрального рабочего кооператива: «…Биржа, как пункт концентрации спроса и предложения безусловно себя оправдала. Всегда давала точные информации о конъюнктуре рынка и успешно проявляла себя в смысле посреднических функций. Оформленная на бирже сделка не допускала никаких сомнений в условиях сделки и носила точный юридический характер. Арбитраж в случае нарушения с какой-либо стороны всегда приводил к взаимному согласию сторон. Биржа всегда была в состоянии охранять интересы покупателей и продавцов в смысле покупки и продажи товаров по действительно существующим ценам. Межбиржевое посредничество устраняло надобность в прибегании к командировкам и разным посредникам, чем в значительной мере способствовала сокращению накладных расходов. Отсутствие всех упомянутых удобств при ликвидации биржи крайне вредно отразится на местной кооперативной торговле, почему просим вопрос о существовании в нашем городе товарной биржи решить в положительном смысле» [10, л. 14].

Наконец, 15 июля 1926 г. в газете «Торговые известия» появилась статья, в которой были перечислены все вышеназванные ходатайства и подчеркивалось, что «закрытие биржи …повлечет за собой оторванность местных торговых учреждений и организаций от иногородних рынков» [10, л. 16].

31 июля 1926 г. заместитель Народного комиссара внутренней торговли (далее – НКВТ) БССР Томкович обратился в Совет народных комиссаров БССР и от лица наркомата выразил несогласие с постановлением ЭКОСО БССР от 5 июля 1926 г. о ликвидации Витебской товарной биржи. Он писал: «Считаем необходимым подчеркнуть, что все Витебские торговые организации ходатайствуют об оставлении в Витебске товарной биржи. Они заявляют, что Витебская товарная биржа доказала свою жизнеспособность и необходимость в качестве организации, помогающей проведению здоровых методов и принципов организации торговли. НКВТ считает, что вопрос о дальнейшем существовании ВТБ надо оставить открытым, передав его на обсуждение Витебского окрисполкома и поручив НКВТ БССР выявить, к какой бирже НКВТ СССР будут присоединены те уезды Псковской губ., в связи с ликвидацией Псковской ТБ, которые экономически прилегают к Витебску.

Уполномоченных товарных бирж Наркомторг считает необходимым оставить во всех округах для регистрации внебиржевых сделок, а также для наблюдения за состоянием цен и размером розничных накидок в низовых ячейках по снабжению населения промтоварами, особенно в местечках и сельских местностях» [10, л. 19].

10 августа 1926 г. состоялось совещание биржевого комитета ВТБ, уполномоченного НКВТ по Витебскому округу и торгующих организаций Витебска по вопросу о дальнейшем существовании ВТБ. Было решено «…признать дальнейшее существование товарной биржи в Витебске необходимым и целесообразным, как организации, способствующей проведению здоровых методов и принципов организованной торговли, призванной отражать и содействовать регулированию товарооборота. …Просить окрисполком возбудить ходатайство перед СНК БССР об оставлении товарной биржи в Витебске» [10, л. 26].

18 августа 1926 г. состоялось заседание президиума Витебского общества взаимного кредита, которое постановило внести в СНК БССР протест на постановление ЭКОСО о ликвидации ВТБ [10, л. 24]. 19 августа 1926 г. Витебский окружной исполнительный комитет направил письмо в СНК БССР, в котором подчеркнул, что, «…ознакомившись с постановлением ЭКОСО БССР от 5 июля 1926 г., президиум Витебского окружного исполкома категорически возражает против этого решения» [10, л. 25].

Уже 6 сентября 1926 г. ВТБ получила ответ от НКВТ БССР: «Вопрос об оставлении в Витебске товарной биржи был рассмотрен в заседании СНК БССР 2 сентября с.г., постановивший товарную биржу оставить при условии сокращения всех статей расхода и доведя аппарат биржи до 3–4 человек, а также надо придерживаться ставок всех биржевых сборов, взимаемых МТБ. НКВТ предлагает в течение 10 дней представить смету расходов и доходов на

1926/1927 операционный год по полугодиям, положив в основу исчисления сметы, предложенной СНК БССР. НКВТ …предлагает вам принять меры по усилению деятельности регистрационного бюро и котировальной комиссии, которым надлежит при рассмотрении сделок руководствоваться всеми обязательными постановлениями НКВТ о предельных ценах и надбавках, а также по экономической целесообразности совершаемой и совершенной сделки. При установлении факта нарушения в сделке надлежит вам таковые внебиржевые сделки опорочивать, направляя их в НКВТ для привлечения виновных к ответственности, а при совершении биржевых сделок маклериату иметь наблюдение за устранением всех ненормальностей, выявившихся в процессе совершения самой сделки. Бирже надлежит также вести особо учет сделок, совершаемых частными лицами» [10, л. 27].

Казалось, что борьба за сохранение биржи увенчалась успехом. Но уже 16 октября 1926 г. Нарком торговли БССР И. Адамайтис потребовал оставить уполномоченного только в Оршанском округе, а в других округах БССР институт уполномоченных немедленно ликвидировать [10, л. 33]. Все последующие прошения были отклонены. Несмотря на все попытки сохранить ВТБ, в начале 1927 г. биржа была закрыта.

Таким образом, созданная в условиях развития нэповских институтов, Витебская товарная биржа органично встраивалась в систему учреждений и организаций, регулировавших спрос и предложение на рынке сельскохозяйственного сырья и промтоваров. Но, имея потенциал и перспективы для роста, реализовать их в полной мере она не смогла, так как сохранение института бирж не отвечало логике развития централизованной плановой экономики.

Список использованных источников

1. *Бейлькин, Х. Ю.* Сельскохозяйственный рынок Белоруссии (1861–1914) / Х. Ю Бейлькин. – Минск: Наука и техника, 1989. – 286 с.

2. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 23. Оп. 7. Д. 173.

3. Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1090.

4. РГИА. – Ф. 23. Оп. 7. Д. 1185.

5. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 18. Оп. 1. Д. 60.

6. История предпринимательства: пособие / Н. И. Полетаева [и др.]. – Минск: Экоперспектива, 2022. – 240 с.

7. *Бруханчик, Е. А.* Биржи в БССР в период нэпа / Е. А. Бруханчик // Беларуская думка. – 2013. – № 6.

8. НАРБ. – Ф. 117. Оп. 1. Д. 464.

9. Там же. – Д. 365.

10. Там же. – Д. 361.

(Дата поступления: 11.04.2023).

УДК 94(476.5)“1891”+364(476.5)(091)“1891”

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОТЕСТЫ В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1891 Г.

Моторова Н. С.
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Беларусь

В статье рассматриваются социальные протесты, охватившие Витебскую губернию в 1891 г. Они были вызваны ростом цен на хлеб из-за неурожая в центральных и частично восточных губерниях, слухами о дефиците продовольствия. В конце июля – начале августа протесты охватили уездные города Себеж и Люцин, местечки Бешенковичи, Чашники, Сиротино, Креславка. Они были нейтрализованы силами полиции. Наибольшего размаха беспорядки достигли в Полоцке и Витебске. Здесь они сопровождались погромами хлебных лавок и складов, беспорядками на железной дороге. В этих городах выступления приобрели черты антисемитизма. Беспорядки были ликвидированы при помощи военных, а их инициаторы были задержаны. К середине августа ситуация в Витебской губернии полностью стабилизировалась.

Ключевые слова: социальные протесты; продовольствие; хлеб; неурожай; рост цен; дефицит; Витебская губерния.

SOCIAL PROTESTS IN THE VITEBSK PROVINCE IN 1891

Motorova N. S.
Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Belarus

The article is devoted to the analysis of social protests that engulfed the Vitebsk province in 1891. They were caused by an increase in the price of bread due to crop failure in the central and partially eastern provinces, rumors about food shortage. In late July – early August, protests swept the county towns Sebezh and Lyutsin, the small towns Beshenkovichi, Chashniki, Sirotino, Kreslavka. They were neutralized by the police. The unrest reached its greatest extent in Polotsk and Vitebsk. Here they were accompanied by pogroms of grain shops and warehouses, riots on the railway. In these cities protests acquired the features of anti-Semitism. The riots were liquidated with the help of the military, their initiators were detained. By mid-August, the situation in the Vitebsk province had completely stabilized.

Keywords: social protests; food; bread; crop failure; rising prices; shortage; Vitebsk province.

В 1891 г. Российская империя столкнулась с масштабным социальным бедствием. Неурожай, охвативший центральные и частично восточные губернии, привел к голоду. Слухи о нем спровоцировали ажиотажный спрос на зерно и увеличение цен на хлеб, что способствовало росту социальной напряженности и возникновению локальных протестов.

В отечественной историографии данный вопрос не получил освещения, несмотря на обширный опыт изучения социального движения конца XIX – начала XX в., накопленный в советский период. Выступления крестьян и рабочих через призму классовой борьбы рассматривали такие белорусские исследователи, как З. Е. Абезгауз [1; 2], М. О. Бич [3], Л. П. Липинский [4; 5], И. И. Саладков [6] и др. Они выделили основные формы и методы борьбы, проанализировали статистику выступлений, выявили роль социал-демократических и социалистических партий в их организации. В белорусской историографии 1990-х – начала 2020-х гг. были продолжены традиции изучения рабочего и крестьянского движения. В этой связи можно отметить работы обобщающего характера, посвященные истории Беларуси в составе Российской империи [7; 8], и диссертацию Е. В. Масловского [9].

Несмотря на то, что в белорусской историографии был накоплен, систематизирован и обобщен обширный материал по развитию крестьянского и рабочего движения, проблема социальных протестов как реакции населения на нерешенные социальные и экономические проблемы, особенно в городах и местечках Беларуси в конце XIX – начале XX в., осталась вне поля зрения исследователей. Ее разработка позволит раскрыть внутренние противоречия модернизации на территории Беларуси, проследить трансформацию общественного сознания, оценить степень эффективности деятельности органов местного управления по решению острых социальных проблем и нейтрализации общественного недовольства. Все это обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель статьи заключается в выявлении сущности социальных протестов, охвативших Витебскую губернию в 1891 г. Ее достижение предполагает решение следующих задач: определить причины социальных протестов в регионе; проанализировать действия как со стороны протестующих, так и властей; оценить последствия социальных протестов.

Объектом исследования выступает социальная сфера Российской империи на рубеже XIX–XX вв., предметом – проявление социального недовольства отдельных групп населения. Методологическую базу исследования составили как общенаучные (анализ, синтез, сопоставление), так и традиционные методы исторического исследования (историко-генетический и историко-сравнительный).

Основными источниками, позволяющими изучить социальные протесты в Витебской губернии в 1891 г., являются «Обзор Витебской губернии за 1891 год» [10] и «Всеподданнейший отчет витебского губернатора за 1891 год» [11]. В них отражен официальный взгляд на произошедшие события, при этом отсутствует тенденциозность суждений. «Обзор Витебской губернии за 1891 год» [10] в подразделе «Различные происшествия и народные бедствия» содержит краткое описание протестных выступлений в регионе. В нем зафиксированы события без каких-либо оценок и указания фамилий, как участников протестов, так и пострадавших, не раскрывается роль губернатора в ликвидации беспорядков. «Всеподданнейший отчет витебского губернатора за 1891 год» [11] предназначался для императора. В нем события

конца июля – начала августа 1891 г. описаны более подробно с конкретизацией личностей пострадавших и действий губернатора. Последнее объясняется стремлением произвести благоприятное впечатление на императора. На основании сведений, представленных в данных источниках, можно реконструировать причины социальных протестов, социальный состав участников, действия протестующих и реакцию со стороны представителей власти.

Причины, спровоцировавшие выступления в городах и местечках Витебской губернии, были двоякого характера. Они представляли собой тесное переплетение экономических и психологических мотивов.

Витебская губерния по природно-климатическим условиям обладала ограниченными возможностями для производства зерна. Губернатор В. М. Долгоруков подчеркивал во «Всеподданнейшем отчете…», что губернию нельзя было отнести к числу плодородных. Здесь преобладали подзолистые глинистые, суглинистые и песчаные почвы. Отдельные плодородные черноземные районы встречались в двух северных и двух западных уездах. Для получения высокого урожая требовалась тщательная обработка земли и постоянное внесение удобрений, которые можно было получить в условиях того времени благодаря развитию скотоводства. Однако из-за недостатка пастбищ и отсутствия традиций травосеяния у крестьян возможности для его получения были ограничены. На развитие земледелия негативно влияли резкие колебания климата, которые вредили росту и созреванию посевов. Кроме того, в сельском хозяйстве использовались устаревшие орудия труда, и сохранялось трехполье [11, л. 227 об. – 228 об.]. В то же время в губернии постоянно увеличивалась площадь обрабатываемых земель при сокращении урожайности. Это было вызвано «легкомысленным пренебрежением распаханною землею»: крестьяне ежегодно распахивали участки в подлесной полосе, что обеспечивало их кратковременными высокими урожаями озимого и ярового зерна, а спустя некоторое время забрасывали их [11, л. 230].

Несмотря на эти негативные факторы, регион вполне обеспечивал себя продовольствием. Это достигалось благодаря выращиванию не только зерна (озимого и ярового), но и картофеля. Недород любой культуры компенсировался хорошим урожаем другой. Например, в 1890 г. крестьяне столкнулись с недостатком озимого зерна, необходимого для посева, при этом был собран хороший урожай яровых и картофеля. Эта ситуация повторилась и в 1891 г., когда часть озимых посевов не взошла, и пришлось засевать поля яровыми культурами, а часть посевов была уничтожена градом [10, с. 10, 12]. Однако собранного зерна и картофеля оказалось достаточно для обеспечения продовольственных потребностей населения [11, л. 226].

Созданию своеобразного стабфонда в губернии способствовала и экономическая конъюнктура. На протяжении нескольких предшествовавших лет установились низкие цены на рожь, что делало невыгодным ее продажу в больших объемах. В этой связи даже в Витебской губернии у крестьян возникли ее значительные запасы [10, с. 79–80].

Все выше изложенное свидетельствует о том, что в 1891 г. в регионе отсутствовали объективные внутренние предпосылки для роста социальной

напряженности. Однако Витебская губерния в полной мере ощутила на себе влияние негативных экономических процессов, разворачивавшихся в Российской империи. Неурожай в центральных и частично восточных губерниях спровоцировал спекуляции на хлебном рынке, что вызвало рост цен во всем государстве. В Витебской губернии они начали резко увеличиваться с июля 1891 г. [11, л. 235].

На правительственном уровне были предприняты попытки ограничить хлебный экспорт для стабилизации цен на внутреннем рынке. 28 июля 1891 г. император Александр III распорядился запретить вывоз из страны ржаного зерна, муки и отрубей с 15 августа 1891 г. [12, с. 545]. Этот указ был опубликован в «Правительственном вестнике» 11 августа 1891 г. [13, с. 1].

Принятые меры вместо стабилизации цен вызвали противоположный эффект. Так, в не затронутой неурожаем Витебской губернии это способствовало тому, что в погоне за сверхприбылью торговцы начали скупать зерно и в ускоренном порядке вывозить его по железным дорогам к границе и к Рижскому порту. Скупщики предлагали земледельцам двойную и даже тройную цену. Такие выгодные условия привели к тому, что хлеб стал массово вывозиться из сел и деревень гужевым транспортом и водными путями [11, л. 247–247 об.].

Витебский губернатор В. М. Долгоруков подчеркивал, что этими операциями занимались преимущественно евреи. Повышенный спрос вызвал двукратный рост цен на ржаное зерно, муку и хлеб на местных рынках [10, с. 80]. Сельское население от этих спекуляций только выиграло, так как смогло выгодно реализовать зерно. Определенную выгоду получила и казна, так как приток денежных средств обеспечил своевременное исполнение земских повинностей и уплату государственных налогов [11, л. 235–235 об.].

Однако на городское население расширение масштабов зерновых закупок оказало негативное влияние, так как способствовало увеличению розничных цен. В самом уязвимом положении оказались представители городских низов, обеспечивавшие себя поденным трудом. В наибольшей степени это проявилось в Витебске. Чтобы облегчить положение данной категории горожан, по распоряжению губернатора В. М. Долгорукова на средства благотворительности были открыты две дешевые столовые (отдельно для христиан и для евреев), а также хлебопекарня, которая реализовывала хлеб по льготной цене нуждавшемуся населению без различия вероисповедания. В ней ежедневно продавалось до 75 пудов готового хлеба (примерно 1 229 кг или 1,2 т). Это способствовало снижению рыночных цен в городе [11, л. 243–243 об.].

Манипуляции с закупками хлеба оказывали не только экономическое, но и психологическое воздействие. Жители городов, через которые проходила железная дорога, наблюдали скопление обозов с зерном, прибывавших по грунтовым дорогам, а также лайб в тех случаях, если рядом были реки. Привезенное зерно загружалось в железнодорожные составы и отправлялось к границе. Это способствовало возникновению множества слухов, особенно среди беднейшего населения и наемных рабочих, которые были убеждены,

что вывозится зерно текущего урожая и что губернии угрожает дефицит хлеба [10, с. 80].

Действие этих экономических и психологических факторов создало условия для роста социальной напряженности. У местной администрации не было возможности прекратить массовую скупку зерна в губернии или ввести твердые цены. Согласно действовавшим правовым нормам органы городского самоуправления 3–4 раза в год устанавливали цены на товары первой необходимости, которые утверждались губернатором, а затем публиковались в «Губернских ведомостях» и размещались на рынках в виде объявлений. За их соблюдением должны были следить представители городских властей и полиции, особые чиновники по назначению губернатора [14, с. 32]. На практике эта мера носила скорее рекомендательный характер, так как отсутствовал эффективный механизм контроля за соблюдением установленных цен в розничной торговле.

В результате с конца июля 1891 г. в Витебской губернии начались локальные социальные протесты. Первые выступления были зафиксированы в Себеже 28 июля. Протестующие препятствовали разгрузке лайб с зерном, закупленным местным хлеботорговцем, и его дальнейшей транспортировке. При этом часть зерна была рассыпана, часть разворована. Для подавления беспорядков оказалось достаточно сил местной полиции. Они были прекращены в тот же день, а их инициаторы были задержаны. 4 августа похожая ситуация возникла в Люцине, откуда должен был отправиться состав с зерном в Режицу. Здесь собралась небольшая группа недовольных, однако увещеваний исправника оказалось достаточно, чтобы люди разошлись [10, с. 80].

В конце июля также были зафиксированы попытки помешать вывозу хлеба в местечках. Беспорядки в Бешенковичах и Чашниках Лепельского уезда, Сиротине Полоцкого уезда, Креславке Динабургского уезда были подавлены силами местной полиции. Благодаря этому открывшаяся 1 августа в Себеже ярмарка, куда было привезено для реализации более 1,5 тысячи пудов ржаного хлеба (порядка 24,6 т), прошла без эксцессов [11, л. 248–248 об.].

Наиболее крупные волнения охватили Полоцк и Витебск в первой декаде августа 1891 г. Для их подавления пришлось привлечь военных.

Беспорядки в Полоцке начались 4 августа [10, с. 81]. Поводом для их возникновения стало одновременное прибытие лайб по Западной Двине и нескольких сотен подвод с хлебом для отправки по железной дороге. Возмущенная толпа потребовала от полицмейстера запретить его вывоз. Все попытки успокоить ее и разъяснить, что этот груз был закуплен в других регионах и в городе был достаточный запас хлеба, а потому не стоило опасаться роста цен, оказались безрезультатными. Толпа не только не вняла увещеваниям представителей полиции, но даже начала нападать на них. Беспорядки в городе сопровождались уничтожением имущества частных лиц. Так, был разгромлен дом местного еврея-хлеботорговца Рымгинца, разграблен хлебный склад Рабиновича, где мешки с рожью просто разрезались и высыпались на пол [11, л. 248 об. – 249].

5 августа беспорядки возобновились на железнодорожной станции. Любопытно то, что во главе толпы находились женщины. Стоявшие на запасных путях шесть вагонов с зерном были подогнаны к вокзалу, с них были сорваны пломбы, а хлеб разгружен и вывезен в город. При этом женщины были вооружены дубинами и угрожали полицейским избить их, как и любого, кто будет препятствовать их действиям [11, л. 249 об.]. Захваченный хлеб вывозился на особый склад под охраной [10, с. 81]. Это свидетельствовало о том, что хаотичные действия протестующих приобрели в Полоцке определенную планомерность. Хлеб не просто захватывался и рассыпался, что было равнозначно его уничтожению, а свозился в специально отведенное место.

Как только витебский губернатор В. М. Долгоруков получил телеграмму, в которой сообщалось о событиях в Полоцке, он распорядился усилить силы местной полиции, направив в город полицейских из ближайших населенных пунктов. Этих мер оказалось недостаточно, чтобы прекратить беспорядки, так как толпа по численности в несколько раз превосходила полицейскую команду. Тогда было решено направить в Полоцк военные силы из Витебска. Вечером 5 августа в город прибыл сам губернатор, а также три роты солдат. При их виде толпа, осаждавшая железнодорожную станцию, успокоилась и разошлась по домам [11, л. 249 об. – 250].

На следующий день (6 августа) возле железнодорожной станции и квартиры губернатора начали появляться шумные группы людей. Во второй половине дня на базарной площади вновь собралась толпа из нескольких тысяч человек. Они окружали обозы с хлебом, которые следовали к железнодорожной станции, и мешали их движению. Никакие увещевания и разъяснения на толпу не действовали. Появление вооруженного отряда солдат не дало эффекта. Тогда губернатор распорядился направить из Витебска еще три батальона солдат. С наступлением ночи толпа перегнала захваченные подводы с хлебом на другую сторону города в самовольно устроенный склад [11, л. 250 об. – 251].

7 августа в Полоцк прибыли дополнительные военные силы. Это позволило восстановить порядок в городе без применения насилия. Захваченное зерно было перевезено на железнодорожную станцию и отправлено по назначению. Инициаторы и руководители выступлений (26 человек) были задержаны и переданы под следствие [10, с. 81].

Практически сразу же начались беспорядки в Витебске – 7 августа в два часа дня [11, л. 251 об.]. Здесь основную массу протестующих составили «толпы сбродных женщин и чернорабочих мужчин» [10, с. 81]. Сначала они напали на обоз, который вез зерно на станцию Динабурго-Витебской железной дороги. Мешки сбрасывались на землю, распарывались и рассыпались. На требование полицмейстера прекратить самоуправство и разойтись женщины, возглавлявшие толпу с палками в руках, заявили, что они собрались, чтобы не допустить вывоза зерна. Одновременно среди протестующих раздались призывы идти ломать вагоны и громить вокзал. К этому времени на соседних со станцией улицах собралась еще одна толпа,

преимущественно из рабочих. Здесь раздавались антисемитские лозунги и призывы бить евреев. Эта толпа направилась к станции Динабурго-Витебской железной дороги, но была остановлена полицией и отрядом войск. Успев избить нескольких евреев, протестующие двинулись к нагруженным рожью вагонам, сорвали с них пломбы, выбросили на платформу практически весь хлеб. После этого они направились на расположенную неподалеку станцию Орлово-Витебской железной дороги, где разгрузили все вагоны. По пути своего движения толпа разграбила дом купца Тейтельбаума, занимавшегося скупкой хлеба, а также разгромила питейное заведение. Вернувшись на станцию Динабурго-Витебской железной дороги, протестующие напали на только что прибывший товарный поезд, сломали пломбы, разгрузили его и другие вагоны с рожью, находившиеся на запасных путях. Они вели себя агрессивно по отношению ко всем, кто пытался помешать их действиям. Так, был избит начальник станции инженер Крегер. Увещевания полиции, начальников военных подразделений и прибывшего командира 16-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Рихтера не имели никакого эффекта [11, л. 252–253].

Беспорядки начали приобретать стихийный характер. Местная полиция и находившиеся в ее распоряжении немногочисленные войска не могли их прекратить. Более того, они подвергались нападениям, а несколько нижних воинских чинов получили ранения. В этих условиях к железнодорожной станции было вызвано дополнительное подкрепление. Прибывшие войска начали оттеснять толпу, которая развернулась в сторону находившегося поблизости Полоцкого базара [10, с. 82]. Там был разграблен дом купца Гершмана, занимавшегося хлеботорговлей. Толпа попыталась разоружить военных. В офицеров и солдат полетели камни. На выстрелы холостыми патронами толпа реагировала взрывами смеха и готовностью броситься на военных. По этой причине было решено сделать несколько боевых выстрелов. В итоге погибли запасной рядовой Арлукевич, принимавший активное участие в беспорядках, курьер при Витебском окружном суде запасной рядовой Звягинцев, бросавший камни в солдат, и крестьянка Рогожкина. Еще одна крестьянка Королева была ранена. Это охладило толпу, которая быстро рассеялась. Окончательно спокойствие было восставлено после прибытия поздним вечером губернатора из Полоцка [11, л. 253 об. – 254].

На следующий день протесты в Витебске полностью прекратились. Весь разгруженный на станциях хлеб был убран и отправлен по назначению. Главные организаторы беспорядков (59 человек) были арестованы и отданы под следствие [10, с. 82].

Губернатор В. М. Долгоруков, анализируя причины волнений, пришел к выводу, что их возникновению способствовало мягкое наказание за подобные выступления. Более того, бездомные и бродяги стремились активно участвовать в беспорядках, чтобы обеспечить себе кратковременный приют в арестном доме. В подтверждение своих заключений В. М. Долгоруков цитировал призывы, которые раздавались со стороны подстрекателей беспорядков в Витебске: «Не бойся, стрелять не станут, знаем, а по-

падется кто – не беда, отлежится и откормится казенным пайком. Валяй» [11, л. 254 об. – 255].

Таким образом, социальные протесты, охватившие Витебскую губернию в 1891 г., были обусловлены действием внешнего экономического фактора в виде неурожая в центральных и частично восточных губерниях Российской империи, который спровоцировал спекуляции и рост цен на хлебном рынке. Их возникновению также способствовала субъективная психологическая реакция городского населения на массовую скупку зерна и его вывоз за пределы губернии. Внутренние экономические предпосылки для социального недовольства отсутствовали, так как регион был вполне обеспечен продовольствием за счет собственных ресурсов. Социальные протесты охватили крупные города, расположенные на пересечении важнейших транспортных путей, а также ряд местечек. Они возникли стихийно, их главной движущей силой являлись представители городских низов. Протестующие не выдвигали каких-либо экономических требований, их выступления сопровождались захватом вагонов с зерном, погромами хлебных складов. В Полоцке и Витебске протесты приобрели черты антисемитизма, так как оптовая хлебная торговля была сконцентрирована в руках купцов-евреев. Беспорядки продолжались несколько дней и были локализованы при помощи полиции и военных. В абсолютном большинстве случаев удалось обойтись без жертв, за исключением Витебска, где погибло три человека. Главные инициаторы беспорядков были задержаны и переданы под следствием. К середине августа ситуация в регионе была полностью стабилизирована. В целом социальные протесты в Витебской губернии продемонстрировали неспособность местной администрации обеспечить проведение превентивных мероприятий для нейтрализации общественного недовольства.

Список использованных источников

1. *Абезгауз, З. Е.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX века / З. Е. Абезгауз. – Минск: Наука и техника, 1971. – 178 с.

2. *Абезгауз, З. Е.* Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. / З. Е. Абезгауз. – Минск: Наука и техника, 1977. – 167 с.

3. *Бич, М. О.* Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М. О. Бич. – Минск: Наука и техника, 1983. – 278 с.

4. *Липинский, Л. П.* Крестьянское и солдатское движение в Белоруссии (1900–1907 гг.) / Л. П. Липинский, Е. П. Лукьянов. – Минск: Наука и техника, 1968. – 195 с.

5. *Липинский, Л. П.* Классовая борьба в белорусской деревне, 1907–1914 / Л. П. Липинский. – Минск: БГУ, 1981. – 176 с.

6. *Саладков, И. И.* Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX – начало XX в.) / И. И. Саладков. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1957. – 162 с.

7. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён: у 3 т. – Мінск: Беларус. навука, 1997–2002. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы

1861 г. да сакавіка 1917 г. / З. Е. Абезгауз [і інш.]; пад рэд. В. П. Панюціча. – 2002. – 552 с.

8. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2006. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.

9. *Маслоўскі, Я. В.* Рабочыя фабрычна-заводскіх прадпрыемстваў Беларусі (1907–1914 гг.): склад, матэрыяльнае становішча, формы сацыяльнага пратэсту: дыс. … канд. гіст. навук: 07.00.02 / Я. В. Маслоўскі. – Мінск, 2021. – 161 л.

10. Обзор Витебской губернии за 1891 год. – Витебск: Губерн. тип., 1892. – [2], 141 с.; 10 табл.

11. [Всеподданнейший] отчет витебского губернатора за 1891 год // Российский государственный исторический архив. – Ф. 1263. Оп. 2. Д. 4932. Л. 225–262.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3: [в 34 т.]. – СПб.: Гос. тип., 1885–1917. – Т. 11: 1891. – 1895. – Разд. паг.

13. Высочайший манифест // Правительств. вест. – 1891. – 11 (23) авг. – С. 1.

14. Общее учреждение губернское // Свод законов Российской империи: полн. текст всех 16 т., соглас. с послед. продолж., постановлениями, изд. в порядке ст. 87 Зак. осн., и позднейшими узаконениями: в 5 кн. / сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг; под ред. и с примеч. И. Д. Мордухай-Болтовского. – Изд. неоф. – СПб., 1912. – Кн. 1, т. 2. – С. 2–209.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК 343.572(476)(091) «19/20»

НАРУШЕНИЯ УСТАВА О ПИТЕЙНОМ СБОРЕ В ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Воронич Т. В.
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

Нарушения Устава о Питейном сборе можно объединить в три группы: нарушение порядка организации и технологии производственного процесса винокурения; осуществление тайного винокурения, незаконные сбыт и хранение алкогольной продукции. Если в сфере производства доминировали мужчины, то в сфере торговли лидировали женщины. Суды достаточного лояльно относились к нарушениям Устава о питейном сборе. Преступления были натуральным элементом повседневной жизни города. Активными участниками правонарушений выступают женщины. Этот факт сильно подрывает укоренившийся в историографии стереотип о патриархальности городского общества. Обыденность криминала была обусловлена низким уровнем и вообще отсутствием правовой культуры горожан, что в свою очередь было вызвано рядом факторов, в том числе обычной неграмотностью жителей городов.

Ключевые слова: правонарушения; экономическая преступность; город; последняя треть XIX – начале XX века.

VIOLATIONS OF THE CHARTER ON DRINKING FEES IN THE CITIES OF BELARUS IN THE LAST THIRD OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Voronich T. V.
Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

Violations of the Charter on the Drinking Collection can be grouped into three groups: violation of the organization and technology of the production process of distillation; implementation of secret distillation, illegal sale and storage of alcoholic products. If men dominated in the sphere of production, then women were in the lead in the sphere of trade. The courts were sufficiently loyal to violations of the Charter on drinking collection. Crime was a natural element of the daily life of the city. Women are active participants in crime. This fact greatly undermines the stereotype that has taken root in historiography about the patriarchal nature of urban society. The commonness of crime was due to the low level and general lack of legal culture of the townspeople, which in turn was caused by a number of factors, including the usual illiteracy of urban residents.

Keywords: offenses; economic crime; city; last third of the 19th – early 20th century.

Проблема экономической преступности, к которой, несомненно, относится тема нарушений Устава о питейном сборе, вызывает интерес не только

у историков, экономистов и юристов в силу их профессиональной деятельности, но и у широкого круга обывателей. Эта тема в некоторой степени овеяна определенной долей романтики криминального мира. Вместе с тем, это очень серьезный и сложный вопрос, поскольку отражает и выявляет, порой невидимые явно, социальные явления и процессы в обществе.

В конце XIX – начале XX в. проблема преступности активно изучалась такими российскими учеными как Е. Н. Тарновский, М. Н. Гернет, М. Ф. Заменгоф и др. Вновь интерес к этой теме в России появился только в последнее время. Был защищен ряд диссертаций, посвященных истории преступности второй половины XIX – начала XX в. Вопросы преступности, пенитенциарной системы и становления правого государства в Российской империи исследует известный российский историк Н. Б. Миронов в своей фундаментальной монографии «Социальная история России» [1]. Определенные успехи в изучении преступности периода Российской империи второй половины XIX – начала XX в. сделаны в англоязычной историографии [2; 3; 4 и др.]. Преступность и девиантное поведение XIX в. стали предметом исследования литовских и польских историков [5, 6 и др.]. В белорусской историографии серьезных научных исследований по истории преступности в сфере экономики в конце XIX – начале XX в. в Беларуси нет. Существуют лишь единичные научные статьи [7; 8; 9 и др.]. Однако эта проблема крайне важна для изучения культуры повседневности. Судебные дела окружных судов (ставшие одними из главных источников данного исследования) по словам американской исследовательницы Нэнси Шилдс Коллман, «раскрывают повседневную жизнь людей как никакие другие источники»[10]. А отклонения от норм, девиации, преступность, несомненно, могут стать ключом для понимания самой нормы, функционирования социума, роли человека в событиях определенной эпохи [11].

Сразу важно отметить, что выводы, сделанные в данном исследовании, вытекают из конкретных случаев и не всегда окончательны, в дальнейшем могут корректироваться, но тем, не менее, позволяют очертить контуры социальных процессов, происходивших в обществе рассматриваемого периода.

Все нарушения Устава о питейном сборе условно можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют нарушения порядка организации производственного процесса винокурения, причем нарушения могли быть самые разнообразные.

Так, например, в 1899 г. игуменский мещанин Бенициан Залман Лившиц, помощник ответственного винокура завода в Минске, был обвинён в том, что остаток неперекуренной бражки он перелил из красильного чана № 2 в чан № 1. Сделано это было без согласования со службами акцизного надзора, что давало возможность тайной выделки питей. В результате по решению суда в 1901 г. он был приговорен к денежному штрафу в размере 15 руб., хотя в соответствии с законодательством максимальная сумма штрафа составляла 300 руб. [12, л. 2–3, 25–26об.].

В 1911 г. во время внезапной проверки медоваренного завода минского мещанина Гешеля Мовшева Дрейзина было обнаружено повреждение бечёв-

ки, которая соединяла печать с крышкой котла, что создавало возможность нелегального винокурения. Дрейзин объяснил, что бечёвку перегрызла мышь, и, вообще он сам это обнаружил вместе с контролером акцизного управления во время осмотра. Свидетельские показания были довольно противоречивые. Одни заявляли о том, что края бечёвки ровные, а, значит, бечевка была перерезана умышленно. Другие же доказывали невиновность Дрейзина.

Когда был организован специальный осмотр, чтобы выяснить причину повреждения, оказалось, что бечевки уже нет, а вместо нее на котле находилась проволока. Поскольку вину Дрейзена в тайном винокурении доказать не удалось, Минский окружной суд назначил минимальное наказание – денежное взыскание в размере 15 руб. Хотя, согласно законодательству, максимальная сумма взыскания, предусмотренная за подобное правонарушение, составляла до одной тысячи рублей или арест до трех месяцев. Он был признан виновным в том, что, будучи ответственным, не обеспечил целостность бечевки, чем создал возможность для тайного винокурения [12, л. 2–2 об., 37–37 об.].

Преступления в сфере производства алкоголя были связаны не только с нарушениями Устава о питейном сборе. В августе 1913 г. во время внезапной проверки мер и весов на винокуренном и дрожжевом заводе мещанина Зельмана Невахова Раковщика на Нижней Ляховке в Минске было обнаружено 11 неклейменых гирь, причем 9 из них были с неверным весом. З. Раковщик был одним из известных предпринимателей братьев Раковщиков, алкогольная продукция которых к этому году неоднократно получала золотые медали на международных выставках. Приговором суда, состоявшимся в июне 1914 г., предприниматель был признан невиновным [12, 22 об., 27–27 об.]. Решение суда основывалось на показаниях как самого Раковщика, так и его подчиненных, которые утверждали, что гири лишь хранились в сарае, для торговли не использовались и предназначались для сдачи в лом. Возможно, так оно и было. Но возникает вопрос – а откуда и зачем у столь успешных предпринимателей неклейменые и неверные гири?

Во вторую группу входят правонарушения, связанные с нелегальным винокурением. Введение в России «сухого закона» и последовавший запрет на продажу спиртных напитков привел к употреблению денатурированного спирта, политуры, лака, одеколона и других, заменяющих водку и пиво, жидкостей [13, с. 1]. Алкогольная продукция, которая шла в продажу для пищевых целей, облагалась налогом, акцизом. Спирт, который предназначался для технических целей, от акциза освобождался. Но, чтобы предотвратить его использование в качестве напитка, проводилась денатурация спирта. Для этого в спирт добавлялся целый ряд веществ, от которых его трудно очистить и которые придавали ему «неприятный, отвратительный запах и вкус и особенную окраску» [13, с. 2]. Все эти химические добавки помимо изменения органолептических свойств делали спирт ядовитым и крайне опасным для здоровья человека. Даже небольшое количество выпитого денатурированного спирта часто приводило к необратимой слепоте и даже смерти. Несмотря

на все тяжелые последствия, народ пил денатурат [14, с. 75–76]. И особенно его употребление увеличилось после введения «сухого закона». При этом нашлись «предприниматели», которые в домашних условиях пытались добиться уничтожения неприятного запаха, окраски, даже «некоторого ослабления ядовитости» [13, с. 8] денатурированного спирта, лака, одеколона и проч. Появились даже народные названия подобных напитков, такие как «ханжа», «водка-самосидка», «чертова кровь» [13, с. 9]. При этом продавцы утверждали, что «будто изготовленный ими напиток только, мол, развеселит, вреда же здоровью, будто бы никакого не принесет». Потребителем подобных продуктов был «исключительно трудовой, крестьянский, рабочий народ» [13, с. 1], который в силу своей неграмотности порой просто не знал всех последствий употребления подобного рода суррогатов. В Минском Окружном Суде рассматривалось дело по обвинению содержательниц мелочных лавок, которые в сентябре 1914 г. продали денатурированный спирт пятерым ломовым извозчикам [14, с. 76] и «допустили распитие в своих квартирах». В результате двое из выпивавших умерли, двое лишились зрения, а пятому повезло, поскольку вовремя оказали медицинскую помощь. Обвинитель настаивал на 15 годах каторги. Тем не менее, приговором суда обвиняемые были оправданы. Присяжные заседатели признали обвиняемых женщин виновными лишь в незаконной торговле денатурированным спиртом, «но без ведома, что денатурат может повлечь за собою смерть или слепоту» [15, с 487–488]. При этом защита указывала, что «широкие массы не имеют достаточного представления о том, что денатурат грозит серьезными последствиями, <…> что казенные винные лавки отпускают денатурат без предупредительных надписей об ядовитости, - на посуде имеется лишь наклейка “не годен для питья”»… [15, с. 487].

На территории Беларуси в начале XX в. наиболее распространена была незаконная перегонка политуры.

Так, в 1900 г. в квартире минского мещанина Афроима Дрознина был обнаружен работающий перегонный аппарат. В ходе предварительного следствия была проведена экспертиза, которая доказала, это действительно перегонный аппарат, который уже «в течение более или менее продолжительного времени был в употреблении». Крепость спирта, получаемого на этом перегонном аппарате, составляла свыше 92 градусов. Дрознин свою вину отрицал, утверждая, что сам он занимается перевозкой дров, а не перегонкой политуры. Это подтвердила и его жена, заявив, что примерно два раза в неделю с платой по пять рублей перегонкой спирта занимался «неизвестный ей по имени и фамилии еврейчик». Суд, однако, не признал показания обоих заслуживающими внимания и приговорил Дрознина к заключению в тюрьме сроком на два месяца и денежному взысканию в размере 2245 руб. 32 коп. [16].

Однако, далеко не всегда суд признавал вину обвиняемого. В 1900 г. акцизные контролеры, получив информацию о незаконном винокурении, прибыли с внезапным обыском на квартиру к Лейбе Азикову Цофину, расположенную на Соборной площади в Минске. И обнаружили части перегонного аппарата – самовар, змеевик и наполненный политурой жестяной бидон.

В ходе предварительного следствия была проведена экспертиза, которая подтвердила, что с помощью обнаруженного устройства можно заниматься перегонкой спирта из политуры, получая спирт крепостью 87,5–87,9 градуса. Хозяин квартиры все отрицал, утверждая, что накануне какой-то еврей оставил этот перегонный аппарат на сохранение в тайне от самого Цофина и против его воли. А самовар, по словам обвиняемого, использовался исключительно для приготовления чая для клиентов харчевни, которую держал Цофин. Свидетели также подтвердили слова Цофина. В итоге суд, исходя из того, что факт нелегального винокурения доказать не удается, а «приготовление к тайной выгонке питей наказанию не подлежит», постановил признать Цофина по суду оправданным [17].

Следующую группу нарушений Устава о питейном сборе, самую многочисленную, составляет незаконный сбыт и хранение алкогольной продукции.

Дело в том, что для производства и торговли этими видами товаров, в соответствии с российским законодательством, необходимо было ежегодно приобретать специальный патент. Стоимость патента, например, на право торговли вином, в конце XIX в. составляла около 100 руб. А вместе с затратами, связанными с оформлением документов, расходы достигали 150 руб. Сумма довольно значительная для того времени. Несмотря на то, что сама торговля водкой и вином была очень прибыльным делом, торговцы предпочитали заниматься тайной беспатентной торговлей, либо торговали по патенту другого лица.

Многие подобные дела заканчивались вынесением оправдательных приговоров, поскольку обвиняемые категорически отрицали свою вину и использовали всяческие способы, чтобы оправдать себя. Пытаясь защитить себя от судебного преследования, торговцы, застигнутые в момент совершения преступления, уничтожали улики, ничуть не смущаясь присутствия сотрудников правоохранительных и контролирующих органов, а при необходимости применяли и физическую силу.

В 1913 г. акцизные служащие во время осмотра одной из харчевен в Слониме обнаружили, что в ней идет беспатентная торговля водкой. Однако молодые хозяйки проявили находчивость и сноровку – вырвали из рук чиновников бутылку с водкой и, выбежав на улицу, разбили ее о мостовую. Таким образом улики были уничтожены, а на все обвинения они затем отвечали, что ничего подобного они не делали, а чиновники просто оговаривают их и таким образом мстят им, поскольку обижены на их родителей [18].

В 1909 г. контролер минского акцизного управления в сопровождении городового зашел в бакалейную лавочку 28-летней Ханы Линкович на Захарьевской улице в Минске. В ходе осмотра были обнаружены 16 беспатентных бутылок пива. Городовой попытался забрать бутылки пива, но хозяйка стала хватать и бить их. Когда городовой попытался забрать у нее бутылку, она, не раздумывая, замахнулась на него этой бутылкой для удара. Часть бутылок женщине все же удалось разбить. По факту был составлен протокол, который Линкович, когда его ей пытались дать для ознакомления, порвала. Во время предварительного следствия Хана Линкович утверждала, что протокол

она не рвала, а лишь пыталась взять из рук чиновника, в это время протокол и порвался, а свои действия она не помнит, поскольку находилась уже на последнем сроке беременности. Действительно, вечером в этот же день она родила. Однако, во время суда, Линкович признала свою вину. Суд, «принимая во внимание крайнее невежество и неразвитость подсудимой» и сознание ею собственной вины, назначил самую низшую меру наказания в виде ареста на семь суток [19].

В 1913 г. два акцизных контролера, получив сведения о незаконной торговле водкой, для проверки полученной информации зашли с осмотром в чайную 52-летней Блюмы Дрейзиной, расположенной на Михайловской улице в Минске. При появлении контролеров Блюма и ее малолетняя дочь Хая попытались вынести через черный ход две корзины. Бросившись вслед за ними, один из контролеров задержал Блюму, забрав у нее корзину с тремя бутылками пива. Хая же перебросила свою корзину, в которой было пять бутылок водки, через забор в палисадник на кучу с мусором. В тот момент, когда контролер доставал эту корзину, Блюма и другая ее 24-летняя дочь Элька буквально атаковали его. Элька ударила его рукой по лицу, а Блюма – кирпичем в спину, вырвали корзину из рук контролера, а бутылки разбили. Суд, состоявшийся в 1914 г., принимая во внимание «крайнее невежество» обвиняемых, понизил степень наказания, приговорив Блюму к заключению в тюрьме сроком на два месяца. Элька же, по свидетельству ее матери и соседей, уехала в Баку, а к моменту начала суда была уже в Америке [20].

Приговоры судов были достаточно мягкими – денежные штрафы были небольшими, что в определенной степени, вероятно, создавало условия для повторных правонарушений. Некоторые торговцы по одной и той же статье наказывались неоднократно. Так, минский мещанин Черешкин первый раз был оштрафован за незаконное хранение алкоголя в августе 1908 г. на 15 руб. Уже в сентябре 1908 г. против него было вновь возбуждено уголовное дело. При этом он утверждал, что нашли у него не водку, а «лекарство от зубов». В 1913 г. Черешкин опять был пойман с поличным, однако заявил, что в бутылке, содержимое которой он успел вылить на пол, был уксус, а не водка. По решению суда Черешкин был приговорен к штрафу в 15 руб.

Таким образом, все нарушения Устава о Питейном сборе можно условно объединить в три большие группы: 1) нарушение порядка организации и технологии производственного процесса винокурения; 2) осуществление тайного винокурения, в том числе и перегонка спиртосодержащих технических жидкостей и 3) незаконные сбыт и хранение алкогольной продукции. Причём тут сразу важно отметить гендерный момент: если в сфере производства доминировали мужчины, то в сфере торговли как раз лидировали женщины. Как правило, это был семейный бизнес – активными помощниками выступали члены семей, главным образом, дочери. Суды достаточного лояльно относились к нарушениям Устава о питейном сборе. Обвинительные приговоры выносились крайне осторожно. Обвиняемый признавался виновным, как правило, только в тех случаях, когда было признание самого обвиняемого, или неопровержимые доказательства его вины. При этом назначалась минимальная мера наказания, предусмотренная законом.

Анализ судебных дел показывает то, что преступления, в частности экономические преступления, в городской среде были обыденностью, натуральным элементом повседневной жизни города. Главный приоритет в данный период в городской среде имели не закон, а грубая физическая сила. Обращает на себя внимание тот факт, что здесь активными участниками, инициаторами агрессии выступают женщины. И этот факт сильно подрывает прочно укоренившийся в историографии стереотип о патриархальности городского общества рассматриваемого периода. Обыденность криминала, его повседневность были обусловленные крайне низким уровнем и вообще отсутствием правовой культуры горожан, что в свою очередь было вызвано целым рядом факторов, в том числе и обычной неграмотностью жителей городов.

Список использованных источников

1. *Миронов, Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. / Б. Н. Миронов. – 3-е изд., испр., доп. – СПб., 2003. – Т. 2. – 583 с.

2. *Neuberger, J.* Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900-1914 / J. Neuberger. – Berkeley, 1993.

3. *Bernstein, L.* Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia / L. Bernstein. – Berkeley, 1995.

4. *Frank, S.* Crime , cultural conflict, and justice in rural Russia, 1856–1914 / S. Frank. – Berkeley, 1999.

5. *Sirutavičius, V.* Nusikaltimai ir visuomenė XIX amžiaus Lietuvoje, in: Lietuvių Atgimimo istorijos studijos / V. Sirutavičius. – Vilnius: Baltos lankos, 1995.

6. *Sikorska-Kulesza, J.* Zło tolerowane: prostytucja w Królestwie Polskim x XIX wieku / J. Sikorska-Kulesza. – Mada, 2004.

7. *Воронич, Т. В.* Мошенники Вильны (конец XIX – начало XIX века) / Т. В. Воронич // Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX веках = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI–XIX wieku: сборник научных статей подготовлен на основе докладов участников международной конференции, состоявшейся в Институте истории Литвы 8–9 октября 2014 г. / Lietuvos istorijos institutas; составитель Тамара Байрашаускайте. – Vilnius, 2015. – P. 363–383.

8. *Воронич, Т. В.* «Перспектива проходить курс гимназии … была мучительно тяжела…»: подлог и подделка документов об образовании в Вильне в конце XIX – начале XIX века / Т. В. Воронич // Kintančios Lietuvos visuomenė: struktūros, veikėjai, idėjos: mokslinių straipsnių rinkinys, skirtas Tamaros Bairašauskaitės 65-mečio sukakčiai / Lietuvos istorijos institutas; sudarytojai Olga Mastianica, Virgilijus Pugačiauskas, Vilma Žaltauskaitė. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015. – 554 p. – C. 344–363.

9. *Воронич, Т. В.* Экономические преступления в городах Беларуси во второй половине XIX – начале XX веков / Т. В. Воронич // Granice i pogranicza / red. Piotr Guzowski, Marzena Liedke, Wojciech Walczak. – Białystok, 2019. – S. 173–194.

10. *Коллман, Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Ш. Коллман. – Москва, 2016. – С. 10.

11. *Маслійчук, В.* Підлітковий злочин у Харкові (80–90-ті рр. XVIII ст.) / В. Маслійчук // «Краєзнавство». – 2011. – № 1. – С. 72.

12. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 183. Оп. 2. Д. 13054. Л. 2–3, 25–26 об.

13. *Сажин, И. В.* Денатурированный спирт, политура, и лак, одеколон и тайное винокурение / И. В. Сажин. – Петроград, 1915. – С. 1.

14. *Твердюкова, Е. Д.* «Колбаса — дело доверия»: фальсификация пищевых продуктов в России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / Е. Д. Твердюкова // Новейшая история России. – 2015. – № 1 (12). – С. 75–76.

15. Денатурат перед судом // Гигиена и санитарное дело. – 1915. – № 5–6. – С. 487–488.

16. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 2. Д. 13055. Л. 2–3 об., 29–30.

17. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 2. Д. 13876. Л. 2–3, 48–49.

18. Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 384. Л. 8–8 об.

19. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 2. Д. 20283. Л. 2–3, 27–27 об.

20. НИАБ. – Ф. 183. Оп. 2. Д. 24738. Л. 2–3, 114–114 об.

(Дата поступления: 05.07.2023).

РАЗДЕЛ 3: КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ, ИДЕИ И ЛИЧНОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ

УДК 373.3(476)(091)

НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В СВЕТЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Новик Н. Е.
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

В статье отражены проблемы развития начального образования в Беларуси на рубеже XIX–XX вв. в свете общественного мнения и государственной политики. Выделены три блока вопросов, поднимавшиеся в процессе общественного обсуждения в местных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые позволяют судить о характере государственно-общественных отношений: введение всеобщего начального образования; унификация управления начальным образованием; использование возможностей начальных общеобразовательных учебных заведений для распространения профессиональных знаний среди народа. Отмечены изменения, которые происходили в государственной политике в сфере начальной общеобразовательной школы под влиянием общественного мнения населения региона.

Ключевые слова: Виленский учебный округ; образовательная политика; общественное мнение; церковно-приходские школы; всеобщее начальное обучение.

PRIMARY EDUCATION IN BELARUS AT THE TURN OF THE 19th – 20th CENTURIES IN THE LIGHT OF PUBLIC OPINION AND GOVERNMENT POLICY

Novik N. E.
The Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article reflects the problems of the development of primary education in Belarus at the turn of the 19th–20th centuries in the light of public opinion and government policy. Three sets of questions are identified that were raised in the process of public discussion in local committees about the needs of the agricultural industry, which allow us to judge the nature of state-public relations: the introduction of universal primary education; unification

of primary education management; using the possibilities of primary general educational institutions for the dissemination of professional knowledge among the people. The changes that took place in the state policy in the field of primary general education school under the influence of public opinion of the population of the region are noted.

Keywords: Vilna educational district; educational policy; public opinion; parochial schools; universal primary education.

Одним из существенных аспектов изучения истории образования является исследование взаимоотношений власти и общества. На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи перед обществом и государством стояли такие важные задачи в сфере образования, как создание оптимальной модели организации начальной общеобразовательной школы и введение всеобщего начального обучения. Отношение различных групп людей к процессам и событиям, которые происходили в системе образования, проявлялось в общественном мнении. Выраженное публично, оно оказывало влияние на жизнедеятельность общества в целом и политику государства в сфере начального образования. В общественном сознании наблюдалось практически единодушное стремление сделать школу орудием культурного прогресса, с помощью знания, образования развивать промышленность, сельское хозяйство, воспитать у молодежи гражданственность и чувство долга, сделать более гуманными человеческие отношения.

Несмотря на наличие общего вектора движения общества и государства в сторону наращивания образовательного потенциала, ситуация в общественном сознании отражала столкновение консервативной и радикально-либеральной точек зрения относительно способов достижения поставленных целей. Согласно консервативной позиции, любые социальные институты (в том числе образовательные и научные) рассматривались в первую очередь в качестве проводников государственной политики, а педагогические новации воспринимались сдержанно. Сторонники консервативных убеждений утверждали неразрывную связь церкви и государства в образовательной политике, стремились посредством образования к сохранению традиций, религиозных устоев, нравственных норм [1, с. 28–29]. Приверженцы радикально-либеральных взглядов ориентировались на достижения западноевропейской культуры и педагогики, в традиционных основаниях деятельности школы искали преимущественно негативные черты, делали акцент на пробуждение у учащихся оппозиционных настроений [2, с. 21]. Характерное для Российской империи противостояние государства и общества по линии «традиции – новации» на территории белорусских губерний усиливалось наличием языковых, конфессиональных и этнических противоречий. В этой связи важное значение имеет выяснение того, как в общественном мнении и правительственной образовательной политике ставился и решался вопрос о деятельности начальной школы в соответствии с местными условиями, конфессиональными и национальными особенностями региона.

В качестве индикатора общественного мнения Северо-Западного края по вопросам начального образования можно рассматривать деятельность

Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (1902–1905 гг.), созванного для получения объективной картины состояния сельского хозяйства в разных регионах Российской империи. Поскольку сведения собирались через губернские и уездные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности, результаты работы совещания отчетливо продемонстрировали позицию наиболее активной части общества по разным актуальным вопросам жизни деревни. В процессе обсуждения также нашли отражение воззрения представителей государственной власти. Согласно справедливому суждению российского исследователя Б. Н. Миронова, в деятельности уездных и губернских комитетов громко и пафосно участвовала либеральная оппозиция, которая стремилась уверить общество в том, что деревня находится в тяжелейшем положении, а правительство не принимает необходимых мер. Однако убедительных доказательств долговременного снижения уровня жизни крестьян местными комитетами не приводилось [3, с. 9].

Хотя в местных комитетах образовательная проблематика рассматривалась наряду с другими аспектами жизнедеятельности деревни, во время работы Особого совещания ни по одному вопросу не было представлено столько записок и докладов, как о просвещении крестьянства [4, с. 358]. При этом наиболее компетентные в деле народного образования лица далеко не всегда привлекались к работе, отсутствовал общий план рассмотрения этого вопроса, преобладал заостренно критический взгляд на правительственную образовательную политику.

По результатам обсуждения проблемы начального народного образования в местных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности можно выделить три блока вопросов, которые позволяют судить о характере государственно-общественных отношений: введение всеобщего начального образования; унификация управления начальным образованием; использование возможностей начальных общеобразовательных учебных заведений для распространения профессиональных знаний среди народа.

Во время работы Особого совещания вопрос введения всеобщего начального обучения обсуждался в плане его необходимости и обязательности, а также источников финансирования. Поскольку на рубеже XIX–XX вв. значительная часть детей школьного возраста все еще оставалась без обучения, расширение доступности для населения начального обучения являлось одной из наиболее важных задач в области образования. Необходимость всеобщего начального обучения практически не вызывала возражений как со стороны государственных чиновников, так и представителей общественности. Например, председательствовавший на заседании Могилевского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности губернатор Н. М. Клингенберг считал низкий уровень культуры крестьянского населения важнейшим препятствием для развития сельского хозяйства, а всеобщее обучение представлял идеалом, к достижению которого необходимо направлять совместные усилия государства, общества и частных лиц [5, с. 6–7].

Несколько более сложным в процессе обсуждения предстал вопрос об обязательности начального обучения. Председатель Гродненского общества сельского хозяйства, губернский предводитель дворянства П. В. Веревкин высказал пожелание о широком распространении грамотности и обязательности посещения правительственных народных училищ. Он призывал брать пример с Германии, «где одна на всех начальная школа, посещение которой под страхом денежных штрафов обязательно для всех, и где всякий мальчик, как подрастающий член огромного целого, как будущий гражданин, по достижении им известного возраста, начинает принадлежать государству, которое и воспитывает его в строгом сознании национального единства всех немцев» [6, с. 21]. П. В. Веревкин видел в культурном развитии народных масс, охваченных обязательным начальным обучением, залог стойкости существующего политического и правового порядка, препятствие для анархии и революционно-террористического движения. Проникновение антиправительственной пропаганды в Россию он объяснял тем, что народ темен и поддается «наущению злонамеренных людей, нагло его обманывающих». Освоение молодежью в начальной школе чтения и письма на государственном языке, по мнению П. В. Веревкина, крайне необходимо на окраинах, равно как и воспитание в духе приверженности престолу и единения с государством [6, с. 21].

Некоторые участники обсуждения высказывали справедливые опасения относительно своевременности введения обязательного посещения школ в условиях их недостаточного количества и дальнего расположения от места жительства детей. Находились и категорические противники расширения доступа народа к образованию, как, например, князь Святополк-Четвертинский, который заявлял, что образование должно быть доступно обеспеченным классам, а для работника в имениях или крестьянина, обрабатывающего свою землю, важна способность к физическому труду, а не образованность. В противоположность Веревкину, с введением обязательного образования или с расширением доступа в школы массы народа, он связывал опасность государственного переворота, социальной революции и анархии [6, с. 31–32]. Стоит отметить, что подобная точка зрения являлась исключением из правил.

Весьма продуманную и прагматичную позицию высказал П. А. Столыпин, который являлся Гродненским губернатором и возглавлял губернский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности [7, с. 24–31]. По его мнению, на момент обсуждения постановка вопроса об обязательности посещения школ являлась преждевременной, но в последующем необходимость данного шага станет понятной для каждого позитивно и здраво мыслящего человека. В качестве главной задачи школы он выделял обучение знанию государственного языка и воспитание русских граждан [6, с. 31].

Большинство местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности высказались за всеобщее обязательное обучение, однако только некоторые из них подошли предметно к обсуждению жизненно важного вопроса об источниках для его осуществления. В основном же начальную

школу участники обсуждения считали делом общегосударственной значимости, потому рекомендовали выделять средства для ее содержания только из государственных бюджетных источников [4, с. 403]. Стоит отметить, что объем государственного финансирования начального образования в Северо-Западном крае и так был немалым, поскольку правильная постановка начального обучения считалась здесь одной из приоритетных задач образовательной политики. Неслучайно министр народного просвещения Н. П. Боголепов обращал внимание на более высокий уровень начального образования в этом регионе, чем в центре страны [8, с. 163–164]. Определенный уклон в сторону финансирования школьного дела на окраинах дал основание некоторым представителям государственной власти напоминать о необходимости более равномерного распределения ресурсов, с учетом интересов губерний «с коренным русским населением» [9, с. 114].

Как можно видеть, в процессе общественного обсуждения высказывались только наиболее общие пожелания относительно всеобщего начального обучения. Государственной же властью на рубеже веков были сделаны уже первые шаги в данном направлении. Министерство народного просвещения изменило характер своей региональной политики и структуру расходов на начальное образование, предприняло попытку соотнести государственное финансирование с численностью населения различных округов, поставить распределение новых средств в зависимость от удельного веса детей школьного возраста, оставшихся без образования [8, с. 165]. Равномерное распределение начальных учебных заведений по территории белорусских губерний стало объектом пристального внимания представителей местной государственной власти. В отчете Гродненского губернатора за 1901 г. указывалось на недостаточное количество в губернии начальных школ, случайное распределение школ по губернии «без заранее выработанного плана». Губернатор отмечал, что «некоторые селения очень удалены от школ, а в других наряду с Министерским училищем функционирует церковно-приходская школа, между тем правильное развитие русской школы в Северо-Западном крае имеет существенно важное значение в общегосударственных интересах» [10, с. 264]. Планомерное развитие сети учебных заведений рассматривалось в качестве основы для введения всеобщего начального образования и решения стратегических задач правительственной политики в регионе.

В фокусе внимания общественного мнения и органов государственной власти также находилась чрезвычайно важная проблема единства управления начальным образованием. Как известно, начальные учебные заведения подчинялись Министерству народного просвещения и Ведомству православного исповедания (так называемые министерские и церковно-приходские школы). Функционирование двух систем начального образования позволяло государству более гибко решать разные задачи социально-политического характера, используя возможности то светской, то церковной школы.

На рубеже XIX–XX вв. сеть церковных школ в Беларуси достигла наивысшего развития. Приоритетное открытие таких школ со стороны правитель-

ственных структур диктовалось соображениями политического, религиозного и финансового характера. В местностях со смешанным населениям эти школы добровольно посещали дети католиков, воспитание которых в православной церковной традиции способствовало формированию терпимости к православию и усвоению основ русской культуры белорусами, которые жили в польской католической традиции [11, с. 147].

В общественном мнении, выраженном представителями белорусских губерний, настойчиво повторялась мысль о том, что все начальные общеобразовательные школы должны принадлежать к одному типу министерского учебного заведения. Отмечалось более высокое качество обучения в министерских школах, подчеркивалась возможность и желательность религиозно-нравственного воспитания юношества в школах светского типа. О преимуществах министерских школ говорили даже представители Гродненской и Могилевской губерний, в которых церковно-приходские школы были весьма широко распространены и хорошо организованы [5, с. 100; 6, с. 16].

Многие участники Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности настаивали на передаче управления народными школами в руки выборного земства. Вместе с тем раздавались и обоснованные возражения относительно данного предложения, так как по количеству школ и постановке народного образования Минская и Гродненская губернии ничуть не уступали земским губерниям [6, с. 31].

Неудовлетворенность результатами управленческой деятельности Министерства народного просвещения и Ведомства православного исповедания в области начального образования привели Могилевский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности к нестандартному заключению о желательности передачи всех начальных школ в ведение Министерства земледелия [4, с. 402]. Заключение, которое представлялось участникам обсуждения в виде оригинальной, прорывной идеи, на самом деле уже было апробировано в первоначальный период деятельности Министерства государственных имуществ, когда оно руководило начальным образованием государственных крестьян. В условиях начала XX в. возвращение к этому раннему опыту выглядело как анахронизм и вызвало справедливую критику, поскольку под управлением Министерства земледелия общее начальное образование неизбежно приобрело бы профессиональный характер, что создало бы препятствия общему просвещению народа [5, с. 99].

Как свидетельствуют факты, местная общественность основной акцент делала на недостатках церковно-приходских школ, выступала за избавление народного просвещения от опеки православной церкви, настойчиво рекомендовала объединение всех школ в ведомстве народного просвещения. Стоит отметить, что позиция представителей региона по этому вопросу приближалась к взглядам либеральной общественности коренных русских губерний, но выражалась более отчетливо.

Негативное отношение к церковным школам со стороны многочисленных представителей местного общества заставляло учебное начальство действовать с оглядкой на общественное мнение, вносить коррективы в обра-

зовательную политику. Некоторые управленцы осознавали необходимость отказа от использования православия в качестве инструмента русификации западных окраин, понимая, что это может дестабилизировать ситуацию в регионе [12, с. 156]. Так, Виленский генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский настаивал на добровольном характере поступления детей неправославного вероисповедания в церковно-приходские школы, скептически относился к возможностям православной церкви в сфере образования, говорил о недостаточном внимании ведомства православного исповедания к качеству образования в собственных школах [12, с. 159–160]. С 1902 по 1904 г. в Виленском учебном округе впервые с начала 1890-х гг. министерских школ открылось больше, чем церковно-приходских школ и школ грамоты. Виленский генерал-губернатор А. А. Фрезе также высказывался за приоритет министерских училищ перед церковными [11, с. 155].

Еще одним важным аспектом деятельности системы начального образования на рубеже XIX–XX вв., нашедшим отражение в свете общественного мнения, являлась проблема использования возможностей начальных общеобразовательных учебных заведений для распространения профессиональных знаний [4, с. 403]. Например, Оршанский уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности высказывал предложение о распространении среди крестьян кустарных промыслов и ремесел посредством передвижных ремесленных школ и ремесленных отделений при народных школах [13, с. 368]. Во время обсуждения неоднократно повторялась мысль о введении в курс начальной школы садоводства, огородничества и пчеловодства. Звучал также призыв вовлекать в дело распространения сельскохозяйственных знаний народных учителей, которые могли разводить школьные сады, создавать пасеки, распространять культуру ивняка и производство корзин. Слонимский уездный комитет высказал пожелание о наделении народных учителей участками земли в размере 20 десятин, чтобы они могли демонстрировать крестьянам передовые способы ведения сельского хозяйства [6, с. 17].

Среди участников местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности находились и противники введения профессиональных знаний в курс начальных школ. Они полагали, что никакие специальные знания не привьются в среде, которая низко стоит по уровню своего развития, поэтому не стоит тратить силы и энергию общеобразовательной школы на преподавание основ агрономической науки и ремесел. В докладе одного члена комитета Пинского уезда указывалось на бесполезность таких экспериментов, отнимающих время, необходимое для изучения школьной программы [4, с. 403].

Тем не менее, противники введения профессиональных знаний оставались в меньшинстве, так как большинство комитетов высказало пожелание включить курс сельского хозяйства в программу обучения, а в ряде случаев обсуждение вопросов народного образования свелось только к этому аспекту. Несколько более настойчивое, чем в других регионах, требование введения преподавания основ сельского хозяйства и полезных в сельском быту ремесел составило специфику воззрений на проблемы образования комитетов

белорусских губерний [4, с. 403–404]. В целом же, высказанные предложения не отличались особенной новизной, шли в русле мероприятий, которые проводились в данном направлении государственной властью.

В заключение необходимо подчеркнуть, что на рубеже XIX–XX вв. общественный запрос в сфере народного образования просматривается достаточно отчетливо – это введение всеобщего начального образования и достижение единства управления начальной общеобразовательной школы. Интересы власти и общества в сфере начального образования совпадали лишь частично, а характер государственно-общественных отношений можно определить как скрытое противостояние. Общественное мнение формулировали наиболее социально активные представители населения белорусских губерний, в том числе сторонники либеральных воззрений, настроенные оппозиционно по отношению к правительству. Они заостряли внимание на недостатках и противоречиях образовательного процесса, стремились к перехвату инициативы у государственной власти, высказывали намерение развивать образование в духе, желательном для местного общества, но за государственные средства. В общественном мнении нередко высказывались поверхностные суждения, выдвигались инициативы, которые не отличались глубокой проработкой. Свойственное для центральных губерний Российской империи противостояние власти и общества по вопросу о церковно-приходских школах в белорусском регионе приобрело более ярко выраженный характер.

В то же время в процессе общественного обсуждения происходило определенное сближение, сглаживание некоторых противоречий власти и общества. Если в предшествующий период государство порой слишком резко и прямолинейно проводило свою линию в области начального образования, то в начале XX в. наиболее дальновидные представители государственной власти осознали необходимость осуществления гибкой и осторожной образовательной политики в регионе. Приобщение местного населения к русской культуре и государственности они намеревались осуществлять посредством министерской, а не церковной школы. Государство постоянно наращивало объем средств на нужды начального образования, сумело обеспечить в целом высокие темпы его развития.

Список использованных источников

1. *Аллагулов, А. М.* Влияние педагогической науки на становление образовательной политики в России во второй половине XIX–начале XX века: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / А. М. Аллагулов; Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург, 2013. – 49 с.

2. *Богуславский, М. В.* Очерки истории отечественного образования XIX–XX веков / М. В. Богуславский. – М.: Изд-во Московского Культурологического лицея № 1310, 2002. – 96 с.

3. *Миронов, Б. Н.* Политика versus истина: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902–1905 гг. / Б. Н. Миронов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2008. – Вып. 1. – С. 8–30.

4. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сборник статей. Т. I. – СПб.: Типография Спб. Акц. общ. «Слово», 1904. – 499 с.

5. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXII. Могилевская губерния. – СПб.: Государственная типография, 1903. – V, 167 с.

6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XI. Гродненская губерния. – СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1903. – V, 544 с.

7. *Черепица, В. Н.* …Не потерять связующую нить: История Гродненщины XIX – XX столетий в событиях, лицах (исследования, документы, комментарии): монография / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 420 с.

8. Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х –1930-е годы). – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 163.

9. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 15. Царствование государя императора Николая II. 1897–1898 годы. – СПб: типография Товарищества «Общественная польза», 1902. – 2110, 30, 66 стб.

10. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900–1917). – Минск: Издательство АН СССР, 1953. – Т. 3. – 1020 с.

11. *Бендин, А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914) / А. Ю. Бендин. – Минск: Белорусский государственный университет, 1010. – 439 с.

12. *Крот, М. Н.* Виленский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский и проблема «церковно-приходской русификации» Северо-Западного края Российской империи в начале XX века / М. Н. Крот // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сборник научных трудов / Государственное учреждение образования «Республиканский институт высшей школы». – 2020. – Вып. 4. – С. 149–162.

13. Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сборник статей. Т. II. – СПб.: Типография Спб. акц. общ. «Слово», 1904. – 4, IV, 2, 656 с.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК 37.011.3-051(476) “1860/1917”

ОБРАЗ УЧИТЕЛЯ БЕЛАРУСИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

Острога В. М.
Белорусский государственный технологический университет,
Минск, Беларусь

В статье рассматривается отражение образа учителя Беларуси в общественном сознании второй половины XIX – начала XX вв. В центе внимания автора анализ оригинальных представлений и чувств, которыми руководствовались современники в повседневной жизни в отношении школы и ее педагога. Находят отражение как обоснованные взгляды и суждения, так и высказанные стихийно, продиктованные жизненным опытом. Анализ различных источников, в первую очередь, материалов педагогической журналистики, позволяет сделать вывод, что пестрота позиций во многом была обусловлена различным социальным положением многочисленных слоев населения, отличием их ценностей и жизненных интересов.

Ключевые слова: общественное сознание; учительство; педагогическая среда; учебное заведение; социальные слои населения; педагогическая профессия.

THE IMAGE OF A TEACHER IN BELARUS IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS (SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURIES)

Ostroga V. M.
Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

The article deals with the reflection of the image of a Belarusian teacher in the public consciousness of the second half of the 19th – early 20th centuries. The author focuses on the analysis of original ideas and feelings that guided contemporaries in everyday life in relation to the school and its teacher. Both well-grounded views and judgments are reflected, as well as those expressed spontaneously, dictated by life experience. An analysis of various sources, primarily materials of pedagogical journalism, allows us to conclude that the diversity of positions was largely due to the different social status of numerous segments of the population, the difference in their values and vital interests.

Keywords: public consciousness; teaching; pedagogical environment; educational institution; social strata of the population; teaching profession.

Человеческое общение всегда получает психологическую окраску, к какой бы сфере социальной деятельности оно ни относилось. Поэтому процессы, которые происходят в духовной жизни общества, составляют одно из измерений исторического процесса в целом. Человеческое сознание есть «общественный продукт», оно вырабатывается обществом в целом и неотделимо

от многогранной деятельности людей, поэтому его содержание и формы составляют важную часть общественной жизни. Мировоззрение исторически обусловлено: «способность организовать поток впечатлений в связанную картину не дана человеку генетически, эта картина мира в каждую историческую эпоху и в рамках той или иной человеческой общности определяется культурой, присущей данной общности и эпохе» [1, с. 385]. Носителями определенных форм общественного сознания являются широкие слои и группы, занимающие различное место в социальной структуре, что детерминирует идеологические установки, ценности, образцы и нормы поведения.

Общественное сознание тогдашнего населения (как городского, так и сельского) логически вплеталось в основу социальной практики, выполняя посреднические функции между реальными условиями жизни различных социальных групп и непосредственными действиями, направленными на их трансформацию. В процессе жизни и профессиональной деятельности образовывались многочисленные коммуникативные и информационные системы, формировался определенный социально-психологический климат, запросы и общественные потребности. В данном случае в качестве определяющих факторов в формировании образа педагога в общественном сознании выступали: социальный статус учителя (правовая защищенность и материальная обеспеченность), устоявшиеся взгляды и требования к «идеальному труженику на ниве народного образования», а также изображение представителей данной профессии на страницах периодической печати, в первую очередь, педагогической журналистики, и в беллетристике. Этот образ не всегда был обоснован, страдал своей узостью и односторонностью.

В основе динамики взглядов и настроений социума находились, как правило, противоречивая социально-политическая, экономическая и культурная ситуация рубежа XIX – XX вв., наполненная коллизиями и требовавшая незамедлительной реакции на изменения существующего бытия. В этих условиях традиционно сложившиеся нормы и стереотипы теряли актуальность, начинали эволюционировать и постепенно переосмысливаться. Под влиянием развернувшегося общественно-политического движения происходила политизация массового сознания, рост которого выражался не только в изменении отношения к политической системе и институтам власти, но и в осознании своих интересов и потребностей, формировании гражданской позиции. Необходимость модернизации охватывала широкий круг социальных проблем, которые прежде не имели политической окраски и находились за пределами сферы власти.

Образовательная политика царского правительства характеризовалась не только двойственностью и непоследовательностью, но и высокой степенью реакционности. В руках самодержавия просвещение являлось важным средством социального регулирования и контроля. В соответствии с политико-идеологическими целями существовавшая нормативно-правовая база формировала модель «идеального» труженика школы: преданного церкви и престолу, толерантного, скромного, незаметного и послушного, который в процессе своей профессиональной деятельности проводил бы официаль-

ный курс путем выполнения фиксированных функциональных обязанностей. Следует отметить, что не являлись особой преградой для замещения должности учителя «неглубокие и скромные научные знания». Законом определялись границы возможного и должного поведения, регламентировалось отношение к государственным органам власти, непосредственно чиновникам министерства просвещения и местному населению. Педагогам внушалось, что «учебное начальство смотрит на них не как на обыкновенных учителей русской грамоты, но как на самых действенных проводников русских идей, русского образования в народе» [2, с. 21].

Такая установка реализовывалась в педагогических учреждениях, которые начали возникать на территории Беларуси во второй половине XIX в. Так, многие деятели народного образования откровенно приписывали учительским семинариям большое влияние в «в размножении такого типа учителя-чиновника, который все более и более вытесняет из народной школы тип идейного учителя, хотя может быть и с меньшей технической подготовкой, но с гораздо более широким уровнем общего образования и с неизмеримо большим запасом любви и горячего отношения к делу» [3, с. 46]. Министерские же инструкции и другие нормативные акты четко регламентировали объем и методы преподавания, заранее ограничивали тягу учащихся к науке. Основное внимание обращалось не на воспитание творческого отношения к труду, усвоение теоретических знаний и практических навыков, а на «политическую и нравственную благонадежность» и непосредственную ремесленную выучку.

Параллельно «радикалы 1860-х гг.» хотели создать «нового человека»: практичного, свободного от предвзятых религиозных и философских мнений; «беззаветно преданного слуги общества и борца за справедливую жизнь». Интеллигенции, в их понимании, суждено было сыграть судьбоносную роль «основной движущей силы общественного прогресса». М. Бакунин, П. Лавров и другие теоретики народнического движения призывали «разорвать с умирающим миром», отправляться в деревню и «нести туда знамя незамедлительного бунта». Искрой для освободительного «пожара» должна была стать революционная агитация, которую планировалось проводить и народному учительству. Таким образом, интеллигенция представляла собой «острие исторического клина, позади которого следовали массы» [4, с. 363–364]. В течение всего рассматриваемого периода в среде профессиональных революционеров-теоретиков и их политических объединений приветствовались кадры учителей-«идеалистов», решительных, твердых и несгибаемых борцов против царизма, во многом «жертвенных личностей», вдохновленных идеями освобождения народа. Вместе с тем, достаточно большой отряд демократически настроенной интеллигенции внес свой достойный вклад в историю освободительного движения XIX–XX вв.

Учительство отличало пестрота взглядов и идей в силу ее социальной неоднородности, зависела от таких факторов, как статус соответствующего учебного заведения и общественное положение самого учителя. С одной стороны, учитель аристократической школы, обеспеченный учитель мужской

казенной гимназии и, со второй, «илот» частной женской гимназии. Учитель богатого коммерческого училища и городской учитель высшего начального училища, учитель земской и церковной школы, – все это люди с различными политическими убеждениями. Поэтому «если учительство начальной школы еще может объединиться на радикально-демократической программе, то политические выступления учителей средней школы обычно сопровождаются расколом» [5, с. 6]. Преподавателям было запрещено вступать в корпорации, союзы и партии (власть одобряла только одну партию – «Союз русского народа»). Школа и ее учитель находились под самым бдительным наблюдением не только руководства учебного округа, но еще церкви и полиции. В силу политики руссификации края «национальное чувство учителя… было сильно задушено». Чужими для белорусского учительства являлись идеи монархической формы правления, поэтому многие мечтали «о других временах, когда дадут трудящимся права гражданства, а, возможно, и республиканский строй» [6, с. 138].

Религиозное и духовно-нравственное воспитание, которое отчетливо проявлялось в учебных заведениях ведомства Св. Синода, находило должное отражение и в учебном процессе светской школы. Под влиянием общественно-политической ситуации шло усиление монархического воспитания. Вместе с тем многие требования и установки учебного начальства постепенно эволюционировали от слишком жестких и откровенных к более мягким и завуалированным. «Благонадежность», «усердие» и «прилежание» являлись главными критериями, по которым оценивались профессионализм учителя и его готовность занимать педагогическую должность. Характеристики «начальствующих и учащих» того периода содержат в себе такие выражения, как «кротость украшает его достоинства», «способен и прилежен», «достоин внимания начальства по своему терпению», человек «опытного благоразумия и правильного характера», «рассудителен», «тихий и страдательный» и др. Несомненно, в руководителе и учителе ценились также «набожность» и «доброрасположение» к начальству [7, с. 102–103].

Современники отмечали, что профессия педагога «не дает размаха и простора для сильного таланта», «не судит не только богатства, но даже мало-мальской обеспеченности», «не ведет к славе и известности», о которой мечтали честолюбивые люди. Она не давала так называемого «положения» в обществе, власти и почета, не сулила карьеры и возвышения. Большинство считало, что для рядовой учительской работы, где добросовестный и упорный труд, специальные знания и умения, постоянное и ровное напряжение энергии, самообладание, выдержка играли гораздо большую роль, чем «быстрые талантливые проникновения или блестящее идейное творчество». Для них было очевидно, что данная профессия – «неподходящая арена и для людей с большой инициативой, с организаторскими талантами, способных к широким замыслам». «В педагогической среде господствует сухость и черствость, преобладает мрачное и подавленное настроение, постоянно раздаются унылые жалобы, выражается недовольство… В атмосфере всеобщего недоверия, подозрительности, мелочной придирчивости и требовательно-

сти, в атмосфере непопулярных предписаний немыслима бодрая, энергичная, радостная работа» [8, с. 65, 101].

Со второй стороны, общество и родители нередко предъявляли к учителям слишком высокие требования, забывая, что учительская корпорация не могла состоять из идеальных людей. В ней, как и в среде представителей других профессий, встречались сотрудники различного уровня профессиональной подготовки и нравственных качеств. Среди учителей было немало случайных, неподготовленных, рутинно относившихся к своим обязанностям людей. Здесь, как в зеркале, отражались недочеты власти и самого общества, определивших социальный статус учительства. В общественной мысли учителя делились на две категории: 1. людей, преданных идее служения народу, подвижников с «геройским терпением» и 2. «людей, ни к чему не подготовленных, которым некуда деваться, людей рабски покорных пред всяким подобием власти» [9, с. 136–137]. Еще в первой половине XIX в. студентов «за плохие успехи и дурное поведение» наказывали назначением в народные учителя, что являлось далеко нее самой адекватной мерой наказания. Последние только дискредитировали школу, разрушали доверие к ней общества. Поэтому такие деятели считались не только бесполезными, но и вредными на ниве народного образования.

В условиях самодержавия «глубоко ненормальными были и взаимные отношения родителей и педагогов». Порой они представляли «два враждебных стана»: с одной стороны, недоверие семьи к школе и ее учителю, ибо «цепкая традиция прошлого крепка», со второй стороны, и сама семья «слишком косна и индифферентна к школе, к сознательному к ней отношению». «Вражда должна перейти в естественное сотрудничество» [10, с. 68]. Современники справедливо замечали, что общество, прежде, чем потребовать от учителя, чтобы он с достоинством «стоял на высоте своего назначения», нравственно должно было обеспечить соответствующее социальное положение – материальную обеспеченность и правовую защищенность.

Как видно, в процессе становление профессии педагога закладывалось достаточно примирительное отношение общества к его социальному статусу – учительство рассматривалось как социально ущемленная группа, которая совершает «подвиг собственного самоотречения». Известные педагоги и общественные деятели обнажают проблему, описывая типичный портрет учителя. «Это тот чиновник с кипой тетрадок под мышкой, который так целиком вошел в дарованный ему синий футляр, что даже на улице не расстается с кокардой и торчащей у бока шпагой?». «Это тот раб, молчаливый и покорный, исполнитель директорских приказаний, который на так называемых педагогических советах не смеет слова свободного сказать и только послушно подписывает все, что ему подсунут в протоколах?». «Это тот самый человек, которому каждый считает себя в праве давать наставления, как ему сидеть или стоять в классе и как учить детей, ибо каждый у нас, кто умеет родить детей, уже считает себя на этом основании прирожденным педагогом?». Да. Это тот человек. Со страниц педагогической печати набатом звучали призывы изменить «жертвенное к себе отношение»: «Поверьте же, наконец, в че-

ловека, в силы и способности его души, поучитесь прежде всего уважать его труд и достоинство – и вы увидите, как вместо читателя тетрадок перед вами вдруг встанет живая человеческая душа. Встанет, и как все живое, потянется к свету, начнет в живом взаимодействии с вашими детьми творческое дело жизни» [11, с. 89].

Нельзя не согласиться с точкой зрения, что авторитетность педагогической корпорации перед обществом возможна лишь при ее автономности. Будучи орудием в чужих руках, она совершенно «бессильна импонировать общественному мнению и, в конце концов, сознанию учеников» [12, с. 278]. Представители передовой мысли не один раз заявляли, что воспитание подрастающего поколения должно осуществляться «при полном свете и просторе», в атмосфере умственной, нравственной и общественной правды, взаимного доверия учителей, учеников и семьи. Образовательная среда средней школы, понизанная строгой регламентацией и зубрежкой, порождала тип черствого, бездушного учителя, строгого и требовательного надзирателя, который формально относился и к своим служебным обязанностям, и к ученикам. Последние мечтали «видеть в учителе не строгого дядьку, а скорее старшего брата или друга, у которого можно найти посильный ответ на все волнующее молодые души», чтобы в школе учителями были «живые люди, признающие человеческое достоинство и в учащихся» [13, с. 153].

В начале XX в. подходы к учительству несколько изменились. В официальных материалах отмечалось, что государство ищет честных и знающих работников, людей силы и инициативы, способных видеть в своей маленькой скромной обязанности, какую им поручает государство, «частицу великого общественного и государственного дела и в исполнении его воодушевляться этим великим сознанием» [14, с. 12].

Назревшая трансформация общества требовала весьма серьезной перестройки сознания, в первую очередь, экономического и социального мышления, освобождения от обременительных пут устаревших представлений, привычек и традиций. «Состояние сознания – это еще и свидетельство, знак, сигнал того, насколько укоренились в бытии людей устои и принципы данного общественного жизнеустройства и каковы реальные успехи преобразовательной деятельности масс» [15, с. 5]. В период революционных событий 1917 г. некоторые учителя – «наблюдатели, скептики, испугавшиеся», по присущей им «психике обывателей, привыкших занимать положение созерцателей, пассивных критиков» во всем пытались отыскать «компрометирующие, отрицательные стороны». Среди народных учителей, которые возлагали большие надежды на буржуазно-демократические революции, наблюдалось разочарование, упадничество, неверие в социальный прогресс и способности народа, свои собственные силы и возможности. Но все громче звучал призыв: «Мы ответственны за дело школы, за судьбы детей, отданных под наше руководительство. В нашей организованной воле мысль, идеалы юношества. В нашей организованной воле судьбы культурной родины» [16, с. 34].

Таким образом, в общественном сознании, с учетом его сложности, противоречивости, конфликтности проявлялись устойчивые тенденции, свидетельствовавшие о состоянии общественной мысли, о степени ее проникновения в глубины социального бытия. От идейно-политических ориентаций, нравственных убеждений, социально-экономических интересов представителей «интеллигентного мира» – учителей – во многом зависел процесс модернизации общества. Проблема специфического состояния и практического функционирования общественного сознания выступала как проблема общественной активности самого человека, выражения его желания и способности вмешиваться в жизнь, реально воздействовать на ход событий. И справедливо отмечали современники, что, «ни хорошие уставы, ни целесообразные программы, ни избыток материальных средств – ничего не может заменить одухотворяющего начала школы – учителя. При всех своих образовательных средствах школа останется мертвой, если душа ее – учитель не будет сам согрет дыханием новой жизни» [17, с. 99]. Но новые идеалы воспитания могли быть рождены только «в недрах истинной внутренней свободы». А для этого нужны были мужество и настойчивость учителя, сила и выносливость, «здравый смысл, сильная воли и широта взглядов, оружие ума и души», что предполагало «другое социально-экономическое основание и иной общественный строй» [18, с. 14].

Список использованных источников

1. *Гуревич, А. Я.* Социальная психология и история. Источниковедческий аспект / А. Я. Гуревич // Источниковедение. Теоретические и методические проблемы / Ред. коллегия: С. О. Шмидт (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1969. – С. 384–426.

2. *Белецкий, А. В.* Сороколетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России / А. В. Белецкий. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1905. – 64 с.

3. Ф. Ч. Какие нам нужны учительские семинарии? // Вестник воспитания. – 1900. – № 7. – С. 43–72.

4. *Пайпс, Р. Э.* Россия при старом режиме / Р. Э. Пайпс. – Кембридж, Массачусетс, 1980. – 435 с.

5. *Блонский, П.* Как организовываться русскому учительству? / П. Блонский // Вестник воспитания. – 1917. – № 4/5. – С. 1–26.

6. *Троська, Я.* Некаторыя моманты з дарэвалюцыйнае асьветы на тэрыторыі сучаснае Магілёўшчыны / Я. Троська // Полымя. – 1926. – № 1. – С. 128–141.

7. *Каменев, С. А.* Церковь и просвещение в России / С. А. Каменев. – М.: Атеист, 1929. – 162 с.

8. *Роков, Г.* Проблемы учительства / Г. Роков // Русская школа. – 1914. – № 6. – С. 61–103.

9. М. В-нъ. Народный учитель – его значение и положение // Русская школа. – 1907. – № 7–8. – С. 126–139.

10. Первый Всероссийский съезд родительских организаций // Вестник воспитания. – 1917. – № 6/7. – С 58–77.

11. *Сиротинин, А.* Два типа учителя / А. Сиротинин // Вестник воспитания. – 1917. – № 8/9. – С. 62–91.

12. *Знаменский, С. Ф.* Средняя школа за последние годы. Ученические волнения 1905–1906 г. и их значение / С. Ф. Знаменский. – СПб.: тип. Б. М. Вольфа, 1909. – 294 с.

13. *Алешинцев, И.* Хорошие и плохие учителя, по мнению учащихся в средней школе / И. Алешинцев // Русская школа. – 1907. – № 3. – С. 143–155.

14. Материалы по организации школьного обучения на началах научной педагогики. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. – 79 с.

15. Общественное сознание и его формы / В. И. Толстых [и др.]. – М.: Политиздат, 1986. – 366 с.

16. *Васильков, П. Н.* Ученические организации / П. Н. Васильков // Русская школа. – 1917. – № 8. – С. 24–35.

17. *Губкин, И.* Образовательная и педагогическая подготовка народного учителя / И. Губкин // Русская школа. – 1906. – № 4. – С. 98–110.

18. *Тулупов, Н.* Вопросы народного образования в программах социалистических партий / Н. Тулупов // Для народного учителя / под ред. Н. В. Тулупова. – М.: Тов-во И. Д. Сытина, 1907. – 20 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 271.2(476.5)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИТЕБСКОГО СВЯТО-ВЛАДИМИРСКОГО БРАТСТВА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Восович С. М.
Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь

До 1905 г. издательская деятельность Витебского братского союза в основном ограничивалась регулярным печатанием ежегодных братских отчетов и отчетов состоявшего при братстве противораскольнического комитета. Временами братством издавались книги, брошюры и листки миссионерского, религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания. С 1905 г. издательская деятельность братства значительно расширилась. Вначале братство приступило к регулярному выпуску народных листков и брошюр, направленных против революционной пропаганды и содействовавших религиозно-нравственному просвещению народа. В декабре 1905 г. в ведение братства поступили «Полоцкие епархиальные ведомости». Благодаря братской поддержке местные епархиальные ведомости не только стали издаваться с 1907 г. еженедельно, но и стали более интересными и полезными, особенно для пастырей церкви. Вся издательская деятельность Витебского Свято-Владимирского братского союза была направлена на укрепление позиций Русской православной церкви в Полоцкой епархии.

Ключевые слова: Витебское Свято-Владимирское братство; издательская деятельность.

TRANSFORMATION OF THE PUBLISHING ACTIVITY OF THE VITEBSK ST. VLADIMIR BROTHERHOOD IN THE LATE 19th – EARLY 20th CENTURY

Vosovich S. M.
Brest State Technical University, Brest, Belarus

Before 1905, the publishing activities of the Vitebsk brotherhood union was mainly limited to the regular printing of annual fraternal reports and accounts of the anti-schismatic brotherhood committee. At times, the brotherhood published books, pamphlets and leaflets of missionary, religious-moral and church-historical content. Since 1905, the publishing activities of the brotherhood had significantly expanded. At first, the brotherhood began to regularly issue public leaflets and pamphlets directed against revolutionary propaganda and promoting the religious-moral enlightenment of the people. In December 1905, the «Polotsk Diocesan Gazette» came under the jurisdiction of the brotherhood. Thanks to fraternal support, the local diocesan gazette not only began to be published weekly since 1907, but also became more interesting and useful, especially for the pastors of the church. All publishing activities of the Vitebsk St. Vladimir brotherhood union were aimed at strengthening the positions of the Russian Orthodox Church in the Diocese of Polotsk.

Keywords: Vitebsk St. Vladimir Brotherhood; publishing activities.

До 1905 г. издательская деятельность Витебского Свято-Владимирского братства в основном ограничивалась регулярным печатанием ежегодных братских отчетов и отчетов состоявшего при братстве противораскольнического комитета. На средства братства в Витебской губернской типографии издавались также новые братские уставы, объявления о предстоящих религиозно-нравственных чтениях и собеседованиях со старообрядцами, приглашения на общие годичные собрания, бланки для различных братских ведомостей.

Помимо деловой и отчетной документации братское объединение занималось изданием книг, брошюр и листков миссионерского, религиозно-нравственного и церковно-исторического содержания. Но такой вид издательской деятельности носил до 1905 г. чуть ли не случайный характер.

В 1889 г. Свято-Владимирское епархиальное братство издало на свои средства 10 тыс. экземпляров брошюры А. П. Сапунова «Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX века» для бесплатной раздачи народу. В 1894–1895 гг. братство занималось изданием миссионерских листков, составленных председателем противораскольнического комитета И. Т. Никифоровским. В 1894 г. было выпущено 6 номеров противораскольнических листков каждый тиражом в 2 тыс. экземпляров, то есть всего 12 тыс. экземпляров, а в 1895 г. – всего два номера, каждый тиражом также в 2 тыс. экземпляров, то есть всего 4 тыс. экземпляров [1, с. 22; 2, с. 33].

15 марта 1895 г. общее братское собрание после предложения архимандрита Климента постановило расширить издательскую деятельность братства. Но данное постановление так и не было реализовано до конца XIX в. Возможно, на это повлиял перевод архимандрита Климента на новое место службы. Тем не менее братство в отдельные годы издавало брошюры и книги духовного, научно-популярного и литературного характера. В 1897 г. братство выпустило на свои средства брошюру (оттиск из «Полоцких епархиальных ведомостей») под названием «О таинстве св. причащения» и 100 экземпляров программы церковно-исторического и статистического описания церквей епархии. В 1899 г. указанным братским союзом была издана книга Д. И. Довгялло и Н. Я. Никифоровского «Описание предметов древности, поступивших в Витебское епархиальное древлехранилище по ноябрь 1897 г.» и «Список церквей Витебской губернии с адресами», составленный Д. И. Довгялло [3, с. 19, 21]. В 1900 г. братский совет напечатал в Витебской губернской типографии 5 тыс. экземпляров брошюры протоиерея Харьковской епархии В. Попова «Четыре рассказа священника из жизни своих духовных детей». Издание данной брошюры обошлось братству в 160 руб. [4, с. 11].

В августе 1900 г. совет братства решил приобрести право издания всех трудов покойного преподавателя Витебской духовной семинарии И. Т. Никифоровского, посвятившего всю свою жизнь изучению русского старообрядчества. Для подготовки и издания его трудов была создана специальная комиссия из преподавателей семинарии Д. И. Довгялло, Д. Т. Никифоровского и В. В. Беляева. Комиссия должна была собрать все произведения И. Т. Никифоровского, подготовить их к изданию и после выделения необходимых

средств опубликовать. После исполнения комиссией некоторых поставленных задач братство приобрело право литературной собственности на издание трудов И. Т. Никифоровского у его родственников за 100 руб., выделенных из доходов братской лавки. А спустя некоторое время все его произведения были изданы отдельной книгой [4, с. 47].

6 декабря 1904 г. по предложению епископа Серафима общее собрание членов братства решило выделить из братских средств 300 руб. на издание «Полоцких епархиальных ведомостей». В целом, издательская деятельность братства значительно расширилась с 1905 г. Вначале она ограничивалась выпуском народных листков и брошюр, направленных против революционной пропаганды и содействовавших религиозно-нравственному просвещению народа, «развитию и укреплению истинного патриотизма и гражданского долга» [5, с. 389]. Изданием листков, способствовавших укреплению в народе веры и благочестия, заведовала специальная комиссия. Первоначально в ее состав входили назначенные полоцким епископом Серафимом 10 марта 1905 г. следующие лица: председатель совета братства протоиерей А. Матюшенский, священник В. Серебреников (работал в комиссии до 1908 г.) и два редактора «Полоцких епархиальных ведомостей» – Д. Н. Никифоровский и В. В. Беляев. Вскоре В. В. Беляев и Д. Н. Никифоровский были переведены на новое место службы, а издательская комиссия пополнилась новыми членами: секретарем местной духовной консистории М. Г. Поповым, секретарем казенной палаты В. А. Кирилловым (работал в комиссии до 1907 г.) и казначеем братства священником Ф. Шеховцовым. Комиссии было поручено следить за издаваемыми брошюрами и листками антирелигиозного и антиправительственного содержания, составлять в противовес им свои брошюры и листки, перепечатывать соответствовавшие местным запросам издания других братств и лиц. В результате в 1906 г. было издано отдельными листками в количестве 10 тыс. экземпляров «Слово» священника К. Вышелесского, посвященное празднику Преображения Господня, 10 тыс. экземпляров брошюры священника К. Зайца «О католической вере», 4 тыс. экземпляров проповеди Иоанна Кронштадтского по поводу ложно распространяемых слухов о его переходе в католичество [6, с. 14–15].

Оказание братством материальной помощи и сложное материальное положение редакции «Полоцких епархиальных ведомостей» подтолкнули епископа Серафима 30 апреля 1905 г. предложить братскому совету взять в свое ведение издание местных епархиальных ведомостей. Это было сделано как с целью улучшения материального положения издания полоцкого духовенства, так и ради облегчения деятельности братства по выпуску брошюр и листков, как отдельных оттисков из «Епархиальных ведомостей». Имея свое периодическое издание, Свято-Владимирское церковно-общественное объединение могло более успешно решать свои просветительские задачи.

Совет, «признавая в целях улучшения епархиальных ведомостей передачу издания их совету братства весьма желательной и делу полезной», отложил из-за отсутствия законных оснований (соответствующей статьи в своем уставе) решение данного вопроса до заседания общего братского собрания

[7, с. 903]. Правящий архиерей Полоцкой епархии не согласился с данным заключением совета и отношением от 12–31 мая распорядился передать денежные средства и имущество редакции «Полоцких епархиальных ведомостей» казначею братства. При передаче оказалось, что часть редакционных средств, хранившихся в городском банке, была похищена Шейниным, а имущество редакции (книги, журналы и газеты, получаемые на протяжении 27 лет в обмен на издания и объявления, публикуемые в «Епархиальных ведомостях») находилось в беспорядочном состоянии. Библиотекарше с большим трудом удалось выбрать из беспорядочно собранной литературы немного книг и журналов, которые могли использоваться в епархиальной библиотеке. Общее братское собрание, состоявшееся 6 декабря 1905 г., одобрило передачу в ведение братства издания местных епархиальных ведомостей [8, с. 5–6; 9, с. 34–35].

После принятия в свое ведение денежных средств и имущества редакции совет братства избрал из своих членов новый состав редакции. Редактором официальной части ведомостей был избран секретарь консистории М. Г. Попов, а неофициальной части – председатель совета кафедральный протоиерей А. Матюшенский.

Братство в 1905 г. выделило на издание «Полоцких епархиальных ведомостей» 300 руб., а в 1906 г. – 600 руб. С последнего указанного года братство стало ежегодно выделять 600 руб. на нужды редакции и издание листков для народа.

Передача местных епархиальных ведомостей Свято-Владимирскому епархиальному братству позволила «Полоцким епархиальным ведомостям» принять «характер не только официального органа, но и весьма интересного и полезного журнала, в особенности для пастырей церкви, так как только теперь оказалось возможным привлечь лучшие силы сотрудников» [6, с. 15]. Ведомости – стали журналом, который «отображал в себе жизнь и запросы епархиального духовенства и приходов в религиозно-нравственном, бытовом и историческом отношении» [5, с. 390].

Учитывая пожелания духовенства, «Полоцкие епархиальные ведомости» стали выходить с 1907 г. четыре раза в месяц. По словам одного из современников, «благодаря субсидии братства местный епархиальный орган издается еженедельно и сделался одним из лучших епархиальных органов как по объему, так и по содержанию своему; о последнем можно судить по частым перепечаткам из него статей в другие епархиальные ведомости» [10, с. 490]. Следует отметить тот факт, что братство в 1907 г. постановило с целью поощрения воспитанников местной духовной семинарии печатать в «Полоцких епархиальных ведомостях» лучшие их сочинения, которые представляли интерес для епархии и духовенства в «бытовом и научно-историческом отношении» [5, с. 390].

Братство, имея свой периодический печатный орган, в 1907 г. поддержало «Витебские губернские ведомости». По предложению епископа Серафима оно ассигновало 2 тыс. руб. на выписку этой газеты (500 экземпляров) в церковные школы и беднейшие приходы Витебской губернии [5, с. 390; 11,

с. 740]. Впоследствии Витебское братство успешно добилось у Министерства внутренних дел материальной помощи для издания неофициальной части «Витебских губернских ведомостей».

Занимаясь изданием «Полоцких епархиальных ведомостей», Витебское братство продолжало в начале XX в. издавать книги. По случаю празднования 100-летнего юбилея Витебской духовной семинарии и Витебского мужского духовного училища совет братства издал на свои средства книгу Д. И. Довгялло и юбилейные записки И. И. Щеглова «К столетию Витебского духовного училища. 1810. 30.X.1910» [12]. При этом издательская деятельность братства в 1910 г. была посвящена в основном торжественному перенесению св. мощей преподобной Евфросинии из г. Киева в г. Полоцк. Братство издало большое количество служб с акафистом Евфросинии (как старой редакции, так и новой, составленной членами совета братства священниками Д. А. Александровым и Ф. И. Борнуковым). Был выпущен также исторический путеводитель по г. Полоцку и его окрестностям, составленный И. И. Долговым. А председатель братского совета А. Матюшенский составил церемониал перенесения св. мощей от границ Витебской губернии до г. Полоцка. А в 1911 г. братство приобрело у помощника архивариуса Виленского центрального архива Д. И. Долгова за 125 руб. изданную им брошюру «Перенесение св. мощей преподобной Евфросинии, княжны полоцкой из г. Киева в г. Полоцк» с правом второго издания этой брошюры [13, с. 86].

Активной издательской деятельностью занималось не только само братство, но и отдельные братчики. Например, в 1903 г. Д. И. Довгялло издал краткие историко-статистические сведения по Полоцкой епархии под названием «Полоцкая епархия к 1903 году» [14, с. 17].

Таким образом, Витебское Свято-Владимирское епархиальное братство с самого начала своего существования занималось издательской деятельностью, которая усилилась с середины первого десятилетия XX в. Расширению этого вида деятельности способствовала передача в ведение Свято-Владимирского братства в 1905 г. «Полоцких епархиальных ведомостей». В целом, вся издательская деятельность Витебского Свято-Владимирского братского союза была направлена на укрепление позиций Русской православной церкви в Полоцкой епархии.

Список использованных источников

1. Отчет о состоянии и деятельности Витебского Свято-Владимирского братства за 1894 год (седьмой год его существования). – Витебск: губернская типография, 1895. – 66 с.

2. Отчет о состоянии и деятельности Витебского Свято-Владимирского братства за 1895 год (восьмой год его существования). – Витебск: губернская типо-литография, 1896. – 68 с.

3. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1899 год (XII-й год существования братства) // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1900. – Приложение к № 10. – С. 1–16, Приложение

к № 11. – С. 17–32, Приложение к № 12. – С. 33–48, Приложение к № 13. – С. 49–56, Приложение к № 14. – С. 57–70.

4. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1900 год (XIII-й год существования братства). – Витебск: губернская типо-литография, 1901. – 60 с.

5. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1907 год (XX год существования) // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1908. – № 37 (официальный отдел). – С. 371–378, № 38–39 (официальный отдел). – С. 384–393, № 40–41 (официальный отдел). – С. 397–403, № 42–43 (официальный отдел). – С. 408–415, № 44 (официальный отдел). – С. 420–432, № 45 (официальный отдел). – С. 437–442, № 46 (официальный отдел). – С. 450–467.

6. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Свято-Владимирского братства за 1906 год. XIX год существования. – Витебск: губернская типо-литография, 1907. – 49 с.

7. *М[атюшен]ский, А. М.* Витебское Св.-Владимирское епархиальное братство за 25 лет его существования. Краткий исторический очерк. 1887 8/ноября 1912. / А. М[атюшен]ский // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1912. – № 43 (неофициальный отдел). – С. 796–800, № 44 (неофициальный отдел). – С. 821–838, № 45 (неофициальный отдел). – С. 851–867, № 46 (неофициальный отдел). – С. 877–894, № 47 (неофициальный отдел). – С. 902–920, № 48 (неофициальный отдел). – С. 930–949, № 49 (неофициальный отдел). – С. 955–969.

8. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Свято-Владимирского братства за 1905 год. XVIII год существования // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – № 21 (официальный отдел). – Приложение. – С. 1–14, № 22 (официальный отдел). – Приложение. – С. 1–9, № 23 (официальный отдел). – С. 66–77.

9. Общее собрание Св. Владимирского братства // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1906. – № 1 (официальный отдел). – С. 32–36.

10. Наблюдатель. Пятилетие епископского служения в Полоцкой епархии его преосвященства преосвященнейшего Серафима, епископа Полоцкого и Витебского (1902 г. – 27/VI – 1907 г.) / Наблюдатель // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1907. – № 15 (неофициальный отдел). – С. 488–493.

11. Общее собрание членов Св.-Владимирского братства // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1911. – № 33 (неофициальный отдел). – С. 737–742.

12. *Щеглов, И.* К столетию Витебского духовного училища. 1810.30.X,1910. / И. Щеглов. – Витебск: губернская типография, 1911. – 52 с.

13. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1911 год (24-й год существования) // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 6 (официальный отдел). – С. 70–111.

14. Отчет о состоянии и деятельности Витебского епархиального Св.-Владимирского братства за 1903 год (XVI-й год существования братства) // Полоцкие епархиальные ведомости. – 1905. – Приложение к № 14. – С. 1–42.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 37(476)(091)“15-19”

РАЗВІЦЦЁ АДУКАЦЫІ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў XVI – ТРЭЦЯЙ ЧВЭРЦІ XVIII СТ. У ДАРЭВАЛЮЦЫЙНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ

Самусік А. Ф.
Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле разгледжаны асноўныя напрамкі навуковых даследаванняў эвалюцыі айчыннай адукацыі ў XVI – трэцяй чвэрці XVIII ст. у дарэвалюцыйны перыяд. Асобна прааналізаваны адпаведныя працы ў тагачаснай польскамоўнай і рускамоўнай гістарыяграфіі. Адзначана, што менавіта тады былі выдадзены першыя абагульняючыя даследаванні па дадзенай праблематыцы. Цэлы шэраг навукоўцаў прааналізаваў гісторыю асобных навучальных устаноў. Карысная інфармацыя была змешчана і ў кнігах, дзе школьная справа вывучалася ў сукупнасці з разглядам канфесійных пытанняў, біяграфій вядомых дзеячоў і г. д.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; адукацыя; езуіты; піяры; брацтвы; кальвіністы; базыльяне.

THE DEVELOPMENT OF EDUCATION ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE 16th – THE THIRD QUARTER OF THE 18th CENTURIES IN PREREVOLUTIONARY HISTORIOGRAPHY

Samusik A. F.
Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article considers the main directions of scientific research on the evolution of Russian education in the 16th quarter of the 18th century. in the pre-revolutionary period. The corresponding works in the then Polish-language and Russian-language historiography are analyzed separately. It is noted that it was at this time that the first generalizing studies on this issue were published. A number of scientists have analyzed the history of individual educational institutions. Useful information was also placed in books where school business was studied in conjunction with the consideration of confessional issues, biographies of famous figures, etc.

Keywords: historiography; education; jesuits; piarists; brotherhoods; calvinists; basilians.

Развіццё адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XVI – трэцяй чвэрці XVIII ст. аказала адметны ўплыў на справу фармавання светапогляду тутэйшага насельніцтва, палітычнае, сацыяльна-эканамічнае і культурнае жыццё не толькі ўласнай краіны, але і суседніх рэгіёнаў. Не дзіўна таму і тое, што яе эвалюцыя здаўна прываблівала навукоўцаў, імкнуўшыхся такім чынам больш дэталёва апісаць асобныя аспекты айчыннай гісторыі.

Так, не абыйшлі ўвагай працэс станаўлення адукацыйнай справы на тэрыторыі Беларусі езуіты, якія жадалі пашырыць у грамадстве ўласнае бачанне правамернасці сваіх прэтэнзій на манаполію ў дадзенай сферы. Згодна іх меркаванняў, менавіта належнае выхаванне тутэйшай правячай эліты здолела пераадолець негатыўныя для каталіцкай царквы вынікі пашырэння ў рэгіёне Рэфармацыі. Якраз з улікам апошняга прафесары Віленскай акадэміі В. Віюк-Каяловіч і С. Растоўскі ў кнігах па гісторыі каталіцкай царквы ў ВКЛ (1650) і Літоўскай правінцыі езуіцкага ордэну (1768) адпаведна, змясцілі каштоўную інфармацыю не толькі аб навучальных установах ордэна, але і аб супрацьстаянні ў школьнай сферы з кальвіністамі ды лютэранамі [1, с. 5–6, 59, 87, 167, 176, 303; 2, с. 6, 9–11, 14–20, 28–30, 64–65, 69, 113–115, 117–118, 121–128].

Падобнай тактыцы падкрэслівання ўласных дасягненняў у асветніцкай дзейнасці з доказам правоў на яе ажыццяўленне прытрымліваліся і прадстаўнікі іншых канфесій. У асяроддзі праваслаўных у гэтай сувязі можна ўзгадаць дапаможнік па гісторыі І. Гізеля (1674) і трактат "Права и вольности жителей, греко-восточную веру исповедающих в Польше и Литве" Г. Каніскага (1767), у пратэстантаў – агляд прывілеяў Д. Э. Яблоньскага (1708), а ў уніятаў – агіяграфічную працу І. Кульчынскага "Меналагіён базіліянскі" (1771) ды даследаванне па царкоўнай гісторыі І. Сцябельскага (1781–1783) [3, с. 4–6, 31, 37, 41–50, 64, 105, 109–131; 4, с. 61–63; 5, с. 23–26; 6, с. 535; 7, с. 133, 153–156].

Разам з тым, фактычна ўпершыню гісторыя асветы стала прадметам асобнага навуковага аналізу толькі ў часы Адукацыйнай камісіі, калі перагляду падвергліся зыходныя прынцыпы яе арганізацыі, а таму спатрэбілася глыбокае веданне вытокаў айчыннай школьнай справы, лепшых яе напрацовак у пабудове вучэбна-выхаваўчага працэсу. Аб тым, наколькі важным тады лічыўся менавіта гэты напрамак гістарычнага мінулага, сведчыць яго ўключэнне В. Скшэтускім у дапаможнік «Права палітычнае народа польскага» (1782–1784). Ён падкрэсліваў: «Здаўна вядома, што такой будзе Рэч Паспалітая, як і яе моладзь, гэты зародак Грамадзян, падрыхтаваны Адукацыяй». Сам гістарычны агляд тут распачынаўся са стварэння Кракаўскай акадэміі, далей згадвалася прыбыццё ў краіну езуітаў ды піяраў, а таксама апісваліся асветніцкія намаганні асобных манархаў [8, с. 246–255, 267–268].

Прываблівала гісторыя адукацыі і яшчэ аднаго члена Адукацыйнай камісіі – Г. Калантая. Яго даследаванне выйшла ў 1841 г. ужо пасля смерці навукоўца і было прысвечана стану асветы ў апошнія гады праўлення караля Аўгуста III (1750–1764). У гэтай кнізе аўтар правёў дэталёвы аналіз тагачасных школ усіх узроўняў (у тым ліку дысідэнцкіх), а таксама разгледзеў праблемы арганізацыі хатняга навучання ды адукацыі жанчын. Вызначаліся ім і асноўныя негатыўныя моманты ў дзейнасці езуіцкіх педагогаў – недастатковая ўвага патрыятычнаму выхаванню, нецярпімасць ды ігнараванне надзённых патрэб грамадства [9, с. 30–49, 126–130].

Менавіта кніга Г. Калантая фактычна заклала асновы польскай гістарыяграфіі ў дарэвалюцыйны перыяд, прысвечанай мінуламу асветы. Найбольш грунтоўнай працай у гэтым напрамку стала 4-томная манаграфія

Й. Лукашэвіча. Прычым пры разглядзе развіцця школьнай справы ў ВКЛ, ён выкарыстоўваў два асноўных метады даследавання. У першых трох тамах ім аналізаваліся агульныя тэндэнцыі яе эвалюцыі і паступовая трансфармацыя вучэбна-выхаваўчага працэсу. Чацвёрты том быў напісаны ў выглядзе даведніка з апісаннем гісторыі асобных школ Рэчы Паспалітай. Усяго тут была змешчана інфармацыя аб 142 навучальных установах (27 на тэрыторыі Беларусі), якія разглядаліся па шэрагу тэматычных раздзелаў (езуіцкія, піярскія, базыльянскія школы, каталіцкія духоўныя семінарыі і інш.). На жаль, аўтарам быў прапушчаны шэраг вучылішчаў (Мсціслаўскі езуіцкі і Забельскі дамініканскі калегіумы). Нягледзячы на гэта ў дадзенай кніге ўтрымліваецца каштоўны факталагічны матэрыял па становішчу айчынных школ у час вайны з Расіяй ў сярэдзіне XVII ст. (Бабруйскі езуіцкі калегіум), буйнейшых асветніцкіх фундушах з цытаваннем адпаведных юрыдычных дакументаў (Мінскі езуіцкі калегіум), прозвішчах настаўнікаў (Віцебскае і Шчучынскае піярскія, Жыровічскае базыльянскае вучылішчы) [10, т. 1, с. 92–97, 120–126, 190–191, 236–249, 277–289, 306–309, 338–340, т. 2, с. 158, т. 3, с. 337–338, т. 4, с. 4–10, 49, 117, 179, 196, 199, 217, 241, 261, 276].

Якасна дапоўнілі працу Й. Лукашэвіча М. Балінскі і Й. Бялінскі. Яны вызначылі прыярытэтам свайго навуковага пошуку вышэйшую навучальную ўстанову ў Вільні, гісторыю якой дэталёва разгледзелі ад моманту прыбыцця ў сталіцу ВКЛ езуітаў. Пры гэтым другі з іх імкнуўся як мага больш усебакова вывучыць яе дзейнасць, а таму даследаваў і падкантрольныя акадэміі сярэднія ды пачатковыя школы. Менавіта таму ўжо ў першым томе тут быў змешчаны змястоўны энцыклапедычны даведнік. У ім у алфавітным парадку давалася інфармацыя па 74 навучальных установах, якія ў 1803–1832 гг. уваходзілі ў склад Віленскай навучальнай акругі. Сярод іх – 39 вучылішчаў з тых, што дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі (давалася тут інфармацыі і па іх ранейшай гісторыі) [11, с. 40–46, 55, 74–75, 81–82, 91, 415–426, 427–435, 461–463; 12, т. 1, с. 233–270, т. 3, с. 600–606].

У падобным духу выконваліся і працы, прысвечаныя адукацыйнай дзейнасці езуітаў. Й. Гіжыцкі ды С. Залескі фактычна ўпершыню сабралі вялізны факталагічны матэрыял па гісторыі стварэння ды далейшай эвалюцыі ордэнскіх калегіўмаў на тэрыторыі Беларусі. Асноўная ўвага тут удзялялася фундушам, зместу вучэбных праграм, а таксама адметным падзеям, што так ці інакш уплывалі на іх існаванне (дыспуты з іншаверцамі, войны, эпідэміі і г.д.) [13, с. 7, 9, 12, 133; 14, т. 3, ч. 2, с. 413, 755, 1129–1130, т. 4, ч. 1, с. 234, 248–252, 273–275, 331–337, 378–384, ч. 2, с. 563–565, 591–592, 675–693, 880–884, 931–935, 966–969, 1002–1004, ч. 3, с. 1098–1101, 1131–1136, 1225–1229, 1304–1305, 1312–1314, 1363–1366, ч. 4, с. 1504, 1549, 1606].

Не абыйшлі польскія дарэвалюцыйныя даследчыкі і працэс складвання ў Рэчы Паспалітай піярскай адукацыйнай сістэмы, якая разглядалася імі ў якасці галоўнай альтэрнатывы езуіцкім калегіўмам (С. Біганьскі, Т. Храмецкі і Й. Гіжыцкі пад псеўданімам М. Гоздава). Найбольш іх цікавілі моманты, звязаныя з генэзісам школ гэтага ордэну ў краіне (асобна вывучаліся прычыны яго запрашэння), супрацьстаянне з езуітамі (асабліва, пачынаючы з 1720-х гг. на

тэрыторыі ВКЛ), а таксама дзейнасць шэрагу навучальных устаноў (Віленскі і Віцебскі калегіўмы) [15, с. 750–751, 753; 16, с. 52, 55; 17, с. 93–94].

Калі ж разглядаць асветніцкія намаганні іншых канфесій на тэрыторыі Беларусі ў вызначаны час, то ў польскай гісторыяграфіі найлепш тут асветлена дзейнасць пратэстантаў (А. Адамовіч, Й. Лукашэвіч, Г. Мерчынг, С. Мараўскі). Вывучалася яна выключна ў межах абагульняючых грунтоўных прац, прысвечаных як агульнаму аналізу спецыфікі Рэфармацыі ў Рэчы Паспалітай, так і асобных яе напрамках – кальвінізму, лютэранству ды антытрынітарызму. У выніку, даследчыкі вызначылі толькі абрысы іх школьных сістэм – кіруючыя органы, асноўныя фундушы, праца найбольш вядомых школ (Віленская і Слуцкая кальвінскія гімназіі). Таксама імі згадваліся некаторыя з пратэстанцкіх педагогаў і адметныя вучэбныя дапаможнікі (у тым ліку выданні Любчанскай друкарні) [18, с. 17, 21–23, 34, 38, 46, 59–60; 19, т. 1, с. 62–63, 255, 261–265, 310–312, 355–356, т. 2, с. 161–177; 20, с. 93; 21, с. 499–515].

Гісторыя школьнай справы ў праваслаўным асяроддзі Рэчы Паспалітай разглядалася А. Ябланоўскім, які вывучаў яе ў кантэксце дзейнасці Кіева-Магілянскай акадэміі. Прычым асветлена яна была на фоне агульнага агляду развіцця школ розных канфесій. Да таго ж, асноўная ўвага даследчыка была звернута на вызначэнні ступені ўплыву заходнееўрапейскай педагогікі на пабудову тут вучэбна-выхаваўчага працэсу [22, с. 88–94, 97–119].

Асобныя аспекты ўніяцкай адукацыі вывучаў Э. Лікоўскі. Разам з тым, нягледзячы на падрыхтоўку ім цэлага шэрагу якасных манаграфій па дадзенай праблеме, непасрэднага аналізу менавіта школьнай справы ім не было зроблена. Пры гэтым яго даследаванні ўтрымліваюць карысны матэрыял па асветніцкай дзейнасці І. Пацея, І. В. Руцкага ды базыльянскага ордэну (канстатаваў яго амаль выключную арыентацыю на адукацыю ўласных членаў) [23, ч. 1, с. 2–7, 23, 261–263; 24, с. 219, 224, 253, 265, 279].

Сярод іншых адметных прац тагачасных польскіх гісторыкаў неабходна ўзгадаць манаграфію П. Чаплеўскага, прысвечаную навучанню выхадцаў з каронных ды вялікакняскіх зямель ва ўніверсітэце Інгальштадта. Надзвычай каштоўным тут стаў іх пералік за 1472–1699 гг. з біяграфічнымі звесткамі ў асобных выпадках [25, с. 5–6, 10, 15, 25–26].

Што ж датычыцца рускамоўнай дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі, то яна развівалася прыкладна па тых жа напрамках, што і польская. Найбольш грунтоўная праца па гісторыі адукацыі на тэрыторыі былой Рэчы Паспалітай была створана К. Харламповічам, які паслядоўна разгледзеў тутэйшыя школы ўсіх хрысціянскіх канфесій. Асобна ён спыніўся на вучэбных методыках, а таксама падручніках. На жаль, увага гэтага даследчыка была сканцэнтравана пераважна на каронных землях (у першую чаргу на Украіне), а на тэрыторыі ВКЛ ім разглядаўся стан асветы ў Вільні і ў буйных айчынных гарадах (Брэст, Магілёў, Мінск і г. д.). Такі падыход пакінуў па-за межамі кнігі шэраг адметных навучальных устаноў (акадэмія антытрынітарыяў у Іўі і інш.). Да таго ж, дадзеная манаграфія абрываецца на пачатку праўлення караля Уладзіслава IV Вазы, што, улічваючы яго палітыку верацярпімасці і адпаведныя рашэнні ў сферы адукацыі, робіць вызначаныя аўтарам храналагічныя рамкі не зусім

лагічнымі, а саму кнігу незавершанай [26, с. 6, 21, 42–48, 67, 72, 119, 143–144, 154, 162–163, 190, 222, 288–289, 292, 311–316, 328, 341, 486–488, 501, 508–509, 514–516, 524].

Іншых прац, прысвечаных менавіта мінуламу асветы на беларускіх землях выходзіла ў азначаны час няшмат. Спроба зрабіць абагульняючы аналіз вучэбна-выхаваўчага працэсу ў мясцовых школах была прадпрынята Я. Крыжаноўскім [27, № 2, с. 265–267, № 3, с. 472–474]. Усебаковае ж даследаванне адукацыйнай мадэлі езуітаў ажыццявіў А. П. Сапуноў, якога, аднак, больш цікавіла яе спецыфіка ў перыяд існавання Полацкай акадэміі [28, с. 4–7, 26]. З ліку ж прац, вывучаўшых дзейнасць асобных айчынных навучальных устаноў, найперш неабходна назваць агляд гісторыі Слуцкай кальвінскай гімназіі І. А. Глебава. Працуючы з архівамі Сінода Ядноты Літоўскай у Вільні, ён першым паспрабаваў асвятліць сутнасць функцыянавання ў ВКЛ пратэстанцкай сістэмы адукацыі – вызначыў яе адметнасці, крыніцы фінансавання, вучэбна-метадычнае забеспячэнне, залежнасць ад замежных стажыровак, а таксама выклаў спісы настаўнікаў ды выхаванцаў [29, с. 6–18, 171–172, 177–185, 198–203]. Выклікала інтарэс навукоўцаў і Магілёўская праваслаўная семінарыя (Ф. А. Жудро, П. С. Гаручка). Прычым яна разглядалася імі ў кантэксце ўваходжання мясцовай праваслаўнай асветы ў склад агульнарасійскай сістэмы адукацыі [30, с. 178–181; 31, с. 1–5, 9–14; 32, с. 1, 4, 18–19, 21, 49].

Шмат увагі асветніцкім пытанням удзялялася і навукоўцамі, якія займаліся аналізам канфесійнага жыцця ў ВКЛ (Г. Я. Кіпрыяновіч, М. М. Любовіч, Д. А. Талстой, І. А. Чыстовіч). Сабраны імі адпаведны матэрыял датычыўся: каралеўскіх прывілеяў школам ці ўстановам, што імі кіравалі (брацтвы, манаскія ордэны, капітулы, сіноды і г. д.); гісторыі пэўных адукацыйных асяродкаў ды канкурэнцыі паміж імі (акрамя іншага тут прыводзіліся факты сутыкненняў вучнёўскай моладзі); дзейнасці славутых тагачасных асветнікаў і інш. [33, с. 51–53, 84, 127–134, 161–163; 34, с. 47–48, 56–59; 35, с. 227–231; 36, ч. 1, с. 98–100, ч. 2, с. 67, 151–158, 169, 238, 333–334, 338, 354–358, 386, 393; 37, т. 1, с. 32–33, т. 2, с. 48–50, 104, 229–237, 314]. Некаторыя з падобных выданняў вызначаліся падкрэсленай увагай іх аўтараў да адукацыйнай праблематыцы. Сярод іх, напрыклад, выдзяляецца комплекснае даследаванне гісторыі базыльянскага ордэна М. І. Пятрова, дзе, акрамя іншага, надзвычай падрабязна былі вывучаны так званыя «Гашчанскія канстытуцыі» 1766 г. На думку аўтара, яны ў цэлым сталі адказам кіраўніцтва ўніяцкай царквы на змены ў паўсядзённым ды грамадскім жыцці Рэчы Паспалітай, выкліканыя уплывам эпохі Асветніцтва. Іх жа «школьны раздзел» з'яўляўся рэакцыяй на мадэрнізацыю вучэбных праграм, прадпрынятую езуітамі і піярамі [38, № 2, с. 255–275, 304–305, 480–526, № 3, с. 118–188].

Асобным напрамкам у рускай дарэвалюцыйнай гістарычнай навуцы стала вывучэнне праваслаўных брацтваў на ўсходніх землях Рэчы Паспалітай (Ф. А. Жудро, М. М. Пашкевіч, Д. Сцепура, І. Я. Флероў). Цікавасць да іх была выклікана ўнікальнасцю падобных арганізацый ва ўсходнеславянскім свеце, а таксама іх роляй па абароне правоў праваслаўнага насельніцтва. Шмат увагі

ў падобных выданнях удзялялася школам, заснаваным братчыкамі. Прычым аналіз іх дзейнасці паказваўся на шырокім фоне міжканфесійнага супрацьстаяння і ўзрастаючага ўплыву Расіі [39, с. 17, 86–88, 102–105; 40, с. 90; 41, с. 4, 117, 132–136, 159, 167, 180–181; 42, с. 90–91, 105–107].

Выключная роля школ у культурным і духоўным жыцці тагачаснай Беларусі шмат у чым была магчыма па прычыне працы ў іх славутых грамадскіх дзеячоў і асветнікаў. Іх жыццё, творчасць ды літаратурная спадчына таксама з'яўляліся прадметам актыўнага даследавання ў дарэвалюцыйны перыяд (А. С. Асінскі, І. А. Татарскі, Ф. Ф. Турук, С. Нядзельскі). Пры гэтым дэталёва асвятляліся іх разважанні наконт паляпшэння стану асветы, практычная педагагічная дзейнасць, падрыхтаваныя імі вучэбныя дапаможнікі. Такі падыход дазволіў лепш зразумець унутраную сітуацыю ў брацкіх школах, а таксама вызначыць агульныя падыходы да арганізацыі вучэбна-выхаваўчага працэсу ў розных канфесіях [43, с. 13–19; 44, с. 30–33, 44–46; 45, с. 11–14, 22–26, 32, 39–40; 46, с. 19–23, 57, 257–258].

У цэлым, не выклікае сумненняў, што дарэвалюцыйная гістарыяграфія па праблеме развіцця адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XVI – трэцяй чвэрці XVIII ст. адзначылася шэрагам адметных прац, дзе яна была вывучана комплексна і грунтоўна. Наяўнасць пэўнай тэндэнцыйнасці ў адборы матэрыялу па езуіцкіх ды уніяцкіх школах не перашкодзіла аўтарам адпаведных публікацый даць змястоўны аналіз іх дзейнасці. Былі таксама вызначаны тагачаснымі гісторыкамі асноўныя прыярытэты далейшых навуковых пошукаў, якія не страцілі сваёй актуальнасці і сёння.

Спіс выкарастаных крыніц

1. *Rostowski, S.* Lithuanicarum Societatis Jesu historiarum provincialium / S. Rostowski. – Vilnae: Druk. Akademicka, 1768. – VI, 515 p.

2. *Wijuk-Kojałowicz, W.* Miscellanea rerum, ad Statum Ecclesiasticum in Magno Lituaniae Ducatu pertinentia / W. Wijuk-Kojałowicz. – Vilnae: Typis Academicis, 1650. – IV, 128 p.

3. *Гизель, И.* Киевский синопсис / И. Гизель. – Киев: Тип. Киевопечерской лавры, 1823. – 164 с.

4. *Суша, А.* Книжкова спадщина Ігнатія Кульчинського / А. Суша // Вісник Львівського університету. – Сер.: Книгознавство, бібліотекознавство та інформаційні технології. – 2008. – Вип. 3. – С. 45–64.

5. *Jabłoński, D. E.* Jura & Libertates Dissidentium In Religione Christiana: In Regno Poloniæ, & M. D. Lithuaniæ, Ex Legibus Regni Et Aliis Monumentis authenticis, Excerpta / D. E. Jabłoński. – Berlin: Königliche Druckerei, 1708. – 40 p.

6. *Serczyk, W. A.* Konisski Georgij / W. A. Serczyk // Polski Słownik biograficzny. – Warszawa; Kraków: Wyd-wo PAN, 1967–1968. – T. XIII. – S. 534–536.

7. *Stebelski, I.* Chronologia, albo porządne według lat zebranie znaczniejszych w Koronie Polskiej i w Wielkim Xięstwie Litewskiem a mianowicie na Białej Rusi w Połocku dziejów i rewolucyj, zwlaszcza tych, które się tyczą tak starodawnego monastyru Ś. Spasa za Połockiem, niegdyś przez ŚŚ Panny i Matki Eufrozynę b Parascewię Hegumenie

рządzonego, jako też terazniejszego klasztoru na Zamku Połockim założonego: w 3 t. / I. Stebelski. – Lwów: Nakł. xięgarni Z. Igla, 1866-1867. – T. 2. – 1867. – 352 s.

8. *Skrzetuski, W. B.* Prawo polityczne narodu polskiego: w 2 t. / W. B. Skrzetuski. – Warszawa: Druk. XX. Scholarum Piarum, 1782–1784. – T. 2. – 1784. – 439 s.

9. *Kołłątaj, H.* Stan oświecenia w Polsce w ostatnich latach panowania Augusta III (1750–1764) / H. Kołłątaj. – Warszawa: Nakł. Gebethnera i Wolffa, 1905. – 183 s.

10. *Łukaszewicz, J.* Historya szkół w Koronie i w Wielkim Księstwie Litewskim od najdawniejszych czasów aż do roku 1794: w 4 t. / J. Łukaszewicz. – Poznań: Wyd-wo W. Deckera i Spólki, 1849–1851. – T. 1. – 1849. – 472 s.; T. 2. – 1850. – 492 s.; T. 3. – 1851. – 516 s.; T. 4. – 1851. – 355 s.

11. *Baliński, M.* Dawna Akademia Wileńska: próba jéj historyi: od założenia w roku 1579 do ostatecznego jéj przekształcenia w roku 1803 / M. Baliński. – Poznań: Nakł. i druk. J. Ohryzki, 1862. – XI, 606 s.

12. *Bielinski, J.* Uniwersytet Wileński. (1579–1831): w 3 t. / J. Bielinski. – Kraków: Druk. W. Anczyca i Spolki, 1899–1900. – T. 1. – 1899–1900. – 485 s.; T. 3. – 1900. – 734 s.

13. *Giżycki, J. M. A.* Materyały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J. M. A. Giżycki. – Kraków: Druk W.L. Anczyna i Spółki, 1905. – 288 s.

14. *Załeski, S.* Jezuici w Polsce: w 5 t. / S. Załeski. – Lwow; Krakow: Druk. W. Anczyca i Spolki, 1900–1906. – T. 3. – Cz. 2. – 1902. – 445–1244 s.; T. 4. – Cz. 1. – 1905. – XXXVI, 478 s.; Cz. 2. – 1905. – S. 483-1019 s.; Cz. 3. – 1905. – X, 1025-1480 s.; Cz. 4. – 1905. – IX, 1485–1881 s.

15. *Biegański, S.* Szkoły pijarskie w Polsce / S. Biegański // Muzeum. – 1897. – № 11. – S. 749–754.

16. *Chromecki, T.* Krótki rys dziejów Zgromadzenia Szkół Pobożnych czyli oo. Pijarów / T. Chromecki. – Kraków: Druk. „Czas", 1880. – 149 s.

17. *Gozdawa, M.* Wspomnienie o Pijarach witebskich / M. Gozdawa // Kwartalnik Litewski. – 1910. – R. 1. – T. 1. – S. 89–110.

18. *Adamowicz, A. F.* Kościół Augsburski w Wilnie: kronika zebrana na obchód trzechwiekowego istnienia Kościoła w roku 1855 w dzień Ś. Jana Chrzciciela / A. F. Adamowicz. – Wilno: Druk. J. Zawadzkiego, 1855. – 70 s.

19. *Łukaszewicz, J.* Dzieje kościołów wyznania helweckiego w Litwie: w 2 t. / J. Łukaszewicz. – Poznań: Druk. Orędownika, 1842–1843. – T. 1. – 1842. – VIII, 422 s.; T. 2. – 1843. – 290 s.

20. *Merczyng, H.* Zbory i senatorowie protestanccy w dawnej Rzeczypospolitej / H. Merczyng. – Warszawa: Druk. A. Ginsa, 1904. – 140 s.

21. *Morawski, S.* Arjanie polscy / S. Morawski. – Lwow: Druk. Ludowa, 1906. – XXX, 564 s.

22. *Jabłonowski, A.* Akademia Kijowsko-Mohilańska: zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi / A. Jabłonowski. – Kraków: Druk W. L. Anczyna i Spółki, 1899–1900. – 319 s.

23. *Likowski, E.* Dzieje kościoła unickiego na Litwie i Rusi w XVIII i XIX wieku: uważane głównie ze względu na przyczyny jego upadku: w 2 cz. / E. Likowski. – Warszawa: Druk. P. Laskauera i S-ki, 1906. – Cz. 1. – XIV, 277 s.

24. *Likowski, E.* Unia brzeska (r. 1596) / E. Likowski. – Warszawa; Kraków: G. Gebethner i S-ka, 1907. – XVII, 355 s.

25. *Czaplewski, P.* Polacy na studyach w Ingolsztacie / P. Czaplewski. – Poznań: Druk. Św. Wojciecha, 1914. – 112 s.

26. *Харлампович, К.* Западнорусския православныя школы XVI и начала XVII века / К. Харлампович. – Казань: Типо-литография Имп. Университета, 1898. – 586 с.

27. *Крыжановский Е.* Учебные заведения в русских областях Польши в период ея разделов / Е. Крыжановский // Киевская старина. – 1882. – № 2. – С. 262–300; № 3. – С. 442–478.

28. *Сапунов, А. П.* Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке / А. П. Сапунов. – Витебск: Тип. Губерн. правления, 1890. – 34 с.

29. *Глебов, И. А.* Историческая записка о Слуцкой гимназии с 1617–1630–1901 / И. А. Глебов. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1903. – 217 с.

30. *Жудро, Ф. А.* Основание и первые годы Могилёвской духовной семинарии / Ф. А. Жудро // Виленский календарь на 1895 год. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1894. – С. 175–182.

31. *Горючко, П. С.* Материалы для истории Могилевской духовной семинарии 1752–1813 годов и Гомельского духовного училища 1781–1809 годов / П. С. Горючко. – Могилев: Скоропечатня и литография Ш. А. Фридланда, 1903. – 35, 12 с.

32. *Горючко, П. С.* Учителя Могилевской духовной семинарии: биографические материалы для времени 1765–1808 годов / П. С. Горючко. – Могилев: Скоропечатня и литография Ш. А. Фридланда, 1904. – 50 с.

33. *Киприанович, Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени / Г. Я. Киприанович. – Вильна: Тип. И. Блюмовича, 1895. – 235 с.

34. *Любович, Н. Н.* История реформации в Польше. Кальвинисты и антитринитарии / Н. Н. Любович. – Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1883. – IV, 348, XXXI с.

35. *Толстой, Д. А.* Римский католицизм в России: в 2 т. / Д. А. Толстой. – СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1876. – Т. 1. – 1876. – VIII, 538 с.

36. *Чистович, И.* Очерк истории западно-русской церкви: в 2 ч. / И. Чистович. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1882–1884. – Ч. 1. – 1882. – 220 с.; Ч. 2. – 1884. – 419 с.

37. *Коялович, М. О.* Литовская церковная уния: в 2 т. / М. О. Коялович. – СПб.: Тип. дух. журнала «Странник», 1859–1861. – Т. 1. – 1859. – V, 315 с.; Т. 2. – 1861. – 443 с.

38. *Петров, Н. И.* Очерк истории базилианского ордена в бывшей Польше / Н. И. Петров // Труды Киевской Духовной академии. – 1871. – № 2. – С. 225–317, 480–554; № 3. – С. 118–189.

39. *Жудро, Ф. А.* История Могилевского Богоявленского братства / Ф. А. Жудро. – Могилев: Скоропечатня и Литография Ш. А. Фридланда, 1890. – 112 с.

40. *Пашкевич, М. М.* Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство / М. М. Пашкевич. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1890. – 114 с.

41. *Сцепуро, Д.* Виленское Свято-Духовское братство в XVII и XVIII столетиях / Д. Сцепуро. – Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1899. – 183 с.

42. *Флеров, И.* О православных церковных братствах, противоборствовавших унии в юго-западной России в XVI, XVII и XVIII столетиях / И. Флеров. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1857. – 200 с.

43. *Осинский, А. С.* Мелетий Смотрицкий, архиепископ Полоцкий / А. С. Осинский. – Киев: Тип. Акц. Об-ва «П. Барский в Киеве», 1912. – 155 с.

44. *Татарский, И.* Симеон Полоцкий: его жизнь и деятельность / И. Татарский. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1880. – 342 с.

45. *Турук, Ф.* Униатский митрополит Иосиф Вельямин Рутский (1613–1637) и его значение в истории униатской западной русской церкви / Ф. Турук. – Петроград: Сенатская типография, 1916. – 41 с.

46. *Недельский, С.* Униатский митрополит Лев Кишка и его значение в истории унии / С. Недельский. – Вильна: Губерн. тип., 1893. – 317 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 930(470)“18”

П. Н. ЖУКОВИЧ О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Ирха Е. М.
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь

В статье рассматриваются важнейшие направления и результаты научных исследований П. Н. Жуковича в проблемном поле гражданской истории белорусских земель после их присоединения к России. Представлена характеристика позиций ученого, его оценочных суждений и выводов по истории российской государственной политики в вопросах управления и суда, образования, землевладения, социальных отношений в северо-западном регионе империи. Основное внимание уделено результатам изучения историком периода последней трети XVIII – первых десятилетий XIX в.

Ключевые слова: гражданская история; белорусские земли; образование; управление; суд; землевладение; дворянство.

P. N. ZHUKOVICH ON SOME PROBLEMS OF THE CIVIL HISTORY OF THE NORTH-WESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE

Irkha E. M.
Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

The article discusses the most important directions and results of P. N. Zhukovich's scientific research in the problem field of the civil history of the Belarusian lands after their annexation to Russia. The article characterises the scientist's positions, his estimations and conclusions on the history of Russian state policy in the issues of administration and court, education, land ownership, social relations in the north-western region of the empire. The main attention is paid to the results of the historian's study of the last third of the XVIIIth – the first decades of the XIXth century.

Keywords: civil history, Belarusian lands, education, administration, court, land ownership, nobility.

Платон Николаевич Жукович (1857–1919 гг.) – уроженец белорусской земли (г. Пружаны Гродненской губернии), профессор Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА), один из крупнейших дореволюционных специалистов по конфессионально-политической истории Польши-Речи Посполитой в XVI–XVII вв. Его главные научные труды были посвящены истории Реформации и начального периода борьбы с ней в польской церкви и госу-

дарстве [1], политическим формам борьбы белорусско-украинской шляхты против Брестской церковной унии и ее последствий [2].

Однако научные интересы ученого не ограничивались вышеуказанным проблемным полем и временами серьезно выходили за его пределы в область гражданской истории. В то же время почти неизменным оставался политико-географический вектор его исследований – белорусско-украинские, «западнорусские» (в терминологии того времени) земли Речи Посполитой до и особенно после их присоединения к России. Отдельного монографического исследования по гражданской истории западного региона империи П. Н. Жукович не создал, но подготовил значительное количество крупных журнальных публикаций.

Впервые историк обратился к изучению этой проблематики во второй половине 1880-х гг., работая в Литовской духовной семинарии (г. Вильно). Здесь он имел возможность ознакомиться с большим массивом документальных источников в виленских архивах и библиотеках по истории образования в регионе, которые легли в основу его публикаций о Главной духовной семинарии в Виленском университете (1887 г.) [3] и о профессорах богословского факультета этого университета (1888 г.) [4; 5]. Уже работая в СПбДА, П. Н. Жукович продолжил и логически завершил исследование этого круга проблем, опубликовав аналитическую статью по истории Виленского учебного округа с сопоставлением деятельности его руководителей [6].

Качественно иным, более продуктивным и аналитически глубоким применительно к изучению гражданской истории северо-западных земель Российской империи явился период 1914–1916 гг., когда ученый подготовил выраженно систематизированные блоки журнальных статей об управлении и суде [7; 8; 9; 10], о «школьном деле» [11] и о сословном составе населения региона [12; 13; 14] после его присоединения к России в период царствования Екатерины II, а также о «Западной России» при императоре Павле [15; 16; 17]. Первый из них имел общий объем около 180 стр., а последний – примерно 190 стр.

Этими материалами, безусловно, не ограничивались исследования П. Н. Жуковича различных аспектов гражданской истории. Например, в середине 1890-х гг. он представил обширный доклад с оригинальным анализом социально-экономических процессов в Северо-Западном крае [18; 19], основные положения которого ученый разовьет и детализирует позже.

Именно с истории образования в белорусских землях России ученый начал предметное изучение ряда аспектов гражданской истории «западнорусских» территорий, присоединенных в конце XVIII в., и, с течением времени, сумел представить её в систематизированном виде и в определенной динамике, охватив период от первого раздела Речи Посполитой до ликвидации Виленского учебного округа в 1832 г.

В 1915 г. ученый опубликовал в журнале Министерства народного просвещения большую статью «Школьное дело в Западной России в царствование Екатерины II», в которой он проанализировал состояние и развитие школьного образования в регионе. Материал был им представлен в соответствии с тремя разделами Речи Посполитой, что позволило показать и основ-

ные особенности «школьного дела» на различных присоединенных землях, и определенную динамику российской государственной образовательной политики в них. При этом историк наиболее детально рассмотрел положение дел в восточнобелорусских областях, присоединенных к России по первому разделу: это заняло примерно 2/3 объема статьи. Следует заметить, что такое же внутреннее структурирование с акцентом на Восточную Беларусь было характерно и для некоторых других публикаций П. Н. Жуковича.

В самом начале своего исследования он заметил, что на восточнобелорусских землях на момент их присоединения к Российской империи «все школьное дело, за исключением начального, находилось в руках иезуитского ордена» и что «иезуитские коллегии <...> служили рассадниками образования для высшего, дворянского сословия». О начальном образовании до первого раздела Речи Посполитой информация отсутствует, а в конце 1770-х гг. здесь было «незначительное число начальных школ <...> и малочисленность учившихся в них детей». При этом образование в этих школах носило «по преимуществу церковный характер, сосредотачиваясь в немногих городах и местечках» [10, с. 296, 298]. Главную причину этого ученый видел в низком социальном статусе основной массы местного населения, обусловленном крепостным правом.

Содержательно новый период в истории школьного образования в Восточной Беларуси П. Н. Жукович связывал с реализацией «Устава народных училищ», принятого в 1786 г. Он вводил определенные должности «для надзора за ходом собственно учебного дела», устанавливал годовые оклады жалования для учителей и, что особенно важно, обязывал создать в губернских городах четырехклассные главные народные училища, а в уездных – двухклассные малые. При этом школы должны были быть всесословными, но в первую очередь для детей купеческо-мещанской части населения. В 1779 г. в Полоцке и Могилеве были открыты главные народные училища, а малые – только в Могилевской губернии и позже, в 1791 г. В Витебске в 1794 г. было открыто четырехклассное училище, но без именования главным [10, с. 315–316]. Историк позиционировал «устройство народных училищ» в регионе как «важный акт внутренней государственно-объединительной политики императрицы Екатерины» [10, с. 329].

Устав повлиял и на иезуитские коллегии, но они остались по-прежнему «польско-латинскими» и по своему содержанию, и по языку преподавания. К концу эпохи Екатерины II в Восточной Беларуси, по заключению ученого, сосуществовали «русская среднеобразовательная школа» и «старая польско-латинская», но численно преобладала вторая, бывшая по составу учащихся почти исключительно шляхетской [10, с. 325, 327].

В областях, которые отошли к России по второму разделу Речи Посполитой, на момент присоединения все средние учебные заведения были польскими государственными, подчиненными Эдукационной комиссии, которой в то же время «не удалось сколько-нибудь значительно распространить начальное образование», особенно на крестьян. П. Н. Жукович подчеркнул, что здесь «средняя школа <...> осталась польской и по языку преподавания, и по

составу администрации и учителей» и что «в ней только введено было преподавание русского языка». Ситуация изменилась лишь после восстания 1794 г., когда в регионе была учреждена общерусская система областного управления [10, с. 331, 336, 340–341].

Ученый был предельно краток, характеризуя состояние образования на территориях, присоединенных по третьему разделу. Он отметил, что в «литовских областях кроме сети училищ, подведомственных Эдукационной комиссии, была Литовская главная школа в Вильне» (бывшая иезуитская академия), но до превращения ее «в настоящий университет было еще очень далеко» (много преподавателей-иезуитов, преобладание схоластики в преподавании и др.). Все учебные заведения «в пределах Литовского генерал-губернаторства продолжали существовать до самого конца царствования императрицы Екатерины на прежних основаниях», только «высшей властью <...> был теперь генерал-губернатор» [10, с. 342–344].

В своих более ранних работах П. Н. Жукович рассмотрел состояние и региональные проблемы образования в последующие годы, довольно критически оценивая первые шаги по содержательному преобразованию светского и духовного образования «в русском духе».

На наш взгляд, ученый преувеличивал, заявляя, что «здание новой западно-русской школы возводится на прочном народном фундаменте» и что «образование народа, просвещение крестьянского населения признается уже <...> одной из главнейших задач русского государственного строительства в Западной России» [6, с. 363]. В то же время нельзя не согласиться с суждением исследователя о том, что начало движения к «общерусской» школе было связано с деятельностью Н. Н. Новосильцева, попечителя Виленского учебного округа в 1824–1832 гг.

Его предшественником на этом посту в 1803–1824 гг. был князь А. Чарторыйский, проводивший де-факто полонизаторский курс в сфере образования. Новую политику начал проводить «первый русский» попечитель округа Н. Н. Новосильцев. Историк указал, что он сразу выступил против «бесконтрольного хозяйничания монашества в своих школах». Усиливая контроль за деятельностью католических монашеских орденов, Н. Н. Новосильцев оказывал покровительство униатскому базилианскому ордену, считая его полезным для «учебного дела и незамеченным в злоупотреблениях». П. Н. Жукович не был согласен с такой позицией и оценкой, называя поддержку попечителем базилиан «опасным для русского дела», что подтвердило деятельное участие базилианских монахов в восстании 1831 г. [6, с. 384–387].

Н. Н. Новосильцев увидел почти полное господство польского языка в Виленском университете и активно взялся за сокращение польского влияния в этом учебном заведении. Следует отметить, что П. Н. Жукович, как активный сторонник распространения русского языка и православной духовности, был глубоко обеспокоен засильем, в его понимании, польских традиций и польского языка, которые стимулировали польский патриотизм и антирусские настроения. Ученый считал переход к преподаванию на русском языке некоторых учебных предметов главной заслугой попечителя.

Однако свою главную роль в университете Н. Н. Новосильцев видел в наведении суровой дисциплины среди студентов, в подавлении всяческих проявлений свободомыслия и польского патриотизма. П. Н. Жукович указывал, что попечителю не удалось достичь данных целей. «Виленский университет, а за ним и средние учебные заведения вскоре скомпрометировали себя деятельным участием в польском восстании 1831 г. 1 мая 1832 г. последовало официальное закрытие Виленского университета и самого Виленского учебного округа» [6, с. 398].

П. Н. Жукович не ограничился изучением только вопросов образования в новоприсоединенных западных территориях. Не менее скрупулезно он исследовал блок вопросов, связанных с организацией управления и суда в «Западной России» в царствование Екатерины II, и опубликовал результаты своей работы в 4-х выпусках журнала Министерства народного просвещения за 1914 г. Этот объемный материал был структурирован так же, как публикация ученого о «школьном деле» – в соответствии с разделами Речи Посполитой.

Ученый указал, что на момент первого раздела самым существенным недостатком русского областного управления было функциональное смешение администрации и суда, но начинался период его реформирования. При этом, по его мнению, императрица хотела, чтобы в западных губерниях «управление и суд под русскою властью были сразу же организованы не хуже, чем при польском владычестве» [7, с. 293–294]. Поэтому административное управление здесь было организовано «не только по русским законам и на русском языке», но и с рядом «усовершенствований» (увеличением количества чиновников, более четким распределением их обязанностей, созданием отделений в губернских канцеляриях и др.). «Все этого рода изменения делали губернское управление в двух белорусских губерниях более упорядоченным, чем в старых русских губерниях» [7, с. 295–297].

При этом П. Н. Жукович подчеркнул, что для занятия административных должностей нужен был «обширный круг лиц, знающих русский язык и русские законы» и что «местное польское, или полонизированное дворянство не могло дать нужных в русских правительственных учреждениях лиц». Поэтому штат чиновников состоял в основном из тех, кто был прислан или по своей инициативе переехал сюда из российского центра и соседних губерний [7, с. 302–303].

Общая авторская оценка начального периода деятельности центральных российских властей в регионе сводилась к тому, что «своим добрым, порядочным, снисходительным и человеколюбивым управлением» Екатерина II стремилась расположить население присоединенных территорий к новой для них российской власти [7, с. 293]. Поэтому здесь сохранились «до времени» местные судебные инстанции в сфере гражданского права, а также польский язык судопроизводства. «Гражданский суд в белорусских губерниях остался прежний, литовско-польский». По мнению исследователя, это не только оказывало большие уступки польскому дворянскому сословию, но и давало «первый опыт полного отделения суда от администрации» в Российской империи [7, с. 303].

Одновременно П. Н. Жукович выделил существенный недостаток складывавшейся системы местного управления и суда, который заключался в том, что широкая область гражданско-правовых отношений сохраняла «сильный польский колорит», а некоторые города и местечки продолжали пользоваться самоуправлением (магдебургским правом) [7, с. 310, 312].

Историк выраженно позитивно оценивал введение Екатериной II «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) на территории присоединенных белорусских земель, отмечая, что «Восточная Белоруссия получила стройную систему местного суда, совершенно отдельного от администрации, близкого ко всем классам общества, с преобладанием выборного начала» [8, с. 110]. Но он увидел и слабую сторону всей екатерининской областной реформы – «крайнее преобладание элемента сословного в управлении и суде» [9, с. 337]. Более того, он даже дал общую, но четкую характеристику «Жалованной грамоты дворянству», указав, что она «наложила на все местное управление и суд на Руси большую дворянскую печать. В Восточной Белоруссии эта печать оказалась, кроме того, с польским колоритом» [9, с. 339].

Оценивая политику Павла I по отношению к новоприсоединенным западным землям, П. Н. Жукович указал, что на многие ее стороны оказало влияние «личное несочувственное отношение <...> к разделу Польши, сожаление о печальной участи, постигшей польское государство, соединенное с своеобразными симпатиями его к римско-католической церкви» [15, с. 184].

Павел издал множество указов по устройству местного управления и суда в «Западной России» – больше, чем по всей империи в целом. Ученый оценил их не очень высоко, особенно на фоне решений и действий Екатерины II. Во-первых, «в устройстве губернского управления, как общего, так и финансового, император не внес изменений». Во-вторых, он решил восстановить те судебные учреждения, которые существовали до присоединения региона к России. Кроме того, исследователь сделал вывод о том, что «в сфере сословного и мещанского суда царствование Павла было, по сравнению с царствованием его предшественницы, шагом вперед на пути уступок местным особенностям края и польскому элементу в них» [15, с. 191, 202, 205, 224].

Доклад о русском землевладении в Северо-Западном крае, с которым П. Н. Жукович выступил в феврале 1895 г. на торжествах в СПбДА по случаю векового юбилея вхождения региона в состав России, был выраженно не характерен для западнорусизма. Через 20 лет он еще более детально проанализирует землевладение и землепользование здесь в царствование Екатерины II и Павла I.

Стержневая линия и его доклада в 1895 г., и публикаций 1915–1916 гг. – состояние и динамика русского помещичьего землевладения в крае. В них он скрупулезно перечислил, какие имения, почему, каким образом и в какое время перешли в конкретные «русские руки». При этом П. Н. Жукович сформулировал целый ряд оценочных суждений и выводов применительно к российской социально-экономической политике на западе империи, ее результатам и последствиям.

Так, например, рассматривая ее во времена Екатерины II, он указал на несколько важных, но внутренне противоречивых характеристик в отношении помещичьего землевладения и местного дворянства. Во-первых, ученый отметил, что экономическая сторона дворянского сословного строя в Восточной Беларуси не подверглась каким-либо существенным переменам, но в то же время передача большинства секвестированных земель в частные руки была одним из важных элементов политики императрицы в отношении дворянского сословия [12, с. 76–77, 91].

Во-вторых, «опустошение» в областях второго раздела Речи Посполитой «внесло приведшее к третьему разделу польское восстание 1794 года», но, по подсчетам историка, земли были окончательно отобраны только у 25 польских дворян, 20 костелов и монастырей и 25 владельцев казенных имений, в результате чего на этих территориях появились всего 65 русских помещиков [12, с. 134, 138, 140–142, 146]. В-третьих, П. Н. Жукович сделал итоговое заключение о том, что своими пожалованиями Екатерина II не внесла в состав местного помещичьего землевладения «сколько-нибудь значительного русского элемента» [12, с. 156].

Характеризуя социально-экономическую политику Павла I, историк перечислил его земельные пожалования русским и польским дворянам и указал, что «Павел производил их еще в более широких размерах, чем Екатерина» (ежегодно в 5,5 раза больше), но в итоге, естественно, меньше [12, с. 212–213, 217]. Общий вывод историка сводился к тому, что «усиление русского элемента в составе поместного землевладения западных губерний и не было предметом забот правительства имп. Павла» и что император даже «не стремился к ограничению притязаний польского дворянства западнорусских губерний на пользование доходами с казенных имений» [12, с. 221–223].

Анализируя ранее государственную политику в белорусских землях уже в XIX в., ученый положительно оценил сокращение передачи государственных земель в «польские руки» при Александре I, но политику Николая I в вопросах землевладения назвал нерешительной. Отмену крепостного права в 1861 г. он назвал почти равным воссоединению униатов и православных в 1839 г. по своей важности в социально-политической и национально-государственной жизни, т. к. она означала «в Западной России падение польской материальной силы, столько веков давившей русское крестьянство» [19, с. 530]. С другой стороны, в 1860-е гг. русские помещики в регионе составляли не более 2 % от общего количества помещиков польского происхождения [19, 527–528].

После восстания 1863 г., в котором активное участие приняло значительное количество польских помещиков, российские власти изменили свою политику в отношении Северо-Западного края, резко активизировав передачу земель в разных формах «лицам русского происхождения, православного и протестантского вероисповедания». В результате к 1873 г. здесь появились 492 новых русских помещика, большинство которых принадлежало «к местному служилому классу» [19, с. 543–545, 547–548].

Не обошел своим вниманием П. Н. Жукович и основные социальные характеристики белорусского крестьянства. Он отметил, что «освобожде-

ние западнорусских областей <…> не облегчило положения именно русской крестьянской массы этих областей», которая «и под русскою государственною властью осталась жить в исторически сложившихся в литовско-польском государстве формах крепостного права» [14, с. 151]. А характеризуя период правления Павла I, ученый подчеркнул, что в эти годы никаких заметных изменений в положении «западнорусского» крестьянства не произошло. Назвав крестьянский вопрос «наиболее жгучим вопросом русской народной жизни», он скептически указал на отсутствие каких-либо следов того, что в этом вопросе императора «осенила русская национальная идея» [16, с. 227, 246].

Признавая конфликтным и несправедливым положение «русских» крестьян у польских помещиков в XIX в., П. Н. Жукович гиперболизировал, на наш взгляд, реализацию «Положения о поземельном устройстве помещичьих крестьян» в Северо-Западном крае, подчеркнув, что «громадная территория прочно, навсегда закреплена была за русским населением края», что «русское туземное население края стало хозяином на своей земле» [19, с. 535].

В целом следует отметить, что исследования ученого по гражданской истории западных земель империи были во многом новым словом в российской исторической науке конца XIX – начала XX в. Систематизировав огромный фактический материал, он сформулировал ряд положений и выводов, не потерявших своей значимости в настоящее время.

Список использованных источников

1. *Жукович, П. Н.* Кардинал Гозий и польская церковь его времени / П. Н. Жукович. – СПб.: Тип. Ф. Элеонского и К, 1882. – VIII, 542, IV с.

2. *Жукович, П. Н.* Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией (до 1609 г.) / П. Н. Жукович. – СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1901. – XXI, 608 с.

3. *Жукович, П. Н.* Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832) / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1887. – № 3–4. – С. 237–286.

4. *Жукович, П. Н.* О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 3–4. – С. 367–409.

5. *Жукович, П. Н.* О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1888. – № 3–4. – С. 556–595.

6. *Жукович, П. Н.* Первый русский попечитель виленского учебного округа (1824–1832) / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1892. – № 5–6. – С. 362–398.

7. *Жукович, П. Н.* Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 2. – С. 265–315.

8. *Жукович, П. Н.* Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 3. – С. 88–120.

9. *Жукович, П. Н.* Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 4. – С. 314–355.

10. *Жукович, П. Н.* Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1914. – № 5. – С. 1–60.

11. *Жукович, П. Н.* Школьное дело в Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – № 12. – С. 296–344.

12. *Жукович, П. Н.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – № 1. – С. 76–109.

13. *Жукович, П. Н.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – № 2. – С. 257–321.

14. *Жукович, П. Н.* Сословный состав населения Западной России в царствование Екатерины II / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1915. – № 5. – С. 130–178.

15. *Жукович, П. Н.* Западная Россия в царствование Павла / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 6. – С. 183–226.

16. *Жукович, П. Н.* Западная Россия в царствование Павла / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 8. – С. 207–263.

17. *Жукович, П. Н.* Западная Россия в царствование Павла / П. Н. Жукович // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 10. – С. 186–275.

18. *Жукович, П. Н.* О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1895. – № 3–4. – С. 312–336.

19. *Жукович, П. Н.* О русском землевладении в Северо-Западном крае со времен присоединения его к России / П. Н. Жукович // Христианское чтение. – 1895. – № 5–6. – С. 527–552.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 94(47):808.1“18”

ТЕМАТИКА ПУБЛИКАЦИЙ Ф. В. БУЛГАРИНА В ГАЗЕТЕ «СЕВЕРНАЯ ПЧЕЛА» (1825–1859 ГГ.)

Воднева Е. В.
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Фаддей Булгарин – талантливый журналист, редактор и издатель целого ряда периодических изданий («Литературные листки», «Северный архив», «Сын Отечества», «Русская Талия», «Детский собеседник», «Эконом», «Северная пчела»), автор авантюрных и исторических романов («Иван Выжигин», «Димитрий Самозванец», «Мазепа»), основатель новых жанров в русской литературе. «Северная пчела» стала самым успешным периодическим изданием во второй четверти XIX в. Главный секрет успеха «Северной пчелы» – фельетоны Ф. В. Булгарина. В публикациях Булгарин освещал самые разные вопросы: воспитание детей и роль женщины в обществе, промышленный прогресс и строительство железной дороги, проблемы сельского хозяйства и развитие малого и среднего бизнеса, культурное развитие и патриотизм в России, последние новинки в области моды и научные открытия.

Ключевые слова: Фаддей Булгарин; газета «Северная пчела»; периодическая печать; Российская империя; общественно-политические взгляды.

THE THEMA OF PUBLICATIONS BY F. V. BULGARIN IN NEWSPAPER «SEVERNAYA PCHELA» (1825–1859)

Vodneva E. V.
Belarusian State University, Minsk, Belarus

Faddey Bulgarin is a talented journalist, editor and publisher of a number of periodicals («Literaturnye listki», «Severny arhiv», «Syn Otechestva», «Russkay Taliya», «Detskiy sobesednik», «Econom», «Severnaya pchela»), author of adventurous and historical novels («Ivan Vyzhigin», «Dimitri Samosvanec», «Mazepa»), the founder of new genres in Russian literature. The first private newspaper in the Russian Empire «Severnaya pthela» became the most successful periodical in the second quarter of the 19th century. In his publications Bulgarin covered a variety of issues: the upbringing of children and the role of women in society, industrial progress and the construction of railways, problems of agriculture and the development of small and medium-sized businesses, cultural development and patriotism in Russia, the latest fashion trends and scientific discoveries.

Keywords: Thaddeus Bulgarin; «Severnaya pchela»; the periodical press; Russian Empire; social and political views.

Фаддей Булгарин – выходец из семьи белорусского шляхтича – занял в русском культурном контексте первой половины XIX в. исключительное место и задал тон многим литературно-публицистическим тенденциям того времени. Его печатное наследие включает около сорока томов романов, по-

вестей и рассказов, годовые переплеты периодических изданий. Он является основоположником нравоописательного романа («Иван Выжигин») и одним из начинателей исторического романа («Димитрий Самозванец») в русской литературе. Кроме того, именно Булгарин одним из первых ввел в русскую литературу жанры военного рассказа, фантастического очерка и фельетона. Современные литературоведы пришли к выводу, что Булгарин стоял у истоков российской периодической печати [1], а также активно участвовал в формировании современного русского литературного языка [2]. Его литературные и публицистические произведения способствовали расширению читательской аудитории в России, росту ее численности и приобщению к чтению новых социальных слоев [1; 3; 4].

В первой половине 1820-х гг. Ф. В. Булгарин завоевал прочную литературную репутацию в российском обществе. Читателям он был известен как профессиональный журналист и издатель популярных периодических изданий. С 1822 г. Булгарин издавал «Северный архив», в 1823–1824 гг. – «Литературные листки», с 1825 г. – первую в Российской империи частную газету «Северная пчела» (1825–1859). Кроме того, в его копилке такие издательские проекты, как «Полярная звезда» (1824 г.), «Сын Отечества» (1825–1837 гг.), первый театральный альманах «Русская Талия» (1825 г.), первый журнал для детей «Детский собеседник» (1826–1829 гг.). Количество издательских проектов, активная публицистическая деятельность свидетельствовали о неуемной энергии и таланте Фаддея Булгарина и не оставили равнодушными его современников.

Среди его друзей – известные писатели, поэты и будущие декабристы. А. А. Бестужев отмечал, что Булгарин «глядит на предметы с совершенно новой стороны, излагает свои мысли с какою-то военною искренностию и правдою, <…> он, конечно, станет в ряд светских наших писателей» [5, с. 537].

Во второй половине 1820-х началось сотрудничество Ф. В. Булгарина с III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярией, которое носило взаимовыгодный характер. III отделение получило в его лице эксперта по широкому кругу вопросов: настроения и положение в землях бывшей Речи Посполитой, литература, цензура, государственное управление. Булгарин же располагал поддержкой в издании частной газеты, позволяющей ослабить влияние цензурных ведомств, министерств и отдельных чиновников [1, с. 26–27].

«Северная пчела» – самый известный и успешный издательский проект, который реализовал наш земляк. Роль в осуществлении этого проекта принадлежала Ф. В. Булгарину и его соратнику по перу Н. И. Гречу. Газета отличалась оперативностью сообщений и хорошим литературным языком и выделялась новым форматом оформления. Рубрики повторялись либо чередовались с определенной периодичностью, имели свои особенности шрифтов и разметки [6, с. 82].

Номер «Северной пчелы» состоял из четырех страниц-полос, каждая из которых делилась горизонтальной линейкой на две части. В верхней части были размещены три постоянные отдела: «Внутренние известия», «Новости

заграничные», «Стихотворения. Нравы. Словесность». Разделы «Новые книги», «Смесь», «Литературные новости», «Наряды» размещались под в нижней части газеты и чередовались между собой. «Северная пчела» получила право помещать на своих страницах политические известия [7, с. 157]. Подобное право имели только государственные издания – «Московские ведомости», «Санкт–Петербургские ведомости» и «Русский инвалид». В 1828 г. правительство разрешило «Северной пчеле» печатать театральные рецензии [7, с. 157]. С 1831 г. «Северная пчела» стала выходить ежедневно, кроме выходных и праздников.

Литературный уровень газеты был высок: уже в первые месяцы издания в ней появились новые басни И. А. Крылова, стихи К. Ф. Рылеева, Ф. Н. Глинки, А. С. Пушкина. В дальнейшем стали преобладать произведения самого Ф. В. Булгарина, а также О. И. Сенковского, В. А. Ушакова и др., записки о путешествиях (например, «Путевые письма» Н. И. Греча о Германии и Франции), этнографические публикации, содержавшие, описания местной жизни в различных регионах России (например, «Нравы и увеселения финнов»), исторические статьи и очерки А. В. Висковатого, М. О. Корниловича, А. А. Бестужева и др. [1, с. 100].

Фаддей Венедиктович не только занимался формированием политики газеты. Его публикации в рубриках «Нравы», «Смесь», «Словесность» стали главной ценностью газеты и особенно полюбились читателям. Публицист и издатель О. А. Пржецлавский писал: «день купца, чиновника, делового человека начинался непременно с прочтения «Пчелки» [8, с. 217]. В отделе «Смесь» помещались короткие заметки и сообщения, в которых рекомендовались изделия фабрик, заводов, мастерских, произведения литературы и искусства [7, с. 159]. Объявления и отзывы увеличивали привлекали новых читателей и популяризировали отечественную продукцию.

С 1838 г. постоянной в газете стала колонка Булгарина «Заметки, выписки и корреспонденция Ф. В.», посвященная вопросам истории, литературы и журналистики. Особенным успехом пользовался многолетний цикл Булгарина «Журнальная всякая всячина» [9], в котором анализировались вопросы самого широкого спектра: от женских головных уборов до научных открытий ученых России и Западной Европы.

Несмотря на популярность «Северной пчелы» среди российских читателей, газета почти сразу стала объектом критики как со стороны отдельных общественных деятелей, так и периодических изданий во главе с их редакторами. Главными оппонентами булгаринской газеты стали журналист А. Ф. Воейков (1779–1839) и «Московский телеграф» Н. А. Полевого (1796–1846). По мнению современных литературоведов, данная ситуация характеризовалась не как противостояние идей и концепций, а была борьбой конкурирующих периодических изданий за читателя [2, с. 84].

Важно отметить, что подписчики «Северной пчелы» делали осознанный выбор в ее пользу. Об этом говорит тираж газеты (от 1,5 до 9 тыс. в разные годы), превышавший тираж любой другой одновременно выходившей русской газеты [10, с. 57]. «Северная пчела» расширила читатель-

скую аудиторию в России. Также Булгарин открыл новый тип общения с читателем, благодаря которому распространял свои взгляды среди широкого круга читателей [3, с. 224].

Новый литературный жанр – фельетон, который появился впервые в «Северной пчеле», действительно знаменовал собой появление нового типа общения с читателем в российской журналистике. Вместо тяжеловесной публицистики возник легкий разговор о текущих событиях и насущных проблемах [1, с. 101]. Такой прием делал публикации Булгарина доступными для читателя, возникала доверительная атмосфера.

Анализ содержания булгаринских публикаций в «Северной пчеле» позволяет объединить статьи журналиста по следующим направлениям: 1) политика, 2) экономика, 3) история, 4) литературная критика и рецензии, 5) описание нравов российского общества.

Первая группа – публикации политического характера. Статьи Булгарина содержали обзор важных политических событий в стране, характеристику международных отношений во второй половине XIX в., размышления журналиста о роли России на международной арене, перспективах сотрудничества с Востоком.

Здесь стоит отметить, что публикации в «Северной пчеле» на политическую тематику соответствовали общегосударственной концепции и не выходили за ее рамки. На наш взгляд, более открыто свои политические воззрения Булгарин излагал в записках в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Интересны размышления журналиста о взаимодействие государства и общества. Данное взаимодействие должно было строиться на «гласности» [11, с. 46]. В качестве примера он приводил екатерининскую эпоху, о которой судили, в том числе, по журнальной полемике. Также в либеральный период правления Александра I правительственные шаги обсуждались в журналах «Вестник Европы» (1802–1830), «Дух журналов, или Собрание всего» (1815–1820) [11, с. 46]. По мнению журналиста, важно было предоставить свободу публике в отношении целого ряда вопросов. К ним можно отнести театральные постановки, литературные произведения и т. д. [11, с. 48]. Определенная гласность как правительственная мера – та золотая середина, которая удовлетворила бы и государство, и общество [11, с. 47].

Следующая группа публикаций Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» посвящена экономическому развитию России. Наибольшее количество статей по этой тематике были опубликованы 1830-е гг. Позже, в 1840-х гг., Булгарин основал отдельное издание «Эконом. Общеполезная библиотека». В новом издании Булгарин сосредоточил свое внимание на развитии сельского хозяйства, распространении передовых идей в области управлениями имениями [12], выведении новых сортов сельскохозяйственных культур [13], сбору урожая [14], осушении почв [15]. Издание было направлено на обмен опытом между читателями в сфере эффективного ведения домашнего хозяйства. Интересно, что сельское хозяйство журналист считал «благородным и полезным занятием» [16, с. 3]. Фактически, он развивал идеи об

эффективном ведении домашних хозяйств, которые могли стать экономическим фундаментом всей страны. Сам Булгарин активно внедрял передовой опыт в собственном имении в Карлово под Дерптом, хозяином которого стал в 1828 г.

Ф. В. Булгарин подчеркивал необходимость развития секторов обрабатывающей промышленности, основанных на местном сырье [17, с. 3]. Ориентированность российской экономики на вывоз сырья, по его мнению, ставило ее в зависимость от поставок сырья и товаров из других стран. Переориентация экономики на обработку местного сырья позволила бы создать мощный обрабатывающий сектор, поддержать сельское хозяйство, усилить капиталооборот и создать фундамент для экономической независимости страны [18, с. 3–4].

Ф. В. Булгарин уделял внимание необходимости развития торговой сферы в России и считал, что «Россия есть страна торговая» [19, с. 2]. Именно развитие торговой сферы способствовало более качественному развитию сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности. Однако, в российской торговле существовал ряд проблем. Ключевой, по мнению журналиста, была малообразованность ее представителей: «в наших обществах упоминают о бирже, только по случаю привоза свежих устриц, заморских птиц и южных растений» [19, с. 3].

Интересным явлением в российской экономике были выставки промышленных изделий, организованные Министерством финансов. Первая общероссийская выставка прошла в Петербурге в 1829 г. [20, с. 252]. По мнению редактора «Северной пчелы», выставки промышленных изделий должны были выполнять следующие задачи:

1) показать текущий уровень промышленного производство и тенденции развития по отраслям [21, с. 3];

2) продемонстрировать не только товары и образцы сырья, но и предложить новые идеи в виде усовершенствований в области производства и качества товаров [21, с. 4];

3) воспитывать чувство вкуса у потребителя. Выставка «приучает глаз к хорошему, и научает отличать хорошее от дурнаго», – отмечал Булгарин [21, с. 4].

Проблема качества российской продукции также активно обсуждалась на страницах популярной газеты. В 1837 г. Фаддей Венедиктович поддержал обширной статьей в «Северной пчеле» изменения к таможенному тарифу 1822 г., которые разрешали ввоз многих иностранных товаров, запрещенных ранее. Он полагал, что конкуренция с иностранными товарами будет стимулировать повышение качества отечественных: «мы молим Бога, чтоб из нашего мануфактурного языка истреблены были: *как-нибудь* и *авось*» (выделено Ф. Б. – *Е. В.*) [22, с. 4].

Для Фаддея Булгарина качество российской продукции было важным инструментом по налаживанию экономических и хозяйственных связей между центральными губерниями и регионами. В 1828 г. он стал владельцем имения Карлово не далеко от Дерпта (нын. Тарту), поэтому был хоро-

шо знаком с ситуацией в регионе. В частности, он писал о низком качестве российских товаров, представленных на региональной ярмарке в Дерпте. По его мнению, здесь было особенно важно представить качество продукции, чтобы завоевать авторитет среди местных жителей [23, с. 3]. Также журналист предупреждал о том, что, если некачественные товары будут поступать на внешние рынки, Россия скоро уступит в конкуренции европейским странам [24, с. 4]. «Соединение небрежности, торопливости в отделке и подражания на скорую руку» — характеристика российских товаров, которые шли как в регионы, так и на внешние рынки [22, с. 4].

Ф. В. Булгарин посещал мануфактуры и предприятия и активно делился своими впечатлениями с читателями. После посещения чугунного завода в 1828 г. он написал: «мастерские, кузницы и литейная представляют необыкновенное зрелище. Везде действуют паровые машины: они приводят в движение тысячи различных орудий, раздувают огонь, поднимают тяжести, а руки человеческие дают только виды предметам, изобретенным умом. <...> Здесь гений человека торжествует над природой» [25, с. 4].

Как видим, журналист искренне восхищался успехами промышленного прогресса в России и на страницах газеты много уделял внимания техническим новинкам и научным открытиям. Журналист не только говорил о текущих проблемах в экономике, но и обращал внимание общества на положительные тенденции в этой сфере. Он противопоставлял экономические успехи российской экономики мнениям более скептично настроенных деятелей и формировал здоровое представление о развитии страны в глазах ее граждан.

Следующая группа публикаций Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» посвящена истории. Он писал об истории и культуре славянских народов, размышлял о роли личности в истории. Ключевыми составляющими истории, по мнению журналисти, являлись «участие, принимаемое народом в судьбе своих правителей <…>, степень просвещения и нравственности целого народа, его политический характер, подвиги произведенные общими силами, внутреннее состояние и внешние отношения, успехи и несчастия» [26, с. 3]. Более того, Булгарин отвечал на вопрос о предназначении истории: «чтобы сделать людей лучшими» [26, с. 3].

На страницах газеты Булгарин оставил интересные рассуждения о славянских народах. Например, в украинцах он подчеркивал особую любовь к своей культуре и традиции: «Казак гордится своим казачеством, дворянин своим шляхетством и родством с Гетманскими фамилиями. <…> Почти во всех дворянских родах хранятся, тщательно, документы: Гетманские универсалы (или указы), переписка с полковниками и старшинами бывшего Малороссийского войска и разные письменные предания о старине. <…> характеристическая черта Малороссиян: привязанность к своей земле и фамильная гордость, а из этих чувств, само по себе разумеется, родилось третье чувство: любовь к народным преданиям или истории своей родины» [27, с. 3].

Еще одна группа публикаций Ф. В. Булгарина – критика литературных произведений и рецензии. Данная группа представляет собой не только

оценку конкретных литературных произведений и новых книг, но включает размышления журналиста о роли литературы в обществе в целом и влиянии литераторов на настроения читателей.

Фаддей Булгарин обращал внимание на красоту русского языка и стремился воспитать в своих читателях уважение и любовь к родному языку. «Русское слово есть образец полноты, сладкозвучия и гибкости» [28, с. 4] – писал журналист. Также он особенно подчеркивал важную роль литературы в создании культурного кода нации и критиковал современных ему литераторов за недостаток национальных смыслов в ней. Источником вдохновения для литераторов должны были служить отечественная история и культура, а также красота природы и ее разнообразие [28, с. 4]. «Чтобы быть великим, надо быть национальным, то есть, принадлежать своему отечеству и народу всеми способностями души своей» [28, с. 4], – делился Булгарин с читателями. Поиск национальных глубинных смыслов и отражение их в российской литературе видел ключевой задачей литераторов.

Здесь стоит сказать о юморе и иронии журналиста как важной составляющей публикаций. Например, в конце 1842 г. он писал: «почти все газеты и журналы обещают на будущий *год улучшения, распространения, усовершенствования*! (выделено Ф. Б. – *Е. В.*). Северная Пчела, напротив, вовсе не обещает улучшений! Если б она могла быть лучше, то для этого не ожидала бы именно 1843 года» [29, с. 2]. Тонкая ирония придавала особый стиль публикациям журналиста и делала их более привлекательными для читателей.

Наиболее крупная группа публикаций Ф. В. Булгарина в «Северной пчеле» посвящена нравственным проблемам российского общества. Булгарин осуждал малообразованность и взяточничество, нечестное исполнение служебных обязанностей, неуважение родного языка и культуры, увлечение азартными играми, стремление к роскоши и погоню за модой. Так называемые званые обеды, которые были распространены в высшем российском обществе, подменили настоящее понятие русского хлебосольства и превратились в самое бессмысленное занятие и праздное препровождение русских дворян [30, с. 4].

Ментальное и физическое здоровье, по мнению журналиста, были главными ценностями в жизни человека. В одном из своих фельетонов Булгарин дал простой, но вместе с тем гениальный совет: «Лучшее средство избавиться от искушения демона роскоши и дорогих наслаждений нам известно, и мы объявляем, его даром, всем и каждому. Вместо того, чтоб давать дорогие обеды, балы, играть в большую игру в вист, и рыскать по магазинам, накупите книг и займитесь чтением. Истратив 500 рублей, в год на книги, вы сбережете тысячи и приобретете то, чего не найдете ни за карточным столом, ни в бутылке, ни в контрдансе, а именно спокойствие, здоровье и познания» [31, с. 4].

Ключевой проблемой высшего российского общества по мнению Ф. В. Булгарина, была чрезмерная увлеченность французским языком и культурой и пренебрежительное отношение к родному языку и культуре. Наш земляк писал: «В голове, которая в России думает обо всем по-французски, не могут родиться мысли русские патриотические» [32, с. 4]. Журналист наблюдал

неадекватное перенимание французской культуры русскими дворянами и понимал, что данное явление противопоставляется любви к родине. «Русскому можно знать десять языков, но не прилично говорить со своим единоземцем иначе как по-русски, и что нам должно подражать иностранцам только в одной их привязанности к отечественному» [33, с. 4], – писал Ф. В. Булгарин.

Наибольшую угрозу для нравственности Ф. В. Булгарин видел в том, что воспитание молодого поколения было отдано французским гувернерам и учителям. Последние не только порой не давали полноценных знаний, но и отрицательно влияли на нравственное и культурное развитие своих воспитанников. Данное явление породило пропасть между элитой и простым народом: «иностранное воспитание многим из нас вскружило головы вздорными идеями и без всякой нужды, против нашей воли, отдалило от народа, который, в первобытной простоте, своих нравов, достоин всего нашего уважения» [34, с. 4].

Залогом идеального общества, по мнению Ф. В. Булгарина, было просвещение народа: «Просвещение сближает все сословия» [35, с. 4]. Просвещение могло создать основу для формирования в каждом человеке таких качеств, как честность и доброта [36, с. 30]. Фаддей Венедиктович рекомендовал посвящать больше времени самообразованию, нравственному совершенствованию, старательному выполнению своих обязанностей в семье и на службе, приобщению к отечественной истории и культуре [37, с. 137].

Таким образом, тематика публикаций Ф. В. Булгарина в газете «Северная пчела» освещала самые важные вопросы своего времени. Политические публикации отражали оценку текущей ситуации в России, однако в полной мере не отражали взглядов журналиста в силу цензурных ограничений. Статьи Булгарина, посвященные развитию российской экономики, содержали характеристику ключевых тенденций, проблемы и пути решения. В частности, Булгарин активно поддерживал развитие сельского хозяйства и секторов обрабатывающей промышленности, ратовал за развитие торговли и улучшение качества российской продукции. Многие его рекомендации в сфере экономики актуальны до сих пор. Статьи по истории содержали интересные размышления Булгарина о роли личности в истории и культуре славянских народов. Литературные обзоры и критические рецензии журналиста были направлены на привлечение к чтению новых слоев населения, распространение знаний о литературе среди читателей и углубление отечественного литературного и культурного опыта в целом. В нравоописательных публикациях Булгарин выступал как просветитель. Он обличал малообразованность и невоспитанность, слепую погоню за модой и нелюбовь к родному языку и культуре. Журналист, сам постоянно стремившийся к новым знаниям, призывал посвящать больше времени самообразованию и нравственному совершенствованию. Темы, которые затрагивал наш земляк в собственной газете, особенно интересны и актуальны сейчас. Публикации Ф. В. Булгарина представляют большой интерес для историков, а также являются бесценным наследием для потомков.

Список использованных источников

1. *Рейтблат, А. И.* Фаддей Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции: статьи и материалы / А. И. Рейтблат. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 632 с.

2. *Акимова, Н. Н.* Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф / Н. Н. Акимова. – Хабаровск: ХТПУ, 2002. – 182 с.

3. *Федута, А. И.* «Кто бы ни был ты, о мой читатель…»: проблема читателя в литературе пушкинской эпохи / А. И. Федута. – Минск: Лимариус, 2015. – 400 с.

4. *Федута, А. И.* Перамога і параза здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / А. И. Федута // Булгарын Фадзей. Выбранае; уклад., прадм. і камэнтар А. І. Федуты. – Минск: Беларускі кнігазбор, 2003. – С. 5–42.

5. *Бестужев-Марлинский, А. А.* Сочинения: в 2 т. / А. А. Бестужев-Марлинский. – Москва: Художественная литература, 1958. – Т. 2. – 742 с.

6. *Киселев, А. П.* История оформления русской газеты (1702–1917 гг.) / А. П. Киселев. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 192 с.

7. *Западов, А. В.* История русской журналистики XVIII – XIX веков / А. В. Западов. – М.: Высшая школа, 1973. – 544 с.

8. *Пшацлаўскі, В.* Калейдаскоп успамінаў: у 2 т. / В. Пшацлаўскі. – Мінск: Лімарыус, 2012. – Т. 2. – 366 с.

9. *Булгарин, Ф. В.* Журнальная всякая всячина / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1842. – 14 марта.

10. *Рейтблат, А. И.* Ф. В. Булгарин и его читатели / А. И. Рейтблат // Чтение в дореволюционной России: сб. науч. тр.; сост. А.И. Рейтблат – М.: ГБЛ, 1992. – С. 55–66.

11. «Видок Фиглярин»: письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение; публ., сост., предисл. и коммент. А. И. Рейтблата. – М.: НЛО, 1998. – 702 с.

12. *Булгарин, Ф. В.* Управление имением / Ф. В. Булгарин // Эконом. – 1841. – Т. 1. – Тетр. 11. – С. 90–91.

13. *Булгарин, Ф. В.* Самый простой и легкий способ возделывания картофеля, средства к его сохранению и совет, как заставить русского человека полюбить его / Ф. В. Булгарин // Эконом. – 1841. – Т. 1. – Тетр. 1. – С. 3–5.

14. *Булгарин, Ф. В.* Нечто об уборке хлеба / Ф. В. Булгарин // Эконом. –1841. – Т. 2. – Тетр. 35. – С. 281–282.

15. *Булгарин, Ф. В.* Об осушении почвы / Ф. В. Булгарин // Эконом. – 1841. – Т. 2. – Тетр. 32. – С. 253–255.

16. *Булгарин, Ф. В.* Помещичья беда / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1840. – 25 окт.

17. *Булгарин, Ф. В.* Несколько мыслей о деле общем / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1833. – 24 нояб.

18. *Булгарин, Ф. В.* Союз сельского хозяйства с фабричною промышленностью / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1834. – 2 нояб.

19. *Булгарин, Ф. В.* Всемирный коммерческий кризис / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1837. – 6 июля.

20. *Киняпина, Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности / Н. С. Киняпина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 453 с.

21. *Булгарин, Ф. В.* С какой точки зрения должно смотреть на выставку изделий мануфактурной и фабричной русской промышленности / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1839. – 5 июня.

22. *Булгарин, Ф. В.* О переменах в русском тарифе / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1837. – 10 февр.

23. *Булгарин, Ф. В.* Письма Ливонского пустынника о мануфактурной промышленности, художествах, словесности, статистике, истории и проч. / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1834. – 24 авг.

24. *Булгарин, Ф. В.* Дерптская ярмарка (1836 года) / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1836. – 2 марта.

25. *Булгарин, Ф. В.* Поездка на казенный чугунный завод / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 11 сент.

26. *Булгарин, Ф. В.* Мысли, родившиеся при чтении книги «История российско-австрийской кампании 1799 года, под предводительством Суворова-Рымникского, изданная Е. Б. Фуксом» / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1826. – 1 июня.

27. *Булгарин, Ф. В.* Русские письма / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1843. – 11 нояб.

28. *Булгарин, Ф. В.* Краткий разговор о обширном предмете / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1825. – 17 окт.

29. *Булгарин, Ф. В.* Журнальная всякая всячина / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1842. – 14 нояб.

30. *Булгарин, Ф. В.* Досуг и недосуг / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1825. – 6 янв.

31. *Булгарин, Ф. В.* Всемирный коммерческий кризис / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1837. – 7 июля.

32. *Булгарин, Ф. В.* Урок фанфаронам и ветреникам / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1826. – 27 апр.

33. *Булгарин, Ф. В.* Провинциал в обществе большого света: (Похождение второе) / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1825. – 24 янв.

34. *Булгарин, Ф. В.* Народные увеселения на Святой неделе / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1827. – 9 апр.

35. *Булгарин, Ф. В.* Беседа в гостинном дворе / Ф. В. Булгарин // Северная пчела. – 1840. – 15 окт.

36. *Булгарин, Ф. В.* Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли / Ф. В. Булгарин // Полное собрание сочинений Фаддея Булгарина. – Т. 7: Нравы. Нравы и словесность. История и нравы. – СПб: М.Д. Ольхин, 1844. – С. 17–30.

37. *Булгарин, Ф. В.* Дурные времена. Очерки русских нравов / Ф. В. Булгарин. – М.: Азбука, 2007. – 368 с.

(Дата поступления: 04.07.2023).

УДК 101+378.01

МОДЕЛЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XIX В.

Вашко О. А.

Белорусский государственный экономический университет,

Минск, Беларусь

В статье проанализировано развитие философского образования в университетах Российской империи (включая Виленского университета) XIX в. в меняющемся социокультурном контексте. Отражены основные изменения в преподавании философских дисциплин под влиянием идеологических, культурных и религиозных факторов, выявлена взаимосвязь политических событий и царских указов с перечнем и содержанием преподававшихся дисциплин, отмечено детерминирование православием и русско-немецкими связями системы философского образования. В статье поднимается важная тема роли и функции философии как общеобразовательной дисциплины в высшем образовании, и рассматривается индивидуальный, оригинальный путь развития философского образования в Российской империи XIX в. под влиянием западных традиций.

Ключевые слова: философское образование; университеты Российской империи; академическая философия; Виленский университет; философия в университете; высшее образование в XIX веке.

THE MODEL OF THE PHILOSOPHICAL EDUCATION AT THE UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19th CENTURY

Vashko O. A.

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

In the article is analyzed the development of the philosophical education at the universities of the Russian Empire (including the University of Vilna) in the 19th c. in the changing socio-cultural context. The paper reflects the basic changes in the teaching of philosophical disciplines under the influence of ideological, cultural and religious factors; the interrelation of political events and tsarist decrees with the list and content of the taught disciplines has been revealed; the Orthodoxy and the Russian-German relations determination of the philosophical education system has been noted. In the article is raised an important question of the role and function of philosophy as a general education discipline in the higher education and is considered the individual and original way of the philosophical education development under the influence of the Western traditions in the Russian Empire in 19th c.

Keywords: philosophical education; universities of the Russian Empire; academic philosophy; the University of Vilna; philosophy at university; higher education in the 19th cnt.

Особенности индивидуального пути развития системы философского образования в стране обусловлены тем, что социальные и культурные изменения, произошедшие в Европе, Россия претерпела на несколько веков позже, чем западные государства. В то время как европейская философия в виде университетской дисциплины прошла уже ряд этапов своего развития, в учебных учреждениях России философия как особый предмет начала преподаваться только во второй половине XVII ст., в русском регионе не было схоластики, эпохи Возрождения и Реформации как особых культурно-исторических этапов.

Профессионализация философского образования в XVIII в. осуществлялась под воздействием немецкого образца, и, в первую очередь, философии Х. Вольфа. Петербургская Академия стала первым шагом в институционализации философии в светском российском образовании, гармонично впитавшей в себя достоинства европейской системы преподавания в университетах и сохранившей оригинальность развития русской философской мысли. Особая духовно-культурная ситуация XVIII в. в России благоприятствовала внедрению актуальных философских учений Запада и развивала собственные традиции философствования. В Академическом университете Петра I философия впервые приобрела статус учебной дисциплины и преобразовалась в систему знаний, изучаемую в университетах России, а философский факультет стал фундаментом для остальных факультетов [1, с. 74].

Вслед за Петербургской Академией были основаны Московский (1755), Дерптский (1802), Виленский (1803), Казанский (1804), Харьковский (1805), Санкт-Петербургский (1819), Киевский (Святого Владимира), (1833), Новороссийский (Одесса, 1864), Томский (1888) и Саратовский (1909) университеты. Возникшие российские высшие учреждения образования не заимствовали многие средневековые порядки университетов западной Европы: подтверждением этому служит отсутствие в них богословского факультета, отмечает А. Н. Донин [2, с. 16]. Идея организации российского университета по образцу классического немецкого выразилась в проекте университетского устава 1804 г. Впервые в России был выдвинут принцип свободы преподавания и мнений, эффективность преподавания профессоров оценивалась с точки зрения их участия в научном процессе [3, с. 44].

Формирование философского образования в стране было обусловлено научными достижениями, пришедшими с Запада, влиянием немецкой модели университета, приездом немецкой профессуры в Россию и стажировками студентов за границей, развитием рационализма в русской ментальности, а также потерей православием определяющей позиции в сфере образования. К XIX в. постепенно статус философии изменился в государстве: из внешнего фактора духовной жизни она превратилась в мировоззренческую детерминанту, подведенная государственной политикой под идеологию «православие, самодержавие, народность». Модель университетского философского образования в Российской империи выстраивалась в контексте религиозного, политического и западного влияний [1, с. 63].

Проблема формирования и развития философского образования периода Российской империи XIX в. наиболее полно и глубоко исследована отече-

ственными авторами. Ее анализ проведен на основе использования справочно-информационных изданий университетов, журнальных научных статей, монографий. Научные статьи можно разделить на два блока: первый включает в себя исследования философского образования в Московском университете (В. В. Миронов [4], А. Т. Павлов [5], И. Я. Щипанов [6]), в Виленском университете (П. Н. Жукович, В. И. Пичета [7; 8]), в России в целом (И. А. Полякова [9]); второй состоит из статей, в которых рассматриваются разные исторические периоды университетского, в том числе и философского образования, авторами которых являются: Ф. А. Петров (Устав 1804 г.) [10; 11], А. Ю. Андреев (XVIII – начало XIX вв.)[3; 12], Х. Л. Танклер [13], Е. А. Князев (первая половина XIX в.) [13], А. Н. Донин (вторая половина XIX в.) [2] и др.

Фактором, детерминирующим процесс развития и судьбу философии в системе высшего образования в Российской империи XIX в., являлась политика государства. Именно она играла важнейшую роль в определении места и роли философии в социуме и университетском образовании, а также содержания самой дисциплины.

Можно отметить, что если на Западе университеты зарождались как свободные корпорации учащихся и преподавателей, изначально имевшие богословский характер, то в России участие государства в зарождении университетов было основополагающим, а положение русской православной церкви, которая располагала собственными семинариями и академиями, обусловило изначально неклерикальный характер высшего образования [11, с. 60]. Вследствие этого, в университетской организационной деятельности в Российской империи особое значение имели уставы – государственные законодательные акты, определяющие внутренний распорядок.

В начале XIX в. модель немецкого классического университета оказала значительное влияние на университетское образование в России, и движение в данном направлении было вызвано прагматическими соображениями, то есть неудовлетворенностью результатами университетских реформ начала века. Реализовал данную программу министр народного просвещения С. С. Уваров, включив в нее несколько основных принципов, характерных для классического немецкого университета, и многие теоретические идеи, предложенные немецкими классиками, в том числе гуманистическое понимание «обучения наукой», которое позаимствовал у В. фон Гумбольдта. Реализованные С. С. Уваровым идеи отражали реформирование системы прусского образования, о чем свидетельствует осуществленная им тесная связь Академии наук с университетом, а также публикация статей по тематике немецких университетов в основанном им журнале Министерства народного просвещения [3, с. 50–52]. Придерживаясь консервативных взглядов на просвещение, науку, литературу, позиционируя идеологию «православие, самодержавие, народность», министр стремился усилить правительственный контроль над университетами, и при нем была восстановлена практика командирования ученых за границу [14, с. 129–130]. В Уставе 1835 г. ставилась главная задача: повышение уровня развития университетской науки и преподавания. Автономия университета в духе идей В. фон Гумбольдта была применена в от-

ношении науки, а создание единого для гуманитарных и естественных наук философского факультета свидетельствовали о влиянии структуры Берлинского университета, в котором стажировались многие русские студенты в начале XIX в. Именно модель Гумбольдта стала официальным образцом, по которому создавались университеты в России.

С другой стороны, известен факт, что изначально в Московском университете не было теологического факультета, сфера духовности была отделена от светского образования, констатируют В. В. Миронов и В. Ф. Пустарнаков в своих исследованиях [4, с. 89; 15, с. 31]. В связи с учреждением кафедры богословия в университетах и преподаванием курса Закона Божьего в гимназиях профессорам советовалось проявлять особую осторожность в отношении курсов философии и естествознания. Данные нововведения были связаны с искоренением «опасного духа философского вольномыслия и установлением согласия между верою, ведением и властью» [16, с. 33]. Таким образом, в системе образования резко усилились религиозные влияния, Библия стала основой всех наук, а философия была провозглашена опасной дисциплиной.

Например, в Харькове и Казани благодаря приезду профессоров из Гёттингенского университета возникла среда, близкая к идеям немецкой классической модели, передавшая в Россию лучшие достижения немецкой науки и придавшая новый облик университетской организации. С другой стороны, массовые поездки из России в Гёттинген констатируют заинтересованность дворян в получении широкого энциклопедического образования в Германии [17, с. 30; 11, с. 11]. Обучение будущих российских профессоров в Германии не носило более ученического характера, а представляло научные стажировки молодых ученых, которые вели самостоятельные исследования. Вернувшись на родину, они привносили в отечественные университеты идеалы Просвещения и идею о цельности знаний, базирующейся на единой методологии, что являлось основным достижением немецкого классического университета. В результате, преобразования эпохи Уварова были ориентированы на воспитание ученых за границей и воплощение идей Гумбольдта на российской почве. Созданный им тип университета соответствовал гумбольдтскому определению и был приспособлен к отечественным условиям.

Политика царского правительства в отношении университетов в первой половине XIX в. носила противоречивый характер. С одной стороны, правительство всемерно способствовало искоренению вольного духа, царизм ставил цель сделать их закрытыми учебными заведениями для высшего сословия. С другой стороны, идея университета состояла в развитии национального образования и науки, противостоящей принципам феодального строя. В связи с приемом студентов из недворянских сословий, заинтересованных в научных знаниях, самодержавие было не способно повлиять на развитие активной научной деятельности в университетах. Работа талантливых профессоров заложила основы научного мышления и содействовала усилению их роли как крупных научных и культурно-просветительских центров России [18, с. 48]. Университет как центр науки выполнял функцию основ-

ного цензорского органа, но развитие высшего образования замедлялось отсутствием общественной заинтересованности в его совершенствовании и бюрократизацией академической жизни. В результате, его деятельность была обусловлена противоречивыми политическими и социальными явлениями извне и внутри учреждения, которые оставили положительный и отрицательный след в развитии университетского образования и науки.

Статус философского факультета в российских университетах также постоянно изменялся в зависимости от политических, социальных, культурных и религиозных влияний, взаимоотношений философии и власти. Философский факультет то пытались упразднить, то совсем закрывали. С одной стороны, властям требовалась идеологическая обоснованность, а философия как мировоззренческая система выполняла данную функцию и этим поддерживала образовательные структуры. С другой стороны, любовь и стремление философии к свободе ориентировали на плюрализм идей, иногда враждебный идеологическим установкам, что вынуждало власти запрещать преподавание данной дисциплины. Таким образом, властями осознавалась значимость изучения философии в рамках получения полноценного образования и ее идеологическая сила, но в то же время оставался страх перед свободой мышления благодаря ее изучению. Например, в Московском университете со дня его открытия логику, метафизику и нравоучительную философию должны были изучать все студенты на философском факультете до принятия устава в 1804 г. Утвержденный документ предполагал равенство двух начал – государственности и самоуправления, заимствовал принципы классической модели немецкого университета, ее влияние безусловно отразилось в данном уставе [3, с. 39; 11, с. 10].

Что касается территории Беларуси, то центром просвещения стал Виленский университет – старейшее высшее учебное заведение в восточной части Европы, история которого началась с открытия иезуитской академии на базе коллегиума, наделенной правами университета в составе с философским и теологическим факультетами королем Речи Посполитой Стефаном Баторием в 1579 г. На философском факультете преподавалась логика, физика, метафизика, поэтика, математика, география, древние и новые языки, что было идентично европейской системе образования. Виленская Академия приравнивалась к остальным университетам и являлась научным центром, который готовил деятелей церковной службы и давал образование белорусской шляхте [13, с. 10]. Можно отметить, что академия ничем не отличалась от европейской доклассической модели. В истории Виленской академии были периоды спада и бурного развития, наряду с временами господства консервативных взглядов и схоластики она была источником прогресса науки, особенно философии и естествознания, в Восточной Европе. В философском образовании это проявилось в том, что большинству профессоров была присуща непоследовательность и противоречивость взглядов: с одной стороны, была свойственна ориентация на достижения естествознания, прогрессивные учения и концепции новой философии, с другой стороны, отдельные профессора философии в своих курсах лекций и трудах стремились все свести к учению об универсалиях и силлогизмах.

С 1795 г. территория Беларуси вошла в состав Российской империи, и под русским владычеством католический Виленский университет в составе четырех факультетов – морального, политических наук, медицинского, литературного и вольных искусств – достиг высшей степени своего научного процветания, приблизил российскую систему просвещения к западноевропейской и оказал значительное влияние на ход и развитие всего образования. Из всех российских университетов он был наиболее европеизированным. Кроме этого, при Виленском университете существовала главная духовная семинария для высшего богословского образования живших в западной России католиков и униатов, где велась полемика о перспективах развития католицизма на территории Беларуси [7]. Католическому духовенству не нравилось, что в стенах семинарии учащиеся постигали новейшие знания в области богословских наук, а не изучали средневековую латинскую схоластику. Богословское обучение было более продвинутым в Вильне, чем в других духовных академиях России.

С одной стороны, в университете изучались новейшие научные и философские достижения Европы, с другой стороны, его деятельность пыталось контролировать государство. Виленский университет развивал идеи Просвещения, а в 1817 г. в нем образовалось общество филоматов («любителей знания»), члены которого обязательно изучали труды Платона, Вольтера, Руссо, Мабли, Гельвеция, Юма [1, с. 81]. В 1820 г. произошла ликвидация иезуитских училищ, в 1823 г. Александром I были запрещены общества филоматов и филаретов («друзей добродетелей») за распространение «безрассудного польского национализма», также вышел запрет на обучение молодежи Беларуси и Литвы за рубежом. Позднее из-за участия или косвенного причастия студентов и профессоров к восстанию 1831 г. Виленский университет был упразднен.

XIX в. не был благополучным для философских дисциплин, так как с 1817 г. происходило усиленное идеологическое давление на учебные заведения в России. Философский факультет Московского университета был закрыт вследствие объединения духовного и светского образования.

Анализ преподавания философии в Санкт-Петербургском университете показывает, что оно было нестабильным, прерывным и непоследовательным, философия читалась нерегулярно, в разное время испытывала влияние со стороны разных сил и сторон. В 1821 г. правительство совсем запретило преподавание философии, связанное, по его мнению, со свободомыслием: на собрании профессорам данного университета были предъявлены обвинения в преступлениях против государства и религии [19, с. 12]. В 1820 г. преподавание философских предметов в Казанском университете определяла подробная инструкция: отвергалось то, что не согласуется с разумом Священного писания [20, с. 38].

После восстания декабристов в 1825 г., участниками которого были многие университетские воспитанники, царским правительством было запрещено преподавать философию с 1826 по 1835 г. в Московском университете. И. А. Полякова отмечает, что 1825–1865 гг. называют годами «фило-

софского молчания» в истории русской мысли, так как они характеризуются разгромом философии и запретом ее преподавания, реакцией против просвещения, строгими цензурными ограничениями [9, с. 89]. Несмотря на строгие меры, философская мысль развивалась в университете. Студенты знакомились с философией, слушая лекции и изучая труды по естественным наукам. Кроме этого, передовая философия распространялась через журналистику: увеличилось количество публикаций по философской и социальной мысли Белинского, Герцена, Огарева, Чернышевского, Добролюбова, Павлова и других представителей революционно-демократического течения. Вследствие этого, желавшие получить философское образование обращались к передовым журналам, «которые умели сквозь рогатки цензуры, часто пользуясь эзоповским языком, знакомить читателей с новейшими направлениями и достижениями философской мысли» [6, с. 26]. Аксаков, Герцен, Белинский в своих сочинениях подчеркивали свободный дух российских университетов.

Обращаясь к конкретным примерам судьбы философской дисциплины, можно отметить следующее: изменения в преподавании философии в Санкт-Петербургском университете в 1835 г. были детерминированы политическими событиями в Европе, философию частично запретили, а логика и антропология стали общим предметом для студентов всех факультетов [16, с. 44]. В Московском университете по уставу 1835 г. философский факультет был восстановлен, но не как общеобразовательный, а в составе историко-филологического и физико-математического отделений, констатирует А. Т. Павлов [5, с. 3].

Реформы в России дважды соотносили свое университетское строительство с немецкими образцами – в 1800-х и 1830-х гг. Эти периоды соответствовали этапам смены Геттингена Берлином в качестве образцовых.

В николаевскую эпоху проявлялось стремление ограничить права и автономию университетов, вписать их деятельность в административную систему государства, и эту задачу помогало решить обращение к опыту Гумбольдта в Берлине. В 1850 г. министр народного просвещения князь П. А. Ширинский-Шихматов (1790-1853) в докладе Николаю I (1796–1855) утверждал: «Польза от философии весьма сомнительна, а вред очевиден» [2, с. 54; 4, с. 90; 20, с. 40]. По его предложению царь приказал устранить из преподавания философии все, за исключением логики и опытной психологии [6, с. 33] Это было обусловлено желанием изолировать университеты от проникновения либеральных западных идей и подчинить их духовную жизнь государству. В Московском университете философские дисциплины остались только на отделении нравственно-политических наук. Данный факт подтверждает шаткое положение преподавания дисциплины философии в российском университете того времени и неоднозначное отношение к ней со стороны властей.

В. В. Миронов и В. Ф. Пустарнаков отмечают, что на самом деле преподавание философии не прекратилось, под контролем духовенства осуществлялось формирование русской религиозной философии [4, с. 90; 15, с. 31]. Деканы должны были наблюдать, чтобы в учебные программы не включа-

лось ничего противоположного учениям православной церкви. Философия была объявлена бесполезной дисциплиной, профессорам богословия было поручено соединить курсы философии и государственного права с истинами откровения [13, с. 88]. В результате, когда с 1850 г. преподавание философии в университетах отменили, в семинариях и духовных академиях ее попрежнему изучали, философия подменялась богословским дисциплинами.

Духовно-академическая философия, представляющая собой синтез православного вероучения и западноевропейской философской методологии, до сих пор выступает слабо изученным звеном профессиональной философии. Следует отметить роль докторов и преподавателей академий в становлении и развитии философского образования, которые связывали будущее православия и русской философии с созданием системы философского обоснования православных истин. Как отмечает М. А. Маслин, первое специальное освещение истории философии принадлежало перу архимандрита Гавриила и было опубликовано в Казани в 1840 г. В основу отечественного словаря философской культуры положены труды русских монахов конца XVIII в. – начала XIX в., представителей школы выдающегося иерарха митрополита Платона (Е. А. Болховитинова). Его деятельность продолжил С.С. Гогоцкий, представитель Киевской школы духовно-академической философии, которая издала первые обширные философские лексиконы. Значимый вклад внесли доктора духовных академий в переводы на русский язык классиков античной философии. Особую роль в повышении уровня преподавания философских наук в духовных учебных заведениях сыграл митрополит Филарет Дроздов. Преподаваемые философские дисциплины включали в себя историю философии, логику, психологию, педагогику и метафизику, что подтверждает фундаментальность подготовки [1, с. 67].

Приобщение к философии рассматривалось не как цель образования, а как средство для лучшего уяснения православия. Первые учебники по философии были написаны Ф. Ф. Сидонским, В. Н. Карповым, В. Д. Кудрявцевым-Платоновым [1, с. 67]. Профессора и преподаватели духовных академий были заняты не только истолкованием христианских догматических положений и богословско-философских умствований, но также разработкой философских курсов по логике, психологии, истории философии, этике. Данными фактами объясняется особо развитый религиозный характер русской философии, глубина философских поисков в проблемах религии.

Следовательно, развитие философского образования и религиозный характер философии были обусловлены также активным преподаванием философских дисциплин в духовных академиях, интенсивной научной деятельностью профессоров данных учреждений, спецификой проблематики для исследований. В результате, на протяжении российской истории православие было неотделимой частью духовной жизни общества, философского образования и политики государства.

Изменение отношения правительства к статусу философии было вызвано проникновением идей западного Просвещения в Россию, которые определяли общее сознание того времени, что послужило двигателем обществен-

ной мысли, освободительного движения, развития образования. В середине XIX в. можно говорить о вступлении России в новую эпоху, которая знаменуется временем реформ, уходом от порядков предшествующей николаевской традиции с ее политическим деспотизмом, всевластием бюрократии и пренебрежением к науке и образованию, безжалостной борьбой с любыми проявлениями западного просвещения. Основу общественного прогресса, в том числе и в образовании, составили идеи просвещения, способствующие духовному раскрепощению людей, их освобождению от догм и предрассудков, устремленностью к знаниям. В результате, идеи западного просвещения определяли общее сознание того времени, что послужило двигателем общественной мысли, освободительного движения, образования.

В конце 50-х – начале 60-х гг. XIX в. на почве просвещения поднимались вопросы реформы университетов и их законодательства в официально-служебных (бюрократических) и общественных кругах. Рассмотрение университетского вопроса переросло в общественно-идейную борьбу, в процессе которой обе стороны решали не только злободневные проблемы жизни университетов, но и определяли стратегические направления их развития [2, с. 7].

Преподавание философских дисциплин в Московском университете было возобновлено в 1861 г. на историко-филологическом факультете. Устав 1863 г. положил начало широкой университетской автономии: право восстановления философской кафедры и преподавания философии, логики и психологии. Кафедра философии была создана в рамках юридического факультета и занималась философией права. Таким образом, философии как специальности в российских университетах не существовало, отмечают исследователи А. Т. Павлов и В. Ф. Пустарнаков [5, с. 4; 15, с. 31]. Гонения философии того периода были вызваны пристрастиями чиновничества.

В начале 70-х гг. консервативное движение общественной мысли выступило с идеями пересмотра университетского устава 1863 г., потребовало проведения реформирования университетской системы и всего высшего образования в контексте укрепления общегосударственных начал в образовательной сфере. Фактические материалы подтверждают, что при подготовке университетского устава 1884 г. не было той гласности и широкого участия в процессе представителей высшей школы, публицистов, литераторов, которые сопричастны к разнообразию основ законопроекта 1863 г. [2, с. 8]. Обязательный курс философии ограничивался трудами Платона и Аристотеля [15, с. 31].

Далее в связи с русской революцией 1905–1906 гг. ситуация изменилась: общество приобрело зачатки демократии, в стране допускалась определенная степень свободы, гонения на философию со стороны властей прекратилось. Начало XX в. характеризуется развитием философии в России, ее специализацией. Данный предмет стал включаться в пропедевтические курсы для других специальностей.

Таким образом, специфика развития философского образования в Российской империи детерминирована тремя определяющими факторами: актив-

ной ролью православия, влиянием немецкой модели университета и немецкой философской традиции, контролем системы образования и содержания преподаваемых дисциплин со стороны государства, поддерживающего идеологию «православие, самодержавие, народность».

Как подтверждают результаты исследования, основной особенностью развития философии в Российской империи XIX в. являлось то, что она постоянно находилась под надзором государственного бюрократического аппарата, который пытался сделать ее служанкой политики, идеологии, министерской системы. На состоянии преподавания философии также сказались нестабильность и постоянное реформирование системы образования в России, что отразилось в основных уставах (1804, 1835, 1863, 1884). На протяжении XIX в. можно проследить неоднозначную политику по отношению к философской дисциплине в университетах, что объясняется, с одной стороны, осознанием значимости данной науки в зарождении новых идей, расширением мировоззренческого потенциала общества, идеологической поддержки, а, с другой стороны, в философии видели источник просвещения и распространения свободомыслия, что не совсем было угодно режиму царизма. В результате, в преподавании часто запрещали либо разрешали изучение некоторых философских дисциплин в рамках других факультетов и кафедр. В конце XIX ст. интерес в российском обществе к философии возрос, обучение специалистов по данной дисциплине осуществлялось по истории философии, психологии и систематической философии.

Немаловажно, что модель философского образования и оригинальный религиозный характер русской философии обусловлены интенсивной учебно-методической деятельностью профессоров духовных академий.

Тем не менее, в российских университетах философский факультет обладал особым статусом, а философия понималась как всеобщая наука. Заимствование немецкой системы философского образования проявилось также в том, что в преподавании философии использовались общеевропейские подходы, изучалась немецкая философия, философские курсы читались по западным руководствам с использованием эклектичных заимствований, но свобода выбора философских европейских течений ограничивалась государственно-церковной цензурой.

Список использованных источников

1. *Вашко, О. А.* Философское образование в истории европейского университета: социокультурные детерминанты / О. А. Вашко. – Минск: РИВШ, 2011. – 160 с.

2. *Донин, А. Н.* Университетские реформы в России: общественная мысль и практика: вторая половина XIX в. / А. Н. Донин. – Саратов, 2003. – 256 с.

3. *Андреев, А. Ю.* «Гумбольдт в России»: министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX в. / А. Ю. Андреев // Отеч. история. – 2004. – № 2. – С. 37–55.

4. *Миронов, В. В.* О философии, философском факультете и философах / В. В. Миронов // Вопр. философии. – 2002. – № 5. – С. 89–111.

5. *Павлов, А. Т.* Профессиональное философское образование в Московском университете / А. Т. Павлов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. – 2005. – № 1. – С. 3–23.

6. История философской мысли в Московском университете / И. Я. Щипанов [и др.]; под общ. ред. И. Я. Щипанова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 264 с.

7. *Жукович, П. Н.* Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803–1832 гг.) / П. Н. Жукович. – СПб.: Тип. Ф. Е. Леонского и К, 1887. – 150 с.

8. *Пичета, В. И.* Пытанне аб вышэйшай школе на Беларусі у мінулым / В. И. Пичета. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 48 с.

9. *Полякова, И. А.* Философское образование в России: становление традиции / И. А. Полякова // Вестн. рос. гум. науч. фонда. – 2005. – № 1 (38). – С. 89–95.

10. *Петров, Ф. А.* Университетский устав 1804 г. и становление системы университетского образования в России / Ф. А. Петров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 2004. – № 2. – С. 57–95.

11. *Петров, Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России: в 4 т. / Ф. А. Петров. – М.: Изд. Моск. ун-та, 2002. – Т. 1: Российские университеты и Устав 1804 г. / Ф. А. Петров. – 2002. – 416 с.

12. *Андреев, А. Ю.* Гумбольдтовская модель классического немецкого университета / А. Ю. Андреев // Нов. и новейш. история. – 2003. – № 3. – С. 48–60.

13. Танклер, Х. Л. Университеты в России в первой половине XIX в. / Х. Л. Танклер, Е. А. Князев // Вестн. высш. школы. – 1998. – № 9. – С. 85–90.

14. *Василенко, А. А.* Роль немецких университетов в модернизации образовательного процесса во второй четверти XIX в. / А. А. Василенко // Т. 2: Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. – СПб.: Центр истории идей, 2005. – С. 128–135.

15. *Пустарнаков, В. Ф.* Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры / В. Ф. Пустарнаков. – СПб: Изд-во Рус. Христиан. гум. ин-та, 2003. – 919 с.

16. Философия в Санкт-Петербурге (1703-2003): справ.-энцикл. изд. / С.-Петерб. гос. ун-т; сост. А. Ф. Замалеев, Ю. Н. Солонин. – СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2003. – 400 с.

17. *Андреев, А. Ю.* Русско-немецкие университетские связи во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.: автореф. дис. ...докт. ист. наук: 07.00.02 / А. Ю. Андреев: Моск. гос. ун-т. – М., 2006. – 38 с.

18. *Вашко, О. А.* Формирование и развитие высшего философского образования в царской России / О. А. Вашко // Выш. школа. Навук.-метад. і публіцыст. часопіс. – № 3. – 2007. – С. 45–50.

19. Философский факультет [Санкт-Петербургского государственного университета: 60 лет] / под ред. Ю. Н. Солонина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 71 с.

20. *Аврус, А. И.* История российских университетов: очерки / А. И. Аврус. – М.: МОНФ, 2001. – 191 с.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК 373.2(476)(091)+613.955(476)(091)

ВИЛЕНСКИЙ УЧЕБНЫЙ ОКРУГ НА ПУТИ К ВСЕОБУЧУ (1906–1916)

Ершова О. И.
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В статье рассматриваются планы и мероприятия Министерства народного просвещения и местных органов управления по введению в Виленском учебном округе всеобщего начального обучения в 1906–1916 гг. Анализируются объемы денежных ассигнований из государственной казны и местных средств, направляемых на развитие школьной сети, рост количества школ и учащихся. Раскрываются особенности, проблемы и итоги деятельности по введению всеобщего начального обучения в округе.

Ключевые слова: Виленский учебный округ; Министерство народного просвещения; органы местного управления; всеобщее начальное обучение; начальная школа; школьная сеть; школьно-строительный фонд.

VILNIUS TRAINING DISTRICT ON THE WAY TO THE GENERAL EDUCATION (1906–1916)

Ershova O. I.
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article discusses the plans and events of the Ministry of Education and local governing bodies for the introduction of universal primary education in the Vilnius training district in 1906–1916. The volumes of monetary allocations from the state treasury and local funds sent to the development of the school network, the growth of the number of schools and students are analyzed. The features, problems and results of activities on the introduction of universal primary education in the district are revealed.

Keywords: Vilnius training district; Ministry of public education; local authorities; universal primary training; primary school; network of schools; school-construction fund.

На рубеже XIX–XX вв. важным направлением образовательной политики в Российской империи стало введение всеобщего начального обучения (далее – всеобуч), под которым подразумевалась организация начальных школ, доступных для детей соответствующего возраста (8–11 лет) [1, с. 18–19]. В советской историографии в условиях выполнения идеологического заказа власти введение всеобуча подавалось как исключительная заслуга советской власти [2]. Современные российские исследователи М. П. Войтеховская, С. В. Голикова, В. И. Зубков, И. Н. Мамкина, Е. А. Ялозина и др. изучают историю всеобуча на основе объективного анализа образовательной политики имперской России [3–7]. Однако проблема его введения в Виленском учебном округе (далее – ВУО) остается малоизученной как в современной российской, так и в отечественной историографии.

В Министерстве народного просвещения (далее – МНП) приступили к изучению вопроса о введении всеобуча в 1901–1903 гг. [8, с. 45–54] К концу 1905 г. закончилась разработка концепции всеобуча, в которой осуществление доступности начального образования признавалось общегосударственной задачей. Обязанность открывать школы и материально их обеспечивать возлагалась на местные органы власти. Они же составляли план школьной сети всеобуча с расчетом на то, что каждая школа должна обслуживать район с радиусом не более трех верст. Правительство должно было материально помогать местным органам власти в открытии необходимого количества школ для детей в возрасте от 8 до 11 лет. МНП определило срок обучения в начальной школе ‑ четыре года, численность одного комплекта учащихся – 50 человек, которых обучал один учитель, имевший установленное законом право на преподавание, и один законоучитель. МНП принимало на себя расходы в размере минимального годового оклада содержания учителей (360 руб.) и законоучителей (60 руб.) в школах, включенных в школьную сеть всеобуча конкретной местности [8, с. 100–117].

Законопроект МНП «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи» 20 февраля 1907 г. был внесен во II Государственную думу, но ее досрочный роспуск помешал обсуждению. В III Государственной думе острые дискуссии вызвали вопросы о роли государства в проведении школьной реформы, об обязательности начального обучения, о церковно-приходских школах (далее – ЦПШ). Нестабильная внутриполитическая ситуация, жесткая межпартийная и внутрипартийная борьба, консервативная позиция ряда депутатов Государственной думы и членов Государственного совета затрудняли принятие и реализацию важнейших законодательных актов и решений в области всеобуча. Принятый весной 1911 г. III Государственной думой законопроект о введении всеобуча не получил одобрения в Государственном совете, а продолжавшиеся дискуссии по законопроекту в IV Государственной думе так и не привели к его принятию [3].

Однако МНП приступило к реализации положений «забуксовавшего» законопроекта под лозунгом «подготовительных работ по введению всеобщего обучения в Российской империи» [9]. Были произведены расчеты расходов на введение всеобуча в стране. Для местных органов управления разработаны формы бланков и образцы по составлению школьных сетей и школьных карт, финансового плана развертывания школьной сети, а также инструкции по их заполнению [1]. 5 сентября 1908 г. МНП разослало попечителям учебных округов циркуляр № 23085 «О содействии чинов учебного ведомства по составлению школьных сетей, карт и финансовых планов введения в уездах и городах всеобщего обучения» [10, с. 29–30].

С подачи МНП Государственная дума в 1908–1913 гг. ежегодно принимала законы об увеличении финансирования начального образования из государственной казны, что позволило приступить к созданию инфраструктуры всеобуча: открывать и оборудовать новые школы, строить школьные здания, расширять подготовку учителей. 3 мая 1908 г. вышел закон «Об отпуске 6 900 000 руб. на нужды начального образования». Средства предназначались

на оплату труда учителей начальных школ – из расчета 360 руб. в год на одного учителя и 100 руб. в год на одного законоучителя, на единовременные пособия для строительства и оборудования школьных зданий. Земские и городские органы самоуправления, сельские общества получили право вступать в договорные отношения с МНП о получении субсидий из казны, беря на себя обязательства расходовать освободившиеся денежные средства на содержание школ, строительные надобности, дополнительную оплату труда учителей и другие нужды, а также сделать обучение бесплатным [10, с. 19–20]. Всего в 1908–1914 гг. на введение всеобуча и связанные с ним нужды МНП выделило из государственной казны 51 900 000 руб. дополнительных ассигнований, что в 4,7 раза превысило ассигнования на начальные школы по сметам министерства в 1900–1906 гг. [8, с. 132; 11, с. 44].

Чтобы получить государственные субсидии, местные органы самоуправления предоставляли МНП проект создания школьной сети и финансовый план его осуществления, одобренные училищным советом. После их проверки и утверждения министерство заключало соглашение с уездным земством или с городским общественным управлением о выплате субсидий в соответствии с финансовым планом. Местные органы обязывались ежегодно открывать указанное в плане количество школ или школьных комплектов в уже работавших начальных училищах, обеспечить их построенными или наёмными помещениями, а учителей – служебными квартирами или т. н. квартирными деньгами [10, с. 21–30]. Контролировали соблюдение условий получения казённых субсидий инспектора народных училищ [5, с. 74]. Для решения вопроса о строительстве зданий начальных школ 22 июня 1909 г. Государственная дума приняла Закон о школьно-строительном фонде, из которого земства, города и сельские общества получали безвозвратные пособия на постройку, покупку и расширение школьных зданий, а также возвратные ссуды под 3 % годовых сроком на 20 лет (впоследствии срок увеличен до 40 лет) [10, с. 81–86].

Все указанные выше решения распространялись и на ВУО, в который к началу XX в. входили шесть губерний – Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская. В отличие от Европейской России, в них не действовали земства. Лишь в 1903 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях по Положению от 2 апреля 1903 г. учреждаются губернские и уездные комитеты и управы по делам земского хозяйства [12, с. 20–21]. Поэтому в ВУО подготовка к введению всеобуча началась позже, чем в земских губерниях, - в 1907 г.

Начальное образование в ВУО было представлено начальными учебными заведениями МНП, ЦПШ и школами грамоты, находившимися в ведении Св. Синода. В 1900 г. в 2 022 начальных учебных заведениях МНП обучалось 162 911 учащихся, а в 6 654 начальных учебных заведениях Св. Синода – 173 684 учащихся [13, с. 128–129, 134–135; 14, с. 66–67]. Большинство начальных учебных заведений работало на селе, а основные расходы по их содержанию ложились на плечи крестьян [15, с. 160–162]. С 1902 г. МНП начало ежегодно увеличивать объемы финансирования начальных учебных заведений ВУО, размер которого к 1907 г. возрос в два раза [16, с. 200–201].

По предварительным расчетам МНП в ВУО на 1 января 1907 г. должно было проживать 1 091 236 детей школьного возраста (8–11 лет). Для обеспечения всеобуча требовалось 21 826 школ – из расчета 50 детей на школу, а для их открытия – 8 512 140 руб. [9, с. 51] По плану МНП эти расходы должны были быть покрыты из государственного бюджета. Создание достаточного количества начальных школ и обеспечение их учителями стали первоочередными задачами в решении проблемы всеобуча в округе. В 1907 г. здесь начали готовиться к составлению плана школьной сети [17, с. 15–16].

Вопрос всеобуча рассматривался на совещании директоров и инспекторов народных училищ ВУО, происходившем в Вильно 15-22 декабря 1907 г. Участники совещания обсуждали министерский проект всеобуча, состояние начального образования в округе, проделанную в 1907 г. работу по составлению плана школьной сети, определили план дальнейшей деятельности. Совещание констатировало, что 2/3 детей в возрасте 8–11 лет в округе не охвачены школами и для введения всеобуча требуется увеличить их количество в четыре раза ‑ с 5 000 до 20 000 [17, с. 14]. С учетом особенностей ВУО были определены следующие рекомендации по составлению школьной сети:

1) собирать сведения о количестве детей школьного возраста путем специальной поселенной описи по карточкам;

2) признать нормальным типом двухкомплектную школу – с четырьмя отделениями и двумя учителями, в связи с чем в школьных районах с более чем 70 детьми создавать не две однокомплектные школы с одним учителем в каждой, а одну двухкомплектную с двумя учителями;

3) в местностях малонаселенных, где селения могут оказаться вне 3-верстного радиуса, устраивать общежития при школах;

4) общедоступная школа должна принимать детей без различия национальности и вероисповедания [17, с. 13].

Совещание констатировало, что, в виду недостаточного развития или отсутствия земских учреждений в северо-западных губерниях, активное участие в составлении школьной сети в ВУО должны принять дирекции народных училищ, а к работе по сбору сведений и составлению школьных карт нужно привлечь учителей. Была поставлена задача открыть в кратчайшие сроки мужские и женские учительские семинарии и учительские курсы из расчета не менее двух учительских семинарий в губернии [17, с. 17]. Обсуждались вопросы о строительстве специальных школьных зданий и правилах отпуска леса из казны на эти цели, об изменении порядка хозяйственного содержания школ [15, с. 158–162].

После принятия законопроекта 3 мая 1908 г. в Витебской, Минской и Могилевских губерниях были составлены планы школьной сети, которые, после одобрения губернскими комитетами по делам земского хозяйства в 1909 г., поступили в МНП [18, с. 32–35; 19, с. 21; 20, с. 107–108]. Государственные пособия на развитие начального образования в ВУО выделялись и распределялись в соответствии с циркулярами МНП от 31 июля 1908 г. № 18582 и № 18583. Министерство переводило в учебный округ всю сумму кредита, а распределяло ее руководство округа. В 1908 г. ВУО получил кредит в раз-

мере 500 000 руб.: 300 000 руб. ‑ на единовременные нужды 805 начальных училищ и 200 000 руб. – на содержание 2 004 начальных училищ [10, с. 21–28]. При распределении сумм по земским губерниям (Витебская, Минская, Могилевская) пособия назначались из расчета 390 руб. на комплект в 50 учащихся. При распределении сумм по неземским губерниям (Виленская, Гродненская, Ковенская) пособия назначались в размере не более 1000 руб. на содержание каждого двухклассного училища и не более 500 руб. в год на содержание каждого одноклассного училища. Если возникала необходимость увеличить размер пособия, местные учебные власти обязаны были сообщить об этом в министерство [21]. Витебскому, Минскому и Могилевскому губернским комитетам по делам земского хозяйства МНП выделило дополнительные пособия на реализацию планов всеобуча: в 1909 г. – 184 860 руб., в 1910 г. – 143 520 руб. [23, с. 47]. Государственные субсидии на введение всеобуча в земских губерниях включали: ежегодные пособия на содержание учителей, единовременные пособия на оборудование школ и школьно-строительные нужды, ссуды на школьное строительство [23]. Одновременно выросла доля земских расходов в содержании начальных школ: с 2,3 % в 1904 г. до 19,4 % в 1911 г. [24, с. 138–139; 25, с. 200–201].

В неземских губерниях составляла и реализовывала планы введения всеобуча учебная администрация. В Виленской губернии этим занимались инспектора народных училищ при содействии учителей, духовенства и волостных писарей, а в Гродненской и Ковенской – специально образованные уездные комиссии под председательством предводителей дворянства. Поскольку работа продвигалась медленно, весной 1913 г. МНП предписало ее ускорить. В этом же году в министерство поступили проекты введения всеобуча в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях [11, с. VII]. Однако к середине 1915 г. большая часть планов из неземских губерний, лежавших в МНП, или не была рассмотрена, или просмотрена поверхностно, что вновь тормозило работу по всеобучу [5, с. 79–80]. Потребности школ в этих губерниях МНП удовлетворяло по особым на каждый год представлениям местных учебных властей. В их распоряжение отпускались необходимые суммы, рост которых позволял открывать новые школы. В 1910–1914 гг. в трех неземских губерниях ВУО заработало 1 015 новых начальных школ [26, с. 16; 27, с. 22].

По состоянию на 18 января 1911 г. в ВУО функционировало 8 973 начальных школ всех типов, из них 55 % подчинялось МНП. В начальных школах всех типов обучалось 512 561 ребенок [28, с. 4-5]. Дети в возрасте 8–11 лет составляли 55,9 % всех учащихся и 21,8 % от всех детей данного возраста в составе населения [28, с. 19]. В 1910 г. на содержание всех типов начальных школ в ВУО израсходовано 5 488 757 руб. [28, с. 22] В общей сумме расходов средства казны составляли 63,3 %, земств – 15,2 %, сельских обществ – 15,2 %, городов – 2 %. Основной статьей расходов ‑ 65 % ‑ являлось содержание учителей [28, с. 127].

После введения в 1911 г. в Витебской, Минской и Могилевской губерниях земского самоуправления работу по введению всеобуча продолжили уездные

земства, вступавшие в соглашение с МНП для получения государственных субсидий [11, с. VI]. Быстрый рост школьной сети обострил проблему нехватки школьных помещений. Так, в 1910 г. причиной 60,9 % от всех отказов принять ребенка в школу стала теснота школьных помещений [28, с. 8]. Земства Витебской, Минской и Могилевской губерний выделяли собственные средства на школьное строительство, а также возбуждали ходатайства перед МНП об отпуске казенного пособия и ссуды из школьно-строительного фонда. Активность уездных земств в области школьного строительства значительно отличалась. В Могилевской губернии наиболее энергично действовало Гомельское уездное земство. В 1912–1913 гг. на строительство школьных зданий оно ассигновало 38 561 руб., а также получило от казны 83 860 руб. пособия и 77 781 руб. ссуды [30, с. 430–431]. В Минской губернии лидером являлось Борисовское уездное земство, направившее на школьное строительство 41 360 руб. из своих средств и получившее от казны 123 074 руб. пособия и 73 000 руб. ссуды [19, с. 25]. Медленно двигалось школьное строительство в Витебской губернии. Лишь Витебское уездное земство разработало в 1912 г. финансовый план школьного строительства, собираясь его реализовывать с 1914 г. [31, с. 36–38]. Большинство начальных школ в ВУО размещалось в наемных зданиях: в 1914 г. они составляли в земских губерниях 70,5 %, в неземских – 55,1 % [32, с. 77].

Рост казенных ассигнований на всеобуч привел к изменению соотношения расходов на начальное образование. Доля сельских обществ в содержании начальных училищ сократилась с 54,5 % в 1900 г. до 6,1 % в 1913 г. [33, с. 88, 200–201]. В 1913 г. на содержание начальных школ ВУО, находящихся в ведении МНП, израсходовано 5 927 271 руб., из которых 66,7 % составили средства из казны, 22,6 % – от земств [33, с. 200–201]. В 1913 г. расходы на содержание одного начального училища по сравнению с 1905 г. увеличились в среднем с 667 руб. до 993 руб., расходы на одного учащегося соответственно выросли с 8 руб. 96 коп. до 14 руб. 60 коп. [33, с. 188–189, 196–197, 200–201; 34, с. 188–189, 194–195, 198–199]. Если в 1905 г. среднегодовое жалованье учителя составляло 150–200 руб., то в 1911 г. – 370 руб. [28, с. 15; 34, с. 88].

Законы 1912–1913 гг. предусматривали выделение ассигнований на подготовку педагогических кадров: на открытие постоянных и краткосрочных педагогических курсов, на содержание новых учительских семинарий [33, с. 113–114]. В ВУО в 1909–1916 гг. открылось семь учительских семинарий: Рогачевская, Невельская, Ново-Вилейская и Гомельская (мужские), Оршанская, Борисовская и Бобруйская (женские), а также три учительских института – в Витебске, Могилеве и Минске [35].

В результате осуществления планов создания школьной сети всеобуча, по состоянию на 1 января 1915 г., в начальных школах всех ведомств ВУО обучалось 584 364 ребенка школьного возраста, что составляло 49,1 % от их общего числа (в 1907 г. – 34 %). Самый высокий процент охвата детей школой – 60,8 % - давала Могилевская губерния, самый низкий – 28,6 % – Ковенская. Большинство учащихся – 418 190 (71,6 %) – обучались в школах, подведомственных МНП, 165 914 (28,39 %) – в ЦПШ [36, с. II–V]. Об улучшении

качества начального обучения свидетельствовало сокращение числа учащихся в школах грамоты в 1905–1914 гг.: со 105 031 до 18 589 (на 82,5 %) [37, с. 212–213; 38, с. 122–123].

В процессе работы по введению всеобуча местная учебная администрация и земства сталкивались с рядом проблем. Общероссийской проблемой всеобуча стало его медленное введение в городах. В ВУО в трех земских губерниях из 36 городов, где действовало городовое положение, план всеобуча осуществлялся лишь в пяти, разрабатывались планы введения всеобуча – в 15, в 16 не проводилось никакой работы, в том числе в Витебске и Могилеве. Из 46 городов трех неземских губерний осуществлялся план всеобуча в двух, в четырех разрабатывались планы введения всеобуча, в 40 работа вовсе не велась, в том числе в Гродно [39, с. 10–16]. Отсутствие законодательно оформленного плана всеобуча, конкретного срока его введения в стране и связанной с ним фиксации роста целевых бюджетных расходов приводило к тому, что ежегодное увеличение казённых ассигнований на начальные школы происходило в разных размерах, а суммы кредитов не соответствовали реальным потребностям [5, с. 76–77].

Таким образом, период 1907–1914 гг. стал начальным этапом всеобуча в ВУО, когда на основе созданных планов делались первые шаги в их реализации. Дальнейшему осуществлению планов помешала Первая мировая война. Объемы ежегодного финансирования начального образования сократились в три раза [40, с. 49]. Революционные события 1917 г. и Гражданская война окончательно остановили данную работу. Однако принципы разработанного МНП плана всеобуча и накопленный опыт его реализации легли в основу соответствующих мероприятий советского правительства. Всё это дает основание современным исследователям рассматривать мероприятия царского правительства и советского правительства по введению всеобуча как этапы одного процесса, растянувшегося с 1905 по 1932 гг.

Список использованных источников

1. Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в России: Вып. 2. – СПб.: Сенат. тип., 1908. – 64 с.

2. *Ососков, А. В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917) / А. В. Ососков. – М.: Просвещение, 1982. – 208 с.

3. *Войтеховская, М. П.* Вопрос о введении всеобщего обучения в деятельности Государственных дум Российской империи / М. П. Войтеховская, С. А. Кочурина, Н. И. Сухачева // Научно-педагогическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 199–213.

4. *Голикова, С. В.* Сотрудничество Министерства народного просвещения и органов самоуправления Пермской губернии в период «Подготовительных работ по введению всеобщего обучения» / С. В. Голикова // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 1. – С. 188–205.

5. *Зубков, В. И.* Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России / В. И. Зубков // Российская история. – 2013. – № 2. – С. 62–86.

6. *Мамкина, И. Н.* Введение всеобщего начального образования в Восточной Сибири в 1909–1917 гг. / И. Н. Мамкина // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». – 2015. – Т. 14. – С. 18–25.

7. *Ялозина, Е. А.* Ретроспектива отечественного школьного всеобуча: в 2 кн. / Е. А. Ялозина. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2015-2017.

8. Записка по вопросу о всеобщем начальном обучении, с приложением сведений о начальном образовании в России за 1903 год: Приложение к представлению М-ва нар. просвещения о введении всеобщего обучения в Российской империи. – СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1906. – 131 с.

9. Таблицы сметного исчисления расходов Министерства народного просвещения на введение всеобщего обучения в Российской империи. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1906. – 103 с.

10. Всеобщее обучение: сб. законов и правительств. распоряжений / сост. К. Денисов. – Вып. 1: 1907–1913 гг. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1913. – 119 с.

11. Всеобщее обучение: сб. законов и правительственных распоряжений / сост. К. И. Денисов. – Вып. 2: 1914 год. – Пг.: Тип. т-ва А. С. Суворина «Новое время», 1914. – 44 с.

12. *Талмачова, С. А.* Распаўсюджанне земскай рэформы ў заходніх губернях Расійскай імперыі (1903–1911 гг.) / С. А. Талмачова // Весці БДПУ. Сер. 2. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2010. – № 4. – С. 20–24.

13. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи: в 7 вып. / Министерство народного просвещения. Вып. 4: Данные 1900 года. – СПб.: Тип. акц. об-ва печ. и писчебум. дела «Слово». – II, LXVIII, 290 с.

14. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1900 год. – СПб.: Синодальная типография, 1903. – 382, 83 с.

15. Совещание директоров и инспекторов народных училищ Виленского учебного округа (продолжение) // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1908. – № 3/4. – С. 150–162.

16. Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1907 год. – СПб.: Сенат. тип., 1909. – XIII, 66, 251 с.

17. Совещание директоров и инспекторов народных училищ Виленского учебного округа, происходившее в Вильне 15–22 декабря 1907 года // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1908. – № 1. – С. 7–19.

18. Краткий обзор деятельности Управления по делам земского хозяйства Витебской губернии / сост. Н. Г. Матвеев, председатель Витебской губернской управы по делам земского хозяйства. – Витебск: Тип. Подземского, 1910. – 121 с.

19. Краткий обзор деятельности земств Минской губернии в первом трехлетии // Вестник Минского губернского земства. – 1914. – № 3/4. – С. 3–134.

20. Доклады Могилевской губернской управы губернскому годичному собранию 1909 г. Могилевского губернского комитета по делам земского хозяйства. – Могилев-на-Днепре: Тип. Я. Н. Подземского, 1909. – 97, 115 с.

21. Об отпуске новых кредитов на начальное обучение от 25 июня 1908 г. № 15543 // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1908. – № 7/8. – С. 257–258.

22. Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в России: Вып. 6. – СПб.: Сенат. тип., 1911. – 47 с.

23. Об отпуске земствам и городским управлениям сумм на начальное обучение // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – № 1. – С. 79–80.

24. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи: в 7 вып. / Министерство народного просвещения. – Вып. 6: Данные 1904 года. – Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1907. – II, XCVIII, 312 с.

25. Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1911 год. – СПб.: Сенат. тип., 1913. – XIII, 80, 251 с.

26. Отчет попечителя Виленского учебного округа о состоянии низших учебных заведений за 1909 год. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1910. – 41 с.

27. Отчет попечителя Виленского учебного округа о состоянии низших учебных заведений за 1914 год. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. – 60 с.

28. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года / Мин-во нар-го просв-ния. – Вып. 8 (10): Виленский учебный округ. Губернии Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская: в 2 ч. – СПб.: Тип. т-ва «Екатерингофское печатное дело», 1914. – 183 с.

29. По учебному округу // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – № 3. – С. 132–144.

30. *Лосев, С.* О начальном образовании в Могилевской губернии / С. Лосев // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1913. – № 8. – С. 426–433.

31. Доклады Витебской уездной земской управы по народному образованию Витебскому уездному земскому собранию. – Москва: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1912. – 40 с.

32. Высшие и низшие начальные училища в Виленском учебном округе // Народное образование в Виленском учебном округе. – 1914. – № 2. – С. 75–81.

33. Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1913 год. – Петроград: Сенат. тип., 1916. – XIV, 143, 251 с.

34. Всеподданнейший отчет Министра народного просвещения за 1905 год. – СПб.: Сенат. тип., 1907. – XIII, 61, 249 с.

35. Памятная книжка Виленского учебного округа на 1916 год. – Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1915. – 460 с.

36. Начальные училища ведомства министерства народного просвещения в 1914 году. – Петроград: Тип. М. П. Фроловой, 1916. – XIV, 77, XII с.

37. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905-1907 годы. – СПб.: Синодальная типография, 1910. – XII, 304, 268 с.

38. Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1914 год. – Петроград: Синодальная типография, 1916. – X, 328, 144 с.

39. Подготовительные работы по введению всеобщего обучения в России: Вып. 8. – СПб.: Сенат. тип., 1914. – 50 с.

40. Всеобщее обучение: сб. законов и правительств. распоряжений / сост. К. Денисов. – Вып. 3: 1915 год. – Петроград: Тип. М. П. Фроловой, 1916. – 51 с.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК 94:379.81»18/19»(476)

АРГАНІЗАЦЫЯ ЭКСКУРСІЙ У НАВУЧАЛЬНЫХ УСТАНОВАХ ВІЛЕНСКАЙ НАВУЧАЛЬНАЙ АКРУГІ

Зянько А. Л.
Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Мінск, Беларусь

У канцы XIX ст. перадавыя настаўнікі Віленскай навучальнай акругі пачынаюць выкарыстоўваць экскурсіі ў адукацыйных мэтах. Планамернае развіццё экскурсійнай справы ў навучальных установах пачынаецца ў пачатку XX ст. Аналіз крыніц дадзенага перыяду паказвае, што экскурсійнай справай у пачатку XX ст. былі ахоплены практычна ўсе навучальныя ўстановы. Праводзіліся як мясцовыя экскурсіі, так і далёкія шматдзённыя. Экскурсійная дзейнасць падтрымлівалася і кантралявалася з боку кіраўніцтва Віленскай навучальнай акругі: па кожнай праведзенай экскурсіі навучальныя ўстановы павінны былі адпраўляць падрабязную справаздачу. Апісанне праведзеных экскурсій, абмен вопытам іх арганізацыі пачынаюць друкавацца ў перыядычных выданнях, абмяркоўвацца на з'ездах выкладчыкаў.

Ключавыя словы: Віленская навучальная акруга; Міністэрства народнай адукацыі; навучальныя ўстановы; адукацыйныя экскурсі.

REGARDING THE ORGANIZATION OF EXCURSIONS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE VILNIUS EDUCATIONAL DISTRICT

Zianko A. L.
National Historical Archives of Belarus, Minsk, Belarus

At the end of the 19th century advanced teachers of the Vilna Educational District started using excursions for educational purposes. The systematic development of the excursion business in educational institutions begins at the beginning of the 20th century. The analysis of the sources of this period shows that the excursion business at the beginning of the 20th century almost all educational institutions were covered. Both local excursions and long-distance multi-day excursions were held. The excursion activity was supported and controlled by the leadership of the Vilna Educational District: educational institutions had to send a detailed report for each conducted excursion. Descriptions of the conducted excursions, sharing the experience of their organization started being published in periodicals, discussed at the congresses of teachers.

Keywords: Vilna Educational District; Ministry of the people Education educational institutions; educational excursions.

У канцы XIX ст. у педагагічнай практыцы пачынае выкарыстоўвацца «экскурсійны метад», які прадугледжвае перадачу ведаў праз назіранне і вывучэнне аб'ектаў на месцы іх натуральнага знаходжання пры дапамо-

зе перамяшчэння ўдзельнікаў адукацыйнага працэсу, гэта значыць шляхам правядзення экскурсій. Прафесар Б. Я. Райкоў называў гэты метад «адным з відаў актыўна-рухальнага засваення ведаў». Як і любое іншае новаўвядзенне ён выклікаў актыўнае абмеркаванне сярод педагогаў. З'явіліся як гарачыя прыхільнікі, так і праціўнікі гэтага метаду. Першыя прапаноўвалі зрабіць экскурсіі, асабліва па прыродазнаўчых прадметах і гісторыі, асноўным метадам выкладання, а школьныя заняткі – дапаўненнем да экскурсій. Іх апаненты не бачылі ў экскурсіях адукацыйнай складальнай і разглядалі такі від працы з навучэнцамі як дадатковы кампанент, у першую чаргу выхаваўчай работы.

Нягледзячы на навізну і няпоўную распрацаванасць, у пачатку XX ст. экскурсіі становяцца дастаткова папулярным метадам выкладання і выхавання ў навучальных установах па ўсёй Расійскай імперыі, і звяртаюць на сябе ўвагу Міністэрства народнай асветы. 2 жніўня 1900 г. Міністр народнай асветы выдае цыркуляр папячыцелям навучальных акруг (№ 20.185), у якім абавязковыя летнія работы вучняў, уведзеныя цыркулярам № 168 ад 1 студзеня 1873 г., адмяняюцца. Замест іх уводзяцца прагулкі і падарожжы. Міністр звяртае ўвагу на правядзенне, у першую чаргу, такіх мерапрыемстваў з адукацыйнымі мэтамі: «…з надзеяй, што з цягам часу, калі вопыт дасць неабходныя практычныя ўказанні, гэты матэрыял можна будзе выкарыстаць для высвятлення пытання аб тым, што магчыма належыць увесці такія прагулкі і падарожжы з больш шырокім размахам, як сродак, здольны зрабіць выкладанне ў сярэдняй школе больш жывым і наглядным» [1, с. 319]. Да таго ж, ад кіраўнікоў навучальных акруг патрабавалася накіроўваць справаздачы аб праведзеных прагулках, падарожжах, экскурсіях і ўмовах іх правядзення ў Міністэрства народнай асветы.

Наступным крокам прызнання важнасці правядзення экскурсій у навучальных установах стала распараджэнне Міністра народнай асветы «Аб узнагароджанні выкладчыкаў прыродазнаўства за экскурсіі з навучэнцамі» (ад 20 лістапада 1901 года № 33.139). У дакуменце звяртаецца ўвага на значную колькасць часу, фізічнае напружанне і пэўныя асабістыя матэрыяльныя выдаткі, якія арганізатары-выкладчыкі трацяць на падрыхтоўку і правядзенне экскурсій. Згодна з гэтым «Міністэрства прапаноўвае ўстанавіць норму ўзнагароджання за кожную экскурсію ў памеры: 5 руб. за гарадскую і 10 руб. за загарадную» [1, с. 323]. Звярталася ўвага на тое, што экскурсіі ў выхадныя і святочныя дні не могуць быць абавязковымі як для навучэнцаў, так і для настаўнікаў, да таго ж забаранялася праводзіць іх падчас святочных набажэнстваў. Міністэрствам прапанавалася прыкладная норма колькасці экскурсій у трох малодшых класах сярэдніх навучальных устаноў – 12 (4 восеньскія, 6 вясенніх і 2 зімовыя), з якіх 2–4 гарадскія, а 8–10 загарадныя [1, с. 323]. Узнагароджанне выкладчыкаў павінна было ажыццяўляцца са спецыяльных сродкаў навучальнай установы. Неабходна адзначыць, што далёка не ўсе навучальныя ўстановы мелі такія спецыяльныя фонды. Напрыклад, многія выкладчыкі звярталі ўвагу, што «настаўніцкія інстытуты і настаўніцкія семінарыі не маюць сваіх спецыяльных сродкаў, а ва

ўстройстве экскурсій маюць патрэбу не менш іншых навучальных устаноў» [2, с. 56].

Значную фінансавую палёгку ў арганізацыі дальніх экскурсій унёс прыняты 9 сакавіка 1902 г. Міністэрствам шляхоў зносін тарыф на праезд па чыгункі навучэнцаў, якія адпраўляюцца ў адукацыйныя экскурсіі (Спецыяльны тарыф № 6900 з усімі наступнымі дапаўненнямі і змяненнямі). Дадаткам да дакумента сталі пералікі навучальных устаноў (пералік А – вышэйшыя і сярэднія, пералік Б – ніжэйшыя навучальныя ўстановы), якія мелі права карыстацца ільготамі. Згодна з новым тарыфам «навучэнцам ніжэйуказаных навучальных устаноў, якія адпраўляюцца ў арганізаваныя гэтымі навучальнымі ўстановамі экскурсіі, а таксама асобам вучэбнага персаналу, якія іх суправаджаюць, даецца магчымасць патанненага праезду ў вагонах III класа па ўсіх рускіх чыгунках, якія прымаюць агульны пасажырскі тарыф…» [3, с. 201]. Кошт білетаў для іх прыраўнялі да кошту дзіцячых білетаў III класа на працягу ўсяго маршрута – ад пачатковай да канцавой станцыі. Для навучэнцаў ніжэйшых навучальных ўстаноў пры адлегласці паездкі да 50 вёрст прадугледжваўся бясплатны праезд. Яшчэ адным дадаткам да дадзенага тарыфу з'яўляліся Правілы праезду навучэнцаў, якія адпраўляюцца ў адукацыйныя экскурсіі, дзе падрабязна быў прапісаны механізм афармлення неабходных дакументаў і іх узоры, а таксама інструкцыі для суправаджаючых. Пры наяўнасці вялікіх груп экскурсантаў, ім выдзяляліся асобныя вагоны, для невялікіх – асобныя купэ. Аб актыўным выкарыстанні азначанага тарыфу сярод навучальных устаноў заходніх губерняў сведчыць інфармацыя, змешчаная ў газеце «Минский листок» (№ 81 ад 5 лютага 1910 г.), у якой падрабязна тлумачацца некаторыя моманты праезду экскурсантаў і звяртаецца ўвага на магчымасць ільготнага праезду толькі для арганізаваных груп навучэнцаў. Азначаны Спецыяльны тарыф дзейнічаў у Расійскай імперыі да 1917 г.

Згодна з патрабаваннем Міністэрства народнай асветы, навучальныя ўстановы павінны былі накіраваць запыт губернскім уладам, куды накіроўваліся экскурсанты, аб адсутнасці перашкод да іх прыезду, прыкладаць спіс удзельнікаў і пералік устаноў, якія планавалі наведаць. Такія запыты змяшчаюцца, напрыклад, у фондах Канцылярыі мінскага грамадзянскага губернатара НГАБ. Практычна на кожным з іх пастаўлена рэзалюцыя аб дазволе правядзення экскурсіі і ўказанне перадаць дадзеную інфармацыю ў паліцэйскае ўпраўленне [4]. У сваю чаргу практыка арганізацыі экскурсій выклікала занепакоенасць Міністэрства унутраных спраў у сувязі з тым, што «… сярод выхаванцаў навучальных устаноў, якія ўваходзяць у лік экскурсантаў, могуць быць асобы іўдзейскага веравызнання, якія не маюць права самастойнага жыхарства і знаходжання па-за мяжой яўрэйскай аселасці» [3, с. 193]. У сувязі з гэтым Міністэрства народнай асветы накіравала кіраўнікам навучальных акруг Прапанову (ад 8 мая 1908 г. № 11612) «Аб парадку зносін з губернскімі ўладамі пры ўстройстве вучнёўскіх экскурсій, у склад якіх уваходзяць яўрэі». У ёй кіраўнікам навучальных устаноў, у выпадку наяўнасці сярод экскурсантаў яўрэяў, прапаноўвалася загадзя атрымліваць у губернскіх улад дазвол на іх знаходжанне за мяжой яўрэйскай аселасці.

Атрыманне такіх дазволаў уносіла значныя складанасці ў арганізацыю экскурсій і сур'ёзна павялічвала тэрмін яе падрыхтоўкі. Практыка паказвае, што кіраўніцтва Віленскай навучальнай акругі пайшло іншым шляхам і прымяняла дыскрымінацыйныя меры ў адносінах да навучэнцаў-яўрэяў. Аб гэтым сведчыць сакрэтны цыркуляр папячыцеля Віленскай навучальнай акругі ад 4 лістапада 1910 г. № 165, у якім прадпісваецца кіраўнікам сярэдніх мужчынскіх навучальных устаноў пры падрыхтоўцы дальніх экскурсій (у дадзеным выпадку ва Уладзівасток) «у выпадку паступлення заяў ад навучэнцаў-яўрэяў аб жаданні прыняць удзел у экскурсіі, такія хадайніцтвы адхіляць» [5, л. 10]. Неабходна адзначыць, што ў экскурсіі-паломніцтвы, якія праводзіліся пад кіраўніцтвам законанастаўнікаў (выкладчыкаў Закона Божага), не рэкамендавалася ўключаць католікаў.

Пытанні арганізацыі школьных экскурсій, іх ролі ў адукацыйным працэсе выклікалі значную зацікаўленасць у Віленскай навучальнай акрузе, аб чым сведчаць пратаколы з'ездаў выкладчыкаў сярэдніх навучальных устаноў. На з'ездзе выкладчыкаў рускай мовы і гісторыі, які адбыўся ў сакавіку 1907 г., удзельнікі прыйшлі да высновы, што ў курсе ўсеагульнай гісторыі «звесткі па мясцовай гісторыі сапраўды маюць сваё значэнне». Падчас дыскусіі аб аб'ёмах і метадах выкладання радзімазнаўства, большасць педагогаў падзялілі меркаванне аб тым, што «вельмі карыснымі для дадзенай справы з'яўляюцца экскурсіі», і звярнулі ўвагу на неабходнасць «падымаць іх якаснае значэнне» [6, с. 18]. З гэтай мэтай удзельнікі з'езду прапанавалі выкладчыкам гісторыі складаць спецыяльныя брашуры, у якіх змяшчаліся бы звесткі пра гістарычныя помнікі мясцін, куды накіроўваліся экскурсанты, а такса дзяліцца вопытам правядзення экскурсій.

Экскурсіі сталі прадметам абмеркавання і на з'ездзе выкладчыкаў матэматыкі, фізікі, прыродазнаўства і геаграфіі (люты-сакавік 1908 г.). Падчас разгляду пытання аб арганізацыі экскурсій па геаграфіі, выкладчыкі абазначылі праблему неабходнасці стварэння асобага даведачнага аддзела пры Віленскім педагагічным музеі, дзе б сканцэнтраваліся апісанні асноўных маршрутаў, карты, даведачныя матэрыялы па экскурсійна-турыстычнай справе. Удзельнікі таксама прапанавалі аказваць матэрыяльную дапамогу для ўдзелу ў экскурсіях «бяднейшым, але годным вучням». У завяршэнні, выкладчыкі прынялі рэзалюцыю, у якой прызналі, што: «Экскурсіі па геаграфіі карысныя і пажаданыя, так як знаёмяць навучэнцаў з іх радзімай, прывучаюць да назіральнасці і самастойнасці, а па гэтаму неабходна спрыяць іх ажыццяўленню ўсімі мерамі», і было рэкамендавана праводзіць у першую чаргу мясцовыя экскурсіі. Да таго ж у рэзалюцыі адзначалася неабходнасць пакрываць расходы кіраўнікам экскурсій за кошт сродкаў навучальных устаноў, а пры іх адсутнасці за кошт акружных сродкаў. Таксама ў дакуменце зафіксавана прапанова стварыць даведачны аддзел пры Віленскім педагагічным музеі, куды б маглі звяртацца за дапамогай арганізатары экскурсій, а кіраўнікам навучальных устаноў населеных пунктаў, куды накіроўваюцца экскурсанты, аказваць ім магчымае садзейнічанне [2, с. 56].

Тэма арганізацыі экскурсій для навучэнцаў была разгледжана і на пасяджэннях камісіі пры Упраўленні Віленскай навучальнай акругі па пытанні аб мерах садзейнічання фізічнаму, маральнаму і разумоваму развіццю навучэнцаў (кастрычнік 1908 г.). Трэба адзначыць, што яна выклікала гарачыя дэбаты сярод членаў камісіі. Прызнаўшы «…важнае значэнне экскурсій, як для фізічнага развіцця навучэнцаў, так і для іх разумовага і маральнага развіцця», дыскусійным стала абмеркаванне пытанняў аб працягласці экскурсій, колькасці ўдзельнікаў, матэрыяльных выдатках, заахвочванні арганізатараў і кіраўнікоў экскурсій. Старшыня камісіі выказаўся за першачарговае правядзенне бліжніх, мясцовых экскурсій, так як яны «прыносяць несумненную карысць арганізму дзяцей і будуць служыць дапаўненнем да вучэбных прадметаў, даючы магчымасць тэарэтычныя звесткі праверыць на практыцы, будуць пашыраць кругагляд і паглыбляць веды навучэнцаў» [7, с. 7]. Яго падтрымала частка выкладчыкаў, якая адзначыла, што дальнія экскурсіі патрабуюць значных матэрыяльных унёскаў (30–40 рублёў), якія могуць сабе дазволіць нямногія бацькі, а большасць вучняў не мае магчымасці прыняць у іх удзел, і таму экскурсіі на далёкія адлегласці маюць элітны характар. Да таго ж, прыхільнікі мясцовых экскурсій звярнулі ўвагу на тое, што падчас дальніх экскурсій навучэнцы вельмі стамляюцца ад шматлікіх пераездаў і велізарнай колькасці новай інфармацыі: «маюць вялы, маркотны выгляд», падрываецца дысцыпліна сярод экскурсантаў: «часта можна бачыць экскурсанта з папяросай у зубах, а то і са шклянкай піва ў руках ля вакзальнага буфета» [7, с. 9]. Настаўнікі, якія арганізавалі ўжо не адну экскурсію далёка за межы беларускіх губерняў, на аснове свайго вопыту пастараліся ўпэўніць сваіх апанентаў у неабходнасці і эфектыўнасці дальніх экскурсій. Яны звярнулі ўвагу на тое, што большасць праблем у дальніх падарожжах узнікае ад няправільнай іх падрыхтоўкі і арганізацыі, а парушэнні дысцыпліны не залежаць ад працягласці экскурсій. Таксама нагадалі сваім калегам, што навучэнцы-экскурсанты плацяць толькі ¼ частку ад поўнага кошту білета і пакуль ёсць магчымасць, гэтай ільготай неабходна карыстацца, тым больш што для навучэнцаў сельскіх населеных пунктаў і маленькіх павятовых гарадоў гэта практычна адзіная магчымасць пабачыць свет. У выніку была прынятая пастанова аб пажаданасці як бліжніх (мясцовых), так і дальных экскурсій.

Па пытанні заахвочвання арганізатараў і кіраўнікоў экскурсій члены камісіі былі больш згоднымі паміж сабой. Бяручы да ўвагі што: «…экскурсіі будуць новай цяжкай працай для выкладчыкаў», якая патрабуе значнай падрыхтоўкі, ахвяравання сваім вольным часам, матэрыяльных выдаткаў, камісія пастанавіла «прызнаць неабходным узнагароджваць выкладчыкаў за працу па арганізацыі экскурсій… і хадайнічаць перад Папячыцелем навучальнай акругі аб выпрацоўцы норм гэтага ўзнагароджання» [7, с. 14].

На наступным пасяджэнні камісія вярнулася да тэмы экскурсій і вырашыла дапоўніць пастанову аб экскурсіях інфармацыяй аб часе іх правядзення. У сувязі з прадстаўленнем Міністэрствам народнай асветы (цыркуляр ад 15 жніўня 1902 г.) выкладчыкам гісторыі і прыродазнаўчых дысцыплін права

выкарыстання для экскурсій сваіх вучэбных гадзін, ім дазволілі праводзіць навучальныя экскурсіі ў буднія дні (да сямі дзён на працягу вучэбнага года). Астатнія экскурсіі павінны праводзіцца толькі ў вольныя ад заняткаў дні (выхадныя і святочныя), а дальнія – толькі падчас канікул [7, с. 18].

Кожная навучальная ўстанова распрацоўвала гадавы план правядзення экскурсій, а таксама абмяркоўвала план практычна кожнай экскурсіі на педагагічным савеце, пратаколы якіх перадаваліся кіраўнікам адукацыі з просьбай аб дазволе на яе правядзенне. Не сталі выключэннем у экскурсійнай дзейнасці і гады Першай сусветнай вайны, адзінае, што было рэкамендавана кіраўніцтвам навучальнай акругі – засяродзіцца на мясцовых экскурсіях без выкарыстання чыгунак. Так калектыў Віцебскай мужчынскай гімназіі ў 1916 г. запланаваў правядзенне больш 2-х дзясяткаў адукацыйных экскурсій (на мясцовыя фабрыкі і заводы, электрычную станцыю, пасеку) і экскурсій-паломніцтваў у манастыры вакол горада [8, л. 32].

У абмеркаванне пытанняў неабходнасці правядзення экскурсій уключыліся і бацькоўскія камітэты. На сваім пасяджэнні бацькі Віцебскай мужчынскай гімназіі выказалі меркаванне, што «найбольш станоўчымі сродкамі для выхавання маральнай устойлівасці навучэнцаў з'яўляюцца меры, якія адцягваюць ад гультайства, служаць здаровым адпачынкам, умацоўваюць фізічна і маральна: гульні на паветры, карысныя чытанні і заняткі музыкай, адукацыйныя экскурсіі і ваенныя прагулкі» [8, л. 5732]. Бацькоўскі камітэт Мінскай мужчынскай гімназіі прыйшоў да высновы, што «з мэтай памяншэння праступкаў і грубага абыходжання паміж вучнямі неабходна праводзіць пад наглядам класных настаўнікаў розныя разумныя забавы – музычныя і літаратурныя вечарыны, гульні, адукацыйныя і пазнавальныя экскурсіі» [9, л. 244]. Большасць бацькоўскіх і папячыцельскіх камітэтаў падтрымалі ініцыятыву аказання матэрыяльнай дапамогі вучням, бацькі якіх былі не ў стане аплаціць экскурсію сваім дзецям. Напрыклад грошы на ўдзел навучэнцаў Гомельскай мужчынскай гімназіі ў падарожжы ў Туркестанскі край сабралі шляхам правядзення дабрачынных паэтычных і музычных вечарын.

Тэма правядзення школьных экскурсій найшла сваё адлюстраванне ў прэсе, у першую чаргу ў газетах і часопісах Міністэрства народнай асветы і Віленскай навучальнай акругі. На іх старонках ішло абмеркаванне пытанняў эфектыўнасці выкарыстання экскурсій у навучальным і выхаваўчым працэсе, змяшчаліся справаздачы аб праведзеных экскурсіях, ішоў абмен вопытам. Найбольшая колькасць такіх публікацый размяшчалася ў часопісе «Народнай адукацыі ў Віленскай навучальнай акрузе» (спачатку дадатак да «Цыркуляра па кіраванню Віленскай навучальнай акругай», потым асобны часопіс). Так у № 4 за 1902 г. была надрукавана справаздача экскурсіі Мсціслаўскага гарадскога вучылішча на мясцовы цагельны завод у рамках урокаў фізікі [10]. У № 1 за 1904 г. было размешчана апісанне экскурсій навучэнцаў Маладзечненскай настаўніцкай семінарыі ў Кіеў [11], а ў № 6 за 1905 г. – Нясвіжскай настаўніцкай семінарыі ў Маскву [12]. Экскурсія Сакольскага гарадско-

га вучылішча ў Вільню і Трокі ў 1907 г. [13], экскурсія-паломніцтва Брэсцкай жаночай гімназіі ў Яблачынскі манастыр (1910 г.) [14] таксама былі прадстаўлены ў часопісе. Інфармацыя аб экскурсійнай дзейнасці ў беларускіх губернях змяшчалася і ў агульнарасійскіх педагагічных выданнях, напрыклад часопісе «Народная асвета» – выданні Вучылішчнага Савета пры Свяцейшым Сінодзе (экскурсія выхавальніц Яновіцкай двухкласнай жаночай школы ў Санкт-Пецярбург, вучняў Ізяслаўскай двухкласнай школы ў Маскву і інш.) [15]. Некаторыя кіраўнікі навучальных устаноў, арганізатары экскурсій накіроўваюць ў сродкі масавай інфармацыі просьбы размясціць матэрыял з апісаннем праведзеных экскурсій з мэтай іх папулярызацыі. Сярод іх кіраўнік Новасвержаньскага двухкласнага сельскага вучылішча, які звярнуўся ў часопіс «Народная асвета» з просьбай размясціць апісанне паездкі ў Маскву настаўнікаў Мінскай губерні ў сакавіку 1912 г. [5, л. 86].

Не астаюцца ў баку і мясцовыя выданні. Справаздачы аб экскурсіях, якія праводзяцца навучальнымі ўстановамі, друкуюцца ў губернскіх ведамасцях, напрыклад «Віцебскія губернскія ведамасці» № 90 ад 20.04.1908, № 126 ад 06.06.1909 і інш.

Апісанні найбольш значных падарожжаў выходзілі асобнымі выданнямі. У 1903 г. у Санкт-Пецярбургу была надрукавана кніга А. Палтарацкага «Старым варажскім шляхам», прысвечаная арганізаванаму ім рачному падарожжу для полацкіх кадэтаў у 1901 г. Яно доўжылася тры тыдні, за якія ўдзельнікі прайшлі на зробленай уласнымі рукамі шлюпцы 425 км ад Полацка да Рыгі [16]. Не меншую цікавасць мела «Апісанне экскурсіі выхаванцаў сярэдніх навучальных устаноў Віленскай навучальнай акругі ў Туркестанскі край», якое ўбачыла свет у 1912 г. Яно складзена кіраўніком групы С. І. Мядзведзевым на аснове журнала, які вялі на працягу падарожжа, і асабістых дзённікаў навучэнцаў. На працягу 41 дня экскурсанты праехалі 10002 вярсты, наведалі і апісалі амаль дваццаць гарадоў у розных рэгіёнах Расійскай імперыі [17].

Аб зацікаўленасці кіраўніцтва Віленскай навучальнай акругі ў адукацыйным турызме сведчыць выданне ў 1911 г. «Апісання экскурсій навучэнцаў Віленскай навучальнай акругі за 1910 год», складзенае па даручэнні папячыцеля А. І. Шастовым (дырэктар Дзвінскай настаўніцкай семінарыі). Матэрыялам для напісання паслужылі справаздачы аб праведзеных экскурсіях, якія навучальныя ўстановы павінны былі дасылаць ва Упраўленне навучальнай акругі. Аўтар звяртае ўвагу, што апісанне няпоўнае, так як частка справаздач прадстаўленая не была: «у рэальнасці экскурсій было значна больш». А. І. Шастоў падзяляе ўсе экскурсіі навучэнцаў Віленскай вучэбнай акругі на тры групы: паломніцтвы, адукацыйныя экскурсіі, прагулкі (рэкрэацыйныя, спартовыя, забаўляльныя), якіх за 1910 г. было праведзена звыш 200. Апрача справаздач і статыстычных матэрыялаў, кніга ўтрымлівае ўзоры распрацоўкі экскурсій, фінансавых разлікаў і метадычныя рэкамендацыі [3].

Такім чынам, нягледзячы на дыскусійны характар месца і ролі экскурсій у жыцці навучальных устаноў, экскурсійна-турыстычная дзейнасць у пачат-

ку XX ст. паступова станавілася часткай адукацыйна-выхаваўчага працэсу ў Віленскай навучальнай акрузе. Экскурсійны метад выкладання заваёўвае вартае месца ў педагагічнай практыцы. У педагагічных кругах ідзе актыўнае абмеркаванне пытанняў арганізацыі адукацыйных экскурсій, абмен вопытам, распрацоўка метадычных парад, напісанне спецыяльнай літаратуры. Правядзенне вучнёўскіх экскурсій у цэлым атрымала падтрымку з боку кіраўніцтва навучальнай акругі, хаця і мела некаторыя абмежаванні, якія былі абумоўлены грамадска-палітычнай сітуацыяй, рэлігійнымі і нацыянальнымі абмежаваннямі ў адносінах да пэўных груп насельніцтва. Да турыстычна-экскурсійнай дзейнасці станоўча ставіліся бацькоўскія камітэты, яна знайшла адлюстраванне ў сродках масавай інфармацыі. Усё пералічанае сведчыць аб тым, што ў гэты час закладаюцца асновы будучага масавага адукацыйнага турызму XX ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Педагогический ежегодник. Школьные экскурсии, их значение и организация: сб. ст. / Санкт-Петербургское лесное коммерческое училище; под ред. Б. Е. Райкова. – СПб: тип. Б. М. Вольфа, 1910. – 333 с.

2. Съезд преподавателей математики, физики, естествознания и географии средних учебных заведений Виленского учебного округа. – Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1908. – 79 с.

3. *Шестов, А. И.* Описание экскурсий учащихся Виленского учебного округа за 1910 г. / А. И. Шестов. – Вильна: изд. упр. Виленского учеб. окр., 1911. – 238 с.

4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 8135.

5. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (ЛДГА). – Ф. 567. Воп. 1. Спр. 2010.

6. Съезд преподавателей русского языка и истории средних учебных заведений Виленского учебного округа. – Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1907. – 68 с.

7. Протоколы заседаний Комиссии при управлении Виленского учебного округа по вопросу о мерах содействия физическому, нравственному и умственному развитию учащихся. – Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1907. – 171 с.

8. НГАБ. – Ф. 2554. Воп. 1. Спр. 1230.

9. НГАБ. – Ф. 466. Воп. 1. Спр. 110.

10. *Сергеев, И.* Экскурсия учеников Мстиславского городского училища / И. Сергеев // Народное образование Виленском учебном округе: приложение к Циркуляру по управлению Виленским учебным округом. Вильна: тип. Русский почин, 1902. – № 4. – С. 169–170.

11. *Русецкий, А.* Экскурсия воспитанников Молодечненской учительской семинарии в г. Киев (12–20 июня 1903 г.) / А. Русецкий // Народное образование Виленском учебном округе: приложение к Циркуляру по управлению Виленским учебным округом. Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1904. – № 1. – С. 11–16.

12. *Лавров, Г. П.* Описание экскурсии воспитанников Несвижской учительской семинарии в Москву, составленное преподавателем Г. П. Лавровым / Г. П. Лавров // Народное образование Виленском учебном округе: приложение к Цирку-

ляру по управлению Виленским учебным округом. Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1905. – № 6. – С. 169–170.

13. *Малинин, А. Н.* Экскурсия учеников Сокольского городского училища / А. Н. Малинин // Народное образование Виленском учебном округе: приложение к Циркуляру по управлению Виленским учебным округом. Вильна: тип. Артель печатного дела, 1907. – № 1. – С. 37–39.

14. *Товаров, С.* Экскурсия-поломничество учениц Брестской женской гимназии в Яблочинский монастырь (12 сентября 1910 г.) / С. Товаров // Народное образование Виленском учебном округе: педагогический журнал при Управлении Виленским учебным округом. Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1910. – № 4. – С. 29–38.

14. *Еланская, В.* Школьная поездка в Петербург / В. Еланская // Народное образование. – 1908. – Т. 2, № 6. – С. 153–169.

15. *Сущинский, П.* Школьная поездка в Москву (из жизни Изяславской второклассной школы) / П. Сущинский // Народное образование. – 1908. – Т. 2, № 6. – С. 170–176.

16. *Полторацкий, А.* Старым варяжским путем / А. Полторацкий. – СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 121 с.

17. *Медведев, С. И.* Описание экскурсии воспитанников средних учебных заведений Виленского Учебного Округа в Туркестанский край / С. И. Медведев. – Ковно: тип. И. Задворянского, 1912. – 176 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК: 794.1(476)(091)

ШАХМАТЫ И ШАХМАТИСТЫ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Бусько С. И.
Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Статья посвящена развитию шахмат в последней трети XIX – начале XX в. в белорусских губерниях. Автор рассматривает общеевропейский контекст этого процесса, отмечает эволюцию шахмат от элитарного клуба до массового увлечения. Отмечено распространение шахмат в городской среде, на примере редких документов изучена история первых шахматных организаций в нашем регионе. На основе материалов периодической печати и архивных документов изучен процесс организации соревнований: городских, губернских и общероссийских турниров, матчей по переписке. Автор делает вывод, что к началу Первой мировой войны на территории Беларуси шахматы заняли одно из ведущих мест в системе городского досуга, а уроженцы Беларуси достигли высоких результатов как на российском, так и на мировом уровне.

Ключевые слова: шахматы; игра; маэстро, общественные организации; соревнования; история спорта.

CHESS AND CHESS PLAYERS IN BELARUSIAN PROVINCES IN THE SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURIES

Busko S. I.
Belarusian State University, Minsk, Belarus

The article is devoted to the development of chess in the last third of the 19th – early 20th century in the Belarusian provinces. The author considers the pan-European context of this process, notes the evolution of chess from an elite club to a mass hobby. The spread of chess in the urban environment is noted, the history of the first chess organizations in our region is studied on the example of rare documents. On the basis of materials from periodicals and archival documents, the process of organizing competitions was studied: city, provincial and all-Russian tournaments, matches by correspondence. The author concludes that by the beginning of the First World War in Belarus, chess had taken one of the leading places in the system of urban leisure, and the natives of Belarus achieved high results both at the Russian and world levels.

Keywords: chess; the game; maestro; public organizations; competition; sports history.

Шахматы – настольная логическая игра специальными фигурами на 64-клеточной доске для двух соперников, сочетающая в себе элементы искусства (в части шахматной композиции), науки и спорта. Характерной чер-

той конца XIX в. явилось повсеместное развитие интереса к шахматам, как в крупных, так и в провинциальных городах империи. Побуждающими причинами стали сближение шахматной жизни в губернских центрах с шахматной жизнью Европы и всего мира, участие сильнейших шахматистов страны на международных турнирах, причем, не без успехов. Возникновение спорта современного типа в XIX в. затронуло и шахматы. Сюжеты по истории мировых шахмат охватывают тысячи работ, в 2021–2022 гг. в нашем регионе стоит выделить публикации И. Печенина, А. Козлова, М. Можейко [15; 18; 21]. Историография истории шахмат в Беларуси на научном уровне ограничена работами С. Когана, А. Подлипского В. Рубинчика [14; 22; 25; 26]. Отдельные темы не рассматривались исследователями, оставляя ряд важных сюжетов за рамками публикаций. Одно из таких направлений – развитие шахматного движения в белорусских губерниях в середине XIX – начале XX в.

Первый шахматный журнал «Паламед» начал издавать в 1836 г. французский шахматист Луи Шарль Лабурдонне. В 1837 г. шахматный журнал появился в Великобритании, в 1846 г. – в Германии. В XIX в. начинают проводиться международные матчи (с 1821 г.) и турниры (с 1851 г.). На первом таком турнире, проходившем в Лондоне в 1851 г., одержал победу А. Андерсен. Именно он стал неофициальным «шахматным королём», то есть тем, кого считали сильнейшим шахматистом мира. Явочным порядком сложилась система преемственности звания: новым чемпионом мира становился тот, кто выигрывал матч у предыдущего, при этом действующий чемпион оставлял за собой право согласиться на матч или отвергнуть соперника, а также сам определял условия и место проведения матча. Шахматы как игра трансформируются, меняется их статус в обществе.

Одной из первых книг, посвященной шахматам, на русском языке в Российской империи была работа И. Бутримова «О шахматной игре» (1821 г.). Время появления неслучайно, до 1820-х гг. на шахматную игру смотрели как на забаву (они были такой же игрой, как и карты). Но с появлением первых трудов на русском языке (сначала переводных) начинает формироваться интерес к изучению шахматной игры. В 1824 г. была издана работа А. Петрова «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игр Филидора и примечаний на оные». В 1830–1840-е гг. шахматы становятся частью повседневной жизни среди образованных людей, даже Ленский с Ольгой у А. Пушкина увлечены игрой:

«Уединясь от всех забот
Они за шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою».

Интересная интерпретация исторического наследия сквозь призму шахмат просматривается в работах Хелены Скирмунт (племянница Наполеона Орды) во время пребывания в ссылке в Тамбове после подавления восстания 1863 г. Ее самое известное произведение – скульптурные шахматы, изо-

бражающие солдат Речи Посполитой и Османской империи. В партии Речи Посполитой присутствуют такие фигуры, как «Погоня», «Полешук», «Тюр», «Башня Кракова», «Башня Жмуди», фигурка гетмана С. Яблонского, «Хоружий», «Холоп», «Оруженосец», «Король». В турецкой – «Башибузук», «Спах», «Султан», «Арнаут», «Фатар», «Янычар», «Башня», фигурка визиря Кара-Мустафы. Фигуры были отлиты из бронзы и позолочены в серебре и золоте ее бывшим учителем Й. Сезаром. Работа выставлялась на Всемирной выставке 1873 г. в Вене [9, с. 233].

В 1852–1853 гг. было зарегистрировано первое Общество любителей шахматной игры в Санкт-Петербурге. С 1859 г. в Российской империи начали издавать ежемесячный журнал «Шахматный листок» (в 1859–1862 гг. как приложение к «Русскому слову», а затем как самостоятельное издание), отделы шахмат появляются в массовых журналах, например, во «Всемирной иллюстрации» с конца 1860-х гг. [42]. Обстоятельно и критично о шахматной жизни России того периода писал в «Шахматном вестнике» сильнейший шахматист региона и активный популяризатор шахмат М. И. Чигорин («Шахматный Вестник», 1885 г.): «Внутри России, если глубже и внимательнее всматриваться в явления шахматной жизни ее, можно заметить несомненный прогресс. Явлений печальных в этой области остается, конечно, много, но прогресс все-таки несомненен. Еще не так давно в русских городах шахматная игра была почти неизвестна или незаметна; теперь – другое дело. В разных местах возникли клубы, общества, собрания, составляются турниры, ведутся партии по переписке. Во всех этих явлениях часто нет надлежащей прочности, устойчивости, общества мельчают и закрываются, партии прекращаются; но потребность уже есть, и общества опять открываются и новые явления шахматной жизни возникают… [14, с. 21].

Необходимо согласиться с В. Рубинчиком в оценке времени появления первых шахматистов современного типа в белорусских губерниях – вероятнее всего это начало 1870-х гг. [25, с. 9]. В шахматном отделе журнала «Всемирная иллюстрация» за 1870 г. (№ 71) среди читателей, правильно решивших шахматные задачи упоминается А. Шишков из Вильно [40, с. 351]. В 1871 г. (№ 136) в такой же роли читателей, присылающих правильные ответы, указаны И. Писарев и К. Михальчи из Борисова, Г. Казаков из Витебска [41, с. 95]. При этом витебский шахматист не только успешно решал шахматные задачи весь сезон 1871 г., но и сам разрабатывал задания на шахматную тематику. В этом же журнале за 1872 г. (№ 196) российские исследователи В. Новиков и Р. Мухометзянов наравне с Киевом, Ташкентом и Казанью нашли упоминание об группе минских любителей шахмат: «В Минске до того развита любовь к благородной игре, что тамошним шахматистам своя арена делается уже тесною, и они вызывают на состязание по переписке Петербургский шахматный клуб, прося нас устроить это дело» [42, с. 223]. При этом редакция отмечает, что члены столичного клуба согласились на матч при ставке в 50 руб. за каждую партию! Но матч не состоялся. Шахматный отдел в журнале «Нива» в 1880-х гг. также был популярен у любителей шахмат из белорусских губерний: в 1886 г. среди успешно ре-

шающих шахматные задачи указаны М. Букша из Вильно, М. Вейнрейх из Белостока, А. Федоров из Могилева [23, с. 590].

К середине 1880-х гг. среди жителей белорусских городов игра в шахматы приобретает регулярный характер. С 16 по 26 июля 1885 г. в Друскениках П. Ю. Арнольд организовал небольшой турнир из 10 участников: Арнольд, Деппиш, Зильберштейн, Леви, Марголин, Немцов, Розенталь, Рудницкий, Скалон и Швыковский. Первый приз на соревнованиях получил Розенталь (г. Сувалки) с результатом 17 побед в 18 играх, второй приз – Леви (Вильно, 15 из 18), третий приз – Арнольд (Друскеники, 12,5 из 18). Соревнование вызвало интерес среди отдыхающих и уже 28 июля был проведен однодневный турнир-гандикап для 8 желающих (победу одержал Немцов) [39, с. 81]. При этом в своих воспоминаниях П. Арнольд отмечает сложности с получением разрешения, так как для местных властей «слово турнир показалось подозрительным, ожидаемого разрешения я не получил и меня попросили обождать несколько дней, пока здешнее начальство сделает сношение с губернатором» [27, с. 112].

В осенне-зимнем сезоне 1885–1886 гг. гродненские шахматные любители организовали серию небольших турниров:

1) с 21 сентября по 21 октября 1885 г. – 10 участников. Интересен состав призеров – И. П. Татлин (1-е место), Н. Н. Шепелев (2-е место) и госпожа Богородская (впервые в белорусских губерниях в отчетах указана дама);

2) с 21 октября по 21 ноября – 16 участников (призовые места заняли Немцов, Абрамский и Шепелев) [13, с. 35];

3) с 21 ноября по 21 декабря – 8 участников (первое-второе место разделили В. О. Яцемирский и Н. Н. Шепелев);

4) Рождественский турнир 1885 г. – 10 участников (победитель – И. П. Татлин);

5) с 26 февраля по 20 марта 1886 г. был организован турнир-гандикап.

«Шахматный вестник» в ноябре этого же 1885 г. сообщает: «в Вильно удалось составиться кружку любителей шахматной игры из 15 человек, шахматисты собираются для игры по вторникам и пятницам с 8 вечера, на Большой улице в доме Мухина» [38, с. 144]. С февраля по апрель 1886 г. был организован виленский городской турнир-гандикап, 14 игроков делились на 4 категории (1-ая категория давала вперед пешку и два хода, коня и ладью). Первый приз получил М. Прозоров, второй – М. Страшунский, третий – Л. Шескин.

Стихийное и любительское увлечение жителей Вильно игрой в шахматы было оформлено организационно в 1887 г., когда был зарегистрирован «Виленский шахматный кружок». Среди составителей Устава необходимо отметить одного из лучших маэстро Европы – М. И. Чигорина. По сложившейся в Российской империи традиции состав общественной организации включал как почетных (виленский генерал-губернатор И. С. Каханов, командующий Виленским военным округом Н. С. Ганецкий, виленский губернатор Н. А. Гревениц), так и действительных членов (их число колебалось в конце XIX в. от 20 до 30 человек) [20, с. 4]. Должность председателя в разные годы занимали

М. Г. Гольмдорф (1887–1889), С. А. Стрелецкий (1890), И. П. Маслов (1891), Л. Н. Соболев (1892–1894), И. М. Поволоцкий (1895–1903). Например, генерал-майор М. Г. Гольмдорф в конце 1880-х гг. издал ряд творческих работ по популяризации шахмат. Среди них стихотворение (посвященное открытию нового помещения общества 6 октября 1889 г.), художественная повесть «Талисман. Шахматная легенда» (1888 г.), серия авторских интерпретаций исторических событий в виде шахматных партий, в том числе «Изображение на шахматной доске Ульмской операции» [7]. С повестью «Талисман» впоследствии возникли сложности: сам Гольмдорф написал ее под псевдонимом, указав, что это адаптированный перевод с немецкого. Однако московские коллеги в историографическом обзоре 1893 г. отметили, что немецкий – это также перевод, и что интересно – с русского языка (автор оригинала – А. Петров, опубликовавший его в «Отечественных записках» еще в 1844 г.) [28, с. 68].

За 1890 г. Виленский шахматный кружок провел 82 собрания, на которых присутствовало 380 чел., в 1891 г. – 68 собраний (326 чел.), были выделены средства (40 руб.) для формирования призового фонда на городских соревнованиях. В первые несколько лет кружок оставался полузакрытым объединением для элиты города: ежегодные членские вносы по 10 руб., оплата по 10 коп. за пользование шахматами, помещение клуба на Георгиевском проспекте. Однако уже через три-четыре года цели организации начинают меняться, в отчете за 1891 г. указывается: «обсуждались меры к возбуждению большего оживления кружка, изыскивались средства к приобретению новых членов и посетителей» [20, с. 3]. Для популяризации игры в рамках города и губернии с 9 марта 1891 г. в «Виленском вестнике» открылся шахматный отдел под редакцией шахматного кружка (Я. Л. Леви), а 1892 г. был введен месячный членский билет (80 коп.) для посещения кружка [37, с. 26]. С 1898 г. документы отмечают снижение годового членского взноса до 5 руб., что позволило расширить социальную базу общества.

Кружок имел полноценное материальное обеспечение – годовой бюджет на момент открытия в 1887 г. составлял более 500 руб., кружок располагал 8 игровыми столами, более 20 комплектов фигур разного типа, комнатой отдыха. В библиотеке шахматного кружка предоставлялись различные европейские и российские издания: «Шахматный вестник» (полный комплект за 1885–1887 гг.), «Schachzeitung» Берлинского шахматного общества (номера с 1857 г.) и др. В качестве пособий для обучения были закуплены «Правила шахматной игры между двумя, тремя и четырьмя игроками» А. Гебелера (1875 г.), «Руководство к шахматной игре» И. Цукерторта и Ж. Дюфреня (изд. 1884 г.), а также местное издание В. Ф. Альбрехта «Практическое руководство к изучению шахматной игры» (1891 г.) [20, с. 24]. Биографы Акибы Рубинштейна отмечают, что его первым учебником было виленское издание И. Л. Зосница 1880 г. на иврите – «Руководство к шахматной игре» [10].

Не оставалась в стороне и армия, где игра в шахматы рассматривалась как важный элемент подготовки будущих офицеров. По распоряжению начальника Виленского пехотного юнкерского училища полковника П. Коновича-Горбацкого еще в 1878 г. в чайной комнате училища были поставлены

столики для игры в шахматы, ежегодно устраивались соревнования среди юнкеров [4, с. 71]. Кстати, с 1898 г. для военнослужащих взнос в Виленский шахматный кружок был льготный и составлял 2 руб.

Постепенно юридическое оформление шахматных кружков выходит за пределы Вильно и Гродно. 31 июля 1890 г. группа жителей г. Динабурга подала прошение губернатору «…не отказать принять нас под Ваше покровительство и сделать распоряжение об утверждении устава Динабургского кружка любителей шахматной игры, проект которого честь имеем представить при сем в трех экземплярах». Среди указанных в прошении учредителей – начальник ремонтного пути и зданий Динабургско-Витебской железной дороги, директор Динабургского общества взаимного кредита, двое мировых судей, несколько кассиров и инженеров, нотариусы. Цели кружка были традиционными: «Кружок имеет целью доставить любителям шахматной игры, проживающим в городе Динабург, возможность собраться в приспособленном для того постоянном помещении и в определенные, по общему соглашению, дни, для теоретического и практического изучения этой игры, для матчевых, консультационных и турнирных состязаний и для приискания и принятия мер к поддержанию и развитию интереса к шахматной игре» [29, л. 2].

Однако архивные материалы свидетельствую, что первоначально руководство Витебской губернии отрицательно отнеслось к этому проекту: «есть предположение, что к названным обществам присоединятся охотно лица немецкого происхождения, проживающие в соседней Курляндской Губернии, в которой теперь принимаются меры к обрусению края, стесняющие в некотором отношении тамошние немецкие общества, а потому учреждение в Динабурге двух обществ с положительно немецкими тенденциями отчасти может парализировать желаемое Правительством обрусение Прибалтийского края» [8, л. 4]. 18 ноября 1890 г. из канцелярии Витебского губернатора в МВД отправился проект устава с сопроводительной запиской, где были указаны аргументы полицмейстера и был сделан вывод о нежелательности их регистрации. Однако 9 января 1891 г. устав шахматного кружка был утвержден и 15 января возвращен в Витебск. Шахматный кружок разместился на ул. Офицерской в помещении пожарного общества и активно функционировал.

Летом 1912 г. в городе Витебске по инициативе госпожи Г. был проведен первый после длительного перерыва турнир; осенью 1912 г. был организован еще один городской турнир [30, с. 45]. Между этими состязаниями, в сентябре 1912 г., учителя витебской гимназии В. Попов и А. Бас, бухгалтер И. Аренбург и крестьянин Витебского уезда П. Григовский подготовили Устав шахматного собрания (кружка), который ставил своей целью объединить любителей этой древней игры, снимать для встреч и соревнований специальное помещение, выписывать шахматные журналы, проводить турниры и конкурсы задач. Предусматривалось в уставе право устраивать лекции и музыкальные вечера, спектакли и даже балы. Членами его могли быть все желающие, кроме несовершеннолетних, учащихся, юнкеров и нижних воинских чинов. Членский ежегодный взнос был серьезным – 5 руб. Для известных шахматистов, приезжавших в Витебск, делалось исключение: их пускали бесплатно. Устав

подчеркивал неполитический характер объединения и запрещал разговоры на политические темы в помещении организации. 12 февраля 1913 г. Витебское губернское присутствие рассмотрело запрос о создании шахматного собрания (кружка) и дало разрешение на его открытие [18, л. 4]. 30 апреля (13 мая) об этом было сообщено учредителям.

С первых месяцев своего существования шахматное собрание в Витебске развернуло активную деятельность, регулярно информировало читателей губернских газет об организации лекций по теории шахматной игры. Число членов постоянно росло, запись новых членов производилась в помещении Пушкинской библиотеки по вторникам, четвергам и пятницам с 9 часов вечера. А в конце 1913 г. члены кружка провели по переписке два матча с шахматистами Твери [22, с. 6]. В феврале 1914 г. председатель общества В. В. Попов на страницах «Витебского вестника» объявил о договоренности с Фрэнком Маршаллом (чемпион США) на сеанс одновременной игры с неограниченным количеством участников [2, с. 4].

Мемуары, посвященные началу XX в. в белорусских губерниях, приводят десятки примеров игры в шахматы среди обывателей разного социального происхождения. Это увлечение сближало людей разных взглядов и статусов. Гродненский губернатор М. М. Осоргин (1903–1905 гг.) отмечает сына члена приказа общественного призрения в Гродно А. Д. Смородского: «его я, главным образом, отличал по сыну, товарищу моих сыновей; сын этот был незаурядный шахматист, и с ним я с удовольствием играл в шахматы» [19, с. 590]. Х. Вейцман, рассказывая о первых сионистских конгрессах, упоминает об интересе к шахматам уроженца Свислочи депутата I Государственной Думы Шмарьи Левина: «Когда ему говорили: «доктор Левин, сейчас начнется голосование, вас зовут в зал», он отвечал: «Погодите, вот только закончу эту партию в шахматы» [3, с. 55].

На рубеже столетий шахматы также набирали популярность в Минске. В 1902 г. Карусь Каганец описывает игру в шахматы в Губернаторском саду (подчеркивая традиционность этого явления в парке), а в отчете «Минского общества любителей спорта» за 1898 г. несколько комплектов шахмат включены в перечень спортивного инвентаря. В 1903 г. «Шахматный журнал» сообщал о намерении редакции газеты «Северо-Западный край» взять на себя организацию турнира для популяризации шахмат среди местных игроков. Призовой фонд планировалось сформировать из взносов участников (по 3 руб.) и пожертвований. В этом же номере было указано, что «устав Минского шахматного кружка утвержден и 15 марта 1903 г. состоялось первое общее собрание членов в кофейной “Неаполь”» [34, с. 49]. Городской шахматный кружок был создан И. Крайчиком и С. Каминским. Воспоминания современников четко отмечают социальный состав игроков: «все игроки среднего возраста, молодёжь пролетарская совершенно не втянута в эту игру, а учащаяся – очень мало» [16, с. 47]. Среди «шахматных» адресов города в это время можно встретить и «Общество любителей изящных искусств», кафе Венгржецкого, рабочее кафе на ул. Губернаторской, сад мороженщика Яковлева на ул. Магазинной.

В 1904 г. был организован чемпионат Минска для игроков I категории: И. Крайчик, С. Каминский, Р. Герцык, А. Герцык, Б. Иоельсон, А. Гельфанд, В. Гельман. К сожалению, формирующаяся шахматная традиция была прервана событиями революции 1905–1907 гг.: часть игроков попала в ссылку (С. Каминский) или была вынуждена эмигрировать (А. Герцык). Но спустя несколько лет, в 1912 г., представители новой волны в помещении Минского литературно-художественного кружка организовали очередной городской турнир – лучшим шахматистом города стал А. Касперский, второе место занял – А. Каледа. Показательным моментом, позволяющим оценить масштабы игры в шахматы в белорусских губерниях, станет турнир среди учащихся средних учебных заведений Минска в марте 1914 г. По его результатам I и II призы получили И. Рейнгольд и Зенкевич, III приз – С. Рейнгольд, IV – У. Майзельс [32, с. 183].

Упоминает о шахматах и Якуб Колас, описывая свою тюремную жизнь в Минске (1908–1911 гг.): «Возле пары шахматистов, которые изредка менялись, всегда стоял небольшой кружок любителей шахматной игры. Наиграются, бывало, до того, что когда улягутся вечером спать, то и шахматная доска, и фигуры, и заматованный король долго стоят в глазах» [17, с. 597]. В одной из газетных публикаций «З ценяй прошлага» в середине 1920-х гг. Я. Колас вспоминал: «харство і прыемнасці шахматнай ігры я пазнаў у вастрозе. Покі я не разумеў сэнсу шахматнай гульні, яна здавалася мне не цікаваю» [16, с. 48]. Но войдя во вкус, всю оставшуюся жизнь он продолжал играть, в том числе почти при каждой встрече с Янкой Купалой.

Особым видом шахматной игры в последней четверти XIX – начале XX в. стали турниры по переписке. Это увлечение затронуло как любителей, так и мастеров. Профессиональные шахматисты принимали участие в матчевых встречах между клубами разных городов (например, Рига и Берлин), отдельным профессиональными организациями (состязания между университетами Санкт-Петербурга), воинскими частями и т. д. Однако самыми востребованными такие турниры были среди любителей Российской империи. С осени 1886 г. начался матч по переписке между шахматистами Вильно и Воронежа – за виленский кружок в игре принимали участие Я. Л. Леви и Ф. А. Мазинг. Местные шахматисты принимали участие и в первых российских турнирах по переписке: уже в 1882 г. среди них упоминается Сокульский (Орша), а в 1886 г. доктор Я. Леви (Вильно) [33, с. 33]. Шахматные журналы этих лет сохранили для нас десятки имен игроков из белорусских губерний: в их числе и легендарный участник десятков турниров по переписке Я. Н. Седашов (Борисов), и его коллеги Ф. М. Шаховской (Волковыск), М. Удрис (м. Клястицы), В. И. Оношкович-Яцына (Озаричи), А. Срагович (Молодечно), А. Н. Каледа (Минск), Б. Пупко (Лида), П. Каждан (Сморгонь), Л. В. Игнатьев (Костеневичи), Н. Якубович (Вильно) и др. Представители белорусских губерний регулярно принимают участие в конкурсах по решению этюдов. Например, в 1913 г. в таком конкурсе журнала «Шахматный вестник» 5-е место занял М. Нейман из Бобруйска, а 6-е – С. Грубин из Двинска. По шахматным этюдам специализировался и Р. В. Пиккель из Минска.

Накануне Первой мировой войны еще больше расширяется социальная база шахмат в нашем регионе. С 1913 г. в Лодзи начинается издание первой шахматной газеты на идиш «Эрште идише шах-цайтунг», частично ориентированной на белорусские губернии. Среди корреспондентов газеты – жители Баранович (Беркович), Белостока (Шапиро), Минска (Шкловский), Полоцка (Крупка), Гомеля (Кагановский), Слонима, Вильно [43]. Газета выходила раз в две недели, цена годовой подписки составляла 3 руб. с возможностью приобрести один номер за 12 коп. [21, с. 123].

Популярность игры в разных слоях общества приводила к появлению сильных игроков в каждом поколении. Уроженец Вильно Семен Алапин (1856–1923) первый опыт игры получил в гимназии, а в 1878–1879 гг. на первом организованном турнире в Санкт-Петербурге занял 2-е место после М. И. Чигорина (в 1887 г. по итогам V Конгресса Германского шахматного союза во Франкфурте-на-Майне получил звание маэстро). С 1898 по 1901 г. Алапин издавал в Берлине шахматную газету «Der Schachfreund». Абрам Рабинович (1878–1943) принял участие в нескольких Всероссийских шахматных турнирах в начале XX в., был одним из руководителей шахматного движения в Вильно. Соломон Розенталь (1890–1955) разделил 6–7-е место на шахматном турнире в Гамбурге в 1910 г. (XVII Конгресс Германского шахматного союза, Hauptturnier A). Соломон Хвиливицкий из Орши в 1914 г. был заявлен в побочный турнир состязаний в Мангейме, но был задержан в начале войны немецкими властями вместе с Д. Яновским и А. Рабиновичем.

В местечке Дубровно Могилевской губернии в 1879 г. родился Чарльз Яффе, который после переезда в США в 1896 г. постепенно приобрел известность как один из лучших игроков Восточного побережья (в том числе – чемпион штата Нью-Йорк). В 1927 г. по просьбе А. Алехина в его цикле матчей за звание чемпиона мира с Х. Р. Капабланкой он поделился записями своих выигранных партий, а также своими теоретическими разработками и помог Алехину в проработке слабых мест противника. Применив новинки в ферзевом гамбите, любезно предоставленные ему Ч. Яффе, Алехин матч выиграл и был признан четвертым чемпионом мира, а в знак признательности Чарльзу сыграл с ним выставочный матч из двух партий в Нью-Йорке, не требуя за это денежной компенсации. В дальнейшем Ч. Яффе занялся теоретическими разработками, переводом журналистских шахматных статей на идиш, издал несколько книг, в том числе роман об А. Алёхине, его имя носит один из вариантов защиты в шахматной партии, который назван «защитой Яффе». В свою очередь, Давид Яновский (уроженец Волковыска) добился одного из самых высоких результатов для представителей белорусских губерний в начале XX в. Получив шахматное образование в Волковыске, Лодзи и Варшаве, он перебирается в Париж. В 1895 г. на турнире в Гастингсе он успешно играет против Стейница, Чигорина, Ласкера, Пильсбери. Чемпион Франции (1896 г.), в 1902–1908 гг. Яновский вёл шахматный раздел в парижском журнале «Monde Illustre», а в 1910 г. он приял участие в матче на первенство мира в Берлине против Э. Ласкера (проиграл со счетом +8, –0, =3) [5, с. 9].

С. М. Коган в своей монографии высоко оценивает деятельность Виленского шахматного собрания (особенно после повторной регистрации в июле

1910 г.) и его руководителей И. Н. Дубровина, М. М. Прозорова и А. И. Рабиновича. Они устраивают турниры для любителей из белорусских губерний, конкурсы решений шахматных задач, лекции по теории дебютов, матчевые встречи между городами. Для получения необходимых финансов в помещении кружка разрешили карточные игры. Это дало возможность ежегодно проводить в Вильно матчевые встречи перспективных или состоявшихся игроков. Например, в декабре 1908 г. маэстро Е. Зноско-Боровский дал два сеанса одновременной игры на 16 досках и прочитал несколько лекций, в начале 1909 г. показательные матчи провели Ж. Мизес и Г. Сальве [35, с. 88]. Весной 1909 г. по инициативе руководства собрания в Вильно прошел городской турнир с призовым фондом в 260 руб. (19 участников). Успешное проведение небольших турниров позволило осуществить в сентябре 1909 г. «турнир шести» (А. Рубинштейн и Г. Сальве – из Лодзи, Ф. Дуз-Хотимирский и С. фон-Фрейман – из Санкт-Петербурга; Г. Глобус и А. Рабинович – из Вильно). Первое место занял А. Рубинштейн, который и получил приз в 350 руб. [36, с. 323].

В 1910 г. П. Лист (переехавший в Вильно из Одессы) сыграл 9-матчевую серию против Я. Левенфиша (4,5:4,5). В январе 1913 г. Виленское шахматное собрание вновь принимало маэстро Е. Зноско-Боровского, который в рамках гастрольного тура провел с виленскими игроками 25 партий (одержав победу в 19 из них) и прочитал доклад «О сильнейших современных игроках» в помещении клуба [30, с. 44].

Особой заслугой Виленского шахматного собрания является организация в августе-сентябре 1912 г. Всероссийского турнира десяти русских маэстро (т. е. 10 из 13 лучших шахматистов Российской империи) с серьезным призовым фондом – награда за первое место составила 1 тыс. руб. [14, с. 174]. К сожалению, он не получил статус чемпионата Российской империи. Одной из самых распространенных причин этого указывают стремление действующего на тот момент чемпиона страны А. Рубинштейна сохранить сильную позицию на переговорах с Э. Ласкером о матче за мировую корону. На рубеже столетий шахматная Россия располагала всего тремя «маэстро»: М. И. Чигорин, Э. С. Шифферс, С. З. Алапин. Однако спустя десятилетие русские шахматисты сумели организовать и провести национальный чемпионат (если ориентироваться на фактическое, а не формальное положение вещей) [24, с. 11].

Состав турнира во многом уникален: будущий чемпион мира (А. Алехин), два претендента на звание чемпиона мира (А. Рубинштейн, А. Нимцович), будущий неоднократный чемпион СССР (Я. Левенфиш), один из лучших игроков Лодзинской школы шахмат (Г. Сальве). Победу одержал А. Рубинштейн с результатом 12 из 18 по итогам двухкруговых соревнований. Виленский турнир 1912 г. стал знаковым для игры – от него можно вести отсчет профессиональным чемпионатам в нашем регионе. Это подтвердил А. Алехин в своей статье, отметив, что с этого момента можно говорить об объективном звании «лучшего шахматиста Российской империи». Об уровне состязаний можно судить и по самим партиям – сохранились 48 из 99 партий. Попытка А. Рабиновича совмещать организационную работу и выступления

в турнире оказалась неудачной, он был вынужден отказаться от продолжения борьбы после первого тура. Это вызвало непонимание и негодование А. Алехина: «подобные выступления, как выход А. Рабиновича, не только нарушают ход турнира и интересы большинства участников, но отчасти подрывают интерес к нему как публики, так и самих игроков. Это побудит устроителей будущих состязаний с большей осторожностью отнестись к лицам, имеющим столь смутное представление о турнирной этике» [1, с. 10].

Одновременно с турниром лучших профессиональных шахматистов по инициативе Виленского шахматного собрания прошел и открытый турнир любителей (20 участников). Прежде, представителям Российской империи, стремившимся завоевать титул, приходилось ездить за границу: исключительное право присваивать его принадлежало Германскому шахматному союзу. Впервые такие соревнования в Российской империи прошли в 1909 г. – по европейской системе с присуждением высшего звания «маэстро» за победу в турнире любителей. Рост международного престижа российской шахматной организации привел к тому, что указанный Всероссийский турнир любителей 1912 г. привлек иностранных участников из Австро-Венгрии: И. Бартон, М. Гаркулак и К. Громадка (последний из них и стал победителем) [14, с. 175]. В турнире любителей белорусские губернии представляли С. Глобус (Вильно, 13-й из 20), В. Сурнин (Могилев, 14-й из 20), Г. Рабинович (Вильно, 18-й из 20).

Обеспечение высокого уровня турнира маэстро и затраты на его проведение затрудняли активную деятельность Виленского шахматного собрания в следующем году, это отмечал и ведущий профильный журнал Российской империи: «финансовые дела Собрания после громадного расхода, вызванного Всероссийским турниром, поправляются крайне медленно» [31, с. 78]. Тем не менее, уже в феврале 1913 г. в Вильно был организован городской турнир любителей, участники распределились на две подгруппы (10 и 15 человек соответственно). Призовые для этих соревнований были установлены небольшие – от 5 до 20 руб.

10 апреля 1914 г. в помещении Санкт-Петербургского шахматного собрания состоялось учредительное собрание Всероссийского шахматного общества, где было отмечено, что в его состав входят 65 единичных членов и более 800 групповых, которые образовали 22 филиала. Город Вильно был представлен К. М. Манакиным, который был избран в Совет «Всероссийского шахматного общества» [6, с. 121]. К началу Первой мировой войны шахматы в белорусских губерниях стали неотъемлемой частью повседневной жизни, игра охватывала сотни людей на белорусском, польском, русском, идиш. Однако этот процесс был прерван выстрелом в Сараево.

Список использованных источников

1. *Алехин, А.* Турнир в Вильно / А. Алехин // Бюллетень Центрального шахматного клуба СССР. – 1987. – № 30. – С. 10.

2. В витебском шахматном обществе // Витебский вестник. – 1914. – 25 февраля. – № 45. – С. 4.

3. *Вейцман, Х.* В поиске пути / Х. Вейцман. – Иерусалим: Библиотека-Алия, 1983. – 234 с.

4. Виленское пехотное юнкерское училище. 1864–1899. Краткий исторический очерк / сост. А. Антонов. – Вильна: тип. Штаба Виленского военного округа, 1900. – 202 с.

5. *Воронков, С. Б.* Давид Яновский / С. Б. Воронков, Д. Г. Плисецкий. – М.: Физкультура и спорт, 1987. – 415 с.

6. Всероссийский шахматный союз // Шахматный вестник. – 1914. – № 8. – С. 121.

7. *Гольмдорф, М. Г.* Военные сообщения с переложением сражений на шахматную доску / М. Г. Гольмдорф. – Вильна: тип. Штаба Вил. Военного округа, 1889. – 112 с.

8. Документы по истории Витебского шахматного собрания и Польского спортивно-гимнастического общества «Сокол» в г. Минске (справки о политической благонадежности учредителей, списки членов, отчеты и др.) // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1583. Оп. 1. Д. 148.

9. *Залескі, Б.* З жыцця ліцьвінкі. З лістоў і нататак. 1823–1874 / Б. Залескі. – Мінск: выд. В. Хурсік, 2009. – 340 с.

10. *Зосниц, И. Л.* Руководство к шахматной игре / И. Л. Зосниц. – Вильна: тип. Л. Л. Маца, 1880. – 102 с.

11. Известия. В Виленском кружке // Шахматный вестник. – 1886. – № 5–6. – С. 186.

12. Известия. Вильна // Шахматный вестник. – 1886. – № 10. – С. 317.

13. Известия. Гродненское шахматное общество // Шахматный вестник. – 1886. – № 2. – С. 34–36.

14. *Коган, М. С.* История шахматной игры в России / М. С. Коган. – Л.: Прибой, 1927. – 258 с.

15. *Козлов, А. Е.* «Игра, вступающая отчасти в область искусства»: дискуссия о шахматах в критике и публицистике 1850-1860-х годов / А. Е. Козлов // Вестник НГУ. Сер. История, филология. – 2022. – Т. 21. – № 6. Журналистика. – С. 138–148.

16. *Колас, Я.* З «ценяй прошлага» / Я. Колас, А. Герцык // Бюллетень Высшего Совета физической культуры БССР. – 1925. – № 1–2. – С. 46–48.

17. *Колас, Я.* На росстанях / Я. Колас. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1996. – 635 с.

18. Об учреждении Витебского шахматного собрания // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2649. Оп. 1. Д. 430.

19. *Осоргин, М. М.* Воспоминания или что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920 / М. М. Осоргин. – М.: Российский Фонд Культуры, 2008. – 1000 с.

20. Отчет комитета Виленского шахматного кружка общему собранию членов 3-го февраля 1892 г. – Вильна: тип. А. Г. Сыркина, 1892. – 15 с.

21. *Печенин, И.* Дебют первой шахматной газеты на идиш / И. Печенин // Иудаика в системе современного образования: сб. материалов Междунар. науч. конф. / отв. ред. И. В. Баркусский, Ю. Н. Кондракова. – М.: ФГБОУ ВО РГУ им. А. Н. Косыгина, 2021. – С. 113–125.

22. *Подлипский, А.* Шахматы в Витебске / А. Подлипский // Витебский проспект. – 2010. – 29 июля. – С. 6.

23. Решение шахматной задачи // Нива. – 1886. – № 23. – С. 590.

24. *Романов, И.* 1987–1912 / И. Романов // Бюллетень Центрального шахматного клуба СССР. – 1987. – № 30. – С. 11–15.

25. *Рубінчык, В.* З гісторыі Беларусі шахматнай / В. Рубінчык. – Мінск: Шахплюс, 2012. – 88 с.

26. *Рубінчык, В.* Нарысы шахматнай мінуўшчыны і будучыні / В. Рубінчык. – Мінск: Шах-плюс, 2014. – 110 с.

27. Русские и заграничные шахматисты // Шахматный вестник. – 1885. – № 4. – С. 112–113.

28. *Саргин, Д.* Шахматная легенда. Рецензия / Д. Саргин // Московский шахматный альманах. – 1893. – № 1. – С. 68–69.

29. Уставы Двинского общества велосипедистов-любителей, Императорского Российского общества спасения на водах, инструкция для отделения Общества охранения здоровья еврейского населения // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1583. Оп. 1. Д. 130.

30. Хроника // Шахматный вестник. – 1913. – № 3. – С. 43–45.

31. Хроника // Шахматный вестник. – 1913. – № 5. – С. 74–79.

32. Хроника // Шахматный вестник. – 1914. – № 11. – С. 180–183.

33. Хроника // Шахматный журнал. – 1882. – № 3–4. – С. 33–34.

34. Хроника // Шахматный журнал. – 1903. – № 2–3. – С. 40–49.

35. Хроника по России и за границей // Шахматное обозрение. – 1909. – № 79–82. – С. 66–107.

36. Хроника по России и за границей // Шахматное обозрение. – 1909. – № 87. – С. 323–345.

37. Хроника по России и за границей. Вильно // Шашечница. – 1891. – № 1. – С. 23–29.

38. Шахматный кружок в Вильне // Шахматный вестник. – 1885. – № 5. – С. 144–145.

39. Шахматный мир // Шахматный вестник. – 1885. – № 3. – С. 81.

40. Шахматы // Всемирная иллюстрация. – 1872. – Т. 8. – № 14. – С. 223.

41. Шахматы // Всемирная иллюстрация. – 1870. – Т. 3. – № 71. – С. 351.

42. Шахматы // Всемирная иллюстрация. – 1871. – Т. 6. – № 6. – С. 95.

43. Шахматы. Корреспонденция // Эрште идише шахцейтунг. – 1913. – № 3. – С. 16–17.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК 78.071.22

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕБЫВАНИИ ВИРТУОЗА ДЕРЕВЯННО-СОЛОМЕННОГО ИНСТРУМЕНТА (ЧЕТЫРЕХРЯДНОГО КСИЛОФОНА) М.-И. ГУЗИКОВА В АХЕНЕ

Ильин Ф. С.
Московская высшая школа социальных и экономических наук «Шанинка», Москва, Россия

До недавнего времени какие-либо подробные сведения о пребывании виртуоза деревянно-соломенного инструмента (четырехрядного ксилофона) Михаила-Иосифа Гузикова с августа по октябрь 1837 года в Ахене, Королевство Пруссия, отсутствовали в научном обороте. Обычно биографические справки ограничиваются информацией, ставшей общим местом: летом 1837 года тяжелобольной артист приезжает в Ахен, где через несколько дней, собрав оставшиеся силы, дает свой последний концерт, который усугубил течение легочной болезни; после нескольких мучительных месяцев он умирает в конце октября 1837 года. Из вышесказанной информации не представляется возможным составить какую-либо целостную картину произошедшего. Для того, чтобы внести ясность в последние месяцы жизни М.-И. Гузикова мы обратились к первоисточникам.

Ключевые слова: М.-И. Гузиков; деревянно-соломенный инструмент; четырехрядный ксилофон; концерт; Ахен, Луи Лакс.

THE NEW DETAILS OF THE STAY OF MICHAEL J. GUZIKOW, THE WOOD-AND-STRAW INSTRUMENT (FOUR-ROW XYLOPHONE) VIRTUOSO, IN AACHEN

Ilyin F. S.
Moscow School of Social and Economic Sciences «Shaninka», Moscow, Russia

Until this moment, any detailed information about the stay in Aachen of Michael J. Guzikow, the of wood-and-straw instrument (four-row xylophone) virtuoso, was not widespread in scientific circles. Usually, biographical articles are limited by information, that is locus communis. In the summer of 1837, the seriously ill artist arrived to Aachen, where he gave the last concert, expending all remaining strength, that intensified the disease. After a few months, he died of torment at dawn on October 21, 1837. This outline draws a line under the ambiguous life of the musician. That is why in this article I have used available references, describing unknown events to disclose the details of the last month of M. J. Guzikow's life. Most of the references are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Guzikov; xylophone; the wood-and-straw instrument; four-row xylophone; concert; Aachen; Louis Lax.

Рис. 1. **Гузиков, литография Жюльена Кабоша по работе Поля Гаварни, 1836 г. Источник: [https://www.bnf.fr/fr/collections_et_services/reproductions_document/a.repro_reutilisation_documents.html]**

В биографии виртуоза четырехрядного ксилофона (рис. 2)[1], или правильнее говорить, словами самого музыканта – «деревянно-соломенного инструмента», Михаила-Иосифа Гузикова (рис. 1)[2] остается еще много белых пятен – пребывание в Ахене, Королевство Пруссия, одно из них.

[1] Четырехрядный ксилофон – самозвучащий ударный музыкальный инструмент, состоящий из связанных между собой брусочков разной длины, располагающихся четырьмя рядами на пяти соломенных пучках, размещенных на подставке. Вся конструкция имеет трапециевидную форму. Звук извлекается двумя маленькими палочками, похожими на молоточки для цимбал. В музыкальной историографии изобретение инструмента приписывается Михаилу-Иосифу Гузикову.

[2] Михаил-Иосиф Гузиков (180?, местечко Шклов, Могилевская губерния, Российская Империя – 21 октября 1837, Ахен, Королевство Пруссия) – считается первым в музыкальной истории ксилофонистом-виртуозом, изобретателем четырехрядного ксилофона, иногда называемого системой Гузикова. В первой половине 30-х годов XIX века завоевал в Российской Империи и Европе репутацию «первого виртуоза своего инструмента», исполняя переложения популярных тогда сочинений, как например, «La Campanella» Н. Паганини, увертюра из оперы «Il Barbiere di Siviglia» Д. Россини, также выступал с собственными произведениями: одно из них «Rondoletto» было опубликовано при его жизни в 1836 году в берлинском издательстве F. S. Lischke. Не раз сравнивался по мастерству с Паганини, своей «ангельской беспорочностью» выступая противоположностью «дьявольского начала» последнего, за что получил прозвище Паганини-Гузиков. Скоропостижно скончался от рецидива чахотки 21 октября 1837 года в Ахене. Был похоронен 23 октября на еврейском кладбище Ахена.

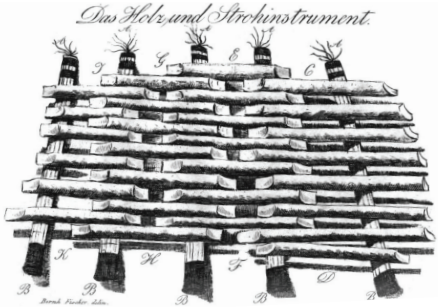


Рис. 2. **Деревянно-соломенный инструмент, литография по работе Бернхарда Фишера из биографического очерка Зигмунда Шлезингера «Йозеф Гузиков и его деревянно-соломенный инструмент», 1836 г. Источник: [18]**

Давно стало общим местом утверждение, что мотивом остановки здесь в августе 1837 года была необходимость отдохнуть тяжелобольному артисту перед тем, как продолжить долгий путь на родину в Шклов [6, с. 115]. Внезапно, изнеможенный музыкант отваживается выйти на сцену перед ахенцами, а дальше версии расходятся. По одной из них, прямо во время своего выступления Гузиков умирает [2, с. 123], прижимая к груди свой инструмент [5, с. 242]; по другой, ему становится нехорошо сразу после концерта, и до своей кончины ранним утром, 21 октября, он мучался изнурительными припадками чахотки [6, с. 115].

Биографические справки обычно ограничиваются вышесказанной информацией и не позволяют составить какую-либо целостную картину произошедшего. Для того, чтобы внести ясность в последние месяцы жизни М.-И. Гузикова, мы обратились к первоисточникам.

***

Лето 1837 года Михаил-Иосиф проводил между королевствами Франция, Бельгия и Нидерланды [1, с. 140]. Несмотря на явно ухудшающееся состояние своего здоровья, он делал все возможное, чтобы выздороветь. Добиться положительного результата он пытался в бельгийском курорте Спа, принимая там ванны. Едва начиная чувствовать себя немного лучше, он уезжал концертировать в Париж, Брюссель и Амстердам. Но эффект от терапии был кратковременным, из-за чего ему приходилось прерывать выступления и отправляться обратно на лечение.

Его отъезд в Ахен, кажущийся на первый взгляд неожиданным, был вызван, по-видимому, отчаянным положением – болезнь стремительно прогрессировала[3]. Было ли решение поменять один известный курорт на другой

[3] Не последнюю роль в этом, вероятно, сыграла кража инструмента неким учителем немецкого языка Розенштейном после одного из весенних концертов в Брюсселе в 1837 г. [1, с. 140]. Правда, эта история вызывала много споров уже тогда, поскольку музыканта часто упрекали в распространении небылиц о себе. За них ему приходилось оправдываться (см. ниже). Австрийский скрипач и музыкальный писатель Антон Шиндлер утверждал, что это была не более чем газетная утка, выдуманная самим виртуозом [7, s. 306].

предпринято в момент безвыходности или по чьему-то совету, остается только догадываться.

На наш взгляд, главной причиной переезда артиста было все-таки желание испробовать источники, находящиеся неподалеку[4]. Свое предположение мы основываем на сочинении французского врача и гидролога Армана Ротиро «Главные минеральные воды Европы». В этой работе подробно описываются ахенские минеральные воды, рассматриваются их полезные свойства и перечисляются болезни, при которых их назначают.

Кроме того, вызывает сомнение сам диагноз, неоднократно ставившийся в историографии в качестве причины нездоровья артиста – чахотка, то есть туберкулез легких[5]. В труде Ротиро написано прямо, что «<…> врачи Ахена не приписывают сернистохлористым водам этого города свойства излечивать бугорчатую болезнь легких; напротив, они сознаются в необходимости удалять из Ахена подверженных этой страшной болезни во всех ее периодах <…>» [3, с. 267]. С другой стороны, он добавляет: «<…> но внутреннее употребление вод Ахена, подобно другим водам того же разряда, благоприятно при некоторых осложнениях чахотки, которые чаще всего сопровождают второй и третий период этой болезни, например, при бугорчатом воспалении гортани и катаре ветвей дыхательного горла <…>» [3, с. 267].

***

Точная дата приезда Михаила-Иосифа в Ахен неизвестна. Тем не менее, в обзоре гастролей Генриха Панофки[6], Алоиса Таузига[7] и П. Х. Бётхера[8]

---

[4] Между городами Спа и Ахен около 50 км.

[5] По мнению журналиста Зигмунда Шлезингера, автора очерка «Йозеф Гузиков и его деревянно-соломенный инструмент», доктора медицины и практикующего врача, у музыканта была геморроидальная болезнь легких, проявляющаяся, главным образом, кровохарканьем [18, s. 27].

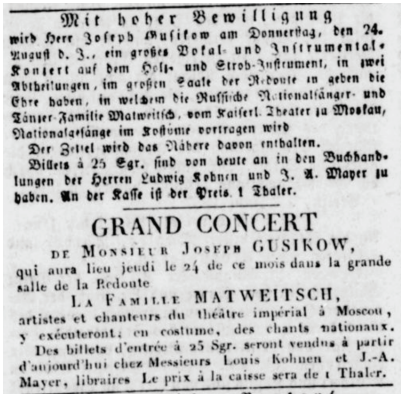
[6] Генрих Панофка (3 октября 1807, Бреслау, Королевство Пруссия – 18 ноября 1887, Карлсруэ, Германская Империя) – немецкий композитор, скрипач, певец и музыкальный педагог. Обучался под руководством Йозефа Майзедера. С 1827 года много гастролировал и сотрудничал с различными музыкальными периодическими изданиями в качестве журналиста. С 1842 года преимущественно работал вокальным педагогом попеременно в Париже, Лондоне и Флоренции. Прославился своими методологическими пособиями: «Практический учебник пения» (1852), «Искусство пения» (1853), «Вокальная азбука» (1858) и др.

[7] Алоис Таузиг (6 февраля 1820, Прага, Австрийская Империя – 14 марта 1885, Варшава, Царство Польское) – чешско-немецкий пианист-виртуоз и композитор еврейского происхождения. Брал уроки у Сигизмунда Тальберга (1812–1871) и Карла Марии Боклета (1801–1881) в Вене. Вдохновленный Тальбергом в 1837 году совершил концертное путешествие по Германским землям, после которого вернулся к себе на родину. С 1840 года много переезжал (Прага-Варшава-Дрезден), работая в основном музыкальным педагогом. В 1841 году в Варшаве у него родился сын, будущий знаменитый пианист-виртуоз, Карл Таузиг.

[8] П. Х. Бётхер (?-?) – немецкий пианист и музыкальный педагог. В 1836 году, гастролируя в Ахене, решил там остаться, и несколько лет подряд часто выступал в качестве солиста и аккомпаниатора на местных концертах, после чего, уже прочно обосновавшись в городе, открыл специализированный магазин по продаже фортепиано. В то же время продолжал активно концертировать и вести частную преподавательскую деятельность.

в «Aachener Zeitung» была оставлена следующая короткая запись: «<…> уже несколько дней, как приехал один человек, чье имя стоит только упомянуть, чтобы вызвать повсеместное любопытство, а именно, господин Гузиков <…>» [12, № 196]. Благодаря этому можно предположить, что в городе музыкант появился не позднее 17 августа. Там же отмечался стоявший в том месяце нестерпимый зной [12, № 196], который мешал горожанам наслаждаться досугом, и выражалась надежда на то, что внутри у прибывшего концертиста находится магнит, «способный помериться силами» [12, № 196] с жарой.

Виртуоз, очевидно, в тот момент чувствовал себя лучше, раз планировал свое выступление, которое анонсировал 21 и 22 августа в «Aachener Zeitung», объявив о (рис. 3) «большом вокально-инструментальном концерте на деревянно-соломенном инструменте в двух отделениях», который он «будет иметь честь дать в четверг 24 августа с.м. [сего месяца] в большом редутном зале[9]» [13, № 197; 14, № 198] (рис. 4).



Mit hoher Bewilligung
wird Herr Joseph Musikow am Donnerstag, den 24. August d. J., ein großes Vokal- und Instrumental-Konzert auf dem Holz- und Stroh-Instrument, in zwei Abtheilungen, im großen Saale der Redoute zu geben die Ehre haben, in welchem die Russische Nationalsänger- und Tänzer-Familie Matweitsch, vom Kaiserl. Theater zu Moskau, Nationalgesänge im Kostüme vortragen wird.
Der Zettel wird das Nähere davon enthalten.
Billets à 25 Sgr. sind von heute an in den Buchhandlungen der Herren Ludwig Kohnen und J. A. Mayer zu haben. An der Kasse ist der Preis 1 Thaler.

GRAND CONCERT
DE MONSIEUR JOSEPH GUSIKOW,
qui aura lieu jeudi le 24 de ce mois dans la grande salle de la Redoute
LA FAMILLE MATWEITSCH,
artistes et chanteurs du théâtre impérial à Moscou, y exécuteront, en costume, des chants nationaux.
Des billets d'entrée à 25 Sgr. seront vendus à partir d'aujourd'hui chez Messieurs Louis Kohnen et J.-A. Mayer, libraires. Le prix à la caisse sera de 1 Thaler.

Рис. 3. **Объявление концерта из №198 «Stadt=Aachener Zeitung» от 22 августа 1837 г. Источник: [13]**

По обыкновению, программа, время и прочие подробности содержались в афише [13, № 197; 14, № 198].

Концерт Михаила-Иосифа поддержало своим участием семейство Матвейтч[10]: якобы «русских народных певцов и танцоров императорского театра Москвы» [15, № 201]: они должны были предоставить слушателям возможность «составить себе представление» [15, № 201] о русских национальных песнях и танцах.

[9] Уст. от фр. Redout в переводе «общественное или публичное место».

[10] Есть основания сомневаться в том, что семейство Матвейтч было, действительно, этническими «русскими народными танцорами», а не выдавало себя за таковых. В «Северной пчеле» выдвигалось предположение, что они являлись выходцами из Ревеля (современный Таллин) [4, №196].

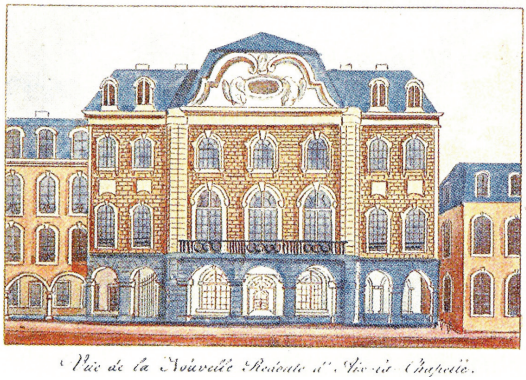


Рис. 4. **Вид на Новый Редут Ахена, контурный акварельный медерит неизвестного художника, примерно 1815 г. Источник: [Wikimedia Commons]**

На следующий день, 25 августа, в «Aachener Zeitung» вышла хвалебная рецензия: «<…> В обеих пьесах, которые он [Гузиков] вчера вечером исполнил на своем инструменте, он показал, что является истинным артистом, тем более великим, ведь он больше, чем любой другой, боролся с неблагодарным материалом. Навык, с которым он исполнял сложнейшие пассажи, мог бы быть достигнут другими. Однако, что ему придает большую ценность – это нюансы, поистине совершенная, образцовая игра, отсюда приводящая к смелому выводу о подлинном музыкальном гении в нем, к сожалению, как кажется, изнуряющем его телесные силы <…>» [15, № 201]. Редакция газеты вместе с публикой рассчитывали услышать его повторно, например, в городском театре [15, № 201], но музыканту вновь становится плохо.

Вплоть до конца октября о Гузикове не было ничего известно. Вероятно, он предпринимал попытки лечиться ваннами, но это оказалось столь же бесполезно, как и до этого.

21 октября в «Aachener Zeitung» был опубликован некролог:

Ахен, 21 окт. Сегодня утром здесь, после долгих страданий скончался от чахотки М. И. Гузиков. Уже обессиленным, и нося в себе зародыш смерти, приехал он сюда из Бельгии, где несколько месяцев лежал больным. Во время своего пребывания в Ахене он сумел лишь один раз выступить публично, – усилие, увеличившее его недуг. Ему исполнилось лишь 32 года. Не только то обстоятельство, что Гузиков умел с артистическим мастерством обращаться с самым неблагодарном из всех инструментов, добывшим ему столь огромную репутацию: это было сверх того. Ощущалось, что в нем дремал истинный музыкальный гений, погубивший тело в борьбе с недостатком раннего образования. Он жил лишь музыкой, благодаря которой он на мгновение

судорожно поддержал себя, чтобы после того тем истощеннее вернуться к смерти. В любом случае, он был редким и волнующим явлением. Смиренно упокой его прах! (Его погребение пройдет в понедельник в 10 часов утра. Наши любители музыки не преминут отдать последнюю почесть славному артисту. Процессия отправится от Александрштрассе № 388) [16, № 250].

Весть о кончине виртуоза быстро разлетается по Европе [1, с. 140]. На печальное известие в печати выступили с апологией писатель-сатирик и журналист Мориц Готлиб Сафир [17, № 125, s. 70–74], с впечатлениями от его концертов во Франкфурте-на-Майне композитор и музыкальный критик Карл Голльмик [8, s. 313–317]. Ахенский журналист и редактор Луи Лакс[11] для № 74 «Westliche Blätter für Unterhaltung, Kunst, Literatur und Leben» [11, № 74] написал панегирическую заметку[12] о Гузикове, наполненную пламенем романтической героизации музыканта. Специально для данной статьи мы подготовили ее перевод:

«Он взошел подобно звезде на Дальнем Востоке, и упал на Западе. Его орбита [карьера] была короткой; его блеск ярким, однако, темный занавес опустился [сомкнулся] над ним и не осталось ничего, что напоминало бы о нем. Его свет озарял лишь его: он не оставил работ, сохраняющих память о нем, учеников, прославляющих ее. Он забрал с собой в могилу все – свое искусство, свою славу. Невыносимая участь человека, умирающего вот так. Гузиков был достойным сочувствия человеком, гораздо более несчастным, потому что познал боль [страдания], а она обширно проникала в его слабую грудь, пока не разорвала кровоточащую оболочку. 21 октября Гузиков скончался в Ахене, вдали от родины, вдали от того, что было ему милее всего, обратив последний взгляд на милое утро [будущее], страстно желая его вернуть, все еще надеясь до самого своего конца достичь его. Поскольку напоследок французские листки [журналы] по-прежнему окружали его этаким чудесным ореолом, будто он не признавал за ним самого себя, тогда пусть здесь последуют некоторые заметки о нем, произнесенные его собственными устами. Михаэль Йозеф Гузиков родился в 1806 г. в Шклове в Могилевской губернии в России. Музыкальный талант был наследственным качеством семьи, не более ста лет насчитывающей среди своих членов исключительно музыкантов.

[11] Луи Лакс (1 ноября 1805 г., Дессау, Герцогство Ангальт-Дессау – 24 декабря 1872 г., Ахен, Королевство Пруссия) – немецкий писатель, переводчик, журналист и редактор. Начальное образование получил на родине в Дессау, затем изучал филологию и философию в Берлине. С конца 1820-х поселился в Ахене, где посвятил себя исключительно художественной литературе и политическому обозрению. Здесь вышли самые известные его работы: романы «Воспоминания трубочиста» (1830) и «Шевалье Рено» (1830); собрание сочинений Мольера на немецком языке (1838); двухтомный травелог «Воспоминания из Нидерландов» (1-й том 1835, 2-й том 1838). В 1837 г. он открыл «Westliche Blätter für Unterhaltung, Kunst, Literatur und Leben», в котором также был редактором. Однако, «записки» просуществовали лишь год, после чего Лакс получил должность редактора «Aachener Zeitung», которую занимал до своей отставки в 1872 г. Умер в том же году, 24 декабря.

[12] Затем она будет перепечатана в № 310 «Didaskalia» [10, №310] и в № 109 «Allgemeine Zeitung des Judenthums» [9, № 109, s. 435–436].

Его отец, Йозеф, умелый кларнетист, за короткое время добился от него успеха на нескольких инструментах настолько, что он мог совершать поездки по отечеству с некоторыми своими родственниками, в которых семья публично выступала, и уже тогда завоевала большую репутацию, которая способствовало тому, что они смогли выступить в 1828 г. перед королем и его супругой. Однако, вскоре слабая грудь молодого Гузикова сделала невозможным исполнительство на всяких духовых инструментах, и поэтому он обратился к достаточно любимому в народе деревянно-соломенному инструменту, возможно, как раз движимый дремлющей в артисте жаждой, броситься именно на то, что еще способно к совершенствованию.

Он хотел сотворить, породить нечто новое и цеплялся из последних сил после того, как его тело потерпело кораблекрушение, за эту соломинку. Он не подозревал, к какой обманчивой помощи он протянул руку, что именно эта надежда должна была безвозвратно увлечь его в пучину. Он кинулся на избранный инструмент с жаром лихорадочного возбуждения, придав ему высокого совершенства и большего размера с помощью увеличения тонов, а технические сложности оного были настолько скоро преодолены, чтобы, тем самым, в 1832 г. он смог впервые выступить публично на нем в итальянском театре в Одессе. Рукоплескания, найденные им, были неслыханными и раздували паруса его смелости. Он был счастлив в своем изобретении, он осознавал, что сделал в своем роде нечто неповторимое. Прием, выпавший на его долю во время его кругосветного путешествия, был вполне пригоден, чтобы убаюкивать его по-прежнему сладкими мечтами, которые в Вене превзошли все, что ему рисовали его фантазии. Он должен был оставаться там пять месяцев, между тем, он был осыпан похвалой и рукоплесканиями, отмечен королем и князем Меттернихом и поощрен артистами и композиторами, и обходились с ним с большой любезностью. Через Прагу он отправился в Дрезден и Берлин, где повсеместно ему приходилось появляться при дворе и быть отпущенным с воспоминаниями о милостивейшем приеме. Однако, ему не было покоя до тех пор, пока он также не увидел Париж, место сбора для столь многих музыкальных величин. Только усилия, вечное нервное напряжение было слишком велико. В полном изнеможении он вернулся из Франции в Брюссель, пытаясь в Спа восстановить свои силы. Но ванны не сильно помогли; нетерпение гнало его вперёд, он чувствовал свою гибель и тосковал по своим. Ему не было суждено их снова увидеть. После одного концерта, который он дал в Ахене, он свалился; огонь вспыхнул однажды, чтобы тем непременно погаснуть. Еще несколько недель жизненный фитиль в нем продолжал тлеть, а затем погас.

Несправедливо, если Гузикова рассматривают в качестве простого курьеза, когда стремятся полагать, что только удивительность его инструмента и его собственный внешний вид выхлопотали ему успех. За этим стояло нечто большее; это была истинная артистическая натура. Он не обогатил музыку, но поместил ее в совершенно противоположные элементы. Его не сравнить с его последышами; они издают только звуки, но не музыку. У гузиковского инструмента было столь же мало звучности, как и у какого-либо другого, но

обращение дало ему речь. Он постиг дух своего инструмента, столько смевший в нем дремать и заставивший его служить с непревзойденным мастерством и сообразительностью. Он не только ваял, но и дал душу своей работе. Однако, он оживил врага, который задушил его в своих объятьях. Струна звучит и поет при прикосновении исполнителя, дерево и солома могли бы вырывать мелодию лишь благодаря стремительной обработке. Не нужно было приходить в себя от сухости и пустоты отдельного тона, а подбрасывая тона, сразу получать готовую мысль. И даже в эти подбрасывания следовало еще вложить необходимый оттенок и разнообразие во взмах, который помещался в маленькие молоточки, которые с бесконечной скоростью проносились вверх-вниз по дереву. Но именно эта суетливость и эластичность, которой они требовали, совершенно разрушили нервы бедного Гузикова, и это было трогательное зрелище – видеть, как в последнее время он больше не подходил к своему инструменту, а крался. Перед его столом вновь неожиданно собирались все жизненные силы и проникали в него с неожиданной мощью. Наконец, он распрямлялся, глаза сверкали характерным огнем, на его губах играла болезненная улыбка, он пробовал, не откажут ли клавиши ему в службе, затем, взглянув на мрачные небеса, позволял своим черным молоточкам мчаться по дереву, и только с последним тоном тело вновь обессиливало и опускалось, смертельно-уставшее, в руки друзей. С каждой игрой он поглощал сил на неделю. В Ахене он спел свою лебединую песнь. Дорогостоящий уход и заботливое обращение не могли больше одолевать зародыш смерти, который уже разрушал все вокруг себя. Он умер на руках своего брата.

Гузиков оставил лишь незначительное состояние, доставшееся его вдове и трем детям. Продолжительная болезнь пожрала большую часть его тягостно приобретенного имущества. Великая доброта принесла ему многое, так как он был предан подобно ребёнку и подавал нуждающемуся часто больше, чем было в его силах, доброта, которой как обычно злоупотребляли. Большая похвала не могла сделать его нескромным, а лишь воодушевляла на новые усилия. Несмотря на обстоятельства, которые установили контакт между ним и людьми, которые стояли в известной мере над ним, несмотря на его врожденное понятие о святости высшего сословия, ничто не могло побудить его пожертвовать строгими предписаниями религиозных норм в угоду кому-либо. Даже разрешение еврейских священнослужителей не могло заставить его повиноваться приглашению короля Австрии играть перед ним в одну из суббот, и он сам поспешил к королю просить у него отсрочку, что тот, преисполненный уважения к благочестию Гузикова, немедленно разрешил.

23 октября он был похоронен на еврейском кладбище Ахена. Только немногие друзья сопровождали его мертвое тело. Те, кто его знал, даже те, кто только однажды его слышал, будут еще долго сочувственно вспоминать столь мимолетно прошедшее, трогательное явление. Никакая плита не выделяет его могилу. Наименьшим даром столь многих, когда-то восхищавшихся и любивших его, была бы установка ему скромного надгробия. Будут ли изредка оглядываться на время, текущее столь стремительно только вперед в будущее через все проходящее, помнящее больше о достоинстве, чем о за-

слугах, и сделают ли многое для памяти человека, который не изобрел машину, а только инструмент, который был никем иным, как артистом?»

Пожелание Луи Лакса об установке памятника на могиле Гузикова было исполнено, но со временем он был утрачен. Только с началом XXI в. ахенскими краеведами было определено точное место погребения Михаила-Иосифа на Aachen-Jüdischer Friedhof an der Lütticher Straße и установлена мемориальная табличка. Так постепенно имя забытого музыканта возвращается из забвения и занимает заслуженное место в истории исполнительского искусства.

Список использованных источников

1. *Ильин, Ф. С.* Промежуточные итоги реконструкции биографии М.-И. Гузикова / Ф. С. Ильин // Культура Беларуси: реалии современности: X Международная научно-практическая конференция (Минск, 7 октября 2021 г.): сборник научных статей / Белорусский государственный университет культуры и искусств. – Минск, 2021. – С. 135–138.

2. *Рало, А. А.* Европейский ксилофон: эволюция и исполнительство // Проблемы музыкальной науки = Music Scholarship. – 2015. – № 2 (май). – С. 121–126. DOI: https://doi.org/10.17674/1997-0854.2015.2.19.121-126.

3. *Ротиро, А.* Главные минеральные воды Европы: Германия и Венгрия: Пер. с фр. [Электронный ресурс] / Соч. А. Ротиро. – Санкт-Петербург: тип. Б-ки мед. наук д-ра М. Хана, 1859. – С. 256–272. – Режим доступа: https://www.google.ru/books/edition/Главныя_минеральныя_в/hdwwvwCw5GIC?hl=ru&gbpv=1&dq=ванны+ахен&pg=PA266&printsec=frontcover. – Дата доступа: 17.02.2023.

4. Северная Пчела. [Электронный ресурс] / 1836. – №196 (28 авг.). – С. 782. – Режим доступа: https://vivaldi.nlr.ru/pn000104319/view/#page=1. – Дата доступа: 14.04.2022.

5. *Цішчанка, І.* З творчай спадчыны: навуковыя артыкулы, літаратурныя творы / І. Цішчанка. – Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2004. – С. 243–249.

6. *Олійник, Д. Б.* Ксилофон у просторі музичної культури Європи (VIII ст. до н. е. – початок XXI ст.): дис. на здоб. наук. ступеня канд. мистецтвознавства: 17.00.03 – Музичне мистецтво [Электронный ресурс] / Д. Б. Олійник; М-во культури України. ЛНМА імені М. В. Лисенка.– Львів, 2016. – С. 337. – Режим доступа: http://elib.nakkkim.edu.ua/handle/123456789/2375. – Дата доступа: 20.03.2020.

7. Gusikow. Sulamith, eine Zeitschrift zur Beförderung der Kultur und Humanität unter den Israeliten / Herausgegeben von Dr. David Fränkel, Herzoglich Anhalt-Deßauischem Direktor der Israelitischen Schulen // Deßau, im Verlage der Redaction. Achter Jahrgang (1834–1843). – S. 307.

8. *Gollmick, C.* Musikalische Novellen und Silhouetten von Carl Gollmick [Electronic resource] / C. Gollmick // Zeitzt. Druck und Verlag von Julius Schieferdecker. – 1838. – S. 313–317. – Mode of access: https://www.google.ru/books/edition/Musikalische_Novellen_und_Silhouetten/DkpDAAAAcAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=gusikow+frankfurt&pg=PA313&printsec=frontcover. – Date of access: 10.08.2021.

9. *Lax, L.* Gusikow [Electronic resourse] / L. Lax // Allgemeine Zeitung des Judenthums, Leipzig: Herausgegeben von Dr. Ludwig Philippson; Verlag von Baumgärtners Buchhandlung, 1837. – № 109. – S. 435–436. – Mode of access: https://

www.google.ru/books/edition/Allgemeine_Zeitung_des_Judenthums/iMRCAQAAMAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=gusikow+aachen&pg=PA436&printsec=frontcover. – Date of access: 13.06.2020.

10. *Lax, L.* Gusikow [Electronic resourse] / L. Lax // Didaslakia, Frankfurt am Main: Herausgegeben von J. L. Heller; Druck und Verlag von Heller und Rohm, 1837. – № 310. – Mode of access: https://www.google.ru/books/edition/Didaskalia/45AsAQAAIAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=holzharmonika&pg=RA40-PA6&printsec=frontcover. – Date of access: 13.06.2020.

11. *Lax, L.* Gusikow [Electronic resourse] / L. Lax // Westliche Blätter für Unterhaltung, Kunst, Literatur und Leben, Aachen: Redakteur: Louis Lax; Verlag von Mayer, 1837. – № 74. – Mode of access: https://webopac.stadtbibliothek-aachen.de/libero/WebOpac.cls?VERSION=2&ACTION=DISPLAY&RSN=539041&DATA=LAC&TOKEN=coyozVFEnQ2503&Z=1&SET=5. – Date of access: 05.11.2022.

12. Stadt=Aachener Zeitung [Electronic resource] / Redakteur: Louis Lax // Aachen: Herausgegeber und Verleger: Beaufort und Mayer. – 1837. – № 196. – Mode of access: https://zeitpunkt.nrw/ulbbn/periodical/search/6490523?query=gusikow. – Date of access: 25.01.2023.

13. Stadt=Aachener Zeitung [Electronic resource] / Redakteur: Louis Lax // Aachen: Herausgegeber und Verleger: Beaufort und Mayer. – 1837. – № 197. – Mode of access: https://zeitpunkt.nrw/ulbbn/periodical/search/6490524?query=gusikow. – Date of access: 25.01.2023.

14. Stadt=Aachener Zeitung [Electronic resource] / Redakteur: Louis Lax // Aachen: Herausgegeber und Verleger: Beaufort und Mayer. – 1837. – № 198. – Mode of access: https://zeitpunkt.nrw/ulbbn/periodical/search/6490525?query=gusikow. – Date of access: 25.01.2023.

15. Stadt=Aachener Zeitung [Electronic resource] / Redakteur: Louis Lax // Aachen: Herausgegeber und Verleger: Beaufort und Mayer. – 1837. – № 201. – Mode of access: https://zeitpunkt.nrw/ulbbn/periodical/search/6490528?query=gusikow. – Date of access: 25.01.2023.

16. Stadt=Aachener Zeitung [Electronic resource] / Redakteur: Louis Lax // Aachen: Herausgegeber und Verleger: Beaufort und Mayer. – 1837. – № 250. – Mode of access: https://zeitpunkt.nrw/ulbbn/periodical/search/6490810?query=gusikow. – Date of access: 25.01.2023.

17. *Saphir, M. G.* Gusikow's Tod [Electronic resourse] / M.G. Saphir // Bibliothek des Frohsinns. Neue Folge. IIIte Section. Instrumental- und Vokal-Concert. Drittes Bändchen. Stuttgart: Franz Heinrich Köhler, 1841. – № 125. – S. 70–74. – Mode of access: https://www.google.ru/books/edition/Grosses_Instrumental_und_Vokal_Concert/So0NAAAAYAAJ?hl=ru&gbpv=1&dq=gusikow+saphir&pg=RA4-PA70&printsec=frontcover. – Date of access: 08.12.2020.

18. *Schlesinger, S.* Josef Gusikow und dessen Holz- und Stroh-Instrument [Electronic resource] / S. Schlesinge. – Wien: Verlag von Franz Tendler, 1836. – 36 s. – Mode of access: https://www.google.ru/books/edition/Josef_Gusikow_und_dessen_Holz_und_Stroh/s3DDGeDQCqgC?hl=ru&gbpv=1&dq=gusikow&pg=PP6&printsec=fr ontcover. – Date of access: 01.09.2021.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 94(476)

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «“РОДНОЕ СЛОВО”. БЕЛОРУССКИЙ И УКРАИНСКИЙ ЯЗЫКИ В ШКОЛЕ (ОЧЕРКИ ИСТОРИИ МАССОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX – СЕРЕДИНЫ XX В.)» (МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2021)

Шевченко К. В.
Российский государственный социальный университет (филиал в г. Минске), Минск, Беларусь

Казак О. Г.
Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь

Статья представляет собой рецензию на сборник очерков, посвященных организации массового образования на белорусских и украинских землях, которые на протяжении середины XIX – середины XX в. входили в состав различных государственных образований (Российской империи, Австро-Венгрии, СССР, Второй Речи Посполитой). Анализируются работы о процессах становления белорусского языка.

Ключевые слова: белорусский язык; образовательная политика; национально-культурная жизнь; польское влияние; ассимиляция.

THE LATEST RESEARCH ON THE HISTORY OF THE FORMATION OF THE BELARUSIAN LANGUAGE: A REVIEW OF THE BOOK «“NATIVE WORD”». BELARUSIAN AND UKRAINIAN LANGUAGES AT SCHOOL (ESSAYS ON THE HISTORY OF MASS EDUCATION IN THE MIDDLE OF THE 19th – THE MIDDLE OF THE 20th CENTURY) (MOSCOW, ST. PETERSBURG, 2021)

Shevchenko K. V.
Russian State Social University (branch in Minsk), Minsk, Belarus

Kazak O. G.
Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article is a review of a collection of essays on the organization of mass education in the Belarusian and Ukrainian lands, which during the middle of the 19th – the middle of the 20th centuries were part of various state formations (Russian Empire, Austria-Hungary, USSR, Poland). The report analyzes the works on the formation of the Belarusian language.

Keywords: Belarusian language; national cultural life; educational policy; Polish influence; assimilation.

В рецензируемый сборник вошли очерки, посвященные роли языка преподавания в контексте национально-культурной жизни Российской и Австро-Венгерской империй второй половины XIX – начала XX в., а также СССР и Польши межвоенного периода. Авторами очерков являются известные историки и филологи России, Беларуси и Украины. В работах освещаются проекты и реформы в сфере образования, инициаторами которых являлись различные акторы (правительственные структуры, общественные круги, лидеры белорусского и украинского национальных движений). В структуре сборника выделены четыре тематических блока (раздела) – «Языковые дискуссии XIX – начала XX в. и проблемы народной школы», «Развитие образовательной системы двух империй», «Школа в эпоху перемен: Мировая война, революция, послереволюционные годы», «Родной язык и массовая школа в межвоенный период».

В очерке кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института славяноведения Российской академии наук (далее – РАН) М. Э. Клоповой анализируется дискуссия о возможности использования украинского и белорусского языков в системе народного образования (преподавание в начальной школе, обучение Закону Божьему детей-католиков непольского происхождения), которая велась на заседаниях III Государственной думы [1]. Данные предложения были отклонены при голосовании, однако развернувшаяся полемика отразила некоторые изменения в мышлении представителей политической элиты Российской империи. Ситуация в белорусских губерниях по-прежнему рассматривалась большинством из них в контексте борьбы русского и польского культурных начал, но звучали и голоса в поддержку субъектности белорусского этноса. Так, М. Э. Клопова приводит выдержку из выступления ксендза С. Г. Мацеевича, избранного в Думу съездом городских избирателей г. Вильно. Католический священнослужитель считал, что язык обучения Закону Божьему должно определять местное население и что таким языком мог быть и белорусский язык [1, с. 78].

В очерке доктора филологических наук, профессора Белорусского государственного университета (далее – БГУ) И. О. Гапоненко рассматриваются общественно-исторические и языковые аспекты развития системы образования на белорусских землях в XIX – начале XX в. Автором выделены различные факторы, повлиявшие на функционирование образовательной сферы: уровень национального самосознания различных слоев населения белорусских губерний; принципы языковой политики российских властей; языковая ситуация на белорусских территориях; специфика белорусского книгопечатания; своеобразие культурной и религиозной ситуации [2].

И. О. Гапоненко приходит к справедливому выводу о наличии целого комплекса неблагоприятных условий, которые предопределили отсутствие образования на белорусском языке в Российской империи, однако некоторые

аргументы автора являются небесспорными. Так, характеризуя природу западнорусизма, исследователь отмечает, что последователи данного идейного течения отказывали белорусам в праве на самостоятельное культурное развитие. При этом И. О. Гапоненко ссылается на написанную в 1929 г. работу А. И. Цвикевича, далекую от стандартов серьезного академического исследования [2, с. 88]. Автором рецензируемого очерка проигнорированы важные для понимания проблемы работы белорусского историка А. А. Киселева. В них на богатом фактографическом материале показано, что большинство сторонников западнорусизма скептически относилось к идее создания белорусского литературного языка, видя в нем политическую игру польского национального движения и поддерживаемый Германией и Австро-Венгрией сепаратизм, но в то же время призывало к изучению и сохранению белорусского наречия, не отрицало возможности создания на нем литературных шедевров. Более того, некоторые западнорусисты призывали использовать белорусский язык для обучения Закону Божьему белорусов-католиков, считая это мерой против их полонизации [3].

Приведенные А. А. Киселевым факты ставят под сомнение еще одно утверждение И. О. Гапоненко, согласно которому все католики белорусских губерний представителями властных и интеллектуальных элит воспринимались исключительно как поляки [2, с. 106]. Для опровержения данного тезиса приведем выдержки из архивных документов, освещающих ситуацию в Гродненской губернии, почти четверть населения которой в конце XIX в. составляли поляки. После обнародования Указа «Об укреплении начал веротерпимости» (17 апреля 1905 г.) многие ксендзы, ссылаясь на данный акт, стали требовать права преподавания в народных училищах Закона Божьего на природном языке учащихся (в их понимании – польском). Однако, согласно личному разъяснению Гродненского губернатора, следовало отдавать предпочтение сведениям о языке местного населения, сообщаемым должностными лицами полиции и волостными правлениями. Например, в отношении ситуации во втором земском участке Гродненского уезда полиция сообщала следующее: «Население состоит исключительно из белорусов, говорящих на своем природном белорусском языке, поэтому Закон Божий учащимся римско-католического исповедания в народных училищах, расположенных в районе второго земского участка, может преподаваться лишь на их природном языке» [4, л. 25]. Аналогичная ситуация сложилась в Верейковском приходском училище Волковысского уезда. Законоучитель римско-католического вероисповедания ксендз В. Лавринович организовал образовательный процесс на польском языке. Однако в донесении пристава четвертого стана Волковысского уезда (23 августа 1905 г.) отмечалось: «Все жители Вереек – белорусы, нет ни одного католика, который принадлежал бы к польской народности и говорил бы по-польски» [5, л. 65].

Понимание нежелательности отождествления всех католиков с поляками имелось и у представителей высшего звена имперской элиты. А. А. Киселев в одной из своих публикаций приводит цитаты из отчетов Виленского

губернатора Д. Н. Любимова (1907 г.) и Минского губернатора А. Ф. Гирса (1913 г.). Чиновники признавали возможность ограниченного использования белорусского языка для обучения белорусов католической конфессии, являлись «последовательным сторонником отделения римско-католического вероисповедания от польской национальности, поскольку в условиях белорусских губерний такое отождествление стало осознанным инструментом для полонизации белорусов» [6].

Раздел «Школа в эпоху перемен: Мировая война, революция, послереволюционные годы» открывает очерк кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН И. И. Баринова, посвященный образовательной политике на оккупированных Германией белорусских землях в годы Первой мировой войны. Работа носит инновационный характер: ученый отказывается от несколько упрощенных, но до сих пор господствующих в историографии оценок политики германских властей в белорусском вопросе, согласно которым у оккупационной администрации имелась четкая стратегия ослабления русского и польского культурных влияний на занятых территориях. И. И. Баринов акцентирует внимания на анализе трудов немецких интеллектуалов, «открывавших» для общественности и прежде всего для оккупационной бюрократической вертикали ранее неизвестное белорусское сообщество [7]. Историк приводит доказательства того, что формировавшиеся концептуальные подходы к решению белорусского вопроса в образовательной сфере часто не могли быть реализованы на практике: «местные говоры постоянно смешивались и перемешивались, и порой настолько переплетались между собой, что для многих уездов не представлялось возможности четко определить их языковую принадлежность». Кроме того, во многих формально белорусских школах из-за неразвитости белорусского языка преподавание велось по-русски [7, с. 211–213]. Тем не менее, в некоторых случаях деятели белорусского национального движения сумели воспользоваться «окном возможностей» и сделать «из формальных учебных заведений, открытых германскими властями, белорусскую школу в подлинном смысле слова». Данный опыт оказался востребованным на следующих этапах белорусского нациестроительства [7, с. 215].

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Л. Л. Щавинская в своем очерке, посвященном творчеству известного филолога-слависта П. А. Расторгуева, использует методологию, апробированную ее коллегой И. И. Бариновым. Л. Л. Щавинская детально анализирует интеллектуальное наследие П. А. Расторгуева и отмечает его влияние на определение контуров языковой политики в Советской Беларуси [8].

Очерк кандидата исторических наук, заместителя директора Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь Е. Г. Дашкевич посвящен школьной политике польских властей на оккупированных белорусских землях в 1919–1921 гг. Следует обратить внимание на достаточно солидную источниковую базу работы: 63 из 71 исполь-

зованного источника представляют собой документы Архива новых актов и Публичной библиотеки Варшавы, большинство их них впервые вводятся в научный оборот. Е. Г. Дашкевич делает вывод о региональной дифференциации польской образовательной политики: на Брестчине ввиду размытости этнического самосознания местного населения форсировано создавались польские школы; в белорусских поветах Виленской губернии обучение на польском языке рассматривалось как инструмент борьбы с белорусским национальным движением; на Минщине польские власти более лояльно относились к белорусскоязычным школам, видя в них противовес русскому культурному влиянию [9]. Необходимо отметить, что немаловажные для понимания проблемы сведения содержатся в документах белорусских архивов, которым автор очерка не уделила должного внимания. В частности, в фонде 878 «Центральная Белорусская Рада Виленщины и Гродненщины» Национального архива Республики Беларусь отложился ряд материалов, свидетельствующих о дискриминационной политике польских властей в отношении белорусской школы. Так, информационный бюллетень Рады от 26 сентября 1919 г. был полностью посвящен проблемам организации школ на оккупированных польской армией белорусских землях [10, с. 12].

Очерк кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН Д. А. Коротковой, посвященный истории белорусского образования во Второй Речи Посполитой (помещен в последнем разделе сборника), тематически дополняет исследование Е. Г. Дашкевич. Д. А. Короткова аргументированно доказывает, что образовательная политика рассматривалась польскими властями в качестве базового инструмента ассимиляции белорусского населения [11]. При этом далеко не всегда замыслы польских элит находили реальное воплощение. Автор приводит выдержку из секретной аналитической записки, подготовленной известным польским ученым С. Выслоухом для Института исследования национального вопроса в 1939 г. С. Выслоух считал, что овладение польским языком отнюдь не всегда делало из белорусского крестьянина лояльного гражданина польского государства: получая доступ к более высокой культуре, многие белорусы понимали незавидность положения своего народа и примыкали к различным течениям белорусского национального движения [11, с. 402].

Два очерка сборника подготовлены кандидатом исторических наук, старшим научным сотрудником Института российской истории РАН К. С. Дроздовым. В первом из них представлен краткий обзор белорусской, российской и зарубежной историографии по проблеме советской белорусизации в БССР в межвоенный период. Автор работы анализирует трактовку различными авторами целей, задач, движущих сил белорусизации, ее основных этапов, причин замедления и постепенного свертывания [12]. Второй очерк К. С. Дроздовым посвящен сравнительно-историческому анализу украинизации и белорусизации школ в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х гг. Историк выделяет ряд общих черт в данных процессах: практическое отсутствие опыта организации школ на белорусском и украинском языках в дореволюционный

период, и, как следствие этого, отсутствие квалифицированных педагогов, способных вести обучение на данных языках; отсутствие учебников на белорусском и украинском языках, предназначенных для школ РСФСР; осознание большинством населения белорусского и украинского языков в качестве маркеров «низкой культуры», понимание важности устойчивого владения русским языком для дальнейшего карьерного роста. В то же время имели место объективные обстоятельства, которые обусловили различную интенсивность процессов белорусизации и украинизации в РСФСР: число украинцев, проживавших в Советской России, в 10 раз превышало число белорусов; основная масса украинцев проживала в европейской части России, а белорусов – в Сибири и на Дальнем Востоке, вследствие чего процесс создания белорусских школ был объективно затруднен; в результате укрупнений 1924 и 1926 гг. в состав БССР были включены почти все этнические белорусские территории на востоке; руководство Советской Украины было гораздо более требовательным в плане удовлетворения культурных запросов своих соотечественников, проживавших в РСФСР, нежели власти Советской Беларуси; советские украинцы имели мощную кадровую и техническую поддержку из-за рубежа (прежде всего из «украинского Пьемонта» – находившейся в составе Польши Галиции), у белорусов же до Октябрьской революции отсутствовал подобный мощный центр национального движения [13].

На наш взгляд, очерк выиграл бы в плане информативности, если бы автор уделил большее внимание отношению к мероприятиям в образовательной сфере населения российско-белорусского и российско-украинского пограничья, рассмотрел особенности его этнической самоидентификации. К. С. Дроздов в своей фундированной монографии «Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг.», опубликованной в 2016 г., выделил три типа трансформации малороссийской идентичности жителей российско-украинского пограничья в первой трети XX в.: от малоросса к украинцу; от малоросса к русскому; от малоросса к «хохлу», «переверетню», «суржику». Носители последнего, переходного типа национального самосознания в зависимости от политических обстоятельств могли относить себя то к русским, то к украинцам [14, с. 76–77]. Было бы интересно проследить, имели ли место подобные процессы в российско-белорусском пограничье.

Завершает сборник очерк кандидата исторических наук, доцента Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина А. А. Савича, посвященный анализу использования белорусского языка в коммунистическом движении Западной Беларуси межвоенного периода. Автор отмечает двойственную позицию Коммунистической партии Польши, составной частью которой являлась Коммунистическая партия Западной Белоруссии (далее – КПЗБ): польские коммунисты с одной стороны декларировали требования свободного культурного развития национальных меньшинств Второй Речи Посполитой (в том числе белорусов), с другой стороны из-за опасения усиления белорусского фактора негласно ограничивали распространение белорусскоязычной литературы [15]. На наш взгляд, автору следовало также

обратить внимание на языковой вопрос в различных белорусских регионах, в которых действовала КПЗБ. Архивные документы свидетельствуют об особой ситуации в западнополесском регионе (часть современной Брестской области Беларуси). Важным для актива КПЗБ являлся вопрос языка литературы, которую следовало направлять в населенные пункты данного края. В качестве наиболее подходящего для нужд местного населения языка чаще всего указывались русский либо украинский языки, а белорусский язык однозначно трактовался как непонятный для жителей края. Так, в отчете малоритской организации КПЗБ за 1933 г. отмечалось: «Литературу лучше всего присылайте на русском языке, по-белорусски совсем не понимают и по-польски не понимают» [16, л. 53]. В отчете о работе пинского округа КПЗБ за ноябрь – декабрь 1935 г. отмечалось: «Большую часть литературы присылайте на русском языке. На белорусском языке не нужно присылать ничего, потому что не умеют совершенно читать, за исключением единиц. Если есть, можно часть послать на украинском языке, ну и часть на польском» [17, л. 56]. Перспективных видится анализ документов из других регионов, освещающих позицию КПЗБ в языковом вопросе.

Таким образом, на страницах сборника представлены различные точки зрения относительно языкового вопроса в школах белорусских и украинских земель, которые отражают существующие национальные историографические подходы и традиции. Следует отметить высокий методический уровень всех очерков, обращение их авторов к неизвестным и малоизвестным в современной историографии документам (в том числе к архивным материалам). Многие исследования (в частности, очерки И. И. Баринова, Е. Г. Дашкевич, К. С. Дроздова и др.) носят ярко выраженный инновационный характер, позволяют заинтересованному читателю выйти за рамки устоявшихся представлений и стереотипов. Изложенные в рецензии замечания в большинстве своем носят рекомендательный характер и не ставят под сомнение результаты исследований и их научную значимость. Материалы рецензируемого сборника могут придать импульс дальнейшим исследованиям различных аспектов национально-культурной жизни народов Восточной Европы.

Список использованных источников

1. *Клопова, М. Э.* Малорусский и белорусский языки в начальной школе: дискуссии в III Государственной думе / М. Э. Клопова // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редкол.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 61–83.

2. *Гапоненко И. О.* Система образования на белорусских землях в XIX – начале XX вв.: общественно-исторические и языковые аспекты / И. О. Гапоненко // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редкол.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 84–115.

3. *Киселев, А. А.* Правая печать и белорусский язык: pro et contra / А. А. Киселев // Беларуская думка. – 2017. – № 1. – С. 97–103.

4. Письмо директора народных училищ Гродненской губернии Земскому начальнику 2 участка Гродненского уезда, 27 марта 1906 г. // Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1080. Л. 25 – 25 об.

5. Письмо директора народных училищ Гродненской губернии Гродненскому губернатору, 16 декабря 1905 г. // НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 18. Д. 1090. Л. 65 – 65 об.

6. *Киселев, А. А.* Белорусы-католики на страницах губернаторских отчетов начала XX в. [Электронный ресурс] / А. А. Киселев. – Режим доступа: https://inlnk.ru/za2eZY. – Дата доступа: 10.05.2023.

7. *Баринов, И. И.* Белорусский язык на территории образования на территории Обер Ост, 1915–1917 гг. / И. И. Баринов // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редколл.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 199–217.

8. *Щавинская Л. Л.* Профессор П. А. Расторгуев и его учебные лекции по истории и современному состоянию белорусского языка к исходу Первой мировой войны / Л. Л. Щавинская // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редколл.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 218–231.

9. *Дашкевич, Е. Г.* Национальные школы на территории Беларуси в период польской оккупации (1919–1921 гг.) / Е. Г. Дашкевич // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редкол.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 232–254.

10. *Шевченко, К. В.* Положение белорусского населения Западной Беларуси накануне подписания Рижского мирного договора 18 марта 1921 г. в свете архивных документов / К. В. Шевченко // Гісторыя і грамадазнаўства. – 2021. – № 1. – С. 9–15.

11. *Короткова, Д. А.* Белорусское образование во Второй Речи Посполитой в 1920-е–1930-е гг. / Д. А. Короткова // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редкол.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.; Санкт-Петербург, 2021. – С. 386–406.

12. *Дроздов, К. С.* Белорусизация и школьное образование в БССР 1920-х–1930-х гг. в современных исследованиях / К. С. Дроздов // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редкол.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 329–356.

13. *Дроздов, К. С.* Украинизация и белорусизация школ в РСФСР в 1920-е – начале 1930-х гг.: сравнительно-исторический анализ / К. С. Дроздов // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редкол.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 358–385.

14. Дроздов К. С. Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. / Д. С. Дроздов. – М. : Институт российской истории РАН ; Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 487 с.

15. Савич, А. А. Белорусский язык в коммунистическом движении Западной Белоруссии, 1921–1939 гг. / А. А. Савич // «Родное слово». Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX – середина XX в. / редкол.: Е. Ю. Борисенок [и др.]. – М.: Санкт-Петербург, 2021. – С. 407–421.

16. Отчет малоритской организации КПЗБ за 1933 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 242п. Оп. 1. Д. 351. Л. 51–54.

17. Отчет о работе пинского округа КПЗБ за ноябрь – декабрь 1935 г. // НАРБ. – Ф. 242п. Оп. 2. Д. 541. Л. 63–68.

(Дата поступления: 23.05.2023).

УДК 061:78(=162.1)(476.5-89)(091+062)»1906/1914»

ДЗВІНСКАЕ МУЗЫЧНАЕ ТАВАРЫСТВА «ЛЮТНЯ» Ў 1906–1914 ГГ.: СТРУКТУРА І ДЗЕЙНАСЦЬ

Лішай Д. У.
Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаюцца структура і дзейнасць Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» на тэрыторыі Віцебскай губерні ў 1906–1914 гг. Падкрэсліваецца, што лібералізацыя заканадаўства Расійскай імперыі ў пачатку XX ст. спрыяла стварэнню грамадскага аб'яднання. Адзначаецца імкненне Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» да згуртавання мясцовай польскай супольнасці праз папулярызацыю твораў музычнага мастацтва. Характарызуецца стаўленне адміністрацыі Віцебскай губерні да функцыянавання арганізацыі. Разглядаючы Дзвінскае музычнае таварыства «Лютня» ў якасці аднаго з цэнтраў выхавання моладзі ў традыцыях польскага патрыятызму, мясцовыя ўлады падазравалі яго членаў у палітычнай нядобранадзейнасці, падрыхтоўцы да антыўрадавых выступленняў.

Ключавыя словы: Віцебская губерня; Дзвінск; музычнае таварыства «Лютня»; легалізацыя дзейнасці; статут арганізацыі; справаздача аб'яднання; канцэртныя вечары; ксёндз В. В. Балюль; польскае нацыянальнае таварыства.

DVINSK MUSIC SOCIETY «LUTNIA» IN 1906–1914: STRUCTURE AND ACTIVITY

Lishai D. V.
Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article deals with the structure and activities of Dvinsk music society «Lutnia» on the territory of Vitebsk province in 1906–1914. The article emphasizes that liberalization of legislation of the Russian Empire at the beginning of the 20th century contributed to creation of the public association. The desire of the Dvinsk music society «Lutnia» to unite the local Polish community through popularization of musical art works is noted. The attitude of the administration of Vitebsk province to the functioning of the organization is characterized. While considering the Dvinsk music society «Lutnia» as one of the centers of education of youth on the traditions of Polish patriotism, local authorities suspected its members of political disloyalty and preparation for anti-government actions.

Keywords: Vitebsk province; Dvinsk; music society «Lutnia»; legalization of activity; stature of the organization; association's report; concert evenings; priest V. V. Balyul; Polish national society.

Лібералізацыя палітыкі расійскіх улад, выкліканая рэвалюцыяй 1905–1907 гг., спрыяла развіццю грамадскіх ініцыятыў прадстаўнікоў польскай

нацыянальнай супольнасці Віцебскай губерні ў пачатку XX ст. У першую чаргу гэтыя працэсы былі звязаны з выданнем Указа «Аб часовых правілах аб таварыствах і саюзах» ад 4 сакавіка 1906 г. (№ 27479) [1, с. 201–207]. Заканадаўчы акт садзейнічаў далейшаму развіццю польскіх культурна-асветных аб'яднанняў, сярод якіх вылучаліся таварыствы аматараў музычнага мастацтва «Лютня». Назва арганізацый абазначала музычны інструмент, які атрымаў распаўсюджванне ў Еўропе яшчэ ў XV–XVI ст. [2, с. 411–412]. У пачатку XX ст. «Лютні» функцыянавалі ў такіх гарадах, як Варшава [3], Вялічка [4], Чанстахова [5, s. 127], Згеж [6], Пшчына [7], Вільня [8], Дзвінск [9].

Гісторыі станаўлення і развіцця шэрагу з прыведзеных вышэй аб'яднанняў былі прысвечаны асобныя публікацыі, раздзелы ў манаграфіях [10, s. 224–229; 4; 7]. Аднак дзейнасць Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» на тэрыторыі Віцебскай губерні, нягледзячы на наяўнасць архіўных крыніц, не станавілася тэмай асобнага даследавання ні ў айчыннай, ні ў замежнай гістарыяграфіі. У працы гісторыка А. Ф. Смалянчука арганізацыя прыводзілася ў якасці характэрнага прыкладу існавання польскіх культурна-асветных таварыстваў на легальнай аснове ў пачатку XX ст. [11, с. 203]. Больш падрабязна гісторыю развіцця грамадскага аб'яднання разглядала даследчыца І. В. Дзянісава. Засноўваючыся на архіўных крыніцах, яна апісала функцыянаванне Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» ў кантэксце развіцця музычнай адукацыі Віцебскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX ст. [12, с. 40, 67–69, 72, 111, 113; 13, с. 18; 14, с. 112–113]. Да ліку таварыстваў, задзейнічаных у сістэме музычнай адукацыі Віцебскай губерні ў акрэслены перыяд, адносіла арганізацыю К. М. Бусел [15, с. 38].

Відавочна, што аўтары не ставілі перад сабой задачу комплекснага аналізу структуры і дзейнасці Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня». Звяртаючы ўвагу на агульную характарыстыку грамадскага аб'яднання, даследчыкі не засяроджваліся на яго ўнутрыарганізацыйнай структуры, пакінулі па-за разглядам аспекты ўзаемадзеяння таварыства з расійскімі ўладамі. З гэтага вынікае, што заяўленая тэма з'яўляецца актуальнай для сучаснай айчыннай гістарыяграфіі. У сувязі з гэтым мэта артыкула – разгляд структуры і дзейнасці Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» ў 1906–1914 гг. Ніжняя храналагічная мяжа звязана з часам афіцыйнай рэгістрацыі арганізацыі, а верхняя – з датай апошніх вядомых на дадзены момант звестак аб існаванні грамадскага аб'яднання перад пачаткам Першай сусветай вайны.

Даследаванне грунтуецца на дакументальных і апавядальных пісьмовых крыніцах з фонду 2649 «Віцебская губернская па справах аб таварыствах прысутнасць» Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (далей – НГАБ) [16–25]. Група дакументальных крыніц прадстаўлена заканадаўчымі актамі, матэрыяламі афіцыйнага справаводства дзяржаўных устаноў (рапарты, данясенні, даведкі павятовай і губернскай адміністрацыі, журналы пасяджэнняў Віцебскай губернскай па справах аб таварыствах прысутнасці), унутранымі дакументамі грамадскага аб'яднання «Лютня» (заявы, праект статута, статут, спісы членаў арганізацыі, справаздачы таварыства, пратако-

лы сходаў). У дакументах падрабязна прасочваецца станаўленне структуры арганізацыі, яе практычная дзейнасць, палітыка расійскіх улад. Да ліку апавядальных крыніц адносяцца матэрыялы перыядычнага друку («Витебские губернские ведомости»). Даведачным апаратам даследавання з'яўляюцца вынікі Першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г. [29], Памятныя кніжкі па Віцебскай губерні [26–27], даведнік М. Я. Брэнштэйна па польскіх грамадскіх аб'яднаннях [28], артыкулы ў энцыклапедычных выданнях [2; 30].

У пачатку XX ст. горад Дзвінск з'яўляўся цэнтрам Дзвінскага павета Віцебскай губерні. Гістарычна гэта тэрыторыя адносілася да інфлянцкіх паветаў («Інфлянты польскія») – часткі Лівоніі, што, згодна з Аліўскім мірным дагаворам 1660 г., была далучана да Рэчы Паспалітай [30, с. 287]. Па даных Першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г., 21 тыс. 662 жыхары Дзвінскага павета ў якасці роднай мовы назвалі польскую [29, с. 76]. У пачатку XX ст. мясцовая польская супольнасць праявіла асаблівую актыўнасць, што было заўважна ў працы грамадскіх аб'яднанняў.

17 кастрычніка 1906 г. на імя віцебскага губернатара Б. Б. Гершаў фон Флотава паступіла заява ад двараніна І. Ф. Хлюдзінскага, двараніна І. Р. Гржыбоўскага, мешчаніна В. М. Шаўдзіна, мешчаніна В. Ф. Абуховіча, селяніна С. В. Казуры, у якой яны прасілі разгледзець пытанне аб рэгістрацыі Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» ў сувязі з выхадам указа «Аб часовых правілах аб таварыствах і саюзах» ад 4 сакавіка 1906 г. (№ 27479). У якасці мэты грамадскага аб'яднання праектам статута вызначалася пашырэнне музычнага мастацтва сярод членаў арганізацыі ў межах Дзвінска, а таксама яго ваколіц [16, арк. 2–2 адв.; 22, арк. 125].

30 лістапада 1906 г. адбылося пасяджэнне Віцебскай губернскай па справах аб таварыствах прысутнасці, на якім разглядалася справа аб рэгістрацыі Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня». Мясцовая адміністрацыя пастанавіла афіцыйна зацвердзіць праект статута арганізацыі. 24 снежня 1906 г. грамадскае аб'яднанне было ўнесена ў рэестр таварыстваў і саюзаў Віцебскай губерні пад № 370, аб чым было паведамлена ў № 2 газеты «Витебские губернские ведомсти» ад 4 студзеня 1907 г. [16, арк. 5–6 адв., 20–21; 21, арк. 24].

Дзейнасць Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» рэгламентавалася статутам, надрукаваным у тыпаграфіі «Двинского Листка» ў 1908 г. Усе члены аб'яднання падзяляліся на членаў-заснавальнікаў, ганаровых членаў, правадзейных членаў. У структуры арганізацыі мелася тры асноўныя органы: Агульны сход, Камітэт, Рэвізійная камісія. Агульны сход выбіраў членаў Камітэта таварыства і Рэвізійнай камісіі, прымаў і зацвярджаў інструкцыі, сметы і справаздачы арганізацыі. Камітэт, што склікаўся штогод Агульным сходам, вырашаў гаспадарчыя і кадравыя пытанні аб'яднання, ажыццяўляў падрыхтоўку інструкцый, смет, гадавых справаздач. У склад Камітэта ўваходзілі 6 асоб: старшыня, таварыш старшыні, казначэй, сакратар, дырэктар музыкі і спеваў. Яны выбіраліся на Агульным сходзе тэрмінам на тры гады.

Ратацыя кадраў Камітэта адбывалася штогод – два члены выбывалі па жэрабю. Акрамя таго, выбіраліся тры кандыдаты ў рэзерв для замены асноўных членаў Камітэта ў выпадку выбыцця апошніх на працяглы час. Адметна, што пасады не прадугледжвалі атрымання заробкаў. Пасяджэнні Камітэта павінны былі праводзіцца адзін раз у месяц. Рэвізійная камісія складалася з трох членаў. Яна ажыццяўляла праверку касы і гадавой справаздачы [16, арк. 27–30].

У статуце асобна рэгламентаваўся парадак узаемадзеяння арганізацыі і афіцыйных улад. Дзвінскае музычнае таварыства «Лютня» знаходзілася пад юрысдыкцыяй Міністэрства ўнутраных спраў (далей – МУС). Штогадова грамадскае аб'яднанне абавязвалася накіроўваць справаздачу ў чатырох экзэмплярах у адрас віцебскага губернатара. Таксама члены таварыства інфармавалі мясцовую паліцыю пра час, месца і тэматыку кожнага Агульнага сходу. У выпадку дапушчэння парушэнняў дзеючага заканадаўства ўлады маглі ініцыяваць працэдуру ліквідацыі арганізацыі [16, арк. 30–31].

Фактычная дзейнасць Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» пачалася 25 лістапада 1907 г., калі адбыўся Арганізацыйны сход. На ім быў выбраны Камітэт грамадскага аб'яднання: доктар Ю. М. Філеборн (старшыня), В. З. Давят (віцэ-старшыня), М. Д. Транчынская (казначэй), А. Ф. Лоціш (сакратар) В. Ф. Абуховіч (дырэктар хора), І. Р. Гржыбоўскі. Кандыдатамі ў члены Камітэта сталі ксёндз В. В. Балюль, І. Ф. Ражанскі, Г. Ботэ. У склад Рэвізійнай камісіі ўвайшлі І. Ф. Хлюдзінскі, В. М. Шаўдзін, І. Кваткоўскі [16, арк. 23, 33, 43]. Доктар Ю. Л. Філеборн займаў пасаду старшыні Камітэта Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» з 25 лістапада 1907 г. па 17 верасня 1910 г. Пазней яго змяніў прысяжны павераны В. К. Доўнаровіч, які заняў пасаду старшыні з 17 верасня 1910 г. [16, арк. 23, 28, 32, 70, 74, 76, 78; 18, арк. 19 адв.; 25, арк. 531; 26, с. 130; 27, с. 160]. Арганізацыя размяшчалася ў доме Моля на вуліцы Шасэйнай у Дзвінску [19, арк. 33–33 адв.].

Практычная дзейнасць Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» заключалася ў правядзенні публічных канцэртаў, вечароў, публічных лекцый, арганізацыі музычных конкурсаў, стварэнні бібліятэкі музычных калекцый, выданні лепшых твораў мясцовых кампазітараў, прызначэнні стыпендый, ганаровых грамат, узнагарод, аказанні матэрыяльнай дапамогі [16, арк. 28]. Вынікі працы былі падрабязна адлюстраваны ў паказчыках штогадовых справаздач. Так, у 1908–1912 гг. было праведзена 26 канцэртных вечароў. З іх: у 1908 г. было арганізавана 3, у 1909 г. – 8, у 1910 г. – 5, у 1911 г. – 4, у 1912 г. – 6 [16, арк. 33, 43, 52, 56, 63, 74, 70 адв., 76 адв., 78 адв.; 25, арк. 531 адв. – 532 адв.].

Папаўненне бюджэту таварыства прадугледжвалася за кошт трох крыніц: а) гадавыя членскія ўнёскі; б) даход ад правядзення музычных вечароў; в) ахвяраванні [16, арк. 28 адв., 31]. Атрыманыя сродкі накіроўваліся на арганізацыю канцэртных вечароў, набыццё нот і музычных інструментаў, канцылярскіх прылад, арэнду памяшканняў, утрыманне харавога калектыву (табліца 1).

Табліца 1

Бюджэт Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» ў 1908–1912 гг.

Год	Даходы	Расходы	Астатак
1908	546 руб. 6 кап.	498 руб. 33 кап.	47 руб. 73 кап.
1909	732 руб. 49 кап.	644 руб. 55 кап.	87 руб. 94 кап.
1910	384 руб. 93 кап.	246 руб.19 кап.	137 руб. 84 кап.
1911	339 руб. 3 кап.	306 руб. 32 кап.	32 руб. 71 кап.
1912	512 руб. 49 кап.	459 руб. 47 кап.	53 руб. 2 кап.

[16, арк. 33, 43, 52, 56, 63, 70 адв., 74 адв., 76 адв., 78 адв., 22, арк. 125; 25, арк. 531 адв.].

Супаставіўшы даходы і расходы арганізацыі, можна зрабіць выснову пра прафіцыт бюджэту ў акрэслены перыяд. Аднак назіраліся і некаторыя негатыўныя тэндэнцыі. Напрыклад, у 1910–1911 гг. адбыўся спад даходаў і расходаў больш чым у два разы ў параўнанні з 1908–1909 гг. Акрамя таго, Дзвінскае музычнае таварыства «Лютня» мела запазычанасці перад гандлёвым домам «Х. Добрый с С-ми» за арэнду раяля ў памеры 390 руб. за 1909 г. і 96 руб. за 1912 г. Такі матэрыяльны стан нават прымусіў арганізацыю адмовіцца ад прызначэння стыпендыі вучаніцы Г. Александровіч [16, арк. 70 адв., 72 адв.; 22, арк. 125; 25, арк. 531 адв. – 532 адв.].

Істотны спад даходаў грамадскага аб'яднання ў 1910–1911 гг. у параўнанні з папярэднімі гадамі тлумачыцца памяншэннем фінансавых паступленняў ад штогадовых абавязковых членскіх унёскаў. Па прапанове Камітэта «Лютні», 17 верасня 1910 г. на Агульным сходзе таварыства было пастаноўлена выключыць са складу арганізацыі 35 ганаровых членаў з 50 і 10 правадзейных з 12 за нявыплаты патрэбных сум. У сваю чаргу гэта прывяло да часовага звужэння кадравай базы. Калі ў 1908 г. у складзе Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» налічвалася 180 чалавек, то ў пачатку 1910 г. гэты паказчык знізіўся да самага мінімальнага значэння за ўвесь перыяд існавання арганізацыі – 27 асоб [16, арк. 53, 56, 57, 64, 65–65 адв., 67, 70; 17, арк. 53]. Хор таварыства таксама зведаў скарачэнні колькаснага складу: з першапачатковых 50 выканаўцаў засталося 30 [28, s. 97] (табліцы 2, 3).

Табліца 2

Колькасць ганаровых і правадзейных членаў Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» ў 1907–1913 гг.

Год	Ганаровыя	Правадзейныя	Агульная колькасць
1907	54	17	71
1908	?	?	180
1909	50	12	62

Заканчэнне табліцы 2

Год	Ганаровыя	Правадзейныя	Агульная колькасць
1910	15	12	27
1911	32	16	48
1912	30	25	55
1913	30	19	49

[16, арк. 43–44, 52–52 адв., 56–56 адв., 63–63 адв., 70–71, 74, 76, 78; 17, арк. 17 адв., 53; 25, арк. 531–531 адв.].

Табліца 3

Спіс членаў Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» ў 1910 г.

Ганаровыя члены		Правадзейныя члены
1. Ангоф Канстанцін	26. Кс. Балюль Вікенцій	51. Аляксандровіч Ганна
2. Бяла-Піятровіч Кляра	27. Наішэўскі Казімір	52. Валелка Ганарата
3. Буткевіч Антон	28. Ляшчынскі Аляксандр	53. Гржыбоўскі Іосіф
4. Безан Аляксандр	29. Нядзвецкі Адольф	54. Ёдзевіч Міхаіл
5. Бяляўскі Канстанцін	30. Адляніцкі-Пачобут Антон	55. Мацкевіч Іосіф
6. Блажэвіч-Юхневіч Кліменцій	31. Плаўскі Тадэвуш	56. Леангіж Наталка
7. Блажэвіч-Юхневіч Каранат	32. Плаўская Валерыя	57. Ражанскі Іосіф
8. Бранікоўскі Стафан	33. Паланевіч Карл	58. Ражанскі Іван
9. Васілеўскі Напалеон	34. Піткевіч Канстанцін	59. Раманоўская Ганна
10. Вільдан Міхаіл	35. Д-р Руткевіч Мамерт	60. Спальвіш Антон
11. Гаудзэ Вікенцій	36. Сурвіла Браніслаў	61. Эйгін Антон
12. Галаўко Антон	37. Слядзеўскі Войцех	62. Юрэвіч Баляслаў
13. Галаўко Мар'я	38. Свяневіч Станіслаў	
14. Гаўпштэйн Генрых	39. Свяневіч Кацярына	
15. Гарнастай Антон	40. Сташкевіч Адольф	
16. Гралінскі Станіслаў	41. Транчынская Алена	
17. Доўнаровіч Вацлаў	42. Транчынская Алена[1]	
18. Зубрыцкі Іосіф	43. Хадзякова[2]	

[1] У спісе двойчы ўзгадваецца імя ***Транчынскай Алены***. Аднак у змесце архіўнай справы зафіксавана толькі асоба ***Марыі Транчынскай***.

[2] Імя адсутнічае.

Заканчэнне табліцы 3

Ганаровыя члены		Правадзейныя члены
19. Жуковіч Валянціна	44. Хашкоўскі Уладзіслаў	
20. Квяткоўскі Іван	45. Чашэйка-Сахацкі Вацлаў	
21. Кулікоўская Соф'я	46. Чашэйка-Сахацкая Валерыя	
22. Карэйва Ягор	47. Чапля Іосіф	
23. Кай Генрых	48. Шахно Мар'ян	
24. Кай Стафанія	49. Шаўдзін Вікенцій	
25. Лотыш Аляксандр	50. Якабавіч Людміла	

[16, арк. 52 адв., 56 адв., 63 адв.].

Аднак фінансавыя цяжкасці маглі значна пагоршыць вынікі дасягнення галоўнай статутнай мэты – распаўсюджвання музычнага мастацтва сярод мясцовага насельніцтва. Таму 23 студзеня 1911 г. у памяшканні Дзвінскага рымска-каталіцкага таварыства адбыўся Агульны сход членаў Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня», на якім былі прыняты адпаведныя рашэнні. З мэтай стымулявання правадзейных членаў атрымліваць музычную адукацыю Камітэт арганізацыі стварыў спецыяльны фонд, у які пералічвалася частка даходаў грамадскага аб'яднання ў памеры да 100 руб. у год. Сума павінна была пакрываць аплату за навучанне таленавітых членаў арганізацыі, што атрымлівалі адукацыю ў мясцовай музычнай школе. Дадаткова Камітэт таварыства пастанавіў вызваліць ад выплаты абавязковых членскіх унёскаў актыўных удзельнікаў хору [16, арк. 65–65 адв., 67, 72–72 адв.; 22, арк. 125; 25, арк. 531 адв. – 532 адв.].

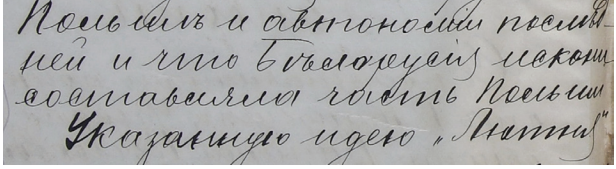
Нягледзячы на дэкларацыю культурнага статусу таварыства, яго дзейнасць не абмінула палітызацыі. Расійскія ўлады пільна наглядалі за актыўнасцю мясцовай польскай нацыянальнай супольнасці. Засноўваючыся на адносінах Дэпартамента агульных спраў МУС, віцебскі губернатар Б. Б. Гершаў фон Флотаў у сваім сакрэтным цыркулярным паведамленні ад 9 снежня 1907 г. за № 606 абавязваў паліцмайстраў і павятовых спраўнікаў рэгіёна: « <...> *немедленно доставить подробные сведения о деятельности существующих в веренных им городах и уездах польских национальных обществ: как то гимнастическим, просветительных, клубов и т. п.*» [17, арк. 1]. Асобна звярталася ўвага на неабходнасць праверкі Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» [17, арк. 12–12 адв., 14–14 адв.]. Пасля атрымання адпаведных даных віцебскі губернатар Б. Б. Гершаў фон Флотаў паведаміў Дэпартаменту агульных спраў МУС, што на тэрыторыі Віцебскай губерні функцыянавала 11 аб'яднанняў польскага характару. Да ліку арганізацый, гуртуючых мясцовае польскае насельніцтва, было аднесена і Дзвінскае музычнае таварыства «Лютня» [17, арк. 52–52 адв.].

Апошняя выснова была зроблена з улікам шэрагу паведамленняў мясцовых паліцэйскіх чыноўнікаў. Дзвінскі паліцмайстр І. А. Гнядоўскі ў сакрэтным данясенні ад 4 сакавіка 1908 г. звярнуў асаблівую ўвагу кіраўніка рэгіёна

на спецыфіку складу арганізацыі: «<...> *Двинское музыкальное общество «Лютня» является национальным польским, цель его – объединение лиц римско-католического вероисповедания в одно целое. Общество это насчитывает у себя около 180 членов исключительно из лиц польской национальности* <...>» [17, арк. 18].

У сваю чаргу гэта характарыстыка давалася на аснове даных з сакрэтнага рапарта прыстава 1-й часці г. Дзвінска Я. А. Калдуновіча ад 2 сакавіка 1908 г. за № 2580, дасланай у адрас дзвінскага паліцмайстра І. А. Гнядоўскага. Так, у дакуменце адзначалася: « <...> *по собранным негласно сведениям, Двинское музыкальное общество «Лютня», несомненно, является польским национальным обществом, так как скрытою его целью является идея объединения лиц р.-католического вероисповедания вообще и местных поляков в особенности в одно целое и распространение, и укрепление в них сознания о необходимости присоединения* ***Белоруссии*** *(полужирный курсив исследователя – Д. Л.) к Польше и автономии последней, и что* ***Беларусия*** *(полужирный курсив исследователя – Д. Л.) искони составляла часть Польши. Указанную идею «Лютня» намеревается осуществить путем восхваления в песнях и декламаций польской старины и павшей Польши, и порицания всего непольского, в особенности русского, благодаря которому не стало прежней славной Польши, рассчитывая таким образом на антагонизм, который, несомненно, приведет все польские элементы к тесному объединению*» [17, арк. 16–17].

З прыведзеных вышэй даных прыстава 1-й часці г. Дзвінска Я. А. Калдуновіча вынікае, што фактычнае функцыянаванне Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» не толькі не адпавядала статутным прынцыпам, але і мела выразна палітычны характар, пагражаючы асновам дзяржаўнага ладу ў Віцебскай губерні. На думку чыноўніка, аб'яднанне імкнулася выкарыстаць культурную сферу ў сваіх інтарэсах. Прыстаў 1-й часці г. Дзвінска Я. А. Калдуновіч падкрэсліваў антыўрадавую накіраванасць планаў польскай нацыянальнай арганізацыі ў дачыненні да тэрыторыі рэгіёна, якая вызначалася паняццем «Беларусь» (рысунак 1).


сознанія о необходимости
присоединенія Бѣлоруссіи къ
Польшѣ и автономіи послѣ-
ней и что Бѣлоруссія искони
составляла часть Польши
Указанную идею „Лютня"

Рыс. 1. **Фрагмент сакрэтнага рапарта прыстава 1-й часці г. Дзвінска Я. А. Калдуновіча ад 2 сакавіка 1908 г за № 2580, у якім адзначаецца антыўрадавы характар Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня», а таксама ўжываецца назва «Беларусь» (НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 139, арк. 16 адв. – 17)**

Адлюстраванне палітычнага аспекту ў дзейнасці грамадскага аб'яднання атрымала працяг у рапарце дзвінскага паліцмайстра І. А. Гнядоўскага пад грыфам «Зусім сакрэтна» на імя віцебскага губернатара Б. Б. Гершаў фон Флотава ад 25 жніўня 1909 г. за № 45. У дакуменце паведамлялася, што ў выніку праведзенага нагляду за арганізацыяй было заўважана наступнае: «<...> *Двинское общество пособия бедным р.- католического вероисповедания, а также Двинское музыкальное общество «Лютня» преследуют тайную цель сплочения местного польского общества и воспитания молодежи в своем национальном духе, дабы в удобный момент иметь в г. Двинске подготовленную для борьбы единицу. Главными действующими лицами этих обществ являются Ксендз Викентий Балюль и уездный врач Филлиборн, имеющие, по-видимому, довольно частые сношения с Варшавой. Ксендз Балюль, как только он был избран председателем этого общества, тотчас обратился ко мне с ходатайством о разрешении прочесть в одном из собраний лекцию о разделении Польши, но в этом ему было отказано предписанем Вашего Превосходительства от 15 мая сего года за № 4984*» [16, арк. 42–42 адв.].

Сярод членаў Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня», што падлягалі праверцы на палітычную добранадзейнасць, асаблівую ўвагу расійскіх улад прыцягваў менавіта ксёндз В. В. Балюль. Акрамя таго, апошні прымаў актыўны ўдзел у грамадскім жыцці Дзвінска: выконваў абавязкі члена Праўлення Дзвінскага рымска-каталіцкага дабрачыннага таварыства, з'яўляўся адным з заснавальнікаў Дзвінскага таварыства дапамогі вучаніцам жаночай гімназіі А. А. Савіцкай, выкладаў у Жаночай гімназіі П. К. Броерскай, Рэальным вучылішчы. Асоба святара разглядалася мясцовай адміністрацыяй у якасці адной з ключавых фігур у справе распаўсюджвання польскасці ў рэгіёне [16, арк. 40; 24, арк. 65–66; 23, арк. 72; 27, с. 154, 156].

З прычыны падазрэння ў антыўрадавай дзейнасці членаў Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» 18 верасня 1909 г. у Віцебскай губернскай па справах аб таварыствах прысутнасці разглядалася пытанне аб закрыцці арганізацыі. Аднак, нягледзячы на ўзровень патэнцыйнай небяспекі, мясцовая адміністрацыя пастанавіла не прымяняць санкцый супраць грамадскага аб'яднання [16, арк. 45, 47–47 адв.; 20, арк. 9–9 адв.].

Апошнія вядомыя на дадзены момант звесткі пра дзейнасць Дзвінскага музычнага таварыства «Лютня» перад пачаткам Першай сусветнай вайны былі прыведзены даследчыкам М. Я. Брэнштэйнам. Так, па стане на 5 (18) лютага 1914 г. склад аб'яднання быў прадстаўлены наступным чынам: старшыня – В. К. Доўнаровіч, віцэ-старшыня – Козел-Паклеўскі, казначэй – І. Карыбуцяк, сакратар – Маліноўскі, члены А. Гапэ і М. Руткевіч, кандыдаты ў члены Г. Гаўштэйн, В. Ф. Абуховіч, Заленска [28, s. 97].

Такім чынам, Дзвінскае музычнае таварыства «Лютня» з'яўлялася адной з галоўных легальных арганізацый польскай нацыянальнай супольнасці Віцебскай губерні ў 1906–1914 гг. Выкарыстаўшы лібералізацыю дзеючага заканадаўства ў галіне грамадскіх ініцыятыў, члены аб'яднання імкнуліся захоўваць і пашыраць польскую культуру ў рэгіёне праз папулярызацыю

твораў музычнага мастацтва. Структура, мэта функцыянавання, сферы дзейнасці, узаемадзеянне з афіцыйнымі ўладамі рэгламентаваліся згодна з зацверджаным статутам. Мясцовая адміністрацыя разглядала Дзвінскае музычнае таварыства «Лютня» ў якасці аднаго з цэнтраў выхавання моладзі ў традыцыях польскага патрыятызму, а таксама падрыхтоўкі да антыўрадавых выступленняў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. О временных правилах об Обществах и Союзах: Именной Высочайший Указ, данный Сенату, 4 марта 1906 г. № 27479. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: в 33 т. – СПб., 1909. – Т. 26. – С. 201–207.

2. *Назіна, І.* Д. Лютня / І. Д. Назіна // Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск, 1999. – Т. 9. – С. 411–412.

3. Ustawa Warszawskiego Towarzystwa Śpiewaczego «Lutnia»: podpi. Przewodniczący Baron Wrewskij 28.12.1907 (10.1.1908). – Warszawa: Drukarnia A. Pęczalskiego i K. Marszałkowskiego, 1908. – 16 s.

4. 140 Towarzystwa Śpiewaczego «Lutnia» w Wieliczce (1872–2012) / W. Gawroński, P. Krokosz. – Wieliczka: Grupa Press Art, 2012. – 35 s.

5. *Malko, W.* Ludwik Wawrzynowicz (1870–1957) – kompozytor, publicysta, pedagog. Założyciel Szkoły Muzycznej w Częstochowie / W. Malko // Ziemia Częstochowska. – 2017. – T. XLIII. – S. 126–165.

6. Sprawozdanie z działalności Towarzystwa Śpiewaczego «Lutnia» w Zgierzu za lata 1907–1932 / Towarzystwo Śpiewacze «Lutnia» w Zgierzu. – Zgierz: Wydawnictwo Jubileuszowe nakładem Towarzystwa Śpiewaczego «Lutnia» w Zgierzu, [ca 1932]. – 34 s.

7. *Solarska, B.* Sto lat ze śpiewem. «Lutnia» 1907–2007 / B. Solarska. – Pszczyna: «INTRO-DRUK» Reclik & Marcol-Rybnik, 2007. – 112 s.

8. Ustawa Wileńskiego Towarzystwa Muzycznego «Lutnia»: zatwierdz. przez gubernatora wileńskiego hrabiego Pahlena 25.8.1905. – Wilno : Druk Józefa Zawadzkiego, 1905. – 15 s.

9. Устав Двинского Музыкального Общества «Лютня»: утв. 24 дек. 1906 г. – Двинск: Тип. «Двинского Листка», 1908. – 8 с.

10. *Romanowski, A.* Młoda Polska wileńska / A. Romanowski. – Kraków: Universitas, 1999. – 456 s.

11. *Смалянчук, А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях, 1864 – люты 1917 г. / А. Ф. Смалянчук. – 2-е выд., дапрац. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2004. – 404 с.

12. *Денисова, И. В.* Музыкальное образование Витебской губернии (1802–1924): монография / И. В. Денисова. – Витебск: ВГУ, 2020. – 223 с.

13. *Денисова, И. В.* Основные факторы развития музыкального образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX вв. / И. В. Денисова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Е, Пед. науки. – 2018. – № 7. – С. 14–20.

14. *Денисова, И. В.* Ведущие тенденции развития музыкального образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX в. / И. В. Денисова // Психологический Vademecum: психологическая феноменология в образовательной

среде: мультидисциплинарный подход: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т.; под ред. С. Л. Богомаза, В. А. Каратерзи, С. Ф. Пашковича. – Витебск, 2019. – С. 108–114.

15. *Бусел, Е. Н.* Развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века: монография / Е. Н. Бусел. – Витебск: ВГУ, 2015. – 171 с.

16. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 75.

17. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 139.

18. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 194.

19. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 195.

20. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 205.

21. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 206.

22. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 273.

23. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 363.

24. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 414.

25. НГАБ. – Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 485.

26. Памятная книжка Витебской губернии на 1912 г. / Вит. Губерн. стат. ком. – Витебск.: Губерн. тип., 1912. – 508 с.

27. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 г. / Вит. Губерн. стат. ком. – Витебск.: Губерн. тип., 1914. – 416 с.

28. Informator o towarzystwach naukowych, oświatowych, artystyczno-popularnych, filantropijnych, wzajemnej pomocy, sportowych i klubach na Litwie i Rusi Białej / zestawiony przez M. Brensztejna. – Wilno: Druk Józefa Zawadzkiego, 1914. – 315 s.

29. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под редакцией Н. А. Тройницкого. 5: Витебская губерния, тетрадь 3 (последняя). – 1903. – [4], XIII, 281 с.

30. Инфлянты // Энциклопедический словарь: [в 86 т.] / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1894. – Т. 13 (25). – С. 287.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 930.23

СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЕВИСТИКИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В. (ФРАНЦУЗСКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)

Черкасов Д. Н.
Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

В статье рассматривается процесс становления и развития исторических исследований западноевропейского Средневековья в Российской империи в XIX – начале XX в. на примере изучения истории Франции. Французская историческая школа в значительной степени повлияла на становление российской медиевистики, зародившейся в недрах университетской науки. Первым из ученых в середине XIX в. к истории средневековой Франции обратился Т. Н. Грановский, традиции которого продолжил ряд видных историков российских университетов.

Ключевые слова: медиевистика; Российская империя; Средние века; Франция.

FORMATION OF MEDIEVAL STUDIES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19th – EARLY 20th CENTURIES (FRENCH MIDDLE AGES)

Cherkasov D. N.
Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article discusses the process of formation and development of historical research of the Western European Middle Ages in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries on the example of studying the history of France. The French historical school largely influenced the formation of Russian medieval studies, which originated in the depths of university science. The first researcher of the history of medieval France in the middle of the 19th century was T. N. Granovsky, whose traditions were continued by a number of prominent historians of Russian universities.

Keywords: medieval studies; Russian Empire; Middle Ages; France.

Становление медиевистики в Российской империи пришлось на середину XIX в., поскольку до конца 30-х гг. XIX в. ее не существовало как специальной отрасли исторического знания: не велось исследований по истории западноевропейского средневековья, в университетах не было отдельных кафедр средневековой истории.

Вместе с тем, в первой трети XIX в. были заложены основы данного направления исторической науки, чему в немалой степени способствовало влияние французской исторической школы. На российскую медиевистику на этапе ее становления значительное влияние оказали именно французские историки, такие как Ф. Гизо (1787–1874), О. Тьерри (1795–1856), П. де Барант (1782–1866), Ж. Мишле (1798–1874) и А. Мартен (1810–1885).

Важную роль в расширении интереса к западноевропейскому средневековью сыграли публикации в «Журнале Министерства Народного Просвещения», «Московском телеграфе» и некоторых других российских изданиях. Публикуя в «Московском телеграфе» отрывки из сочинений Гизо, Тьерри, Баранта, его издатель, историк и публицист Н. А. Полевой знакомил читателя с современными тенденциями европейской историографии.

Сама же французская медиевистика обрела мощный импульс к развитию благодаря творчеству Вальтера Скотта, исторические романы которого стали столь популярны, что сделали прославленного шотландца самым читаемым человеком во Франции, заложив фундамент романтической историографии. Появление исторического романа навело некоторых историков на мысль о возможности романизации истории. Наиболее яркий пример этого – П. де Барант, который в своей «Истории герцогов Бургундских», пересказывая хроники XIV–XV вв., позаботился прежде всего о том, чтобы «вернуть средневековью его настоящий цвет» [1, с. 51].

В Российской империи тоже были хорошо знакомы с творчеством В. Скотта, в том числе благодаря его романам «Квентин Дорвард» (1823 г.) и «Карл Смелый» (1829 г.). Н. А. Полевой, опубликовавший отрывки из работы Баранта, сразу же отметил ее близость с романами В. Скотта: «Читая его (Баранта) книгу, забываете, что это не роман, и кажется, В. Скотт подал Баранту мысль писать Историю подобным образом» [2, с. 181].

Метод, предложенный Барантом, казался современникам привлекательным и методологически оправданным, поскольку максимально убирал барьер между читателем и временем: «Здесь собственно нет историка; говорят события; но требуется искусство необыкновенное» [3, с. 159–160]. «Он (Барант) собственно рассказывает события, а не пишет Истории; оживляет пред глазами читателей прошедшие поколения и заставляет их говорить» [2, с. 181]. А. С. Пушкин был впечатлен, познакомившись на страницах «Московского телеграфа» с отрывками из истории Баранта и с изложением его идей, использовав в дальнейшем его нарративный метод погружения в исторический материал [4, с. 241].

Таким образом, первая треть XIX в. заложила основание под дальнейшее развитие медиевистики. 1840–1850-е гг. были временем ее зарождения и становления. С конца 1850-х гг. медиевистика все более определенно выделяется в специальную научную дисциплину. Первые историки-медиевисты в своих работах редко выходили за рамки политической и церковной истории средневековья, лишь вскользь касаясь экономических и социальных проблем. Вместе с тем в 1850–1870-е гг. российская медиевистика по своему уровню заметно приблизилась к западноевропейской [3, с. 293, 311].

Методологическую основу исторических воззрений большинства медиевистов того времени составляло гегельянство, которое с конца 1850-х гг. доминировало в среде университетской профессуры в дальнейшем эволюционировав к позитивизму. Идейную основу российской медиевистики во 2-й пол. XIX в. составлял умеренно-консервативный либерализм, что сближало ее с западноевропейской. В 1870–1890-е гг. среди исследователей наблю-

дался значительный интерес к аграрной истории средневековья, в частности к истории общины и вотчины [5, с. 269, 273]. Концепция генезиса феодализма, выдвинутая Фюстелем де Куланжем (1830–1889), имела в среде российских медиевистов большой отклик, хотя вначале была принята враждебно.

Со второй половины 70-х гг. XIX в., одновременно с изучением аграрной истории, начинается разработка проблем, связанных с переходом от феодализма к капитализму, в то время как городская тематика оставалась «в тени». В российской медиевистике специальные работы по истории средневекового города появились лишь на рубеже XIX–XX вв. [6, с. 41].

Зарождение медиевистики в Российской империи неразрывно связано с университетской наукой. Именно в университетах, на базе кафедр Всеобщей истории, в 1840–1850-е гг. появились первые исследования по западноевропейскому средневековью, связанные с именами Т. Грановского, С. Ешевского, М. Петрова.

Появление Т. Н. Грановского в 1839 г. на кафедре Московского университета, по существу, положило начало развитию медиевистики в Российской империи, как специальной исторической дисциплины. Грановский разделял мнение Ф. Гизо, что в основе феодализма лежит «обычай платить участками земли за службу» и «особенный характер феодальной собственности» [7, с. 158, 161]. Также для него характерна идеализация рыцарства, как защитника слабых и обездоленных, католической церкви, как защитницы бедных, и сословной монархии, как проводника политики централизации. Именно Т. Н. Грановскому принадлежит первый крупный научный труд по истории средневековой Франции – «Аббат Сугерий» (1849). В своих «Лекциях по истории средних веков» он дал обзор войны Людовика XI и «Лиги общественного блага» и обратил внимание на важность данного периода в истории Европы.

Историю средневековой Франции исследовал также ученик и преемник Грановского в Московском университете С. В. Ешевский (1829–1865), который занялся ранним средневековьем, изучая Григория Турского. В 1855 г. он защитил свою магистерскую диссертацию «Аполлинарий Сидоний», в которой дал обзор политической, культурной и духовной жизни Галлии в V в. В 1863/64 учебном году он подготовил курс лекций по истории средневековья, первая часть которого была оформлена им в обширную статью «Эпоха переселения народов, Меровинги и Каролинги». В вопросе о проблеме генезиса феодализма в Западной Европе С. Ешевский был сторонником теории синтеза, отводя большое место социально-экономическим изменениям, в частности росту у франков крупной земельной собственности и понижению статуса простых свободных [5, с. 298].

В 1850–1870-е гг. история средневековой Франции разрабатывалась в стенах Харьковского университета М. Н. Петровым (1826–1887). В 1850 г. была опубликована его магистерская диссертация «О характере государственной деятельности Людовика XI», основанная на «Мемуарах» Филиппа де Коммина. В основу диссертации закладывается идея диалектического взаимодействия феодализма – «единственно возможного в то время обще-

ственного устройства», и церкви, «определявшей индивидуальное развитие человека» [8, с. 100].

Еще одной работой по французскому средневековью стал очерк «Жанна д'Арк. Историко-психологический опыт» (1867). В нем, в отличие, например, от Ж. Мишле, для которого Жанна д'Арк – посланница неба, дитя Церкви, служанка Бога, М. Н. Петров представил ее деятельность как одно из проявлений самосознания народа, а не воли провидения [9, с. 87].

Историк Харьковского университета А. Н. Стоянов написал работу «Финансовая администрация во Франции от средних веков до 1789 г.» (1877), основанную на анализе протоколов собраний провинциальных штатов и так называемых «жалобных тетрадей». Несмотря на фрагментарность очерка и излишнюю эмоциональность автора, ему удалось выяснить такие важные вопросы, как время возникновения во Франции особой финансовой администрации, главные источники доходов королевской казны, классовую направленность налоговой политики, сущность тальи [9, с. 90].

Крупным исследованием, посвященным истории средневековой Франции, стала монография профессора кафедры всеобщей истории Харьковского университета А. С. Вязигина «Идеалы "Божьего царства" и монархия Карла Великого» (1912). В своей работе автор пытался исследовать как сами идеи «Божьего царства», так и теократические идеалы франкского императора.

В Казанском университете историю средневековой Франции исследовал Н. А. Осокин (1843–1895). Его важнейшая работа по медиевистике – двухтомная «История альбигойцев и их времени» (1868–1872), основанная на материалах Парижской национальной библиотеке и архивах Лангедока, которые он мог изучать во время пребывания во Франции в 1867–1868 гг. Главным содержанием и причиной альбигойских войн Осокин считает борьбу идейных и морально-нравственных принципов: протест аскетически настроенных еретиков против безнравственности знати и духовенства Прованса.

Одним из первых обратился к истории средневекового французского города доцент Казанского университета А. И. Смирнов. В его работе «Коммуны средневековой Франции северной полосы и центральной в связи с политическим ростом третьего сословия», вышедшей в 1873 г., борьба французских городских коммун с феодалами трактовалась, как выражение борьбы «новых» идей со «старыми», обозначаясь как «классовая». Носителями «новых» идей А. И. Смирнов видел городской патрициат, противопоставляя его и феодалам, и городскому плебсу [5, с. 310; 6, с. 42].

К истории французских ремесленных цехов обратился еще в студенческие годы Н. П. Грацианский, чья книга «Парижские ремесленные цехи в XIII–XIV столетиях», вышедшая в 1911 г., еще в 1908 г. была награждена историко-филологическим факультетом Казанского университета золотой медалью и до настоящего времени не потеряла своей научной ценности.

В Петербургском университете средневековая церковь во Франции была одним из объектов исследования О. А. Добиаш-Рождественской (1874–1939), ученицы И. М. Гревса, которая в 1908–1911 гг. проходила обучение в Сорбонне, Практической школе исторических исследований и в Школе хартий.

За исследование «Жизнь церковного прихода во Франции в XIII веке по епископским актам» (1911, на франц. языке) она получила звание доктора Парижского университета. В 1914 г. вышла ее работа «Церковное общество во Франции в XIII в. Ч. 1. Приход». На основе архивных источников О. А. Добиаш-Рождественская показала важную роль мирских, сугубо материальных интересов, в жизни средневекового духовенства, близость положения и быта сельских священников к жизни их крестьянской паствы, а также их невежественность в вопросах теологии и примитивность их религиозных представлений, что сближало их с крестьянством [10, с. 214–217].

Еще один из учеников Гревса, Н. П. Оттокар (1884–1957), в последующем профессор Флорентийского университета, занимался вопросами средневековой урбанистики. Его книга «Опыты по истории французских городов в средние века», написанная в ноябре 1918 г., вышла в свет в 1919 г., уже после отъезда автора из России. На материале пяти французских городов (Камбрэ, Нуайон, Бовэ, Суассон и Санлис) Н. П. Оттокар исследовал в каждом отдельном случае особенности становления города XI–XIII вв. как публично-правовой целостности, сделав вывод о сращенности города с сеньориально-феодальным миром и ведущей роли политико-административного фактора в городском генезисе [6, с. 43].

В Киевском университете одним из первых серьезно занялся историей Франции И. В. Лучицкий (1845–1918), который в 1872–1874 гг. стажировался в Школе хартий и Практической школе исторических исследований. Его первые исследования посвящены истории религиозных войн во Франции XVI в.: «Гугенотская аристократия на юге Франции в 1572 г. после Варфоломеевской ночи до Булонского мира» (Киев, 1870); «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» (Киев, 1872), «Католическая лига и кальвинисты во Франции» (Киев, 1877), основанная почти целиком на материалах Французского национального архива и провинциальных архивов городов Южной Франции (Гренобля, Монпелье, Тулузы, Монтобана и др.) [5, с. 315].

Таким образом, становление медиевистики в Российской империи было в значительной степени обусловлено влиянием французской исторической школы. Исследования средневековой Франции на начальном этапе были посвящены преимущественно ее политической и культурной истории. В конце XIX – начале XX в. появились работы, посвященные социально-экономической проблематике. Среди исследователей французского средневековья не было выдающихся величин уровня П. Г. Виноградова, изучавшего английский феодализм, но появился ряд несомненно талантливых ученых, заложивших основы французского направления российской медиевистики.

Список использованных источников

1. *Halphen, L.* V Histoire en France depuis cent ans / L. Halphen. – Paris: Armand Colin, 1914. – 209 p.

2. Отрывок из истории герцогов Бургундских // Московский телеграф, журнал литературы, критики, наук и художеств, издаваемый Николаем Полевым. – М., 1825. – Ч. 4. – С. 181–201, 277–295.

3. *Полевой, Н. А.* Рецензия на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVII – первая треть XIX в.) / сост. А. Е. Шикло; под ред. И. Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 153–170.

4. *Серман, И.* Нашел ли Пушкин формулу русской истории? / И. Серман // Вопросы литературы. – 2007. – № 2. – С. 239–250.

5. *Гутнова, Е. В.* Историография истории средних веков / Е. В. Гутнова – М.: Высшая школа, 1985. – 479 с.

6. *Полховская, Е. Ю.* Становление отечественной средневековой урбанистики // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2007. – № 1. – С. 41–44.

7. Лекции Т. Н. Грановского по истории средневековья (Авторский конспект и записи слушателей). Передисл., подг. текста и прим. С. А. Асиновской. – М., 1961. – 240 с.

8. *Ахмадиев, Ф. Н.* М. Н. Петров: ученый и педагог / Ф. Н. Ахмадиев // Вестник Казанского гос. университета культуры и искусств. – 2016. – № 4. – С. 99–103.

9. *Лиман С. И.* История средневековой Франции в трудах ученых императорского Харьковского университета (XIX – начало XX вв.) / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. – 2015. – № 7 (204). – Вып. 34. – С. 84–92.

10. *Люблинская, А. Д.* О. А. Добиаш-Рождественская как историк / А. Д. Люблинская // Средние века. – 1942. – Вып. 1. – С. 212–226.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 94(474.5+438)

АНАЛІЗ КРЭЎСКАГА АКТА Ў ГІСТАРЫЧНЫХ ПРАЦАХ ПОЛЬСКІХ ДАСЛЕДЧЫКАЎ XIX – 30-Х ГГ. XX СТ.

Мікалаева Л. В.
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт інфарматыкі і радыёэлектронікі,
Минск, Беларусь

У артыкуле прадстаўлены комплексны аналіз вывучэння ў польскай гістарыяграфіі XIX – 30-х гг. XX ст. Крэўскага акта 1385 г. Адзначана, што доўгі час у польскай гістарычнай літаратуры гэты акт альбо абыходзілі, альбо пра яго пісалі вельмі мала. Сітуацыя змянілася толькі ў канцы XIX ст., калі была сфармулявана «тэорыя інкарпарацыі» зямель Вялікага Княства Літоўскага ў Карону Каралеўства Польскага. Тэзіс аб страце Вялікім Княствам Літоўскім дзяржаўнасці пасля Крэўскай уніі быў аспрэчаны ў 1930-х гг. Зроблена выснова, што Крэўскі акт быў прадметам увагі многіх польскіх гісторыкаў, якія так і не вычарпалі ўсіх пытанняў і стварылі базу для даследаванняў наступных пакаленняў даследчыкаў.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; Вялікае Княства Літоўскае; Каралеўства Польскае; Крэўскі акт; літоўска-польскія ўзаемаадносіны.

ANALYSIS OF THE ACT OF KREVO IN THE HISTORICAL WORKS OF POLISH RESEARCHERS 19th – 30S OF THE 20th CENTURY

Mikalayeva L. V.
Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

The article presents a the complex analysis of the study in the Polish historiography of the 19th –30s. of the 20th century of the 1385 Act of Krevo. It is noted that for a long time in Polish historical literature this act was either got around or very little was written about it. The situation changed only at the end of the 19th century, when the «theory of incorporation» of the lands of the Grand Duchy of Lithuania into the Crown of the Kingdom of Poland was formulated. The thesis that the Grand Duchy of Lithuania lost its statehood after the Union of Krevo was disputed only in the 1930s. It was concluded that the Act of Krevo was the subject of attention of many Polish historians, who did not exhaust all the questions and created a base for the research of the next generations of researchers

Historiography; the Grand Duchy of Lithuania; Kingdom of Poland; the Act of Krevo; Lithuanian-Polish relations.

Злучэнне Каралеўства Польскага і Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ), пачатак чаму быў пакладзены ў 1385 г. Крэўскім актам і абраннем вялікага князя літоўскага Ягайлы на польскі трон у 1386 г., рашаючым чынам паўплавала на ход далейшай гісторыі гэтых дзяржаў, а таксама рэгіёна Цэнтральнай і Усходняй Еўропы цалкам. Гэты саюз адчыняў Польшчы шлях да новай сфе-

ры інтарэсаў на Усходзе. ВКЛ ён дазваляў пачаць працэсы вестэрнізацыі ва ўнутраным жыцці дзяржавы і грамадства. Шматвекавы саюз абедзвюх дзяржаў быў распачаты трымя падзеямі, якія мелі фундаментальнае значэнне для яго існавання. Гэта былі: выданне Ягайлам Крэўскага акта (14 жніўня 1385 г.), яго каранацыя польскім каралём (4 сакавіка 1386 г.) і выезд у Літву ў пачатку 1387 г. з мэтай удзелу ў хрышчэнні літоўцаў-язычнікаў.

Сярэднявечная гісторыя саюза Каралеўства Польскага і ВКЛ была прадметам вывучэння многіх знакамітых польскіх гісторыкаў. Вынікам іх працы сталі выдатныя творы і менш значныя даследаванні. Польская гістарыяграфія XIX – першай трэці XX ст. утрымлівала вялікую колькасць прац, прысвечаных гісторыі Польшчы і яе саюза з ВКЛ на пачатковай яго стадыі. Было б бессэнсоўным пералічваць і абмяркоўваць усе даследаванні па гэтай тэматыцы. Таму паспрабуем прааналізаваць у першую чаргу тыя творы, якія фарміравалі гістарыяграфічную традыцыю і вызначылі пэўныя тэндэнцыі літуаністычных польскамоўных даследаванняў у тую эпоху.

У польскай гістарычнай літаратуры значэнне Крэўскага акта апісвалася і ацэньвалася па-рознаму. Доўгі час гэты акт альбо абыходзілі, альбо пра яго пісалі вельмі мала. Крэўскага акта не ведаў Войцех Каяловіч, які жыў у XVII ст. і ў сваёй «Historia Lituaniae» апісваў пасольства Ягайлы на чале са Скіргайлам у Кракаў у 1385 г. У працы гісторыка быў адлюстраваны змест пасольства, у прыватнасці абяцанні, якія Ягайла абавязваўся выканаць пасля заключэння шлюбу з польскай каралевай Ядвігай. У іх ліку было і абавязацельства аб тым, што «…Magnum Litvaniae Principatum, cum universis Litvani juris provinciis, Reipublicae Poloniae aeterno foedere conjuncturum…» (Вялікае Княства Літоўскае з усімі правінцыямі літоўскага права будзе аб'яднана вечным дагаворам з Польскай Рэччу Паспалітай) [1, p. 383].

Адам Нарушэвіч, які пісаў у эпоху Асветніцтва, у сваёй «Historii narodu polskiego» ўзгадваў сустрэчу Ягайлы з польскім пасольствам у Крэве, на якой вялікі князь літоўскі пацвердзіў абяцанні, што былі дадзеныя раней пасольствам Скіргайлы. Таксама ён апублікаваў у спасылцы тэкст ратыфікацыйнага дакумента, які меў тую ж дату, што і дагавор у Крэве [2, s. 284]. Аднак гэты дакумент істотна адрозніваўся ад вядомага нам Крэўскага акта, бо быў больш кароткім і не ўключаў зместу прынесеных абяцанняў, толькі іх агульнае пацвярджэнне. Падрабязны пералік абяцанняў Ягайлы А. Нарушэвіч выклаў, апісваючы прыём паслоў вялікага князя літоўскага ў 1385 г. пры каралеўскім двары ў Кракаве [2, s. 280]. У іх ліку было абяцанне злучэння з Польскай Каронай ВКЛ і рускіх зямель [2, s. 282]. На думку А. Нарушэвіча, выкананне гэтага абавязацельства адбылося непасрэдна пасля каранацыі Ягайлы польскім каралём у форме ўрачыстай прысягі, якая ўтрымлівала пацвярджэнне уніі дзвюх дзяржаў [2, s. 296].

Ігнат Даніловіч, які быў прафесарам Віленскага ўніверсітэта ў 1820-я гг. у першым томе «Skarbca dyplomatów...» пісаў пра пачаткі уніі: «Больш шчаслівы, чым Вільгельм, супернік прымае хрышчэнне пад іменем Уладзіслава, клянецца на вечныя часы ўключыць у Карону Літву, Жамойць і падпарадкаваныя сваёй уладзе рускія княствы. Пасля каранацыі адбыва-

ецца вяселле…» [3, s. 259]. У І. Даніловіча не было нават згадкі пра Крэўскае пагадненне. Затое гаворка ішла пра сустрэчу і дагавор у Ваўкавыску ў пачатку студзеня 1386 г. [3, s. 257].

Іаахім Лелявель успрымаў польска-літоўскую унію як праяву свободы польскага і літоўскага народаў, якія, дзякуючы ёй, імкнуліся да поўнага аб'яднання. У «Dziejach Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Liublinie 1569 zawartej» даследчык нічога не пісаў пра Крэўскі акт, бо для І. Лелявеля ключавым элементам у працэсе аб'яднання Польшчы і ВКЛ стаў шлюб Ягайлы з Ядвігай. Таму таксама, па перакананні даследчыка, саюз паміж дзвюмя дзяржавамі быў заключаны не ў Крэве, а ў момант заключэння шлюбу Ягайлы з Ядзвігай. Гісторык пісаў: «…здавалася, што дынастычная ідэя злучае дзве дзяржавы» [4, s. 158]. Гісторык толькі ўзгадаў пра прыезд у Кракаў паслоў Ягайлы і прынесенае абяцанне хрысціць Літву, а таксама далучыць да Польскага каралеўства ВКЛ [4, s. 149]. У іншым месцы І. Лелявель нагадаў пра рашэнне Ягайлы ўключыць Літву і Русь у Польшчу, на што спатрэбілася «…амаль два стагоддзі, шэсць пакаленняў, перш, чым яно ўступіла ў сілу» [4, s. 154]. У цэлым, атаясамліванне інтарэсаў народа з інтарэсамі пануючай эліты выклікала скажэнне бачання польска-літоўскай уніі ва ўяўленні даследчыка. У выніку І. Лелявель стварыў яе ідэалізаваны вобраз, услаўляючы добраахвотны саюз Польшчы з ВКЛ і гістарычную місію Польшчы на ўсходзе.

Больш падрабязную інфармацыю пра Крэўскі акт прадставіў толькі Юзаф Шуйскі ў першым томе працы «Dzieje Polski podług ostatnich badań», якую выдаў у Львове ў 1862 г. Ён пісаў, што ў Крэве на сустрэчы з польскімі і венгерскімі пасламі 14 жніўня 1385 г. Ягайла выдаў дакумент, які пацвярджаў яго абяцанні, прынесеныя раней вялікакняжацкімі пасламі ў Кракаве. Сярод іх фігуравала і абавязацельства, што Ягайла «…Літву з Польшчай назаўсёды злучыць» [5, s. 287].

Іншы вядучы прадстаўнік кракаўскай гістарыяграфічнай школы Міхал Бобжыньскі, прафесар гісторыі польскага права на юрыдычным факультэце Ягелонскага ўніверсітэта, аб уніі ў Крэве толькі коратка ўпамянуў у сваёй знакамітай працы «Dzieje Polski w zarysie». Гісторык пісаў, што пасля атрымання адказу польскага боку на сваё пасольства Ягайла «…14 жніўня 1385 г. разам з астатнімі літоўскімі князямі выдаў у Крэве ўрачысты прывілей, у адпаведнасці з якім абавязаўся прыняць хрысціянскую веру са сваім народам, злучыць Літву з Польшчай і змагацца за вяртанне страчаных Польшчай зямель» [6, s. 203].

Падрабязным аналізам Крэўскай уніі, яе прычын і наступстваў заняўся толькі Анатоль Лявіцкі, выкладчык Кракаўскага ўніверсітэта. Ён быў першым, хто ў некалькіх сваіх працах прапанаваў тэзіс, што акт у Крэве прывёў да інкарпарацыі, г. зн. уключэння ВКЛ у Польшчу [7, s. 133]. На думку даследчыка, лацінскі дзеяслоў «applicare» з Крэўскага акта быў тоесны дзеяслову «incorporare». Інкарпарацыя пацягнула за сабой знікненне дзяржаўнасці ВКЛ, якое стала польскай правінцыяй. Крэўскі акт 1385 г. быў пачаткам ажыццяўлення вялікага палітычнага плана, які стаў па сутнасці цывілізацыйнай місіяй, што заключалася ў палітычнай заваёве Поль-

шчай зямель ВКЛ, а таксама ў распаўсюджванні на іх каталіцызму шляхам ажыццяўлення місіі хрысціянізацыі літоўцаў-язычнікаў і вяртання праваслаўных русінаў да уніі з каталіцкім касцёлам. Гэты план знайшоў падтрымку вялікага князя літоўскага Ягайлы, якому ў замен за землі ВКЛ і згоду адмовіцца ад язычніцтва быў прапанаваны каралеўскі трон у Кракаве. У пацвярджэнне гэтай пазіцыі А. Лявіцкі згадаў два дакументы Ягайлы ад 20 лютага 1387 г., у якіх літоўская шляхта і землі ВКЛ названыя як «той жа Кароне падпарадкаваныя» [7, s. 130–133]. Па словах А. Лявіцкага, польска-літоўская унія была рэалізацыяй плана стварэння адзінай дзяржавы ў складзе Польшчы, Літвы і Русі з адзінай прававой, грамадскай і рэлігійнай (каталіцкай) сістэмай. Гэта быў план самога Ягайлы ў ВКЛ і «мудрага пакалення польскіх магнатаў, якія тады разам з Ягайлам кіравалі дзяржавай» [8, s. 245]. Пачатак гэтай вялікай задуме паклаў сам польскі кароль Казімір Вялікі, які ініцыяваў экспансію Польскага Каралеўства на землі Чырвонай Русі. А. Лявіцкі, услед за Антоніем Прахаскай, сцвярджаў, што менавіта «…у школе Казіміра Вялікага трэба шукаць стваральнікаў і аўтараў уніі» [8, s. 252].

Меркаванне А. Лявіцкага паклала пачатак так званай «тэорыі інкарпарацыі», у аснову якой быў пакладзены згаданы тэзіс пра ўключэнне ў выніку уніі ў Крэве зямель ВКЛ у Карону Каралеўства Польскага. Прыхільнікамі дадзенай тэорыі былі такія выдатныя гісторыкі адроджанай Польшчы, як Освальд Бальцэр, Станіслаў Кутшэба, Ян Адамус.

Гісторык права О. Бальцэр у працы «Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej» пісаў: «Прававыя і дзяржаўныя адносіны Літвы з Польшчай, пачынаючы з 1386 г., не адразу набылі пастаянна вызначаны выгляд; яны вытрывалі некалькі розных эвалюцыйных стадый, сярод якіх самыя іх сутнасць і змест падвяргаліся прынцыповым зменам. […] Спачатку ў выніку дагавораў 1385–1386 гг. Літва была ў поўным значэнні гэтага слова ўключана, ці інкарпаравана ў Польшчу. Яна страціла сваю ранейшую правасуб'ектнасць, стала зямлёй, ці групай зямель, якія ператварыліся ў звычайныя правінцыі польскай дзяржавы» [9, s. 6]. Толькі ў наступныя гады ў выніку супраціўлення палітычнай эліты ВКЛ адбыўся адыход ад гэтай канцэпцыі на карысць вяртання да дзяржаўнасці ВКЛ з тым, што гэта дзяржава пад кіраўніцтвам вялікага князя літоўскага Вітаўта павінна была падпарадкоўвацца Польшчы, ці Кароне. Гэта ўсё яшчэ была інкарпарацыя, хаця і ў зменены форме. Згодна з меркаваннем О. Бальцэра, «дзяржаўная суб'ектнасць Літвы ўяўлялася як пераходнае становішча» [9, s. 8], якое з часоў Гарадзельскай уніі ператварылася ў становішча сталае [9, s. 9]. Гэту праблему О. Бальцэр закранаў таксама ў іншых працах, як, напрыклад, «Unia horodelska» [10], «Stosunek Litwy do Polski» [11, s. 252–265]. Належыць звярнуць увагу на палітычны аспект разважанняў О. Бальцэра ў сувязі з польска-літоўскімі спрэчкамі пасля Першай сусветнай вайны. Гэты аўтар не хаваў палітычнага значэння сваіх заяў, якія павінны былі ўскосна апраўдваць польскія прэтэнзіі на землі былога ВКЛ.

Таксама кракаўскі гісторык права С. Кутшэба, выбітны даследчык палітычнай сістэмы старой Польшчы, сцвярджаў, што наступствам дагавора

ў Крэве быў шлюб Ягайлы з каралевай Ядвігай, яго абранне, а затым каранацыя польскім каралём, а таксама далучэнне зямель ВКЛ да Польшчы ў якасці складовай часткі апошняй. Тэрмін «applicare», які фігураваў у Крэўскім акце, на думку С. Кутшэбы, не быў юрыдычным тэрмінам; правільнай тэхнічнай дэфініцыяй для абазначэння зместу абавязацельства Ягайлы быў тэрмін «incorporare» [12, s. 457]. Гэта было «ўмоўнае абавязацельства, прынятае Ягайлам у выпадку, калі ён будзе абраны каралём Польшчы» [13, s. 166]. Такім чынам, дагавор у Крэве не быў уніяй, якая, па меркаванні С. Кутшэбы, патрабавала выканання прынцыпу роўнасці суб'ектаў. Гэта была інкарпарацыя з захаваннем у ВКЛ уласнага права і асобных інстытутаў [12, s. 478–481]. Падобны пункт гледжання быў прадстаўлены С. Кутшэбай у наступных выданнях першага тома «Historji ustroju Polski w zarysie» [14, s. 119].

У сваю чаргу О. Халецкі лічыў, што ў перыяд 1386–1401 гг. ВКЛ страціла статус самастойнай дзяржавы пры ўключэнні яго ў Польшчу. У выніку намаганняў палітычнай эліты ВКЛ яго дзяржаўнасць была адноўлена ў 1401 г., калі паміж Уладзіславам II Ягайлам і князем Вітаўтам Кейстутавічам было падпісана так званае Віленска-Радамскае пагадненне [15].

Меркаванне пра інкарпарацыю ВКЛ у польскую дзяржаву таксама падзяляў гісторык Людвік Калянкоўскі, аўтар «Dziejów Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów». Ён сцвярджаў, што становішча інкарпарацыі працягнулася аж да 1440 г., калі Паны рады ВКЛ прызналі каралевіча Казіміра Ягайлавіча вялікім князем літоўскім [16, s. 34]. Гэты акт быў раўназначны адраджэнню дзяржаўнасці ВКЛ.

Згаданыя даследчыкі выступілі таксама на VI Усеагульным з'ездзе польскіх гісторыкаў у Вільні ў 1935 г., па сутнасці падтрымаўшы раней выказаныя меркаванні [17; 18]. І хаця на гэтым з'ездзе дамініравалі галасы прыхільнікаў тэорыі інкарпарацыі, належыць адзначыць асобае меркаванне Я. Адамуса, маладога тады гісторыка права з Універсітэта Стэфана Баторыя ў Вільні [19].

У наступныя гады міжваеннага парыяду праблема уніі ў Крэве працягвала выклікаць зацікаўленасць польскай гістарыяграфіі. З'явіліся даследчыкі, якія паставілі пад сумненне тэзіс аб страце ВКЛ дзяржаўнасці, адмаўляючы, ці аслабляючы пункт гледжання на яго непасрэдную інкарпарацыю ў склад Каралеўства Польскага. У прыватнасці, названы вышэй Я. Адамус, спасылаючыся на меркаванне Адама Ветуляні аб сярэднявечнай інкарпарацыі [20, s. 35–38], адрозніваў інкарпарацыю sensu stricte (у строгім сэнсе), якая мела на ўвазе непасрэдную інкарпарацыю, ці ўключэнне тэрыторыі інкарпараванай дзяржавы ў склад тэрыторыі дзяржавы інкарпаруючай, ад інкарпарацыі ў шырокім сэнсе, якая заключалася ва ўсталяванні ленных адносін паміж адной і другой дзяржавамі. У апошнім выпадку інкарпараваная дзяржава, трапляючы ў ленную залежнасць ад інкарпаруючай дзяржавы, працягвала функцыянаваць як асобная дзяржава [21]. Па меркаванні Я. Адамуса, наступствам акта ў Крэве быў «намер інкарпарацыі» (гаворка ішла пра прамую, ці поўную інкарпарацыю), які на самой справе рэалізаваны не быў [21, s. 47]. Я. Адамус сцвярджаў, што выраз «applicare Coronae Regni», які быў ужыты ў гэтым

акце, азначаў ні што іншае, як «аддаць дадзеную зямлю ў лен гэтай кароны» [22, s. 289]. Спачатку ў 1398 г., а канчаткова з Віленска-Радамскага пагаднення ў 1401 г. ВКЛ было інкарпаравана ў Польшчу выключна ў сэнсе ўваходжання з ёй у ленныя адносіны [21, s. 76].

Супраць меркавання Я. Адамуса выступіў Хенрык Лаўмяньскі, які апублікаваў у 1937 г. у «Ateneum Wileńskim» дысертацыю «Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r.» [23]. Па яго меркаванні, выкарыстаны ў Крэўскім акце тэрмін «applicare» меў юрыдычнае значэнне раўназначнае з тэрмінам «incorporare» [23, s. 56]. Падставай для такога сцвярджэння гэтага даследчыка паслужыў аналіз дакументаў і іншых тэкстаў XIVст., у якіх ужываліся абодва гэтыя тэрміны [23, s. 44]. Таксама даследчык прывёў аргументы, якія сведчылі на карысці інкарпарацыі ВКЛ у Польшчу: распаўсюджванне кампетэнцый кароннай канцылярыі і каронная рады на ВКЛ, наяўнасць Кракаўскага пагаднення 1386 г., якое датычыла інкарпарацыі ВКЛ у Польшчу, і амажныя акты князёў Гедымінавічаў Кароне Польскай [23, s. 95–96, 102–104, 121]. Інкарпарацыя, якая была ў Крэўскім акце абавязацельствам вялікага князя літоўскага Ягайлы і яго братоў, аказалася рашэннем ў кароткатэрміновай перспектыве. Шляхам даручэння князю Вітаўту функцый вялікага князя ВКЛ яна была заменена такой «ленніцкай формай», як так званай feudum oblatum, ці ахвяраваны лен [23, s. 54].

Затое з пазіцыяй Я. Адамуса пагадзіўся Хенрык Пашкевіч. Згодна з яго меркаваннем, Ягайла планаваў інкарпарацыю і такім шляхам жадаў атрымаць абарону зямель ВКЛ з усходу і ад тэўтонскіх рыцараў, дзякуючы мірнаму дагавору, які Польшча падпісала з Тэўтонскім ордэнам у 1343 г. [24, s. 254–255, 258–259]. Па яго меркаванні, тэрмін «applicare» азначаў толькі «пераход пад уладу», г. зн. што пасля выканання ўмоў заключанага дагавора ВКЛ стала ленам Польшчы. Нягледзячы на ленную залежнасць, ВКЛ як дзяржава не перастала існаваць [25, s. 15].

Такім чынам, кола пытанняў, прысвечаныя вывучэнню розных аспектаў праблематыкі Крэўскага акта, шырока адбілася ў польскай літуаністыцы XIX – 30-х гг. XX ст. Азначаная тэматыка ахвотна падымалася польскімі гісторыкамі. Аднак згаданая праблематыка, якая была прадметам разважанняў вялікай колькасці аўтараў, канчаткова не вычарпала ўсіх пытанняў і стварыла поле для даследаванняў наступных пакаленняў гісторыкаў.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Historiae Litvanae Pars Altera seu de Rebus Lituanorum A coniunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad unionem eorum dominiorum libri octo auctore Alberto Wiiuk Kojałowicz, Societatis Iesu S. Theologiae Doctore. – Antverpiae: Apud Iacobum Mersium, MDCLXIX. – XVII, 496 p.

2. *Naruszewicz, A.* Historya narodu polskiego: w X t. / A. Naruszewicz. – Warszawa: Drukarnia Grölla, 1780–1786. – T. VII. Panowanie Węgrów. – 1786. – XXIV, 298, 34 s.

3. Skarbiec diplomatów papiezkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego

wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiéj i ościennych im krajów / zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz, z pozgonnych rękopismów znajdujących się w Bibljotece Muzeum Wileńskiego wydał Jan Sidorowicz: w 2 t. – Wilno: W drukarni A. H. Kirkora, 1860–1862. – T. I. – 1860. – VII, 390 s.

4. *Lelewel, J.* Dzieła: W X t. / J. Lelewel. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957–1969. – T. X: Dzieje Litwy i Rusi: aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej / oprac. J. Ochmański. – 1969. – 254, [4] s.

5. *Szujski, J.* Dzieje Polski podług ostatnich badań spisane przez Józefa Szujskiego: w IV t. / J. Szujski. – Lwów: Nakładem Karola Wilda, 1862–1866. – T. II. Piastowie. – 1862. – XII, 294, [2] s.

6. *Bobrzyński, M.* Dzieje Polski w zarysie / M. Bobrzyński. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1879. – 495 s.

7. *Lewicki, A.* Powstanie Świdrygiełły: ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną / A. Lewicki. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1892. – 389 s.

8. *Lewicki, A.* Nieco o unii Litwy z Koroną / A. Lewicki // Przegląd Polski. – 1893–1894. – R. 28. – T. II. – S. 235–280.

9. *Balzer, O. M.* Tradycja dziejowa unii polsko-litewskiej / O. M. Balzer. – Lwów-Warszawa: Nakładem księgarni Gubrynowicz i syn, 1919. – 24 s.

10. *Balzer, O.* Unia horodelska: odczyt wygłoszony na publicznem posiedzieniu Akademii Umiejętności dnia 3 maja 1913 r. / O. Balzer. – Kraków: Nakładem Akademii Umiejętności, 1913. – 32 s.

11. *Balzer, O.* Stosunek Litwy do Polski / O. Balzer // Balzer, O. Pisma pośmiertne Oswalda Balzera. T. 1–3. – Lwów: Nakładem Towarzystwa Naukowego, 1934–1937. – T. 3 / [prygotowała do druku Helena Polaczkówna]. – 1937. – 379 s. – S. 243–318.

12. *Kutrzeba, S.* Unia Polski z Litwą / S. Kutrzeba // Polska i Litwa w dziejowym stosunku. – Kraków etc: Gebethner i Wolff, 1914. – IV, 700, [1] s. – S. 447–658.

13. *Kutrzeba, S.* Charakter prawny związku Litwy z Polską 1385–1569 / S. Kutrzeba // Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie 17–20 września 1935 r. / [pod red. F. Pohoreckiego i K. Tyszkowskiego]– Lwów: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1935–1936. – T. I: Referaty. – 1935. – XV, 575 s. – S. 165–173.

14. *Kutrzeba, S.* Historja ustroju Polski w zarysie / S. Kutrzeba. – Lwów: Grafia, 1917–1921. – T. 1. Korona. – 292 s.

15. *Halecki, O.* Wcielenie i wznowienie państwa litewskiego przez Polskę (1386–1401) / O. Halecki // Przegląd Historyczny. – Serya II. – 1917–1918. – T. XXI. – S. 1–77.

16. *Kolankowski, L.* Dzieje Wielkiego księstwa Litewskiego za Jagiellonów / L. Kolankowski. – Warszawa: Scład głowny: kasa im. Mianowskiego, 1930. – T. 1 (1377–1499). – 475 s.

17. Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie 17–20 września 1935 r. / [pod red. F. Pohoreckiego i K. Tyszkowskiego]– Lwów: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1935–1936. – T. I: Referaty. – 1935. – XV, 575 s.

18. Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie 17–20 września 1935 r. / [pod red. F. Pohoreckiego i K. Tyszkowskiego]– Lwów: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1935–1936. – T. II: Protokoły. – 1936. – XIX, 483 s.

19. *Adamus, J.* O prawno-państwowym stosunku Litwy do Polski / J. Adamus // Pamiętnik VI Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Wilnie 17–20 września 1935 r. / [pod red. F. Pohoreckiego i K. Tyszkowskiego]. – Lwów: Nakładem Polskiego Towarzystwa Historycznego, 1935-1936. – T. I: Referaty. – 1935. – XV, 575 s. – S. 174–180.

20. *Vetulani, A.* Lenno pruskie od traktatu krakowskiego do śmierci księcia Albrechta 1525–1568 / A. Vetulani. – Kraków: s. n., 1930. – 318 s.

21. *Adamus, J.* Państwo litewskie w latach 1386–1398 / J. Adamus // Księga pamiątkowa ku uczczeniu 400. Rocznicy wydania I Statutu Litewskiego// Rozprawy Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. – Wilno: Nakładem Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 1935. – T. 8. – S. 15–79.

22. *Adamus, J.* Najnowsza literatura o akcie krewskim / J. Adamus // Wiadomości Studium Historii Prawa Litewskiego Uniwersytetu Stefana Batorego. – Wilno, 1938. – T. 1. – S. 273–316.

23. *Łowmiański, H.* Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r. / H. Łowmiański // Ateneum Wileński. – 1937. – R. XII. – S. 36–145.

24. *Paszkiewicz, H.* O genezie i wartości Krewa / H. Paszkiewicz. – Warszawa: Gebeithner i Wolff, 1938. – 356 s.

25. *Paszkiewicz, H.* W sprawie inkorporacji Litwy do Polski w 80. latach XIV w. Z powodu pracy H. Łowmiańskiego «Wcielenie Litwy do Polski w 1386 r.» / H. Paszkiewicz. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1938. – 48 s.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 101.1+378:94(476.5-21Полоцк)

ДА ПЫТАННЯ АБ АСНОЎНЫХ КРЫНІЦАХ ФІЛАСОФСКАЙ ТРАДЫЦЫІ ПОЛАЦКАЙ ЕЗУІЦКАЙ АКАДЭМІІ

Клімовіч Г. І.
Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

Мэта артыкула – вырашэнне праблемы вызначэння асноўных друкаваных крыніц філасофскага аспекту творчай спадчыны Полацкай езуіцкай акадэміі. Асноўнымі метадамі з'яўляюцца сістэмны, кампараціўісцкі, а таксама метад кантэнт-аналізу. Прадметам даследавання сталі курсы па філасофіі Дж. Анджаліні, В. Бучыньскага, палемічная спадчына В. Бучыньскага і Ж.-Л. Разавэна, а таксама артыкулы, прадстаўленыя на старонках часопіса «Полацкі штомесячнік».

Ключавыя словы: Полацкая езуіцкая акадэмія; гісторыя філасофіі; неасхаластыка; акадэмічная філасофія; курсы філасофіі; палемічная літаратура; Таварыства Езуса; езуіты; філасофія Беларусі.

TO THE QUESTION OF THE MAIN SOURCES OF THE PHILOSOPHICAL TRADITION OF THE POLOTSK JESUIT ACADEMY

Klimovich A. I.
Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

The aim of the article is to solve the problem of determining the main printed sources of the philosophical aspect of the creative heritage of the Polotsk Jesuit Academy. The main methods are systematic, comparative, and content analysis method. The object of research was the philosophy courses of J. Angiolini, V. Buchinsky, the polemical heritage of V. Buchinsky and Zh.-L. Rozaven, as well as articles presented on the pages of the journal «Miesięcznik Połocki».

Key words: Polotsk Jesuit Academy; history of philosophy; neoscholasticism; academic philosophy; philosophy courses; polemical literature; Society of Jesus; Jesuits; philosophy of Belarus.

Філасофская думка, якая распрацоўвалася ў сценах Полацкай езуіцкай акадэміі (1812–1820), – актуальны напрамак сучасных навуковых пошукаў у галіне айчыннай гісторыі філасофіі. Перад даследчыкамі стаіць шэраг пытанняў, якія патрабуюць адказу: да якой плыні адносяцца ідэі, рэпрэзентаваныя ў працах полацкіх езуітаў, ці сапраўды яны былі рэакцыйным украпленнем у гісторыі развіцця сацыяльна-філасофскай думкі Беларусі, або гэта спецыфічны варыянт рэцэпцыі ідэй Асветніцтва ва ўлонні каталіцызму, якім быў уклад Полацкай езуіцкай акадэміі ў фармаванне да-

лейшай беларускай гісторыі ідэй? Гэта далёка не поўнае кола пытанняў, якія патрабуюць звароту да спецыфічнай філасофскай сістэмы, якая мела месца на полацкіх землях.

Вялікую ролю ў пошуках адказаў на пазначаныя пытанні адыгрываюць гістарычны ландшафт эпохі, яе культурная матрыца, дзеля гэтага неабходна звяртацца да першакрыніц, якія дазваляюць у поўнай меры рэканструяваць філасофскі аспект творчай спадчыны полацкіх інтэлектуалаў; іх сістэматызацыя, а таксама першасны аналіз і з'яўляюцца мэтай дадзенага артыкула.

Мяркуецца, што інтэлектуальная супольнасць Полацкай езуіцкай акадэміі развівала спецыфічную філасофскую традыцыю, якая дала штуршок аднаўленню не толькі самога Таварыства Езуса на еўрапейскіх землях, але і магутны імпульс эвалюцыі ідэй рэлігійнай філасофіі, якія вызначалі яе характэрныя рысы да Другога Ватыканскага сабора і руху Аджарнамента. У сувязі з гэтым зварот да першакрыніц полацкай езуіцкай філасофіі важны і актуальны, паколькі дазваляе больш аб'ектыўна рэканструяваць інтэлектуальныя працэсы, якія праходзілі на беларускіх землях у першай палове XIX ст. і потым аказалі ўплыў на ўвесь ход гісторыі філасофіі.

Творчая спадчына Полацкай езуіцкай акадэміі дастаткова багатая, яе большая частка, якая захавалася ў выглядзе рукапісаў, нататкаў, яшчэ цалкам не даследавана. Яна захоўваецца ў фондах Кракаўскага таварыства езуітаў, а таксама бібліятэкі Салтыкова-Шчадрына ў Санкт-Пецярбургу. Друкаваныя выданні філасофскай тэматыкі, якія будуць прадметам аналізу артыкула, не такія разнастайныя, але таксама яшчэ не даследаваны ў поўнай меры. У першую чаргу тут неабходна згадаць працу прафесара Полацкай езуіцкай акадэміі – італьянца па паходжанні – Джузэпэ Анджаліні (1747–1814) «Філасофскія навучанні для студэнтаў Полацкай акадэміі» (Instutiones philosopicae ad usum studiosorum academiae polocensis) [1].

У залаты фонд філасофіі Беларусі ўваходзіць творчасць былога студэнта, а потым прафесара Полацкай езуіцкай акадэміі, вядомага тэолага і філосафа, літаратурнага крытыка Вінцэнтыя Бучыньскага (Бучынскага) (1789–1853). Большая частка яго работ выйшла з друку ўжо пасля закрыцця акадэміі, аднак сістэма філасофскіх поглядаў гэтага мысляра была сфарміравана ўжо ў той час, калі яго жыццёвы і творчы шлях былі звязаны з Полацкам. Поўны спіс твораў Бучыньскага складзены Джонам Браўнам у біяграфічным слоўніку «Бібліятэка пісьменнікаў польскай галіны Таварыства Езуса» [2, с. 389–390]. Непасрэдна філасофскай праблематыцы прысвечаны наступныя з іх: «Падставы рэлігійнай дактрыны, у якіх філасофскія прынцыпы прымяняюцца да праўды рэлігіі» (Instutiones doctrinae religionis, in quibis principia philosophica ad veritatem religionis applicantur) [3], «Філасофскія разважанні» (Institutiones philosophiae) – праца, выдадзеная ў трох тамах [4; 5; 6].

След у інтэлектуальнай гісторыі Полацка пакінуў Жан-Луі Разавэн (1772–1851), які падтрымліваў сяброўскія і працоўныя сувязі з выхаванцамі акадэміі і пасля выгнання езуітаў з Расійскай імперыі (у прыватнасці, ён

быў асістэнтам генерала ордэна Яна Ротана, які таксама скончыў Полацкую езуіцкую акадэмію). У Полацку ў 1815 г. на французскай мове ананімна выйшла яго кніга «Праўда, абароненая і даказаная фактамі ад старога і новага паклёпу» (La Vérité défendue et prouvée par les faits contre les colomniea anciennes et nouvelles) [7]. Тое, што аўтарам працы быў менавіта Ж.-Л. Разавэн, адзначаецца ва ўжо згаданых спісах Дж. Браўна [2, с. 349]. Пазней, пасля вымушанай эміграцыі з Расійскай імперыі, выходзіць іншы яго важны твор «Даследаванне філасофскіх вучэнняў аб дакладнасці іх у адносінах да падстаў багаслоўя» (Examen des doctrines pilososophiques sur la certitude dans leures rapporta avec les fundamentes de la theologie) (Авиньон, 1831) [8].

Маецца праца без аўтарства, якая стаіць на скрыжаванні тэалагічных і філасофскіх разваг. Гэта тэкст «З усеагульнай філасофіі» (Ex philosopia universalis), вядомы ў сучаснасці па выданні Рамана Дароўскага «Езуіты ў Польшчы ў XIX ст.» [9].

Асаблівай увагі заслугоўвае публіцыстычная дзейнасць, якая разгарнулася на старонках часопіса «Полацкі штомесячнік» (Miesięcznik Połocki). Часопіс уваходзіў у шэраг распаўсюджаных у XIX ст. «тоўстых часопісаў», галоўнай мэтай якога было знаёмства чытачоў з дасягненнямі тагачасных навук. Аднак, паколькі дзейнасць ордэна езуітаў заўсёды ставіла сабе за мэту выхаванне ў рэлігійным духу патрыёта і законапаслухмянага грамадзяніна сваёй дзяржавы, адпаведна, галоўнымі задачамі рэдактары тут бачылі ментарскія.

Дадзены від часопісаў былі неад'емным элементам культуры Асветніцтва і наяўнасць падобнага выдання ў акадэміі сведчыць пра тое, што, магчыма, полацкія аўтары належалі да ўмеранага крыла гэтага філасофскага накірунку. Полацкі штомесячнік – не толькі важная частка культурнай і філасофскай спадчыны езуітаў на тэрыторыі Беларусі, ён мае асноватворнае значэнне і для ўсёй гісторыі Беларусі, і нават Расійскай імперыі, паколькі з'яўляецца першым з падобных выданняў такога кшталту на яе тэрыторыі.

Ступень даследаванасці праблемы

На сучасным этапе можна сцвярджаць, што філасофская традыцыя Полацкай езуіцкай акадэміі не вывучана ў дастатковай ступені ні фармальна, ні змястоўна. Да гэтага часу не вызначана спецыфіка філасофскай пазіцыі дадзеных аўтараў, застаецца нерэканструяванай інтэлектуальная супольнасць, якая дзейнічала ў яе межах. Сур'езныя праблемы ў плане вывучэння стварае полілінгвальнасць творчай спадчыны, напісанай на французскай, італьянскай, лацінскай і польскай мовах, а таксама не заўсёды вядомае месцазнаходжанне першакрыніц.

Тым не менш, маецца шэраг работ па гэтай тэме. У першую чаргу неабходна згадаць айчынных аўтараў, якія звярнуліся да яе распрацоўкі. Упершыню праблема вызначэння спецыфікі філасофскай традыцыі Полацкай езуіцкай акадэміі разам з варыянтамі яе вырашэння была пастаўлена ў артыкуле В. Ф. Шалькевіча «Полацкая неасхаластыка». Аўтар прыходзіць да высновы аб ідэнтыфікацыі яе як асобнага адгалінавання схаластычнай традыцыі [10, с. 524]. Адначасова дакладны аналіз першакрыніц не стаў аб'ектам навуковага аналізу В. Ф. Шалькевіча.

Яшчэ адзін важны этап на шляху даследавання дадзенай праблемы і ўстанаўлення сувязі разглядаемай філасофскай спадчыны з наступнымі этапамі гісторыі развіцця філасофскай думкі Беларусі – сумесны артыкул А. А. Лягчыліна і Г. І. Клімовіч «Ідэі неасхаластыкі ў беларускай гісторыка-культурнай прасторы» [11], дзе прыводзяцца першыя спробы вызначэння змястоўнага аспекту філасофскай спадчыны полацкіх схаластаў.

Сярод беларускіх даследчыкаў неабходна адзначыць А. П. Дзенісенку і яе артыкул «Журнал Полацкай езуіцкай акадэміі "Miesięcznik Połocki", яго роля ў развіцці адукацыі ў Беларусі» [12]. Філасофская тэматыка дадзенага часопіса стала таксама аб'ектам навуковага пошуку Г. І. Клімовіч «Гістарыяграфічны агляд часопіса "Miesięcznik Połocki"» [13].

Уклад у развіццё даследаванняў, прысвечаных філасофскай сістэме Полацкай езуіцкай акадэміі, унеслі і замежныя аўтары. Каштоўнымі з'яўляюцца высновы пошукаў Рамана Дароўскага, аб'ектам якіх стала творчасць і жыццёвы шлях Дж. Анджаліні [14] і В. Бучыньскага [15]. Шэраг важных крыніц уведзены ім у навуковы зварот у артыкуле «Навучанне філасофіі ў Полацкай акадэміі» [16]. Гэтыя даследаванні па сутнасці важная веха ў вывучэнні філасофскай праблематыкі Полацкай езуіцкай акадэміі і адна з першых глыбокіх спроб асэнсавання яе спадчыны.

Актуальны артыкул Галіны Ліхоцкай «Полацкі месячнік: гістарычны кантэкст і бібліяграфія зместу» [17], дзе прадстаўлены невялікі экскурс у гісторыю такога кшталту часопісаў у XIX ст., вызначаны месца і роля сярод іх непасрэдна дадзенага выдання, маецца кароткая гісторыя стварэння акадэміі і біяграфічная даведка аб саміх аўтарах і тэматыкі апублікаваных прац.

Непаўната прыведзеных даследаванняў у межах філасофскага кантэксту сведчыць аб неабходнасці далейшых навуковых пошукаў у гэтым рэчышчы, адной са спробаў якіх і стаў дадзены артыкул.

Вучэбныя курсы філасофіі

Асобна трэба вылучыць курсы філасофіі, якія ахопліваюць раздзелы логікі, метафізікі і этыкі, яны былі традыцыйнымі для педагогікі ордэна Езуса. У аснове іх звычайна ляжаў метад disputaionis (метад спрэчкі), таксама вядомы пад назвай дыялектычнага метаду, важную ролю ў ім адыгрывала як наяўнасць лагічнай структуры, так і адпаведнай літаратурнай формы. Штуршком да з'яўлення такога роду курсаў паслужыла філасофская спадчына Ф. Суарэса (а менавіта, яго «Філасофскія дыспутацыі»). Яны былі дастаткова папулярнымі, пры даследаванні інтэлектуальнай спадчыны езуітаў часта сустракаюцца рукапісныя (напрыклад, у Кіева-Магілянскай акадэміі налічваецца 27 рукапісных варыянтаў толькі першай яго часткі – Логікі [18, с. 42]). Інтэлектуальная ж спадчына Полацкай езуіцкай акадэміі складаецца з «Філасофскіх навучанняў для студэнтаў Полацкай акадэміі» Дж. Анджаліні і «Філасофскіх разважанняў» В. Бучыньскага.

Структура курсаў філасофіі і ў Дж. Анджаліні, і ў В. Бучынькага мае падобны характар. Першымі ідуць невялікія ўводзіны, у якіх вызначаецца прадмет філасофіі і яго структура. У выпадку працы В. Бучыньскага ёсць таксама

кароткая гісторыя філасофіі, разбітая на пяць перыядаў, апошні з якіх звязаны з нямецкай класічнай філасофіяй.

Звычайна першым раздзелам у курсах была логіка. Дадзеная дысцыпліна выконвала функцыю уступнай і выкладалася ў першы год навучання [19, с. 149]. Раздзел быў прадстаўлены адпаведнымі падраздзеламі і параграфамі, прысвечанымі так званым «аперацыям розуму», а таксама непасрэдна дыялектыцы дыспуту. Такое класічнае схаластычнае дзяленне характэрна для працы Дж. Анджаліні. В. Бучыньскі, нягледзячы на падабенства змястоўнай часткі, адыходзіць ад традыцыйных да больш сучасных для таго часу назваў, у яго логіка ўжо становіцца элементарнай і прыкладной (logica elementaris, logica applicata). Мэта ў абодвух аўтараў адна – вызначыць крытэры ісціны, каб дапамагчы студэнтам пазбегнуць памылак у далейшых разважаннях [1, с. 79], а таксама цяжкасцей скептыцызму і агнастыцызму, якія трактаваліся полацкімі акадэмікамі як прамы шлях да атэізму.

У Дж. Анджаліні першая частка логікі прысвечана толькі традыцыйным для схаластычнага кірунку тром аперацыям розуму (паняцце, меркаванне, выснова). У В. Бучыньскага маецца пераходная частка ад элементарнай да прыкладной логікі, які закранае праблему метаду. У яе рамках асобная ўвага надаецца апісанню выкарыстанння сінтэзу і аналізу.

У большасці такіх курсаў паміж логікай і метафізікай, згодна з традыцыяй Арыстоцеля, ёсць яшчэ адзін курс натуральнай філасофіі ці фізікі, дзе разглядаліся пытанні ў адпаведнасці з трыма яго кнігамі, а таксама трактатамі «Аб узнікненні і знікненні», «Аб душы», «Аб метэорах» [18 с. 46]. Аднак у працы В. Бучыньскага такі раздзел адсутнічае, падобнага кшталту пытанні (законы прыроды, паходжанне свету і душы) перанесены аўтарам у раздзел метафізікі, які складаецца з анталогіі (вывучае канцэпт быцця ў цэлым), касмалогіі (устанаўлівае сувязь паміж светам і быццём, яго стварэннем і знікненнем), псіхалогіі (займаецца праблемай душы), а таксама натуральнай тэалогіі (мае прадметам аналізу праблему Бога і яго атрыбутаў).

У курсе Дж. Анджаліні фізіка як раздзел таксама адсутнічае. Метафізіка дзеліцца на агульную і прыватную, у рамках агульнай вывучаецца непасрэдна праблема быцця, у рамках прыватнай – цялесныя субстанцыі [1, с. 147]. Змястоўна агульная метафізіка ўключае анталагічную, этыялагічную (прычынна-следчую абумоўленасць) і касмалагічную праблематыку. Прыватная метафізіка адсутнічае, як і этыка, якой павінен завяршацца гэты курс.

У В. Бучыньскага дадзеная частка захавалася, аднак, такая класічная структура – гэта практычна ўсё, што родніць дадзеную працу з Арыстоцелем, на якога раўняліся аўтары падобных курсаў. Змястоўна яна дастаткова далёкая ад «Нікамахавай этыкі» Арыстоцеля.

Прыведзеныя вышэй дадзеныя сведчыць, што структура філасофскіх курсаў Полацкай езуіцкай акадэміі падвергнулася як фармальным, так і змястоўным зменам у параўнанні з падобнымі творамі XVIII ст.

Сціслым варыянтам схаластычнай філасофіі, па сутнасці яе кароткім канспектам, з'яўляецца праца «З усеагульнай філасофіі», у якой прыведзены асноўныя максімы, якія разгортваюцца затым у аб'ёмныя філасофскія кур-

сы. Адкрываюць работу правілы вядзення дыспутаў, за імі ідуць асноўныя пастулаты раздзела метафізікі, якія напасрэна тычацца пытанняў быцця ў цэлым і яго відаў, далей прадстаўлены асноўныя прынцыпы этыялогіі, псіхалогіі і касмалогіі. Цікавы факт – захаванасць тут раздзела фізікі ў адрозненне ад курсаў Анджаліні і Бучыньскага, пры гэтым філасофскі аспект стаў па сутнасці кароткім увядзеннем, якое папярэднічае палажэнням дакладных навук. Частка, прысвечаная маральнай філасофіі, зноў адсутнічае.

Творы палемічна-апалагатычнага характару

Сюды адносяцца ўжо згаданыя вышэй праца В. Бучыньскага «Падставы рэлігійнай дактрыны, у якіх філасофскія прынцыпы прымяняюцца да праўды рэлігіі», а таксама Ж.-Л. Разавэна «Праўда, абароненая і даказаная фактамі ад старога і новага паклёпу» і «Даследаванне філасофскіх вучэнняў аб дакладнасці іх ў адносінах да падстаў багаслоўя».

Усе гэтыя творы заснаваны на прынцыпах гармоніі праўд веры і розуму, а таксама ідэі магчымасці доказу існавання Бога рацыянальным шляхам (найбольш вядомы варыянт – гэта пяць доказаў існавання Бога Фамы Аквінскага). Аб'ядноўвае іх агульная мэта: яны ствараліся як інструмент барацьбы з філасофскімі плынямі, ідэямі і канцэптамі, якія па пэўных прычынах не маглі быць прыняты філосафамі-езуітамі. З'яўляюцца блізкімі па свайму жанру філасофскім дыспутам, таксама іх можна аднесці да актуальнага ў XIX ст. напрамку палемічнай літаратуры.

Сярод шкодных, на думку полацкіх аўтараў, напрамкаў філасофіі, што бяруць свой выток у антычнасці, неабходна адзначыць скептыцызм і агнастыцызм. І В. Бучыньскі, і Ж.-Л. Розавен прытрымліваліся ідэй, якія нарадзіліся ў межах схаластычнай філасофіі, яе цэнтральная праграмная устаноўка – гнасеалагічны аптымізм, паколькі, калі немагчыма пазнанне рэальных рэчаў, то і звышрэальнае сутнае (Бог) спазнаць таксама немагчыма. Аднак, XIX ст. абумовіла новыя напрамкі філасофскай апалагетыкі.

У першую чаргу неабходна згадаць прадстаўнікоў філасофіі Асветніцтва, а менавіта яго больш радыкальнага кірунку – французаў Вальтэра, Кандыльяка і інш. Таксама аб'ектам філасофскай крытыкі стаў І. Кант. Усе яны былі ідэйнымі апанентамі В. Бучыньскага. Адначасова полацкі прафесар пераасэнсоўвае ідэю злучэння філасофіі і рэлігіі. Падкрэсліваючы практычны характар філасофіі, якая павінна служыць дзяржаве, грамадству і ўдасканаленню чалавека, тым самым ён аддзяляе яе ад філаманіі – бессэнсоўнай інтэлектуальнай мудрагелістасці – і на падставе ўжо гэтага падзелу выбудоўвае новы саюз філасофіі і рэлігіі.

Класічны прыклад палемічнай літаратуры – творчасць Ж.-Л. Разавэна. «Праўда, абароненая і даказаная фактамі ад старога і новага паклёпу» – адказ на філасофскую рэфлексію рэктара Лейпцыгскага ўніверсітэта Генрыха Готліба Чырнэра (1778–1828). Адначасова гэта абарона ідэйных установак ордэна езуітаў ад французскіх асветнікаў, а таксама рэлігійна-філасофскага напрамку янсенізму. Асноўны прадмет даследавання – ідэалагічныя, палітычныя і інтэлектуальныя абставіны выгнання езуітаў з Еўропы. Структурна твор складаецца з невялікіх, лагічна звязаных адной тэмай нарысаў. Пры гэтым

Ж.-Л. Разавэн узбочыў з традыцыйнага схаластычнага шляху гармоніі філасофіі і рэлігіі, звужаючы напрыканцы твору паняцце філасофіі да творчасці прадстаўнікоў французскага Асветніцтва і супрацьпастаўляючы ім дзейнасць езуітаў. Роздумы аб узаемасувязі філасофіі і рэлігіі па сутнасці абмяжоўваюцца канфліктам паміж езуітамі і французскімі філосафамі. Гэта прыводзіць да таго, што гістарычны дыскурс у гэтай працы перамагае філасофскі.

Другая яго праца, напісаная ў тым жа жанры палемікі, прысвечана абвяржэнню дактрыны тагачаснага філасофскага і рэлігійнага аўтарытэта – Олімпа-Філіпа Жэрбе (1798–1864). За падставу контраргументаў Разавэн бярэ, як сам ён сцвярджае, праграмныя ўстаноўкі каталіцкіх філосафаў, пачынаючы ад Фамы Аквінскага і скончваючы Дэкартам [8, с. XXXIX].

«Полацкі штомесячнік»

Яшчэ адной крыніцай з'яўляецца ўжо згаданы «Полацкі штомесячнік», які выходзіў з 1818 па 1820 г. Мэтай выдання было знаёмства шырокай публікі з дасягненнямі як у галіне гуманітарыстыкі, так і дакладных навук. Сярод аўтараў, якія распрацоўвалі філасофскую тэматыку на старонках часопіса, неабходна назваць імёны В. Бучыньскага, К. У. Стахоўскага, Ж.-Л. Разавэна, Я. Ротана. Філасофская праблематыка мае падпарадкаваны тэалогіі характар. Так, напрыклад, праблема доказу трактуецца адначасова як гістарычная, філасофская і тэалагічная.

Пытанні схаластычнай праблематыкі набываюць новае гучанне, дзякуючы звароту да тагачасных інтэлектуальных дасягненняў. Так, для сярэднявечных схаластаў, а потым іх спадчыннікаў важным элементам разважанняў была праблема звышрэальнага, гэта значыць праблема існавання Бога. За межамі класічных курсаў па філасофіі пры яе разглядзе полацкія езуіты маглі дазволіць сабе зварот да самых авангардных тэорый сучаснасці, пра што, напрыклад, сведчыць цікавасць Станіслава Пятровіча (1780–1826) да ідэй медыка лейб-гвардыі прускага караля, філосафа-эклектыка К. Ф. Гуфеланда, які даследуе законы прыроды ў іх адносінах да звышнатуральнага.

Закранаюцца ў «Полацкім штомесячніку» праблемы практычнай філасофіі, якая ўключала ў сябе філасофію права і маральную філасофію. Дадзеная праблематыка распрацоўвалася Ю. Залескім, І. Івіцкім.

З аднаго боку, вывучэнне філасофскай тэматыкі часопіса «Полацкі штомесячнік» уносіць дастаткова важкі ўклад у рэканструкцыю філасофскай сістэмы полацкіх акадэмікаў, з другога боку, веды гэтыя дастаткова фрагментарныя і патрабуюць дапаўнення іншымі больш цэласнымі крыніцамі, якія дазваляюць комплексна асэнсаваць філасофскія працэсы.

Такім чынам, у аб'екце даследавання магчыма вылучыць тры вялікія напрамкі. Першы – курсы, якія ахопліваюць усю сістэму філасофіі, выконвалі функцыю падручнікаў, сюды таксама трэба аднесці сцісłыя канспекты курсаў; другі – літаратура, прысвечаная крытыцы тэалагічных і філасофскіх напрамкаў, якія існавалі ў тагачасным праблемным полі; трэці – артыкулы, прадстаўленыя на старонках «Полацкага штомесячніка», якія маюць на мэце разгляд асобных філасофскіх праблем.

Найбольшую цікавасць для даследчыкаў складаюць філасофскія курсы, якія, па-першае, дазваляюць уявіць цэласны вобраз сістэмы філасофіі, што выкладалася ў Полацкай езуіцкай акадэміі, а, па-другое, таксама вылучыць яе асноўных ідэйных апанентаў і тыпы контраргументацыі. Адначасова трэба адзначыць, што абмежаваныя строгімі патрабаваннямі Ratio Studiorum, іх аўтары маглі толькі ў пэўнай ступені адлюстраваць асабістыя філасофскія погляды. Таксама трэба адзначыць, што дадзеныя курсы фармальна і змястоўна зазналі істотныя змены ў параўнанні з падобнымі творамі ранейшых аўтараў, што адносяцца да напрамку барочнай схаластыкі.

Палемічная літаратура – напрамак, які ў першай палове XIX ст. зноў набірае папулярнасць. Творчасць Ж.-Л. Разавэна і В. Бучыньскага з'яўляецца яскравым прыкладам гэтыга працэсу. Аднак паміж гэтымі аўтарамі існуе істотная розніца. Калі першы займае выразную апалагетычную пазіцыю, то другі ідзе далей, спрабуючы стварыць уласную філасофскую мадэль суіснавання веры і розуму, па-новаму асэнсоўваючы нават само пяняцце філасофіі. Дадзены пласт крыніц застаецца яшчэ цалкам недаследаваны і патрабуе далейшых навуковых пошукаў.

Артыкулы «Полацкага штомесячніка» дазваляюць скласці ўяўленне аб той унікальнай інтэлектуальнай супольнасці, што існавала ў сценах Полацкай езуіцкай акадэміі, яе светапоглядзе і філасофскіх інтарэсах. Не менш важна, што дадзены пласт крыніц дазваляе вылучыць асноўную сетку інтэлектуальных цэнтраў таго часу, комплексна падыйсці да вывучэння ўзаемаадносін і сувязей паміж імі, а значыць, робіць уклад у стварэнне цэласнай карціны гістарычна-культурнага ландшафту беларускай думкі XIX ст.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Angiolini, G.* Instutiones Philosophicae ad usum studiosorum Academiae Polocensis / G. Angiolini. – Polock, 1819. – 310 p.

2. *Brown, J.* Biblioteka pisarzów assystencyi polskiej Towarzystwa Jezusowego / J. Brown // Przegląd Wileński. – 1861. – № 3–4. – S. 253–404.

3. *Buczyński, V.* Instutiones doctrinae religionis, in quibis principia philosophica ad veritatem religionis applicantur / V. Buczyński. – Viennae, 1842. – 300 p.

4. *Buczyński, V.* Instutiones philosophicae. Pars prima continens logicam cum praevis in universam philosphiam intrudictione / V. Buczyński. – Viennae, 1843. – 159 p.

5. *Buczyński, V.* Instutiones philosophicae. Pars secunda continens metaphisicam / V. Buczyński. – Viennae, 1843. – 302 p.

6. *Buczyński, V.* Instutiones philosophicae. Pars tertia continens ethicam / V. Buczyński. – Viennae, 1843. – 205 p.

7. *Rozaven, J.-L.* La vérité défendue et prouvée par les faits, contre les calomnies anciennes et modernes / J.-L. Rozaven. – Połock, 1817. – 344 p.

8. *Rozaven, J.-L.* Examen des doctrines pilososophiques sur la certitude dans leures rapporta avec les fundamentes de la theologie. / J.-L. Rozaven. – Avignon, 1833. – 487 p.

9. *Darowski, R.* Filozofia jezuitów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej w XIX wieku. Próba syntezy – Słownik autorów i wykładowców – Antologia tekstów / R. Darowski. – Kraków: Wydawnictwo WAM, 2013. – 390 s.

10. *Шалькевіч, В. Ф.* Полоцкая неасхаластыка / В. Ф. Шалькевіч // Мировоззренческие и философско-методологические основания развития современного общества: Беларусь, регион, мир / под ред. Т. А. Адуло. – Минск, 2008. – С. 524–525.

11. *Лягчылін, А. А.* Ідэі неасхаластыкі ў беларускай гісторыка-культурнай прасторы / А. А. Лягчылін, Г. І. Клімовіч // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2017. – № 2. – С. 4–11.

12. *Денисенко, Е. П.* Журнал Полоцкой иезуитской академии «Miesięcznik Połocki», его роль в развитии образования в Беларуси / Е. П. Денисенко // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: материалы Междунар. науч. конф., 12 дек. 2019 г. – Санкт-Петербург: СПбГУПТД, 2019. – С. 151–159.

13. *Климович, А. И.* Историографический обзор журнала «Miesięcznik Połocki» / А. И. Климович // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – № 3. – С. 26–32.

14. *Darowski, R.* Giuseppe Angiolini SJ (1747–1814), profesor filozofii w Akademii Połockiej / R. Darowski // Forum Philosophicum: International Journal for Philosophy. – 2006. – № 11. – P. 223–229.

15. *Darowski, R.* Vincent Buczyński SJ (1789–1853) on the way to a revival of Thomism / R. Darowski // Forum Philosophicum: International Journal for Philosophy. – 2005. – № 10. – P. 181–189.

16. *Darowski, R.* Nauczanie filozofii w Akademii Połockiej / R. Darowski // Pamięc, historia, polityka. – Kraków: Akademia Ignatianum. – 2012. – S. 205–218.

17. *Lichocka, H.* Miesięcznik Połocki (1818–1820). Kontekst historyczny i bibliografia zawartości / H. Lichocka // Wkład jezuitów do nauki i kultury w Rzeczypospolitej Obojga Narodów i pod zaborami. – Kraków: Wydawnictwo WAM. – 2004. – S. 631–666.

18. *Симчич, М.* Philosophia rationalis у Києво-Могилянській академії: компаративний аналіз могилянських курсів логіки кінця XVII – першої половини XVIII ст. / М. Симчич. – Вінниця, 2009. – 239 с.

19. *Богоненко, В. А.* Полоцкая академия. 1812–1820 / В. А. Богоненко. – Минск: А. Н. Вараксин, 2017. – 156 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 37(476)(091)»18-19»

НАРОДНЫЕ УЧИЛИЩА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1780–1830-е гг.

Крепский Ю. Г.
Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

Представленная статья посвящена проблемам организации и специфике функционирования народных училищ на белорусских землях в конце XVIII – первой трети XIX в. Особое внимание акцентируется на содержании школьных программ, организации учебного и воспитательного процесса, а также роли народных училищ в образовательной системе данного периода. Осуществляется анализ значения деятельности данного типов школ в контексте включения белорусских земель в общероссийское политическое и культурное пространство. Автором делается вывод относительно роли новых учебных заведений в процессе интеграции отечественной школы в общероссийскую систему образования.

Ключевые слова: школьное образование; школьный устав; народное училище; приходское училище; уездное училище; гимназия; учебная программа.

PUBLIC SCHOOLS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE 1780s – 1830s.

Krepsky Y. G.
National Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

The presented article is devoted to the problems of the organization and the specifics of the functioning of public schools in the Belarusian lands at the end of the 18th the first third of the 19th century. Particular attention is focused on the content of school programs, the organization of the educational and educational process, as well as the role of public schools in the educational system of this period. An analysis is made of the significance of the activities of these types of schools in the context of the inclusion of Belarusian lands in the all-Russian political and cultural space. The author draws a conclusion regarding the role of new educational institutions in the process of integrating the national school into the all-Russian education system.

Keywords: school education; school charter; public school; parochial school; county school; gymnasium; training program.

Деятельность и развитие национальной системы образования является важным аспектом общественной жизни в государстве. Процесс ее дальнейшего совершенствования не возможен без всестороннего изучения и анализа истории белорусского просветительского дела.

Проблеме становления и функционирования школьного образования конца XVIII – первой трети XIX в., а также роли в нем народных училищ, посвящен ряд работ отечественных и зарубежных историков. Одними из первых авторов, обративших внимание на проблему функционирования

представленного типа учебных заведения на белорусских землях, являлись С. Бархатцев и М. Сухомлинов. В своих работах они концентрируют внимание на специфике деятельности народных училищ в западных губерниях в период царствования Александра I; подчеркивают значимость представленных учебных заведений в контексте формирования общегосударственной системы образования; впервые вводят в научный оборот ряд важных документов из архивов Министерства народного просвещения и Виленского учебного округа, которые касались процесса осуществления школьных реформ в рассматриваемый период [1–2]. В дореволюционной историографии проблемы создания и функционирования народных училищ заслуживают внимания работы А. Погодина, Ю. Крачковского и А. Белецкого, стремившихся в своих исследованиях отразить развитие отдельных светских и духовных учебных заведений, проследить эволюцию их учебных программ [3].

В историографии представленного периода видится возможным выделить исследование С. В. Рождественского «Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг.», в котором автор анализирует процесс возникновения народных училищ и специфику их деятельности в контексте общегосударственной образовательной политики в крае [4].

В советской историографии, посвященной рассматриваемой проблеме, значительного внимания заслуживают работы В. Поссе. Исходя из богатого архивного материала, он дает детальное описание процессов трансформации светских учебных заведений в крае, определяет основные этапы их развития, отмечает прогрессивный характер создаваемых народных училищ и их вклад в просветительское дело. Помимо этого, автором отмечается негативная роль процессов полонизации и русификации в воспитательном процессе школьного образования представленного периода [5].

Среди работ зарубежных авторов необходимо выделить монографию Д. Бовуа, в которой на основе архивных источников изучается деятельность начальных и средних учебных заведений, анализируются учебные программы и пособия, приводится описание органов управления учебными заведениями, действовавших на белорусских землях в рассматриваемый период [6].

Современная отечественная историография представленного вопроса включает в себя работы А. Самусика, А. Гурецкого, С. Кузняевой и других авторов. В своих работах исследователи акцентируют внимание на различных аспектах функционирования школьного дела на белорусских землях представленного периода [7; 8; 9; 10; 11].

В процессе изучения проблемы становления и деятельности сети народных училищ в западных губерниях, заслуживают внимания опубликованные исторические источники, отражающие специфику развития системы образования представленного периода. К таковым, прежде всего, необходимо отнести трехтомный Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения и Полное собрание законов Российской империи [12; 13; 14].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных истории образования представленного периода, проблема изучения и анализа деятель-

ности народных училищ и их значения в контексте интеграции отечественных заведений в общероссийскую систему образования, не нашли своего комплексного отражения в историографии. Данное обстоятельство определяет актуальность предложенного исследования. Целью представленной статьи является анализ специфики функционирования народных училищ в контексте интеграции отечественного просветительского дела в общероссийскую образовательную систему.

После включения белорусских земель в состав Российской империи, которое осуществлялось в последней трети XVIII в., наглядно проявились определенные отличия в общественно-политической и культурной жизни на присоединенных территориях. Отдельные аспекты представленной проблемы решались достаточно легко – введением нового административно-территориального деления и системы местного управления. Значительно большей проблемой для новых властей являлся вопрос решения судьбы местной системы образования. Представленная проблема осложнялась еще и тем, что общероссийская система образования, к этому времени, фактически только начинала формироваться. В 1770-е гг. она состояла из двух гимназий (при Академии наук и Московском университете), 26 духовных епархиальных училищ и нескольких сотен школ грамоты при монастырях [8, с. 50]. В это же время на востоке Беларуси продолжала существовать сформированная на протяжении столетий система поликонфессионального образования, которую не успели затронуть реформы Эдукационной комиссии Речи Посполитой. В Витебске, Полоцке, Могилеве, Мстиславле, Орше и Динабурге продолжали действовать иезуитские коллегиумы, в Сенно и Сокольниках – францисканские, в Витебске – пиарская, в Толочине – базилианская, в Могилеве – православная школы [9, с. 3]. Состояние образовательного процесса в представленных учреждениях характеризовалось значительной консервативностью. Обучение начиналось с освоения латинского языка и польской грамматики, включало в себя ознакомление с историей, арифметикой и географией. В дальнейшем предусматривалось преподавание логики, метафизики, химии, астрономии, механики и философии. Обучение велось на латыни и польском языке. Изучались также европейские и русский языки. Представленные обстоятельства заставляли российское правительство принимать меры по интеграции местных учебных заведений в общеимперскую образовательную среду, в том числе эти действия были направлены и на создание принципиально новых учебных заведений, альтернативных уже существующим.

На востоке Беларуси процесс создания сети народных училищ начал осуществляться после утверждения 5 июля 1786 г. «Устава народных училищ». Он предусматривал организацию на территории страны четырехклассных главных и двухклассных малых народных училищ, расположенных, соответственно, в губернских и уездных городах. По причине нехватки средств, подготовленных учителей и пособий, учебные программы данных школ были рассчитаны только на необходимый для повседневной жизни минимум знаний по общеобразовательным предметам. Предусматривалось обучение по следующим дисциплинам: русский язык, отечественная и всеобщая история,

география, обязанности человека и гражданина, арифметика, основы геометрии, механика, физика, гражданская архитектура, катехизис и объяснение евангелий, рисование. Планировалась организация изучения иностранных языков – латыни, для планировавших продолжить обучение в университете, а также языка, распространенного в ближайшем приграничье [13, с. 646–647].

Управление новыми школами на местах было поручено генерал-губернаторам и губернаторам, которые получали звание попечителей народных училищ. Их главной обязанностью в просветительском деле был контроль за деятельностью учебных заведений с ежегодной ревизией, а также организация их соответствующего финансирования [7, с. 10–11].

На востоке Беларуси создание данных типов школ началось в 1789 г., когда в Могилеве и Полоцке были основаны главные народные училища. В 1791 г. малые народные училища были открыты в Орше, Копыси, Мстиславле, Черикове и Чаусах. В 1794 г. четырехклассное народное училище начинает действовать в Витебске. Видится возможным отметить частичную изоляцию представленных учебных заведений от местной общественной и образовательной среды. Школы размещались при местных государственных и духовных православных учреждениях. Полоцкому училищу был отведен флигель в православном Богоявленском монастыре, школа в Могилеве расположилась на верхнем этаже здания православной семинарии, в Витебске – при Успенском соборе. В данных училищах преимущественно обучались дети российских чиновников, офицеров и православного духовенства [8, с. 57]. Учебные пособия завозились исключительно из России. Учителя также были преимущественно выходцами из русских городов или набирались из собственных воспитанников и выпускников Могилевской духовной семинарии. Только пять должностей в народных училищах занимали местные жители, закончившие отечественные монашеские школы [8, с. 58].

Представленные учебные заведения открывали свои двери для представителей различных сословий, практиковали совместное обучение мальчиков и девочек. На востоке Беларуси они создавались как альтернатива местным традиционным коллегиумам. Обучение в народных училищах было бесплатным. Учителя представленных школ в своем большинстве были хорошо подготовлены профессионально и отличались искренней приверженностью делу расширения образованности и идеалов Просвещения [5, с. 86–90].

Тем не менее, создаваемые народные училища не смогли составить конкуренцию местным монашеским учебным заведениям. Это обстоятельство подтверждается статистикой. Если по количеству школ в конце XVIII в. наблюдалось равенство (по 10 учреждений), то численность учащихся в монашеских школах превышала аналогичную в народных училищах вдвое. Зачастую новые учебные заведения использовались только как начальные школы – после окончания первого класса часть учеников переходила в монашеские школы. К примеру, в Витебском народном училище в 1798 г. в первом классе обучалось 47 учеников, во втором и третьем – по два учащихся, а в четвертом классе ученики отсутствовали [9, с. 4]. Представленная тенденция может свидетельствовать о значительно более качественной органи-

зации обучения в монашеских школах и лучшей подготовке преподавателей в сравнении с народными училищами. Помимо этого, отсутствие широкого влияния народных училищ на просветительское дело в крае, можно объяснить устойчивой приверженностью местного мещанского и шляхетского сословий униатским и католическим культурно-образовательным традициям.

Положение и деятельность народных училищ на белорусских землях претерпят изменения в начале XIX в. Комиссия по народным училищам представила 16 декабря 1802 г. Александру I проект, в котором рекомендовалось открыть при каждой школе в западных губерниях два начальных русскоязычных класса. Предполагалось издать новые учебные пособия (на русском и польском языках одновременно), сохранить контроль над учебными заведениями со стороны приказов общественного попечительства и ввести обязательное обучение в Петербургской учительской семинарии для будущих преподавателей народных училищ [8, с. 60–61]. Представленный проект не был реализован, вместо его императору было предложено сконцентрировать все школы на территориях бывшей Речи Посполитой в одном Виленском учебном округе. Данная реформа была утверждена Александром I, попечителем нового учебного округа назначался князь Адам Чарторыйский. Распоряжением от 24 января 1803 г. все учебные заведения Литвы и Беларуси подчинялись Виленскому университету [1, с. 1150].

Таким образом, в западных губерниях Российской империи фактически складывалась относительно автономная система образования, которая имела отдельное управление и по содержанию обучения существенно отличалась от общегосударственных стандартов [6, с. 30]. Изменялось и положение народных училищ в образовательной системе, что нашло отражение в утвержденном 20 августа 1804 г. «Предначертании устроения училищ в округе Императорского Виленского университета». Представленным документом предусматривалась преемственность принципов образовательного процесса с принципами и содержанием обучения, утвержденными еще Эдукационной комиссией Речи Посполитой [4, с. 98]. Это обстоятельство предопределило ряд специфических черт в учебных программах местных школ, в сравнении с аналогичными учебными заведении в России. К таковым особенностям следует отнести преподавание на польском языке, отсутствие обязательного изучения Закона Божьего, обучение французскому и немецкому языкам, русская литература и история изучались в сокращенном варианте, после изучения того же материала, посвященного землям бывшей Речи Посполитой [2, с. 23].

Соответствующим образом трансформировалась и сеть народных училищ, существовавших на востоке Беларуси. Их учебные программы унифицировались с принятыми в Виленском округе, преподавание могло осуществляться как на русском, так и на польском языке. Также приостанавливалась практика назначения на должности учителей выходцев из России. Статус малых народных училищ фактически сводился к обычным начальным школам [3, с. 26].

Усиление пропольского влияния в образовании, особенности общественно-политических процессов начала XIX в., связанные с событиями войны 1812 г. и деятельностью тайных обществ, заставили российское правительство пересмотреть свои подходы к управлению системой образования в крае и переосмыслить значение народных училищ в данной системе [10, с. 12]. Следствием этого становится издание императорского указа от 31 октября 1824 г. о переподчинении учебных заведений Витебской и Могилевской губерний Петербургскому учебному округу [12, с. 425–426].

Очередные изменения в положение народных училищ были внесены новым школьным уставом, принятым 8 декабря 1828 г. Для крестьян и беднейших представителей городского сословия отныне предназначались приходские училища, содержать которые должны были помещики, духовенство и горожане [11, с. 93]. Представленный тип учебных заведений открывался повсеместно и был ориентирован на организацию передачи элементарных общеобразовательных и практических знаний детям низших сословий. В учебную программу приходских училищ был включен ряд дисциплин богословского содержания, основы грамматики и арифметики [14, с. 1097–1103]. Обучение в приходских училищах могло строиться по классической модели либо по ланкастерской системе. Данное обстоятельство могло свидетельствовать о нехватке квалифицированных кадров учителей. На должность учителя принимались представители всех сословий, при условии прохождения успешного испытания в уездном училище [14, с. 1100]. Контроль за деятельностью приходских училищ устанавливался через штатных Приходских смотрителей. Представленный тип учебных заведений не выполнял задачу подготовки к получению образования более высокого уровня, фактически ограничиваясь предоставлением базовых знаний [4, с. 412].

Второй уровень начального образования обеспечивался трехклассными уездными училищами. Данный тип учебных заведений предназначался преимущественно для детей горожан, ремесленников и торговцев. Принимались в них только лица мужского пола [14, с. 1104]. Курс обучения в представленных школах состоял из следующих дисциплин: Закон Божий и священная история, русский язык, арифметика, геометрия, отечественная и всеобщая история, чистописание, черчение и рисование. Помимо общеобразовательных предметов, предусматривалась возможность изучения дополнительных курсов, ориентированных на приобретение теоретических знаний и практических умений, сопряженных с особенностями хозяйственного развития региона, в котором располагалось училище [14, с. 1104].

Важную роль в реформировании местной системы образования сыграл императорский указ «Об устройстве Белорусских училищ», принятый 9 сентября 1830 г. Местные уездные училища приравнивались к отделениям гимназий, воспитанники которых могли поступать в университет. В свою очередь, при гимназиях создавались пансионы для детей шляхты, что должно было поднять престиж данных учреждений в сравнении с монашескими

школами. Отдельное внимание уделялось начальному образованию, которое должно было стать полностью русскоязычным, для чего планировалась полная замена учебных пособий [8, с. 7879].

Представленный проект так и не был реализован в полной мере ввиду начала антироссийского восстания 1830–1831 гг. Активное участие в данном восстании учащихся и студентов местных учебных заведений продемонстрировало российским властям недостаточность контроля над образовательным процессом, а также заставило пересмотреть значение народных училищ в системе народного просвещения в крае. Уже в марте 1831 г. Николай I потребовал от Министерства народного просвещения перейти к закрытию монашеских учебных заведений, а также перевести преподавание во всех школах округа на русский язык. Новый подход властей окончательно закрепили указы от 1 мая 1832 г., которые провозгласили ликвидацию Виленского учебного округа, закрытие Виленского университета и значительной части монашеских школ [12, с. 426]. Место закрытых учреждений должны были занять светские школы, создаваемые по образцу народных училищ. На деятельности народных училищ в крае повлиял и принятый российскими властями указ от 7 июля 1832 г. «О принятии мер к усилению русского языка в училищах Западных губерний». Представленное постановление содействовало более активному привлечению к работе в местных учебных заведениях российских преподавателей, а также цензуре учебных пособий [8, с. 81].

Следующим шагом властей на пути развития системы народных училищ в крае становится введение Школьного устава 1828 г. в учебных заведениях Минской, Гродненской и Виленской губерний, согласно указу от 3 января 1834 г. Помимо этого в Вильне, Гродно, Слониме, Лиде и Пружанах были открыты новые уездные училища для детей мещан, что должно было значительно усилить позиции государственного школьного образования в крае. Языком преподавания в уездных училищах и гимназиях практически повсеместно становится русский, только в западных регионах учебные программы заведений сохраняли изучение польского языка. На востоке Беларуси в октябре 1836 г. был утвержден отдельный школьный устав, где должность преподавателя польского языка вовсе не предусматривалась [8, с. 83].

Таким образом, создание и развитие сети народных училищ является важным шагом на пути включения отечественного школьного дела в общероссийское образовательное пространство. Рассматриваемый процесс осуществлялся поэтапно и имел свои отличительные особенности в зависимости от конкретного исторического периода. В последней трети XVIII в. наблюдалось становление сети народных училищ, которые становились первым инструментом влияния российских властей на местную образовательную систему, являлись проводниками идеи воспитания подрастающего поколения в духе общегосударственной идеологии. Деятельность представленных учреждений была направлена и на выполнение важной политической функции – закрепления Российской империи на присоединенных землях Речи Посполитой. Тем не менее, несмотря на широкую поддержку

властей, данный тип образовательных учреждений не смог стать доминирующим в отечественной системе образования и в значительной степени проигрывал в конкуренции с монашескими заведениями, предоставлявшими более глубокое и качественное образование, которое к тому же опиралось на местные культурно-исторические традиции. Внедрение нового типа учебных заведений в отечественную образовательную систему привнесло ряд положительных аспектов: осуществлялась попытка организации образовательного процесса в духе идей Просвещения, создавалась преемственность различных этапов обучения, происходила унификации учебных программ, расширялся доступ к начальному образованию для представителей различных сословий.

В начале XIX в. деятельность местных народных училищ находилась под влиянием созданного Виленского округа, который стремился сохранить автономность системы отечественного школьного образования. В рассматриваемый период времени учебные заведения данного типа также не вышли на ведущие роли в просветительском деле, фактически выполняя функции начальных школ. Значительное изменение в положении народных училищ в системе образования Западных губерний произошло в 30-е гг. XIX в., что в основном было обусловлено политическими причинами и последствиями восстания 1830–1831 гг. В рассматриваемый период данный тип учебных заведений получил значительную поддержку российских властей и ввиду упразднения альтернативного, монашеского, образования становился ведущим типом учреждений школьного образования. В это же время народные училища выступали в качестве носителя русской культурно-образовательной традиции, содействовали активной русификации в крае.

Список использованных источников

1. *Бархатцев, С.* Из истории Виленского учебного округа / С. Бархатцев // Русский архив. – 1874. – Т. 1. – С. 1149–1262.

2. *Сухомлинов, М.* Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I / М. Сухомлинов // Журнал Министерства Народного Просвещения. – 1865. – № 10. – С. 9–172.

3. *Белецкий, А. В.* Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования. 1803–1832 / А. В. Белецкий. – Вильно: Тип. А. Сыркина, 1906. – Отд. 3. – 38 с.

4. *Рождественский, С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902 / С. В. Рождественский. – СПб.: Сенатская типография, 1902. – 788 с.

5. *Пасэ, У. С.* Рускія народныя школы ў Беларусі ў канцы XVIII стагоддзя / У. С. Пасэ // Народная асвета. – 1962. – № 5. – С. 86–90.

6. *Beauvois, D.* Szkolnictwo polskie na ziemliach Litewsko-Ruskich. 1803–1832 / D. Beauvois. – Lublin: Redakczja Wydawnictwo KUL, 1991. – T. 1. – 382 с.

7. *Самусік, А. Ф.* Развіццё сістэмы асветы на беларускіх землях у 70-х гадах XVIII – 30-х гадах XIX стагоддзяў: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. Ф. Самусік; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск. – 1998. – 18 с.

8. *Самусік, А. Ф.* Русіфікацыя сістэмы асветы на беларускіх землях у апошняй трэці XVIII – другой палове XIX ст. / А. Ф. Самусік // Гістарычны альманах. – Гродна-Беласток, 2008. – Т. 14. – С. 48–93.

9. *Самусік, А. Ф.* Становішча адукацыйнай справы на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XIX стагоддзяў / А. Ф. Самусік // Весці БДПУ. – 2007. – Сер. 2. – № 3. – С. 3–7.

10. *Гурецкий, А. А.* Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII – первой четверти XIX в. (1772–1825): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Гурецкий; Бел. гос. пед. ун-т. – Минск, 1996. – 20 с.

11. *Кузняева, С. А.* Асвета на Беларусі ў першай палове XIX стагоддзя: тэндэнцыі развіцця / С. А. Кузняева // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён: зб. арт. – Мінск: БДУ, 1992. – С. 92–102.

12. Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения: в 3 т. – СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1875–1876. – Т. 1. – 1875. – 1006 с.

13. Полное собрание законов Российской империи: в 45 т. – 1-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1830. – Т. 22. – 1173 с.

14. Полное собрание законов Российской империи: в 55 т. – 2-е изд. – СПб.: Тип. 2-го отд. собственной его имп. величества канцелярии, 1867. – Т. 3. – 692 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

УДК 398.34(476-22)»18/19»

ЗЕМЛЯРОБЧЫЯ ПРЫМЕТЫ І ЗАБАБОНЫ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКІ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XIX – ПАЧАТКУ XX СТ.

Мяньчэня С. В.
Беларуская сельскагаспадарчая бібліятэка імя І. С. Лупіновіча НАН Беларусі;
Беларускі дзяржаўны аграрны тэхнічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле разглядаюцца сельскагаспадарчыя прыметы і забабоны, звязаныя з практычнай дзейнасцю ў галіне земляробства: абмежаваннем гаспадарчай дзейнасці, рэгламентацыяй пачатку і часу палявых работ, пасадкай і зборам ураджаю, абаронай ад прыродных з'яў, агародніцтвам. Вера ў розныя забабоны абмяжоўвала давер да навуковых ведаў і новых тэхналогій, аднак пераважная большасць прыметаў і забабонаў ужо ў пачатку XX ст. успрымалася насельніцтвам, як простая рэкамендацыя да дзеяння. Тэарэтычнай асновай даследавання з'яўляюцца этнаграфічныя матэрыялы А. Багдановіча, Дз. Булгакоўскага, М. Косіч, Ю. Крачкоўскага, Е. Раманава, М. Нікіфароўскага і М. Янчука.

Ключавыя словы: сельская гаспадарка; народная культура; прыметы; земляробства; агародніцтва.

AGRICULTURAL OMENS AND SUPERSTITIONS OF THE BELARUSIAN VILLAGE OF THE SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Mianchenya S. V.
I. S. Lupinovich Belarus Agricultural Library of the NAS of Belarus;
Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk, Belarus

The article is devoted to agricultural omens and superstitions related to practical activities in the field of agriculture: limitation of activity, regulation of the beginning of field work, planting and harvesting, protection from natural phenomena, gardening. Belief in various superstitions limited trust in scientific knowledge and new technologies, however, the vast majority of omens and superstitions at the beginning of the 20th century were perceived by the population as a simple recommendation for action. The theoretical basis of the research is the ethnographic materials of A. Bogdanovich, Dz. Bulgakouski, M. Kosich, Yu. Krachkouski, E. Romanov, M. Nikiforowski and M. Yanchuk.

Keywords: agriculture; folk culture; omens; farming; horticulture.

Ва ўмовах мадэрнізацыйных працэсаў другой паловы XIX – пачатку XX ст. адбывалася трансфармацыя беларускага грамадства і разбурэнне патрыярхальнага ладу жыцця, які рэгламентаваўся сістэмай вусных традыцый і забабонаў. Сельская гаспадарка як аснова эканамічнага ладу пераважнай колькасці насельніцтва Беларусі таксама адчувала на сабе іх уплыў. Па пры-

чыне шырокага спектру прыметаў і забабонаў у даным артыкуле разгледзім толькі тую іх частку, што звязана з практычнай дзейнасцю ў галіне земляробства, а менавіта – рэгламентацыя пачатку і часу палявых работ, пасадка і збор ураджаю, абарона ад прыродных з'яў, агародніцтва. Тэарэтычнай асновай даследавання з'яўляюцца этнаграфічныя матэрыялы А. Багдановіча [1], Дз. Булгакоўскага [2], М. Косіч [3], Ю. Крачкоўскага [4], Е. Раманава [5; 6], М. Нікіфароўскага [7] і М. Янчука [8]. Даты народных і царкоўных святаў артыкуле прыводзяцца па старым стылі.

Найбольш значным абмежаваннем гаспадарчай дзейнасці з'яўляліся царкоўныя святы. У выпадку працы ў полі на Вялікдзень, па народных павер'ях, можна было скамянець [9, с. 351]. М. Янчук па выніках падарожжа па Мінскай губерні ў сярэдзіне 80-х гг. XIX ст. паведамляў пра камень «Валы», што знаходзіўся каля в. Крынкі (суч. – Крынка, Асіповіцкі раён). Па мясцовым паданні, гэта быў скамянелы селянін з сахой і парай валоў, што паехаў араць у свята [8, с. 77]. Далейшы лёс гэтага валуна невядомы, у адрозненні ад іншых падобных аб'ектаў: Сцеберацкія каменныя валы (каля в. Сцеберакі Вілейскага раёна), група валуноў «Быкі» (каля в. Іканы Барысаўскага раёна), што захаваліся да нашага часу.

У шэраг дзён дзейнічалі абмежаванні на некаторыя віды працы. М. Косіч пазначала, што беларускія сяляне Чарнігаўскай губерні не араць па пятніцах. Ні яна сама, ні сяляне абгрунтаванага тлумачэння гэтага звычая не прыводзяць: «ни намы йета заведзена, ни намы и кончицца». Мясцовыя праваслаўныя святары ўвогуле тлумачылі гэта магчымымі наступствамі навязвання ісламу з боку татар [3, с. 56]. Згодна з Е. Раманавым, сяляне не працавалі па пятніцах на конях ад Вялікадня да Юр'я, а таксама 28 кастрычніка – на дзень Параскевы Пятніцы [5, с. 60]. Такім чынам, пятнічныя абмежаванні можна патлумачыць рэшткамі культа апошняй. Патрабавалася прадставіць адпачынак коням і ў наступныя дні: дзень св. Аўласа – 11 лютага [1, с. 98]; «Коньскі Вялікдзень» – першы аўторак пасля Тройцы, не выкарыстоўвалі коней для працы, а ў хлявах ставілі свечкі за іх здароўе [2, с. 180]; 18 жніўня – дзень св. Флёра і Лаўра («Коньскае свята»), у гэты дзень забаранялася не толькі працаваць на конях, але і нават спутваць ім ногі [5, с. 276]. Нельга было араць і вывозіць гной у поле на Дабравешчанне – «закону няма» [5, с. 143].

На Гродзеншчыне імкнуліся не працаваць на дзень прарока Іллі (20 ліпеня) – каб не наклікаць маланку. Калі хто-небудзь звозіў снапы з поля, то пакідаў іх у двары. Забаранялася звозіць снапы і на дзень Барыса і Глеба (24 ліпеня) – каб маланка не спаліла пуню [6, с. 39–40]. У Магілёўскай губерні на Барыса і Глеба забаранялася касіць і жаць, а ў Віцебскай – любая праца на конях [5, с. 273–274]. М. Нікіфароўскі прыводзіць прыказку: «На Барыса за серп і касу не бярыся!». Жняе, што будзе працаваць у гэты дзень, – выверне рукі, касец – парэжа ногі, а жывёла, калі з'есць сена, што было назапашана на Барыса, дасць выродлівы прыплод [7, с. 252]. Акрамя таго, св. Барыс разам са св. Мікалаем лічыўся ахоўнікам палеткаў, ён абыходзіў палі і забяспечваў добры ўраджай, таму пры разворванні загона трэба было аставіць шырокую

мяжу, каб Барыс мог там прайсці [7, с. 102]. У Ігуменскім павеце падобныя функцыі прыпісвалі св. Юр'ю [1, с. 109].

Пэўных рытуалаў патрабавала і падрыхтоўка да гаспадарчых работ. Адказна падыходзілі да вырабу сахі як асноўнай прылады для апрацоўкі глебы. Элементы сахі трэба рабіць з розных дрэў, на выпадак, калі адно з іх будзе нешчаслівым, то іншае ўраўнаважыць [7, с. 102]. Пераважная колькасць прымет, што звязаны з палявымі работамі, датычыліся мужчын. Жанчына фігуравала тут рэдка, найчасцей яе ўмяшальніцтва магло прывесці да негатыўных наступстваў. У Навагрудскім павеце існаваў звычай «развязаць саху». На Дабравешчанне гаспадыня павінна ўстаць раней за гаспадара і развязаць вяроўку на сахе, каб палегчыць працу і павысіць яе прадукцыйнасць [4, с. 101]. А вось калі жанчына пераступіць праз хамут – цяжкасць працы каня і гаспадара падвоіцца [7, с. 79]. Дрэннай прыметай лічылася, калі жанчына пяройдзе дарогу перад аратым. Той павінны быў падняць з зямлі і кінуць у яе бок які-небудзь цвёрды прадмет, інакш зламаецца саха. Насошнікі мазалі салам, каб жывёла не муліла шыю, гаспадар – рукі, а на полі не рос асот [7, с. 104]. Насенне імкнуліся нікому не пазычаць ці прадаваць, бо інакш будзе кепскі ўраджай. Калі ўсё ж такі гэта здаралася, найчасцей з бульбай, то з адсыпанай на продаж часткі забіралі некалькі бульбін і кідалі назад [4, с. 73]. Вываз гною на поле ажыццяўлялі ў «поўныя» дні – пры павялічваючымся месяцы, інакш ён страціць эфект угнаення і будзе спрыяць росту зелля. Жанчыны дапускуліся толькі да раскідваннія гною па полю і толькі ў надзвычайных выпадках [7, с. 101].

За некалькі дзён да пачатку палявых работ гаспадар рабіў «провідкі» – ішоў на поле з хлебам-соллю і абыходзіў яго з вярбовым дубцом [7, с. 102]. У Вілейскім павеце валоў асвячалі святой вадой – гаспадыня ў хляве, а гаспадар на полі [4, с. 92]. Пачыналі араць звычайна ў аўторак ці чацвер, часам у суботу [5, с. 179; 7, с. 109]. На Віцебшчыне ў сувязі з пачаткам палявых работ узгадваўся звычай «набіць цесця і цешчу». Выпраўляючыся ў поле, гаспадар павінен быў у жартаўлівай форме імітаваць удары па бацьках жонкі. Аб'ект «біцця» залежыў ад часу палявых работ і сельскагаспадарчай культуры. Калі б'юць цесця – будзе добры ўраджай азімых, часцей жыта; цешчу – яравых, часцей пшаніцы [7, с. 103].

У Кобрынскім павеце некаторыя гаспадары рабілі «заворванне» – вечарам ехалі на поле і рабілі дзве-тры баразны. Важна пры гэтым было не сустрэць каго-небудзь з пустой тарай, і каб ніхто не перайшоў дарогу. У той жа час гаспадыня прыбірала хату. Лічылася, што калі ў хаце будзе чысціня, тады і на полі не будзе зелля [4, с. 92]. Пінчукі ў поле бралі з сабой грамнічную свечку, прасфору і бохан хлеба. У першы дзень разворвалі толькі адзін загон. Пасля першай баразны араты падбягаў да каня ці вала, біў яму па ільбу і жадаў здароўя [2, с. 185].

Праца ў полі лічылася паважанай, перашкодзіць ёй было грахом. Калі нехта скрадзе з поля саху ці якую іншую прыладу, у таго здохнуць валы і сем год не будзе радзіць жывёла, а напрыканцы злодзея самога чакалі хвароба і смерць [8, с. 78].

Калі для апрацоўкі зямлі пятніца не лічылася вельмі прыдатным днём, то для пачатку сяўбы наадравот. На сяўбу выпраўляліся звычайна ў пятніцу, першы загон засейвалі жытам, а зерне бралі з вянка, што захоўваўся ад Дажынак. Напрыканцы вянок закопвалі на краю поля [2, с. 185]. На Краснапольшчыне пачатак сяўбы – «засеўкі» – ажыццяўлялі хлопчыкі 10–14 гадоў, абавязкова ў святочным адзенні і на пусты страўнік. У дзень сяўбы гаспадар не павінны быў запальваць агонь, бо выгараць пасевы [4, с. 94]. Нельга было сеяць, калі ў вёсцы быў нябожчык, а таксама падчас царкоўнага звону [7, с. 107].

Збожжавыя, што сеялі пры маладзіку, давалі тонкую салому і пустыя каласы. Найлепшы ўраджай жыта чакалі ад зерня, пасеянага ў аўторак і суботу, а вось каб атрымаць добрую пшаніцу і муку, гаспадар павінны быў сеяць ноччу і абавязкова голы [7, с. 105, 108].

На 21 мая – Аленін дзень – сеялі лён, з-за сугучнасці назваў гэты дзень лічыўся найбольш прыдатным, асабліва ўдалы ўраджай чакалі, калі гэты дзень выпадаў на панядзелак [5, с. 190]. Удалым лічыўся і вечар напярэдадні Юр'ева дня – лён будзе высокі. Сеяць лён трэба было моўчкі [4, с. 94], у чыстым адзенні і не з сявенькі, а з фартуха светлага колеру [7, с. 110]. Для лепшага ўраджая разам з насеннем клалі вараныя яйкі. На полі іх падкідвалі ўгору, каб лён быў высокі і «галавасты», затым яйкі трэба было з'есці абавязкова стоячы [5, с. 190; 7, с. 110].

Грачыху імкнуліся садзіць 12 чэрвеня – у дзень св. Ануфрыя і 13 чэрвеня – на «Акуліну-грачышніцу» [7, с. 207]. Пажадана было сеяць у воблачны дзень і, як у выпадку з ільном, з фартуха, але цёмнага колеру, які адпавядаў спеламу стану культуры [7, с. 108].

Гарох сеялі у той дзень тыдня, у які зімой пайшоў першы снег [5, с. 280]. Умовамі добрага ўраджаю гароха былі паўднёвы вецер і наяўнасць побач з полем дзяцей. Увогуле дзецям не забаранялася лазіць у чужы гарох, галоўная ўмова – есці на месцы і нічога не забіраць з сабой. Чым часцей дзеці наведвалі гароховае поле, тым большы ўраджай з яго чакалі, аднак гэтае правіла не дзейнічала, калі першай трапляла ў гарох дзяўчынка. Калі ж гаспадар спаймаў у сваім гарохе дзяцей і пабіў іх – трэба было чакаць, што ўраджай з'ядуць чэрві [7, с. 109].

Бульбу нельга было саджаць паміж праваслаўным і каталіцкім Юр'ем. Калі, едучы саджаць бульбу, пабачыць сядзячага чалавека, а яшчэ горш накрытага чымсці, як робяць пастухі, то лепш вяртацца дадому [7, с. 126]. Прыкметай добрага ўраджаю лічыліся «грудаватыя» аблокі на небе. Каб бульба не згніла ці не папяклася ў зямлі, забаранялася гатаваць яе на вогнішчы падчас пасадкі [4, с. 66, 68].

Адначасовая апрацоўка глебы на сумежных палях і асабліва сяўба лічыліся непажаданай з'явай, бо яны прыводзілі да змяншэння ўраджайнасці. На Віцебшчыне лічылася, што дрэнны будзе ў абодвух суседзяў, а вось на Гродзеншчыне – што «другасны» ўраджай атрымае той, хто пачне пазней [7, с. 105; 6, с. 73]. У Бельскім павеце лічылася, што без пагрозы страты ўраджая

пачынаць працу на суседнім полі можна толькі праз два дні. У 80-я гады XIX ст. спрэчка аб чарговасці давяла да судовага разбіральніцтва, аднак суд загадаў суседзям замірыцца [6, с. 73]. Існаваў і такі варыянт, што ваш ураджай дастанецца суседу, які яшчэ не пачынаў працы, калі той сустрэне вас, калі вы вяртаецеся з поля, скончыўшы працу [7, с. 106]. Шэраг прыметаў і забабонаў вызначалі, як пазбавіцца негатыўных наступстваў ад гэтага, аднак варыянт заключэння дамоўленасці з суседзямі датычыўся толькі пасеву азімых. Чарга вызначалася наступным чынам: гаспадары варылі яйкі і збіраліся разам, звычайна каля карчмы. Пасля яйкі білі, і той, у каго яйка было без пустаты, атрымліваў права сеяць першым [5, с. 276]. У Бельскім павеце пачынаць палявыя работы павінны былі заможныя гаспадары – тады і ўраджай для ўсёй вёскі будзе багатым, а калі нехта з бедных першым выходзіў у поле, аднавяскоўцы сварыліся і маглі нават пабіць яго [6, с. 73]. Калі чарговасць вызначыць было немагчыма, патрабавалася выкананне наступных правілаў. У выпадку, калі два аратых прыехалі на поле адначасова, трэба было працаваць сінхронна. Сінхронны пасеў мог прынесці карысць абодвум толькі тады, калі сейбіты падчас працы аддаляліся адзін ад аднога [7, с. 104]. Тым не менш некаторыя гаспадары, каб павялічыць ураджай, таемна назіралі за суседам-сейбітам і, калі ён кідаў апошнюю жменю, беглі сеяць [7, с. 106].

Неякасная праца сейбіта – утварэнне пустак на засеяным полі – была прыкметай таго, што ў гаспадарцы хто-небудзь памрэ. Трава, што выраставала на такіх месцах, мела чароўную моц і дапамагала пры пажарах. Яе «смяротны» пачатак дапамагаў «забіць» агонь – абышоўшы будынак, ахоплены агнём тры разы, трэба было кінуць траву ў вогнішча [7, с. 106]. У Слонімскім павеце прадвеснікам смерці блізкіх лічылася дрэннае прарастанне канопель [4, с. 95].

Дагляд за ўраджаем датычыўся абароны ад прыродных з'яў і магічнага ўздзеяння. Найбольш архаічным рытуалам па абароне ад засухі было абворванне вёскі, што ўжывалася таксама на выпадак эпідэмій. Месцамі абворванне ад засухі патрабавала выканання наступных умоў, звязаных з верай у звышнатуральныя магчымасці блізнятаў. Саха, якой рабілі абворванне, павінна была быць зроблена блізнятамі, араты – быць адным з блізнятаў, валы – таксама блізняты [4, с. 196]. Існавалі і больш простыя спосабы, што не патрабавалі калектыўнага ўмяшальніцтва. На Віцебшчыне, каб пазбавіцца ад засухі, раілі павесіць на двары жывую мядзведку. Калі на мясцовых могілках быў пахаваны тапелец, яго імкнуліся залагодзіць, каб ён «вярнуў ваду», і ставілі на магілу пасудзіну з вадой [7, с. 216]. Для абароны палеткаў ад граду і ветру на полі закопвалі рэшткі Вялікодных страў [5, с. 156]. З гэтай жа нагоды на канцах поля забівалі ў зямлю асінавыя калы [4, с. 135]. Разавай дапамогай ад граду ў Беластокскім павеце лічыўся вынас на двор лапаты для хлеба і Вялікоднага абруса [6, с. 64].

Неслі пагрозу ўраджаю таксама ведзьмакі і ведзьмы. Першыя лічыліся больш моцнымі, але другія мелі больш магчымасцей скрасці ўраджай і нанесці шкоду гаспадару. У розных рэгіёнах Беларусі было пашырана павер'е

аб заломах і «абжатых загонах». Залом, ці закруцень, уяўляў сабой загнуты ці звязаны адмысловым чынам пучок калоссяў. Заломы рабіліся для таго, каб нашкодзіць гаспадару, і неслі розныя непрыемнасці – ад хваробы да смерці. Заломы маглі рабіць і ведзьмы, і ведзьмакі. Ведзьмін залом не меў вялікай сілы, вядзьмак мог з лёгкасцю вырваць яго [5, с. 264]. Вырваць залом можна было і святару пасля адмысловай малітвы [4, с. 142]. На словах Е. Раманава, «более развитые хозяева» ліквідавалі заломы самі: спачатку абжыналі месца залома, а потым спальвалі яго [5, с. 264]. А. Багдановіч адзначаў, што калі хтосьці з інтэлігенцыі вырываў залом, каб паказаць яго бясшкоднасць, сяляне казалі, што залом толькі адукаваным не пагражае, бо яны самі чараўнікі [1, с. 170]. «Абжатыя загоны» – некалькі зрэзаных калоссяў, што падчас красавання жыта зразаюць ведзьмакі, ці ведзьмы. Гэта дапамагала ім атрымаць сотую частку ўраджая з абжатага палетка [4, с. 143]. Ведзьмы маглі скрасці ўраджай у Купальскую ноч. Для гэтага яны голыя з распушчанымі валасамі абыходзілі чужыя палі. Каб абараніцца ад іх, у Вілейскім павеце на Купалле дзяўчыны ўтыркалі па вуглах поля галінкі, а ў в. Ляўковічы Быхаўскага павета мужчыны начавалі ў полі [4, с. 135; 5, с. 210].

Лепшымі днямі для пачатку жніва лічыліся аўторак, чацвер, субота. Пачатак жніва ў пятніцу быў гарантыяй таго, што зерне не будуць есці мышы, але вось іншыя якасці будучага ўраджая будуць нізкія. Перад жнівом у хаце мылі лавы, засцілалі абрусам стол. Як і ў выпадку пасадкі бульбы, дрэннай прыкметай лічылася сустрэць каго-небудзь па дарозе на поле, у такім выпадку рэкамендавалася лепш вярнуцца дадому [7, с. 110–111]. Жаць пачыналі левай рукой, тады не будзе балець галава, каб не балела спіна – трэба было падпаясацца каласамі. Негатыўна ацэньвалася і чужое ўмяшальніцтва ў працу. Калі хто пяройдзе загон – жняя парэжацца, калі пераступіць праз серп – будзе рэзаць рукі, пакуль серп не адрамантуюць [7, с. 112, 113].

Для лепшага захоўвання ўраджая збожжа першы воз са снапамі везлі дадому вечарам таго дня тыдня, калі было Дабравешчанне [5, с. 116]. Першы воз з поля перавозілі праз Велікодны абрус, затым абрус вешалі у гумне да таго часу, пакуль не завершыцца абмалот [5, с. 263, 297]. Гэтыя маніпуляцыі павінны былі абараніць ад мышэй. Каб мышы не паелі хлеб, каля гумна забаранялася есці, а падчас пераносу першага снапа – размаўляць [6, с. 66].

Калі палявыя работы былі пераважна мужчынскай справай і ўмяшальніцтва ў яе жанчыны дапушчалася ў крайнім выпадку, то агародніцтва было ўдзелам жанчын. У прыметах, звязаных з ім, мужчыны не ўзгадваюцца. Цікавым фактам з'яўляецца звычай падрыхтоўкі насення. За некалькі дзён да пасадкі насенне розных культур (морквы, агуркоў, капусты, рэдзькі) клалі ў бурак, у якога выймалі сярэдзіну, затыкалі і змяшчалі ў кубел. Тады бурак, расліна якую не ядуць чэрві, перадавала насенню свой «сакрэт» [7, с. 122].

На Піншчыне працы ў агародзе было прысвечана 8 мая – «Доўгі Іван». У гэты дзень саджалі моркву, агуркі, рэдзьку. Пры гэтым жанчыны высока задзіралі спадніцы, каб пасаджанае высока ўзыйшло і хапаліся за калені – каб

выросла такое ж тоўстае і круглае [2, с. 179]. У Гродзенскай губерні імкнуліся садзіць моркву ў абутку, інакш стрыжань будзе мець некалькі частак (як пальцы на назе). Каб цыбуля была горкая, яе садзілі ў постныя дні – сераду і пятніцу, каб салодкая – у іншыя [4, с. 96]. А вось на Віцебшчыне горкі смак цыбулі прыпісвалі кепскаму настрою гаспадыні [7, с. 123]. Агуркі трэба было садзіць у дзень, калі на небе былі аблокі, тады і агуркі будуць кучамі ляжаць на градзе [4, с. 96]. На Віцебшчыне лічылася, што лепшы час для пасадкі – калі статак выганяць у поле, а ў Рагачоўскім павеце – вечарам [7, с. 124; 5, с. 299]. Калі агуркі пачыналі квітнець, на граду кідалі стары лапаць ці яшчэ што-небудзь плеценае, лічылася, што тады агуркі будуць лепш плесціся. Для паляпшэння ўраджаю трэба знасці зросшыўся агурок, замачыць яго вадой і выкарыстоўваць гэтую ваду для паліванняў [5, с. 297].

Значная колькасць прыметаў была звязана з капустай. На Краснапольшчыне жанчыны, калі садзілі капусту, апраналі ірваную кашулю і зачэсвалі галавы, каб капуста была ліставая і цвёрдая. У Слонімскім павеце, каб капуста ўрадзілася, клалі на граду бохан хлеба [4, с. 95]. На Віцебшчыне падчас пасадкі капусты рукі вымазвалі свянцоным салам, каб чэрві не елі. Калі саджалі першае каліва, трэба было ўзяцца за галаву, каб капуста ўрадзілася. Каб капуста не выросла зморшчанай, забаранялася смяяцца [7, с. 125]. Для абароны капусты ад чарвей дзяўчыны раскідвалі над градой рэшткі русальнага вянка, у якім адзначалі Русальны тыдзень. З гэтай жа нагоды ў граду забівалі драўляны калок [5, с. 207, 298].

Прыметы і забабоны рэламентавалі ўвесь спектр земляробчых работ і з'яўляліся вынікам сваеасаблівага спалучэння язычніцкага і хрысціянскага светапогляду. Яны вызначалі тэрмін працы і яе чарговасць, умовы атрымання добрага ўраджаю і адлюстроўвалі традыцыйныя народныя сельскагаспадарчыя веды. Самі па сабе прыметы шкоды гаспадарцы не неслі, аднак іх непахіснае выкананне і вера ў розныя забабоны абмяжоўвалі давер да навуковых ведаў і новых тэхналогій, што ўжо мела канкрэтныя матэрыяльныя наступствы. Разам з гэтым, пераважная большасць прыметаў і забабонаў ужо ў пачатку XX ст. успрымалася насельніцтвам, асабліва моладдзю, калі не як архаізм, то як простая рэкамендацыя да дзеяння.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Богданович, А, Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белоруссов: этнографический очерк / А. Е. Богданович. – [Репринтное изд.]. – Минск: Беларусь, 1995. – [3], III, 186 с.

2. *Булгаковский, Д. Г.* Пинчуки. Этнографический сборник: песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь / Д. Г. Булгаковский // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. – Т. XIII. – Вып. 3. – СПб., 1890. – 200 с.

3. *Косич, М. Н.* Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни / М. Н. Косич. – СПб.: тип. кн. В. П. Мещерского, 1902. – [2], 128, 23 с.; 25.

4. *Крачковский, Ю. Ф.* Быт западнорусского селянина / Ю. Ф. Крачковский. – М.: Университетская типография. – 1874. – 212 с.

5. *Романов, Е. Р.* Быт белорусса. Словарь условных языков // Белорусский сборник. Выпуски восьмой и девятый. – Вильна: Типография А. Г. Сыркина, 1912. – 600, 126 с.

6. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Выпуск 1. По поручению Виленского учебного округа редактировал Е. Романов. Издание Управления Виленского учебного округа. – Вильно, 1911. – 238 с.

7. *Никифоровский, Н. Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах местах ... Витебской Белоруссии. – Витебск: Губернская Типолитография, 1897. – 307 с.

8. *Янчук, Н. А.* По Минской губернии, заметки из поездки в 1886 г. / Н. А. Янчук // Труды этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Кн. IX. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. – Вып. 1. – 1889. – С. 57–112.

9. Белорусское Полесье // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном экономическом и бытовом значении / под ред. П. П. Семенова. – СПб. – М., 1882. – Т. 3. – Ч. 2. – 490 с.

(Дата поступления: 15.06.2023).

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ «“ДОЛГИЙ XIX ВЕК” В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»

Язык изложения материала публикации – русский или белорусский, текст должен соответствовать критериям научности, правилам грамматики и орфографии.

Объем статьи – до 40 000 знаков, текстовый редактор – Microsoft Word.

Статья должна включать следующие элементы:

- обязательно код УДК;
- название статьи на русском (белорусском) и английском языках;
- фамилия, имя и отчество автора полностью на русском (белорусском) и английском языках;
- место работы (название организации в соответствии с уставными документами) и должность на русском (белорусском) и английском языках;
- аннотация до 1000 знаков на русском (белорусском) и английском языках;
- ключевые слова на русском (белорусском) и английском языках, отделяются друг от друга точкой с запятой;
- список использованных источников, порядковые номера ссылок на источники в тексте приводятся внутри квадратных скобок [1, с. 23; 2, л. 10]. Список источников дублируется в транслитерации;
- дата поступления статьи в редакцию, подпись автора.

Текст статьи подается на бумажном или электронном носителе. Электронный вариант подается в формате xxxxxx.doc (название файла – фамилия автора).

Подача статьи рассматривается как согласие автора на ее размещение в электронных библиотеках. Автор заключает лицензионный договор с РИВШ на право использования научного произведения в данном сборнике.

Для аспирантов (doctoral candidate) обязательна рецензия научного руководителя или рекомендация кафедры.

Авторы несут ответственность за содержание предоставленных в статьях материалов, гарантируют, что они публикуются впервые и являются оригинальными.

Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, с многочисленными орфографическими, грамматическими ошибками могут быть отклонены на любом этапе формирования сборника. Рукописи, не прошедшие рецензирование, не возвращаются и не обсуждаются.

Статью подавать лично по адресу: г. Минск, ул. Московская, 15, к. 729 либо на e-mail: LongXIXcnt@mail.ru.

Содержание

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, КОНФЛИКТЫ 3

Синова И. В. Источники по истории детства XIX века и их репрезентативность (на материалах Санкт-Петербурга) 3

Вабішчэвіч А. М. Давыд-Гарадоцкая ардынацыя Радзівілаў у 1830–1875 гг. 12

Алексашина Г. В. Численность и состав занятого самодеятельного населения в городах Минской губернии в конце XIX в. (по материалам Переписи 1897 г.) 21

Бодрыкаў Я. А. Дзяржаўная палітыка і дабрачынная дапамога ў арганізацыі навучання дзяцей бежанцаў і мабілізаваных на ваенную службу чыноў на тэрыторыі беларускіх губерняў (жнівень 1914 – сакавік 1917 гг.) 41

Сидорова С. О. Почтово-телеграфные сберегательные кассы на территории Беларуси в конце XIX – начале XX вв. 50

Сакольчык А. Э. Крадзяжы ў гарадской прасторы беларуска-літоўскіх губерняў другой паловы XIX ст. 58

Анофранка Н. В. Забойства нованароджаных немаўлят у беларуска-літоўскіх губернях у канцы XVIII – першай палове XIX ст.: прававыя аспекты 68

Кімбар К. Р. Дзейнасць дваранскай апекі ў беларуска-літоўскіх губернях у першай палове XIX ст. (на прыкладзе малалетніх сірот Лускіных) 78

Хотеев А. С. Социально-экономическое противостояние «польского» и «русского» землевладения в белорусских губерниях в конце XVIII – начале XX века 86

Середа А. С. Экономическая основа деятельности института мировых посредников 101

Иванов А. М. Еврейское население в городе Вязьма Смоленской области на рубеже XIX–XX в. 109

Маскевіч Г. І. Маёмасная іерархія сялянства Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. праз прызму традыцыйнай сямейнай абраднасці і вясковага побыту 113

Рындин С. Н. Использование труда иностранцев на территории белорусских губерний в годы Первой мировой войны 119

Полетаева Н. И. Витебская товарная биржа в 1920-е годы 127

Моторова Н. С. Социальные протесты в Витебской губернии в 1891 г. 138

Воронич Т. В. Нарушения устава о питейном сборе в городах Беларуси в последней трети XIX – начале XX века 147

РАЗДЕЛ 3: КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ, ИДЕИ И ЛИЧНОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ 155

Новик Н. Е. Начальное образование в Беларуси на рубеже XIX–XX вв. в свете общественного мнения и государственной политики 155

Острога В. М. Образ учителя Беларуси в общественном сознании (вторая половина XIX – начало XX вв.) 164

Восович С. М. Трансформация издательской деятельности Витебского Свято-Владимирского братства в конце XIX – начале XX века 172

Самусік А. Ф. Развіццё адукацыі на тэрыторыі Беларусі ў XVI – трэцяй чвэрці XVIII ст. у дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі 178

Ирха Е. М. П. Н. Жукович о некоторых проблемах гражданской истории северо-западного региона Российской империи 187

Воднева Е. В. Тематика публикаций Ф. В. Булгарина в газете «Северная пчела» (1825–1859 гг.) 196

Вашко О. А. Модель философского образования в университетах российской империи XIX в. 206

Ершова О. И. Виленский учебный округ на пути к всеобучу (1906–1916) 217

Зянько А. Л. Арганізацыя экскурсій у навучальных установах Віленскай навучальнай акругі 226

Бусько С. И. Шахматы и шахматисты в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX в. 235

Ильин Ф. С. Новые сведения о пребывании виртуоза деревянно-соломенного инструмента (четырехрядного ксилофона) М.-И. Гузикова в Ахене 248

Шевченко К. В., Казак О. Г. Новейшие исследования истории становления белорусского языка: рецензия на книгу «“Родное слово”. Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования середины XIX – середины XX в.)» (Москва, Санкт-Петербург, 2021) 259

Лішай Д. У. Дзвінскае музычнае таварыства «Лютня» ў 1906–1914 гг.: структура і дзейнасць 268

Черкасов Д. Н. Становление медиевистики в Российской империи в XIX – начале XX в. (Французское средневековье) 279

Мікалаева Л. В. Аналіз Крэўскага акта ў гістарычных працах польскіх даследчыкаў XIX – 30-х гг. XX ст. 285

Клімовіч Г. І. Да пытання аб асноўных крыніцах філасофскай традыцыі Полацкай езуіцкай акадэміі 293

Крепский Ю. Г. Народные училища на территории Беларуси в 1780-е – 1830-е гг. 302

Мяньчэня С. В. Земляробчыя прыметы і забабоны беларускай вёскі другой паловы XIX – пачатку XX ст. 311

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ 319

CONTENT

SECTION 2. SOCIAL PROCESSES IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN EMPIRE: EVERYDAY LIFE, CONFLICTS 3

Sinova I. V. Sources on the history of childhood of the 19th century and their representativeness (based on the materials of St. Petersburg) 3

Vabishchevich A. M. The David-Haradok ordination of the radzivils in 1830–1875 12

Alexashina G. V. The number and composition of the employed amateur population in the cities of the Minsk province at the end of the 19th century (based on the 1897 census) 21

Bodrykau Y. A. State policy and charitable assistance in the organization of education for children of refugees and ranks mobilized for military service in the territory of Belarusian provinces (august 1914 – march 1917) 41

Sidorova S. O. Postal and telegraph savings banks on the territory of Belarus in the late 19th – early 20th centuries 50

Sakolchyk A. E. Thefts in the urban space of the Belarusian-Lithuanian provinces of the second half of the 19th century 58

Anofranka N. V. The murdering of newborn babies in the Belarusian-Lithuanian provinces at the end of the 18th – the first half of the 19th century: legal aspects 68

Kimbar. K. R. The activities of the noble guardianship in the Belarusian-Lithuanian governorates in the first half of the 19th century (on the example of the juvenile orphans of the Luskin family) 78

Khoteev A. S. Social and economic confrontation of «Polish» and «Russian» landownership in Belorussian provinces in the late 18th – early 20th century 86

Sereda A. S. The economic basis of the activity of the institute of social mediators 101

Ivanov A. M. The jewish population in the city of Vyazma, Smolensk region at the turn of the 19th – 20th centuries 109

Maskevich A. I. The property hierarchy of the peasantry of belarus in the second half of the 19th – early 20th century through the prism of traditional family rituals and village life 113

Ryndin S. N. The use of foreign labor on the territorry of Belarus during the World War I 119

Poletaeva N. I. Vitebsk commodity exchange in the 1920s 127

Motorova N. S. Social protests in the Vitebsk province in 1891 138

Voronich T. V. Violations of the charter on drinking fees in the cities of Belarus in the last third of the 19th – beginning of the 20th century 147

РАЗДЕЛ 3: КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ, ИДЕИ И ЛИЧНОСТИ В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ИМПЕРИИ 155

Novik N. E. Primary education in Belarus at the turn of the 19th – 20th centuries in the light of public opinion and government policy 155

Ostroga V. M. The image of a teacher in Belarus in the public consciousness (second half of the 19th – beginning of the 20th centuries) 164

Vosovich S. M. Transformation of the publishing activity of the Vitebsk st. Vladimir brotherhood in the late 19th – early 20th century 172

Samusik A. F. The development of education on the territory of Belarus in the 16th – the third quarter of the 18th centuries in prerevolutionary historiography 178

Irkha E. M. P. N. Zhukovich on some problems of the civil history of the north-western region of the Russian empire 187

Vodneva E. V. The thema of publications by F. V. Bulgarin in newspaper «Severnaya pchela» (1825–1859) 196

Vashko O. A. The model of the philosophical education at the universities of the Russian empire in the 19th century 206

Ershova O. I. Vilnius training district on the way to the general education (1906–1916) 217

Zianko A. L. Regarding the organization of excursions in educational institutions of the Vilnius Educational District 226

Busko S. I. Chess and chess players in Belarusian provinces in the second half of the 19th – beginning of the 20th centuries 235

Ilyin F. S. The new details of the stay of Michael J. Guzikow, the wood-and-straw instrument (four-row xylophone) virtuoso, in Aachen 248

Shevchenko K. V., Kazak O. G. The latest research on the history of the formation of the Belarusian language: a review of the book «"native word"». Belarusian and Ukrainian languages at school (essays on the history of mass education in the middle of the 19th – the middle of the 20th century) (Moscow, St. Petersburg, 2021) 259

Lishai D. V. Dvinsk music society «Lutnia» in 1906–1914: structure and activity 268

Cherkasov D. N. Formation of medieval studies in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries (French middle ages) 279

Mikalayeva L. V. Analysis of the act of Krevo in the historical works of Polish researchers 19th – 30s of the 20th century 285

Klimovich A. I. To the question of the main sources of the philosophical tradition of the Polotsk Jesuit Academy 293

Krepsky Y. G. Public schools on the territory of Belarus in the 1780s – 1830s 302

Mianchenya S. V. Agricultural omens and superstitions of the Belarusian village of the second half of the 19th – beginning of the 20th century 311

ARTICLE REQUIREMENTS 319

Научное издание

«ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 7

В 2 частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*
Корректор *И. М. Подоматько*
Компьютерная верстка *Я. И. Былинович*

На обложке: Леон Бакст (1866, Гродно – 1924, Рюэй-Мармезон, Франция). Эскиз костюма к балету «Шехерезада» (музыка Н. А. Римского-Корсакова, постановка М. М. Фокина). Париж, 1910 г.

Подписано в печать 15.11.2023. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 18,9. Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 100 экз. Заказ 102.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.